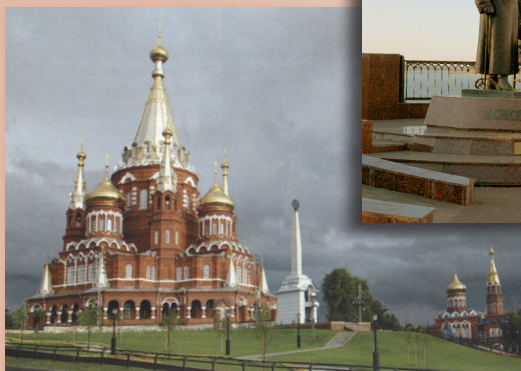

Материалы Всероссийской
научной конференции,
посвященной 250-летию г. Ижевска

Российский ГОРОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики
Администрация г. Ижевска
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

РОССИЙСКИЙ ГОРОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

*материалы Всероссийской научной
конференции, посвященной 250-летию
г. Ижевска
(Ижевск, 25–26 сентября 2010 г.)*

УДК 94(470.51)(063)
ББК 63.3(2Рос.Удм)я431
Р 764

Отв. ред. и сост.:
А.Е. Загребин и В.В. Пузанов

Рецензенты:
д.и.н., проф. *А.В. Сперанский*
(Институт истории и археологии УрО РАН),
д.и.н., проф. *Ю.В. Кривошеев*
(ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»)

Редакционная коллегия:
Н.В. Тойкина, А.С. Прозоров, М.Ю. Малышев, Н.И. Леонов,
Н.Ю. Старкова, Н.Г. Шишкина, Г.А. Никитина, М.Г. Иванова

Р 764 Российский город в исторической ретроспективе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию г. Ижевска (Ижевск, 25–26 сентября 2010 г.): Сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН–УдГУ. – Ижевск, 2010. – 408 с.

ISBN

Сборник составлен на основе материалов Всероссийской научно-практической конференции «Ижевск: российский город в исторической ретроспективе», посвященной 250-летию г. Ижевска. В издание включены также впечатления и воспоминания иностранных гостей о столице Удмуртии, публикации источников по истории Ижевска.

Для научных сотрудников, преподавателей вузов и общеобразовательных учреждений, студентов, школьников, всех интересующихся историей Ижевска и российских городов.

ISBN

© Комитет по делам архивов при Правительстве УР, 2010
© Администрация г. Ижевска, 2010
© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010
© ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2010

ДОКЛАД ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ Г. ИЖЕВСК ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА БАЛАКИНА

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать вас на сегодняшней конференции.

Для Ижевска событие подобного масштаба нельзя назвать рядовым. До недавнего времени столица Удмуртии была закрытым для исследований городом – его основу составляют предприятия оборонного комплекса. И поэтому сегодня вдвойне приятно, что история нашего города интересна не только нам, ижевчанам, но и ученым из других регионов России.

Ижевск – уникальный город: здесь работают передовые промышленные производства, но здания заводов удачно сочетаются с прекрасными памятниками архитектуры; издавна здесь жили люди мастеровые, но они всегда отличались достаточно высоким уровнем образованности и культуры; он населен разными народами, но здесь никогда не было межнациональных распрей. И самое главное: в свои 250 лет (а для города это еще довольно юный возраст) он прославился и хорошо известен не только в России, но и во всем мире.

Датой основания Ижевска считается 1760 год.

Он образовался сначала как небольшой рабочий поселок при железодельном заводе. Основателями завода были деятель времен русской императрицы Елизаветы граф Петр Иванович Шувалов и горный инженер Алексей Степанович Москвин. Одновременно с производственными корпусами, плотной строились жилые дома для рабочих. Так возник поселок, названный впоследствии Ижевским заводом.

Но уже через год после основания завода в этой местности вспыхнули крестьянские волнения. Завод простаивал, в 1774 г. он был захвачен повстан-

цами армии Е. Пугачева, а затем переживал годы застоя и упадка. Не развивался и поселок.

Второе рождение Ижевска состоялось в 1807 г., когда под руководством инженера Андрея Федоровича Дерябина здесь был построен оружейный завод.

С этого времени индустрию Ижевска определяла оборонная специализация. За сравнительно короткое время на заводе было налажено ружейное производство – слава и гордость будущего города. На заводе изготавливали сталь, холодное оружие, охотничьи ружья.

Изделия оружейников и металлургов уже в 50-х гг. XIX в. приобрели всемирную известность. На Парижской выставке в 1867 г. они получили серебряную медаль, спустя двадцать лет в Екатеринбурге – Большую золотую медаль и в 1889 г. в Париже – золотую медаль.

Стремительное развитие производства привело к тому, что по количеству жителей село Ижево, как тогда назывался Ижевск, превосходило соседние города (такие как Пермь, Новгород, Уфа).

Многие годы, не имея даже статуса города, Ижевск фактически был крупнейшим промышленным центром всего края. Уже тогда город имел две гимназии, театр, библиотеку, типографию, «Школу хорового пения и оркестровой музыки», телеграф, электростанцию, кинематограф.

Революционные события начала XX в. круто изменили политическую жизнь страны и города. 21 февраля 1918 г. решением Ижевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поселок Ижевский завод был преобразован в город. В ноябре 1920 г. коренное население здешних мест – удмурты – обрело свою автономию, позже преобразованную в Удмуртскую Республику. А 10 июня 1921 г. Ижевск стал центром Удмуртии. Именно эта дата сегодня считается официальным днем рождения города Ижевска.

В годы Великой Отечественной войны ижевчане превосходили интенсивностью своего труда все оружейные центры мира. Всего с берегов Ижа вывезли прямо в бой 12,5 млн. единиц оружия.

Ежедневно на фронт приходили эшелоны с меткими и неприхотливыми в обращении винтовками и пулеметами, которыми можно было оснастить сразу две дивизии. Именно тогда в городе были основаны другие заводы, которые своей работой укрепили промышленный потенциал Ижевска.

Летопись послевоенного Ижевска – это хроника постоянного освоения все новых производств, но их первоосновой оставалась высокая оружейная культура ижевских «рябинников» и «кафтанщиков». После Великой Отечественной войны в городе наладили производство легендарного автомата Калашникова.

Сейчас мы с большой гордостью говорим о том весомом вкладе, который внес город в социально-экономическое развитие Удмуртии и России. Мы прославились оружием, сталью, станками, автомобилями. В нашей стране до

настоящего времени Ижевск знали, скорее, как типичный город-завод, город тружеников.

Он и сегодня остается промышленным центром Поволжья, но меняется с каждым днем, становится еще и перспективной столицей республики, красивым и комфортным для жизни городом.

Политические, экономические, социальные преобразования последних лет в столице Удмуртии, инициативы Президента Удмуртской Республики Александра Александровича Волкова заметно улучшили облик Ижевска, придали недостающую ему столичность, сделали жизнь ижевчан более удобной, стабильной, насыщенной культурными и спортивными событиями. У горожан появилась возможность реализовать себя не только в профессии, но и в творчестве, спорте, интересно и с пользой отдохнуть.

Благодаря объединению возможностей республики и города Ижевск развивается, хорошеет. Несмотря на кризис, работают производства, развивается предпринимательство. Крепнут деловые связи с регионами России и зарубежными странами. Стабильными темпами идет строительство жилья. Открываются детские сады, больницы, торгово-развлекательные, спортивные комплексы. Увеличивается рождаемость.

За годы этой работы появились прекрасные места для семейного отдыха, такие как Центральная площадь, сквер у Вечного огня, зоологический парк, цирк, Площадь оружейников, набережная Ижевского пруда и многие другие.

2010 год знаковый для Ижевска – это год празднования 250-летия города. Подготовка началась несколько лет назад. Велись активные работы по благоустройству, обновлению фасадов, подсветке зданий. Проводились традиционные спортивные и культурные мероприятия, приуроченные к этой дате.

Большое внимание уделялось исторической составляющей празднований, потому что история Ижевска, действительно, уникальна, и ее должен знать и уважать каждый. Почти все ключевые мероприятия – театрализованное представление на стадионе «Ижевск во славу Удмуртии и России», шествие – строились именно на исторической основе. С историей Ижевска связан и талисман 250-летия – мальчик, Ижик, в мастеровом кафтане своего деда. Он – олицетворение того, что в городе сложились самобытные, крепкие трудовые традиции. И, что тоже очень важно, эти традиции живы и передаются из поколения в поколение.

Еще одно не менее ответственное и важное событие 2010 г. – выборы в Городскую думу Ижевска. В этом году они пройдут по смешанной системе, то есть избиратели получают не один, как было раньше, а два бюллетеня. И смогут отдать свои голоса как за достойного кандидата, так и за партию, которую бы хотели видеть в думе.

В одном из своих выступлений Председатель Правительства РФ В.В. Путин отметил: «В условиях, в которых мы находимся, самое неверное было бы, как у нас говорят в народе, – суетиться и начать обещать все подряд. Такой период в нашей стране уже был в начале 90-х годов. Обещали все, не делали почти ничего. «Единая Россия» за последние годы мне достаточно уверенно и стабильно помогала в создании условий для развития страны».

Благодаря усилиям всех уровней власти Ижевск действительно очень существенно продвинулся в своем развитии. Об этом свидетельствуют экономические, социальные показатели: рост объемов производства, улучшение финансовых результатов деятельности предприятий, повышение заработной платы, увеличение рождаемости и положительный прирост населения, снижение безработицы.

Реализуются программы и проекты, которые не только сегодня улучшают положение в городе, но и составят основу его развития в будущем.

В сфере строительства – это реализация муниципальной программы «Жилище», программы Президента УР «Обеспечение жильем молодых семей». Благодаря этим мерам за последние пять лет введено более 975 тыс. кв. м жилья, а к концу 2010 г. около 2 тыс. ижевских семей приобретут квартиры на льготных условиях.

В сфере жилищно-коммунального хозяйства – восстановление и строительство сетей коммунальной инфраструктуры, установка общедомовых приборов учета тепла, работа по капитальному ремонту многоквартирных домов, благодаря которой к концу 2010 г. будет капитально отремонтировано 456 многоквартирных домов, а условия проживания улучшат более 100 тыс. горожан.

В сфере благоустройства в рамках программы «Новые дороги городов России» – ремонт более 600 объектов: магистралей, межквартальных проездов, тротуаров, подъездов к учреждениям социальной сферы.

В сфере здравоохранения в рамках проекта «Качество жизни» – ремонт и оснащение муниципальных больниц на сумму более 1 млрд. рублей.

Это программы, в которых город уже участвует. Обязательно будут новые, в которых Ижевск тоже сможет принять участие с подачи депутатов думы. Поэтому я призываю научную элиту нашего города ответственно отнестись к выбору, потому что от него будет зависеть работоспособность, сплоченность и эффективность депутатского корпуса, то, насколько активно депутаты будут отстаивать интересы ижевчан, и с какой самоотдачей они будут работать на благо столицы Удмуртии и его жителей.

Благодарю всех за внимание и желаю плодотворной работы на конференции.

ПРИВЕТСТВИЕ
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ Г. ИЖЕВСКА
АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА ПРОЗОРОВА

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать вас на Всероссийской научно-практической конференции «Ижевск: российский город в исторической перспективе».

В своем докладе Глава города В.В. Балакин озвучил основные вехи развития Ижевска от заводского поселка до столицы республики. Это долгий и славный путь, который прошли многие поколения ижевчан. Мы гордимся своим городом и уважаем свою историю, но сегодня мне бы хотелось остановиться подробнее на современном этапе развития Ижевска.

В настоящее время мы уделяем большое внимание не только развитию экономики, промышленности, предпринимательства, — для нас важно обеспечить социальную стабильность. В связи с этим значительно выросли социальные расходы бюджета города. Средства направляются на развитие здравоохранения, образования, социальную поддержку населения. Социальная работа стала приоритетной в деятельности администрации города.

Мерами социальной поддержки ежегодно пользуются 1,5 тыс. многодетных малоимущих семей. Важнейшим направлением в нашей работе стала забота о детях, оставшихся без попечения родителей. Оказывается серьезная поддержка семьям, принимающим на воспитание детей. Создан «Центр по развитию семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Основной формой устройства детей в семьи являются опека и попечительство, успешно развиваются такие формы устройства, как усыновление и приемная семья.

Ежегодно более 50 тыс. пенсионеров и инвалидов города Ижевска получают услуги в муниципальных центрах социального обслуживания. Для повышения качества оказываемых услуг открыты новые отделения в центрах социального обслуживания, в том числе отделения социально-медицинского обслуживания на дому, что очень важно для морально-психологической поддержки пенсионеров.

Впервые открылись двери отделения реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями. Забота о лицах с ограниченными возможностями – важнейшее направление социальной работы. Поэтому создаются условия для беспрепятственного доступа инвалидов к социально-значимым объектам. В Ижевске 120 объектов оборудованы пандусами. Курсируют троллейбусы и автобусы со специальной низкой платформой. Часть светофоров оборудованы звуковыми маячками. Работа по созданию доступной среды для людей с ограниченными возможностями продолжается.

Реализуются программы и проекты партии «Единая Россия», направленные на социальную поддержку населения. Появляются первые результаты этой работы, что положительно сказывается на имидже муниципальной власти.

В рамках Ведомственной целевой программы дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда, в Ижевске организовано профессиональное обучение и временное трудоустройство для работников, находящихся под угрозой увольнения; общественные работы для безработных и граждан, ищущих работу; стажировка для выпускников профессиональных учебных заведений, мероприятия, направленные на развитие предпринимательской инициативы.

Мероприятия Программы позволили стабилизировать ситуацию на рынке труда – в 2009 г. 7 тыс. человек в Ижевске были вновь обеспечены работой, в 2010 г. – около 7 тыс. человек.

Будущее Ижевска – это его счастливые дети. За 3 года реализации Программы Президента Удмуртской Республики по увеличению мест в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях дополнительно введено 2602 места в детских садах. Это позволило сократить очередь на получение путевок более чем в 2 раза. Увеличилось на 10 % по сравнению с уровнем 2005 г. число детей, посещающих муниципальные дошкольные образовательные учреждения. В 2009 г. в дошкольных образовательных учреждениях дополнительно введено 500 мест. До конца 2010 г. увеличение составит на 400 мест. В 2011 г. планируется увеличить на 1500 мест.

Отмечу также, что Ижевск – единственный российский город, который принимает участие в проекте Совета Европы «Межкультурные города» и достойно представляет нашу многонациональную культуру в европейском пространстве.

У столицы Удмуртии замечательная история и огромный потенциал развития, который, я уверен, будет реализован в ближайшем будущем.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИЖЕВСКА

«...НА РЕКЕ ИЖУ... ЗАВОД ПОСТРОИТЬ ДОЗВОЛИТЬ...»: ИСТОРИЯ ИЖЕВСКА В ДОКУМЕНТАХ АРХИВНОГО ФОНДА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Н.В. Тойкина (г. Ижевск)

Город – это сложный, живой, динамичный организм. Его облик, быт и традиции, его нравы складываются не в один день. Они во многом предопределены самой историей города, его прошлым, его ролью в жизни страны. Реконструкция истории города невозможна без широкого использования документальных источников.

Архивный фонд Удмуртской Республики включает в себя значительный массив документов по истории Ижевска XVIII–XXI вв. Основная его часть содержится в крупнейших архивохранилищах Удмуртии – Центральном государственном архиве Удмуртской Республики и Центре документации новейшей истории Удмуртской Республики, в Управлении по делам архивов Администрации МО «Город Ижевск», в Управлении по делам архивов Администрации МО «Город Сарапул». Здесь сложился уникальный комплекс документов, образовавшихся в процессе исторического развития завода-селения-города.

Ранняя история Ижевска неразрывно связана с историей его заводов – железоделательного и оружейного. «...на реке Ижу... завод построить дозволить...» – гласил указ Берг-коллегии в Казанское горное начальство 9 декабря 1759 г.¹ Это одно из первых документальных свидетельств о рождении города. Именно основание 10 апреля 1760 г. железоделательного завода дало начало Ижевску. Несмотря на то, что в государственных архивах Удмуртии не отложились подлинные документы этого периода, Архивный фонд УР располагает копиями документов РГАДА из фондов Берг-коллегии (Ф. 271) и Правительству-

ющего Сената (Ф. 248), РГИА из фондов Штаба корпуса горных инженеров (Ф. 44) и Департамента народного просвещения (Ф. 733), которые раскрывают историю основания Ижевска и начального этапа его развития. Внимания исследователей, без сомнения, заслуживают документы: указ императрицы Елизаветы Петровны о мерах по усмирению приписных к заводам графа П.И. Шувалова крестьян, отказывавшихся исполнять заводские работы (1761 г.), жалоба генерал-майора А.И. Тевкелева, владельца крепостной вотчины по р. Иж, на незаконное занятие его земель под строительство завода (1764 г.) и решение Правительствующего сената по этому вопросу (1765 г.), ведомость берггешворена А. Москвина о ходе строительства завода (1764 г.) и др.

Факт рождения Ижевска как горнозаводского центра и роль Ижевского завода как градообразующего предприятия надолго определили особенности формирования среды обитания, социальных групп населения Ижевска, их культуры и менталитета. Заводу принадлежал не только комплекс хозяйственных построек, но и земельные угодья, лесные массивы, усадьбы заводских рабочих, административные и культовые здания, образовательные, благотворительные и медицинские учреждения и селения приписных крестьян, что обусловило использование как в качестве официального, так и неофициального названия для образовавшегося населенного пункта понятий «завод», «заводское селение», «заводской поселок».

Не удивительно поэтому, что одним из самых значительных по составу и объему документов, наиболее информативных для изучения истории Ижевска XVIII – начала XX вв. является фонд ЦГА УР «Ижевские оружейный и сталелитейный заводы» (Ф. 4). Документы фонда, а всего в нем более 6 тысяч единиц хранения за 1781–1917 гг., отражают постройку, расширение и переоборудование оружейного и сталелитейного заводов; структуру, организацию и совершенствование выделки оружия, выплавки стали, изготовления железа, экономическое положение рабочих, условия труда на заводах, общественное и бытовое устройство. В фонде имеются законодательные акты, приказы начальника заводов, сметы, чертежи, расчеты по строительству, расширению и ремонту заводских зданий и государственных сооружений, установке оборудования; документы об изготовлении винтовок, охотничьих ружей, металлов и инструментов; материалы об участии Ижевских заводов на международных и всероссийских выставках; отчеты о количестве жителей и их экономическом состоянии; о числе домохозяйств, больниц, торговых и учебных заведений; документы о протестных выступлениях ижевских рабочих и др. Они содержат сведения о географическом положении, общественном устройстве, населении, главных занятиях и вероисповедании жителей, положении заводских и неприменных работников и т.д.

Очень сложно охарактеризовать весь объем этих документов, остановимся лишь на некоторых из них.

В 1800 г. императором Павлом I «повелено было завести на Каме оружейный завод для приготовления 100 тыс. штук холодного и огнестрельного оружия». В заключении, представленном в министерство финансов, горный начальник Гороблагодатских, Пермских, Камских и Богословских заводов оберберггауптман 4-го класса А.Ф. Дерябин убедительно обосновал преимущество создания оружейного завода при железоделательном заводе².

Открытие 10 июня 1807 г. Ижевской оружейной конторы знаменовало второе рождение Ижевска. В год основания оружейного производства ижевскими мастерами было изготовлено 7 пехотных ружей, 5 пистолетов и 6 тесаков, но стремительное развитие завода позволило ему в дальнейшем занять лидирующие позиции и по масштабам, и по разнообразию производимого вооружения. Признанием высокого мастерства ижевских оружейников стало награждение по личному указу императора особо отличившихся мастеров зелеными кафтанами. Эскиз мастерского кафтана внесен в Государственный реестр уникальных документов АФ УР³.

Значительным событием в истории Ижевска стало празднование в 1907 г. 100-летия оружейного завода⁴. К юбилею «для выдачи бесплатно рабочим» в частной типографии В.С. Кучина было отпечатано 9000 экземпляров брошюры «В память столетнего юбилея основания Ижевского завода. 1807 г. 10 июня – 1907 г. 10 июня». Фактически, это первое описание Ижевска, составленное А.М. Соловьевым по архивным источникам.

Документы фонда представляют интерес не только для изучения заводской истории, они также позволяют характеризовать проблемы социального развития Ижевска – культуры, образования, здравоохранения, быта горожан. Фонд содержит документы о строительстве и функционировании церквей, заводского лазарета, земской больницы, телеграфа, мельниц, водопровода, школ, развитии пожарного дела, организации и работе библиотек, об эпидемических заболеваниях населения и т.д.

Например, высокой степенью информативности выделяются такие документы, как донесения полковника И.М. Бакунина о материальном положении мастеровых, состоянии заводского госпиталя, хлебных магазинов, школ Ижевского завода (1834 г.), ведомости правления оружейного завода о числе жителей заводского селения за 1834–1843 гг. (17 августа 1844 г.), о числе дворян, почетных граждан среди служащих завода (31 декабря 1855 г.), рапорт старшего врача приемного покоя оружейного завода И.И. Андржеевского о санитарной обстановке в заводском селении (4 сентября 1872 г.)⁵ и др.

Формирование структуры и состава, своеобразия местного населения началось с того момента, когда на строительство нового промышленного центра были собраны уральские мастеровые, рекруты-крестьяне из Вятской, Пермской, Казан-

ской и других губерний России. Постепенно складывался своеобразный тип ижевского обывателя. Документы свидетельствуют, что большинство жителей Ижевска в XIX в. были представлены людьми заводского ведомства. По данным ежегодных отчетов ижевской полиции по отношению к общей массе населения мужского пола они составляли в среднем 78,8 %. Вот, например, кто населял Ижевск в 1850 г.: военные и гражданские чиновники (63 чел.), духовенство (22 чел.), канцелярские служители, унтер-офицеры, писари (83 чел.), иностранные мастера (2 чел.), мастеровые, оружейники, ученики, нижние заводские чины и др. (9415 чел.), жители, не принадлежащие к заводу – купцы, мещане, крестьяне и прочие (361)⁶.

Становление Ижевска велось на принципах регулярного градостроительства, что подразумевало регламентацию застройки не только промышленного центра, но и жилой зоны. Планы фасадов жилых домов мастеровых, иностранных мастеров, священников, сохранившиеся в фонде, позволяют создать более полное представление о своеобразии внешнего вида заводского поселения⁷. Украшением города стали его соборы и церкви, построенные, в том числе, и на пожертвования ижевских рабочих.

Фонд «Ижевских оружейного и сталелитейного заводов» ЦГА УР – не единственный источник информации по истории Ижевска. Процесс становления и развития системы образования отражают фонды Ижевских оружейной (Ф. 274), ремесленной (Ф. 271) школ, женской гимназии (Ф. 8).

Документы фондов Ижевско-Нагорного волостного правления (Ф. 233), Ижевского казначейства (Ф. 3), полицмейстера Ижевского завода (Ф. 219), Сарапульской уездной земской управы (Ф. 246) раскрывают проблемы общественного устройства Ижевска.

Ценным источником для изучения истории семьи, демографического поведения населения являются документы фондов Михайло-Архангельского (Ф. 2) и Александро-Невского соборов (Ф. 6), которые содержат брачные обыски и документы к ним, метрические книги записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходам, посемейные списки мастеровых. В архивных фондах переписных комиссий по проведению первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. – Сарапульской уездной (Ф. 236) и Ижевской городской (Ф. 286) – сохранились переписные листы домохозяев Ижевска и членов их семей.

Большую роль в формировании источниковой базы по истории Ижевска играют документы Управления по делам архивов Администрации МО «Город Сарапул». В частности, фонды благочинных благочиннических округов уездов Сарапульского викариатства Вятской епархии (Ф. 17), Сарапульского духовного правления Вятской духовной консистории (Ф. 64) характеризуют религиозную обстановку, численность и состав духовенства Ижевска и т.п., в том числе раскрывают историю образования Вотской епархии в Ижевске (1927 г.)⁸.

События дореволюционного периода нашли отражение в документах ЦДНИ УР: архивного фонда Отдела истории партии (Истпартотдела) Вотского обкома ВКП (б) (Ф. 352), личного фонда историка Ф.П. Макарова (Ф. 372), Коллекции листовок, воззваний, плакатов политических партий и организаций начала XX в. (Ф. 252). Это, главным образом, документальные материалы об истории рабочего и революционного движения, деятельности социал-демократических кружков и групп, местных комитетов РСДРП, партий меньшевиков-интернационалистов, социалистов-революционеров, анархистов.

На рубеже XIX–XX вв. Ижевск превратился в значительный промышленный, торговый, политический и культурный центр Приуралья, в нем проживало уже 44 тыс. человек. По числу жителей, разнообразию предприятий и торговых заведений, административных учреждений Ижевск мог претендовать на городской статус, но стал им только в 1918 г. На заседании Ижевского Совета РС и КД от 21 февраля 1918 г. было решено: «1. Преобразовать Ижевский завод... в город Ижевск явочным порядком с 1 января настоящего 1918 г., с выделением его как крупного промышленного центра в самостоятельную земскую единицу, независимую от уездного земства. 2. Поручить исполнительному комитету Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с волостной земской управой организовать городское самоуправление на широких демократических началах...»⁹. Несмотря на то, что официальное утверждение состоялось только 6 июля 1925 г. (Постановление ВЦИК), с июля 1921 г. Ижевск стал центром Вотской автономной области. С декабря 1934 г. город является столицей Удмуртии.

В истории Ижевска не обошлось без социальных бурь и потрясений. Фонды Сарапульского уездного комиссара Временного правительства (ЦГА УР. Ф. 330), Военно-революционного комитета г. Ижевска (Р-3), Революционно-гражданского Совета г. Ижевска (Р-390), Центрального общезаводского и фабричного комитета Ижзаводов (Р-983) раскрывают трагические страницы, которыми стали Первая мировая война, революции 1917 г. и последовавшая за ними кровопролитная Гражданская война.

Период новейшей истории характеризуется тем, что Ижевск становится полифункциональным (административным, экономическим, культурным и духовным) городским центром. Бурными темпами развивалось промышленное строительство, создавались новые индустриальные отрасли: машиностроение, мотоцикlostроение и т.д. Одновременно менялся облик города – строились новые жилые кварталы, расширялись улицы, площади. Функции столицы, культурного центра способствовали появлению театров, библиотек, высших и средних учебных заведений, научных институтов и т.д. Новые транспортные магистрали существенно улучшили связь столицы республики с другими регионами. Обо всем этом повествуют документы АФ УР.

Наиболее информативными фондами ЦГА УР по истории Ижевска советского периода являются фонды исполкомов Ижевских городского (Р-177) и районных советов, промышленных предприятий, различных учреждений и учебных заведений. Дополняют их документы Управления по делам архивов администрации г. Ижевска. Фонды Ижевского городского Совета и его исполнительного комитета (Ф. 5), городской думы (Ф. 415), администрации (Ф. 380) г. Ижевска, предприятий и учреждений, учебных и культурных заведений содержат решения городской думы, постановления и распоряжения администрации г. Ижевска, решения городского и районных исполкомов, планы и отчеты, статистические сведения, которые полно и всесторонне отражают историю развития города. Хочется особо отметить, что в фонде Управления по культуре и туризму отложились документы о разработке герба г. Ижевска (черно-белый эскиз, эскиз в цвете, описание, сведения о разработчиках) и конкурсе по разработке герба, проводившегося в 1995 г. Решение Городской Думы г. Ижевска «О гербе города Ижевска» (27 мая 1997 г.) утвердило Положение о гербе города Ижевска и его рисунок¹⁰.

Документы политических и общественных организаций Ижевска представлены в фондах ЦДНИ УР: Удмуртского рескома (Ф. 16), Ижевского горкома (Ф. 54), районных (г. Ижевска) комитетов КП РСФСР, Ижевских уездного (Ф. 18) и заводского районного (Ф. 4) комитетов ВКП(б), партийных комитетов и завкомов ВЛКСМ производственных объединений «Ижмаш» (Ф. 155), «Ижсталь» (Ф. 273), «Ижевский мотозавод» (Ф. 306), «Ижевский механический завод» (Ф. 443), Удмуртского рескома ВЛКСМ (Ф. 92) и др. Они позволяют проследить этапы развития Ижевска в исторической ретроспективе.

Архивные материалы ЦДНИ УР запечатлели тот сложный момент в истории города, когда он чуть не потерял навсегда свое историческое имя. В 1985 г., повторив судьбу многих российских городов, в угоду политической конъюнктуры Ижевск был переименован в Устинов. В записке секретаря обкома партии П.С. Грищенко в ЦК КПСС об обстановке, сложившейся в связи с переименованием города (от 13 апреля 1987 г.), говорилось: «Решение о переименовании города было принято без предварительного рассмотрения этого вопроса на сессиях соответствующих Советов народных депутатов, что вызвало у многих недоумение и растерянность, а у некоторой части населения возмущение и противодействие... При проведении выборов в Верховные Советы РСФСР и Удмуртской АССР в феврале 1985 г. на бюллетенях было сделано 8386 надписей типа «Голосуем за Ижевск!» ...Практически 90 % и рабочих и служащих, и интеллигенции однозначно высказываются за возвращение прежнего названия города...»¹¹ Лишь через два года, благодаря патристической позиции жителей, городу было возвращено историческое имя¹².

Наличие в большинстве фондов комплекса документов персонального характера и по личному составу, фондов личного происхождения дает воз-

возможность поиска биографической информации о жителях Ижевска. ЦДНИ УР, например, располагает личными делами руководителей Ижевских заводов Г.Н. Гроздева, А.И. Быховского, В.Н. Новикова, Н.И. Палладина, И.Ф. Белобородова, небольшим, но очень значимым комплексом документов о знаменитых ижевских конструкторах-оружейниках: М.Т. Калашникове, Е.Ф. Драгунове, Г.Н. Никонове. Дело по приему в члены КПСС (1953 г.) и учетная карточка члена КПСС М.Т. Калашникова (1973–1982 гг.) включены в Государственный реестр уникальных документов АФ УР¹³. В ЦГА УР хранятся документы фондов личного происхождения Е.Ф. Драгунова, Г.Н. Никонова.

Уходит быт старого Ижевска, меняется облик города. Сохранить их для потомков помогают картографические документы, планы, чертежи, акты законченных строительством городских объектов, а также фотодокументы. Архивный фонд УР располагает значительным массивом фотографий, которые отражают внешний вид города в различные периоды его истории, облик горожан. Имеющиеся фотографии позволяют персонифицировать историю, показать государственных и общественных деятелей, организаторов производства, горожан, проиллюстрировать наиболее интересные факты. Так, в фондах личного происхождения известных краеведов О.В. Севрюкова и А.В. Новикова можно найти редкие и очень интересные фотографии обывателей Ижевского завода, владельцев, мастеров и служащих оружейных фабрик, мастеров Ижевского завода в парадных кафтанах, виды Ижевского завода и поселка XIX – начала XX вв. Не менее интересны сохранившиеся фотодокументы 1920–1930-х гг., военного лихолетья, послевоенного периода.

Фоно- и видеозаписи важнейших событий в жизни Ижевска, интервью с его жителями, концентрирующиеся в архивах Удмуртии, предоставляют уникальную возможность запечатлеть внешний облик и живой голос наших современников. ЦДНИ УР, например, располагает звукозаписью торжественного заседания Ижевского городского Совета народных депутатов, Ижевского городского комитета КПСС с участием представителей трудовых коллективов, посвященного вручению г. Ижевску ордена Октябрьской Революции (1979 г.), видеозаписями проходивших в Ижевске митингов, презентаций, встреч, научно-практических конференций и т.п. Цикл фоно- и видеозаписей «О времени и о себе» содержит интервью с участниками исторических событий, в том числе с почетными гражданами г. Ижевска.

Документы АФ УР по истории Ижевска являются крайне востребованными пользователями ретроспективной информации в научных, образовательных, личных целях. На их основе создаются научные и научно-популярные труды, изучается история рода и семьи, подтверждаются сведения персонального характера.

Популяризация документального наследия осуществляется через выставочную и публикаторскую деятельность архивов. В последние годы государ-

ственными архивами Удмуртии подготовлен ряд выставок и документальных публикаций, где активно использованы источники по истории Ижевска. Накануне 250-летия г. Ижевска архивистами подготовлен юбилейный сборник документов и материалов «Ижевск. 1760–2010 гг.» Несмотря на то, что некоторые документы по истории г. Ижевска уже публиковались в других изданиях (в их числе следует отметить, прежде всего, вышедший в 1984 г. сборник документов и материалов «Ижевск. 1760–1985 гг.», открывший собой серию «История городов Удмуртии», и новейшую «Хрестоматию по истории Удмуртии» в 2-х томах, изданную в 2007 г.), новый труд является на сегодняшний день наиболее полным изданием, в котором отражены различные направления и аспекты жизни Ижевска с момента его возникновения до 2010 г. В данное издание включено 593 документа, большинство из которых публикуются впервые.

Государственными архивами Удмуртии также подготовлена большая выставка фотодокументов, посвященная 250-летию г. Ижевска.

Подводя итог, подчеркнем, что документы АФ УР обладают высоким источниковым потенциалом для изучения истории Ижевска, они свидетельствуют о сложном, своеобразном, но поступательном развитии города, в них нашли отражение труд и заботы его жителей. И важно сохранить, не растерять во времени историческую информацию, донести ее до потомков. Это является главной задачей архивной службы Удмуртии.

¹ Ижевск: документы и материалы. 1760–2010. Ижевск, 2010. С. 22.

² Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–24.

³ Там же. Д. 725. Л. 242.

⁴ Там же. Д. 3976. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 204. Л. 27–44; Д. 239. Л. 3–5 об; Д. 539. Л. 118 об–119; Д. 1054. Л. 63–63 об; Д. 1860. Л. 249–257 об.

⁶ Там же. Д. 782. Л. 314–331.

⁷ Там же. Д. 210.

⁸ Управление по делам архивов при администрации МО «Город Сарапул». Ф. 64. Оп. 1. Д. 355. Л. 109–109 об.

⁹ ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

¹⁰ Архивный отдел Управления по делам архивов Администрации МО «Город Ижевск». Ф. 415. Оп. 1. Д. 71. Л. 57–58.

¹¹ Центр документации новейшей истории УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14569. Л. 6–15.

¹² Там же. Л. 18.

¹³ Там же. Ф. 272. Оп. 2. Д. 1696; Ф. 155. Оп. 36. Д. 989.

АГРАРНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОРНОГО ГОРОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ИЖЕВСКОГО И ВОТКИНСКОГО ЗАВОДОВ)

Н.В. Пислегин, Е.Н. Зайцева (г. Ижевск)

Развитие российской промышленности на ранних этапах (XVIII–XIX вв.) непосредственно связано со вспомогательным крестьянским трудом. Вначале это были приписные к заводам крестьяне, в начале XIX в. на Урале их заменили неперенные работники. Это же явление характерно для индустриального становления Ижевска и Воткинска.

В конце XVIII в. правительством разрабатывались проекты реформирования системы, обеспечивавшей казенные заводы вспомогательной рабочей силой. К 1803 г. по проекту директора берг-коллегии М. Соймонова было решено заменить приписных крестьян так называемыми неперенными работниками, которые бы составляли примерно 1/20 часть от числа первых и постоянно занимались вспомогательными заводскими работами. Проект А.Ф. Дерябина (29 декабря 1802 г.) согласовался с основными положениями проекта М. Соймонова. Задуманная первоначально во всероссийском масштабе реформа была осуществлена лишь на уральских заводах. Окончательное утверждение замены приписных крестьян неперенными работниками в Удмуртии приходится на 1807 г. Согласно «Положению о неперенных работниках» 1807 г., последние уподоблялись «прочим служащим казенным людям при заводах казенных и вечноотданным к заводам при заводах частных», в частности «в отношении полиции, суда и расправы и вообще относительно порядка на службе» они ставились на один уровень с мастеровыми и «вечноотданными»¹. Фактически произошло прикрепление данной категории крестьянского населения к заводам, чего не было по отношению к приписным крестьянам. Как и прочие мастеровые, неперенные работники освобождались от государственных податей. Селения, целиком зачисленные в неперенные работники, первоначально освобождались от всех государственных повинностей, включая рекрутские наборы и поставку подвод. В последующем ряд денежных и натуральных повинностей был им возвращен.

Еще одним важным отличием неперенных работников от приписных явилось то, что последние набирались среди русских крестьян*, а в новообра-

* В XVIII и начале XIX в. считалось, что инородцы, прежде всего в силу незнания русского языка, неспособны выполнять заводские работы (См.: *Луннов П.Н.* Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807–1808 гг. // *Труды ВУАК.* 1909. Вып.2–3. Отд. 3. С. 105–106).

зованный разряд стали причислять и крестьян-удмуртов. Относительно этого разгорелась переписка. Главный начальник Пермского и Гороблагодатского горных заводов обер-берггауптман А.Ф. Дерябин полагал, что удмуртов следует приписать к заводам. Вятский же губернатор П.С. Рунич, заключения которого потребовал министр финансов, считал, что они «не способны к заводским работам, занимаются по преимуществу хлебопашеством, ни с кем обращения не имеют и потому не знают русского языка; по этой неспособности к работам даже возлагаемые на них по адмиралтейству работы они исполняют не сами, а нанимают за себя». Однако на это Дерябин заметил, что «вотяки имеют сообщение с русскими и татарами, не затрудняются говорить по-русски на рынках, даже нанимаются вместо приписанных к заводам, но отдаленных от них крестьян, исполнять большую часть заводских работ». Наем же на лашманские работы сторонних людей Дерябин справедливо объяснял отдаленностью таковых от места жительства самих удмуртов-лашманов. Проектируемое Руничем причисление к заводам отдаленных селений, по отзыву Дерябина, вызвало бы необходимость наделения непременных работников земельными и сенокосными участками, которые бы пришлось отобрать у тех же удмуртов или вырубить лес, необходимый для заводских работ. Министр финансов согласился с Дерябиным, и 5 января 1805 г. последовало высочайшее повеление не исключать удмуртов из действия закона 1803 г.² Перспектива изменения строя жизни и выполнения новых обязанностей вызвала в 1807–1808 гг. волнения удмуртских Юскинской и Завьяловской волостей, жители которых зачислялись в непременные работники. Забегая вперед, отметим, что в 1820-х гг. администрация Ижевского оружейного завода вышла с предложением опять добрать «недостающее количество непременных работников» из ближайших волостей. В ответ удмуртские крестьяне в 1823 г. подали прошения на имя министра финансов и даже Александра I. Они писали, что этот перевод принесет «крайнее отягощение и разорение», добавляя, что все подати и повинности оплачиваются ими всегда без недоимок. Переписка, в которой участвовал новый царь Николай I, затянулась до 1829 г., когда в непременные работники отдали 300 рекрутов. Все последующие просьбы заводской администрации о наборе непременных среди государственных крестьян ближних волостей успеха не имели³.

Набор производился среди приписного населения Пермской и Вятской губерний из расчета по 58 годных с 1000 душ всего мужского населения, учтенного 5-й ревизией. Зачислению подлежали лица в возрасте от 18 до 40 лет. Практиковалось и зачисление в непременные работники рекрутов. В итоге мог произойти следующий казус: после 8 ревизии (1834 г.) удельный крестьянин поч. Федосова Козловского приказа Сарапульского уезда, граничившего с землями непременных работников Ижевского завода, был отдан в рекруты

и, будучи зачислен как раз в работники этого завода, был оставлен на месте жительства «в доме братьев своих – удельных крестьян»⁴. Призаводские селения, список которых был утвержден, поступали в неперемненные работники полностью, исключая лишь рожденных после ревизии. Дети, не попавшие в ревизию, после достижения 18 лет также зачислялись в категорию своих родителей. Во вспомогательные заводские работники попадали и лица, ранее не входившие в число приписных крестьян, но живущие в призаводских селениях. Именно за счет населенных пунктов, расположенных недалеко от Ижевского и Воткинского заводов, в первую очередь и была создана новая категория рабочей силы.

Вновь набранные должны были отслужить на заводах 30 лет, а их дети и последующие поколения – 40 лет, после чего получали отставку наравне с мастеровыми. После окончания срока службы неперемненные работники могли переходить в другие сословия, если они оставались при заводах, то те должны были обеспечить их посилойной работой и давать содержание. Потерявшие способность к труду должны были помещаться в богадельни за заводской счет. Селения, целиком зачисленные в неперемненные работники, освобождались от государственных податей и повинностей, включая рекрутские наборы и поставку подвод, с них слагались все предыдущие недоимки. Годные работники должны были работать на заводах, а остальные оказывать им помощь⁵. Во многом новая система организации недорогой рабочей силы для нужд казенной промышленности была выгоднее для крестьян, чем прежняя. Ликвидировались такие недостатки приписной системы, как отдаленность многих селений приписных крестьян от заводов, необходимость основной массы приписных участвовать в заводских работах. Крестьяне, попавшие в категорию неперемненных работников, получали ряд льгот. Прежде всего, декларировалось исключение из подушного оклада, освобождение от всех государственных повинностей (на деле было сохранено, например, отбывание дорожной повинности), прощение прежних недоимок. Преподносились и другие «благости и милости»⁶.

Неперемненные работники не имели своих волостей или подобных им мелких административных единиц. 35 населенных пунктов Кулюшевской волости, 16 – Забегаловской, 3 – Алтынской, 20 – Завьяловской и 7 – Юскинской волостей Сарапульского уезда после своего причисления в 1807 г. к Воткинскому и Ижевскому заводам вышли за рамки установленного для государственных крестьян административно-территориального деления⁷. С этого момента можно отметить наличие двух отделений во главе со старшинами при каждом из казенных заводов Удмуртии. Разделение неперемненных работников Ижевского завода на русское Забегаловское и удмуртское Завьяловское отделения (Воткинский завод – Гавриловское и Кулюшевское отделения) имело

своей целью более совершенный и всеобъемлющий контроль за производимыми работами⁸. По итогам VIII ревизии непременные работники Удмуртии составляли более 10 тыс. душ мужского пола⁹. С 1847 г. их стали официально называть урочнорабочими на казенных предприятиях¹⁰. К 1855 г. непременных работников с их семьями при Камских заводах было насчитано более 25 тысяч человек, проживавших в 52 селениях, приписанных к Ижевскому заводу, и 76 – к Воткинскому¹¹.

Самоуправление непременных работников Ижевского и Воткинского казенных заводов также было приспособлено к необходимости выполнять заводские работы. Общины непременных работников из малоспособных к работам людей выбирали низших должностных лиц – смотрителя, старшин, вахтеров, выборных, десятников и сотников. Обязанности смотрителя заключались в распределении непременных работников по работам в соответствии с годовым нарядом в начале года и после каждого их увольнения в отпуск для домашних дел, а также в составлении расчетов по плате. Старшины, возглавлявшие отделения, вели непосредственное наблюдение за работами и отвечали за выдачу жалованья, они находились в постоянном контакте с администрацией завода. При них находились по два помощника, один из которых наблюдал за конными работниками, а другой – за пешими. Для удобства контроля за выполнением работ непременные работники при каждом заводе разбивались на десятки и сотни во главе с выборными десятниками и сотниками. Старшины окончательно утверждались горными начальниками, а десятники и сотники – заводской администрацией. При этом общество избирало на каждую должность по два кандидата с тем, чтобы утверждающий имел возможность выбора. Сотники и старшины освобождались от физической работы, десятники трудились наравне с остальными. Десятник отвечал за исправное выполнение нарядов своим десятком, члены которого, по возможности, назначались на одну и ту же работу. Он наблюдал за состоянием и даже за содержанием лошадей и упряжи, а также за поведением подчиненных. Сотник руководил работами всей сотни. Ему давалось также право «разбирать малые распри и несогласия между работниками», «дабы они не теряли времени от работ для принесения таковых жалоб». Вахтеры принимали выполненную работу, а выборные наблюдали за переездом непременных работников из места жительства к заводским работам, за благосостоянием крестьян и разбирали мелкие ссоры между ними¹².

Со стороны завода ближайшее заведывание непременными работниками было возложено на особое лицо, которое называлось «смотрителем лесов и непременных работников»; у него были два помощника из обер-офицеров. В распоряжении смотрителя находились особые писари, которые, очевидно, вели учет работы каждого непременного работника¹³.

Годные по состоянию здоровья и возрасту (18–40 лет) работники должны были выполнять вспомогательные заводские работы, а остальные – оказывать им помощь, заниматься поддержанием крестьянского хозяйства, а также «пополнять убыль годных работников»¹⁴. Непременные работники были обязаны работать на заводе 200 дней в году, «а в случае экстренных работ и 240». Рабочий день продолжался 12 часов, плата за который до 1829 г. составляла 8 ½ коп., в 1841 г. – 23 коп., конный работник сверх того получал на фураж лошадям 30 коп. в сутки и на ремонт упряжи 25 руб. в год¹⁵. По данным 1850 г. плата неперменных работников составляла за двуконную поденщину с ремонтными, фуражными и провиантскими – 20 ¼ коп., за одноконную – 12 11/30 коп. и за пешую – 4 5/7 коп. сер.¹⁶ За 6 дней неперменный работник должен был вырубить 1 куб. сажень дров для выжига угля. Заменой этого могла быть рубка и черновая обтеска 4 ложевых болванок или 5 молотовищ за один день. Садка угольной кучи производилась двумя работниками за 36 дней, гонка 120 ведер дегтя или 100 ведер смолы – за 240 дней. Каждый конный работник должен был проезжать за час 3 версты. На нагрузку и свалку угля ему полагался 1 час. Зимой и летом на двух лошадях он должен был везти 40 пудов, летом и осенью в грязь, зимой в мороз – 34 пуда, зимой по глубокому снегу и осенью по большой грязи – 30 пудов. Чтобы скорее выполнить урок и возвратиться домой, неперменные работники привлекали к работе членов своей семьи. Помимо урочных работ они привлекались также к выполнению случайных, неожиданных нарядов, как, например, ремонт гидротехнических сооружений, возка глины на приготовление кирпича и другие. В выполнении работ участвовали малолетние дети и старики. Кроме своих прямых обязанностей, неперменные работники занимались непосредственно на заводе в поторожном цехе. При необходимости пешие работники, имевшие своих лошадей, обязаны были работать как конные¹⁷.

График выполнения работ неперменными работниками Ижевского оружейного завода выглядел следующим образом:

Пешие: сентябрь-декабрь – «высиживание» угольных куч, рубка кленовых плах, кряжей, заготовление припасов для экипажей; январь-март – приготовление ложевых болванок с клиньев, заготовка бревен; апрель-май – рубка «квартирных» дров, приготовление угля, сплав бревен, заготовка лубьев, мха и мочальника, переноска чугуна на Гольянской пристани; июнь-август – заготовка сена, рубка дров обжигательных, плотничные работы на заводе.

Конные: ноябрь-декабрь – вывозка болванок и клиньев, дубовых кряжей, кленовых плах, вывозка угля (продолжавшаяся с ноября всю зиму); январь-март – возка дров (квартирных и обжигательных), вывозка бревен и кирпича, сена, возка чугуна на Гольянскую пристань; май – возка на Гольянскую пристань ложевых болванок; июнь-август – перевозка лубьев. Конные работники могли также назначаться на рубку дров¹⁸.

Каждый неперенный работник получал провиант и денежное жалование в размере 20 руб. в год. До 1828 г. неперенные работники вместо «провианта в натуре» получали деньги по 50 коп. за пуд ржи, а с 1830 г. – по 40 коп. и 35 коп. за пуд овса. Конному работнику сверх того на содержание лошадей давалось 120 пудов овса из расчета 10 фунтов в день на одну лошадь на 240 рабочих дней. Кроме того, ему полагалось 25 руб. ремонтных денег, из которых 9 руб. он получал на руки и тратил на упряжь, а остальные 16 руб. откладывались на приобретение новых лошадей взамен отработавших 5 лет или павших. Непременному работнику полагался участок пашни в 6 дес., а конному работнику – также сенокос в 6 дес. В случае неурожая трав работник должен был покупать сено за свой счет, беря ссуду из ремонтной суммы. Успешно внедрялась общественная запашка: если в начале 1840-х гг. под нею находилось 156 дес. земли подсобных работников Ижевского завода, то к 1861 г. – более 500¹⁹.

Значительное развитие среди вспомогательной заводской категории получила практика патернализма. К числу попечительских мер можно отнести положение 1829 г., согласно которому неперенный работник мог получить в год 5 пудов железа по такой же цене, «как железо обходится заводу, с прибавлением 2 % в богадельную сумму». В 1833–1834 гг. помимо годных работников обеспечивались хлебом и их помощники. В 1835 г. вместо провианта натурой было решено выдавать деньги. Одним из мероприятий для борьбы с возможным голодом явилась организация продовольственных магазинов. К 1847–1848 гг. в 8 сельских магазинах неперенных работников Ижевского завода хранилось 3941 четверти хлеба, в начале 60-х гг. имелось 15 продовольственных магазинов. Существовал специальный «запасной денежный капитал неперенных работников», предназначенный на случай пожара, падежа скота, поправки и постройки домов²⁰.

Важно отметить, что основная часть попечительских мер по отношению к неперенным работникам лишь несколько компенсировала их худшее по сравнению с государственными крестьянами положение. Крепостное и удельное крестьянское население Удмуртии, в правовом отношении уступавшее государственным крестьянам (хотя бы потому, что последние не являлись собственностью дворянских или царской семей), было русским. П.Н. Луппов справедливо причины этого видит как в немногочисленности названных категорий, так и «отчасти в общей политике правительства по отношению к инородцам, которых оно старалось беречь от всякого рода притеснений»²¹. Несколько особняком в этом плане можно поставить только удмуртов – неперенных работников Ижевского оружейного завода, вынужденных подчиняться «довольно суровому порядку». Сами они жаловались проезжавшему по Юскинскому приходу в 1836 г. епископу Нилу на «тяжесть своей доли»,

а примерно в это же время приходские священники обращались к епархиальному начальству с вопросом о необходимости выделения удмуртам – непременным работникам свободного времени для «исполнения долга исповеди и святого причастия»²². Без сомнения, не хватало времени «для причастия» и русским непременным работникам.

Селения непременных работников составляли своеобразный придаток Камских заводов. Последние в первой половине XIX в. по своим основным социальным характеристикам сами напоминали традиционные сельские поселения. Демографические показатели Камских заводов были следующими: 57 родившихся, 42 умерших на Ижевском и 33 на Воткинском заводах на 1000 населения²³. Это выше, чем в целом по России, и намного превышает подобные показатели в других странах²⁴. К примеру, в Германии коэффициент рождаемости в 1800-х годах составлял 38,3, а смертности – 25,2, во Франции соответственно 32 и 28 на 1000 человек населения²⁵. Относительно высокая рождаемость и смертность была характерна для того периода развития российского общества и в целом соответствовала традиционному типу воспроизводства населения. Немало способствовали сохранению высокой смертности условия быта. Большие нарекания как у работников, так и немногочисленных врачей, вызывали условия труда. Домашний быт также не отличался высокой культурой гигиены и санитарии: не очень хорошее питание, недостаточная чистота в жилище и скученность (порой в одной избе могла проживать семья из 17–20 человек) приводили к быстрому распространению заболеваний, возникновению эпидемий, долгому выздоровлению. Освещались жилища с помощью лучины, которая давала, в общем, довольно скудное освещение, а, поскольку, именно при лучине в основном и занимались ремеслом (пряжание, ткачество, изготовление утвари и инвентаря), то неудивительно, что заболевания глаз были так часты: существовали школы, где от 15 до 80 % учащихся так или иначе страдали этими заболеваниями²⁶. К числу наиболее распространенных относились, прежде всего, инфекционные болезни. В Сарапульском уезде в 1910 г. зарегистрировано 1330 случаев скарлатины, тифа брюшного – 992, сыпного – 998, оспы – 894, дизентерии – 1622²⁷. Эпидемии тоже были не редкостью: например, в Елабужском уезде в 1907 г. зафиксировано 662 случая тифа в 64 селениях, скарлатины – 601 в 47 селениях, кори – 292 в 15 селениях²⁸.

В середине XIX. образ жизни жителей Ижевска и Воткинска начинает определяться «городской» модой²⁹. Вслед за губернскими в уездных центрах появляются вещи, предметы обстановки, сделанные по «городским» образцам: мебель (горки-буфеты, комоды), начинает применяться керосиновое освещение. Керосин во второй половине XIX в. распространяется повсюду, и к началу XX в. все остальные способы освещения даже на селе практиче-

ски не применяются. Прежде всего, подобные новшества появляются у представителей так называемой интеллигенции, у торгового сословия и священнослужителей, а затем распространяются в рабочей и крестьянской среде³⁰. Ижевск конца XIX в. все больше выглядел как город, с присущей городам инфраструктурой, социальной структурой, образом жизни его обитателей.

- ¹ Цит. по: *Смирнов С.С.* Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в.: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Челябинск, 1995. С. 382–383, 386.
- ² *Луппов П.Н.* Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807–1808 гг. // Труды Вятской ученой археографической комиссии. Вятка, 1909. Вып. 2–3. Отд. 3. С. 105–106.
- ³ Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, рукописный фонд (далее – НОА УИИЯЛ. РФ). Оп. 2-Н. Д. 464. Л. 14, 15, 17–22.
- ⁴ Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее – ЦГА УР). Ф. 241. Оп. 1. Д. 576. Л. 110.
- ⁵ *Смирнов С.С.* Указ. соч. С.369, 370; НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 464. Л. 32.
- ⁶ См.: Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 582. Оп. 140. Д. 108. Л. 258–258 об.
- ⁷ НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 673. Л. 16 об.–17.
- ⁸ Там же. Д. 9. Л. 313; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 782. Л. 291–291 об.; *Смирнов С.С.* Указ. соч. С. 383.
- ⁹ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2. С. 798.
- ¹⁰ *Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000. С. 121.
- ¹¹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С. 145.
- ¹² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 782. Л. 291–291 об.; *Смирнов С.С.* Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в.: Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Челябинск, 1995. С. 382–383; НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 464. Л. 22–33.
- ¹³ НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 464. Л. 22–33.
- ¹⁴ *Смирнов С.С.* Указ. соч. С. 382; Вятские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1841. № 7. С.24; ЦГА УР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 419. Л. 108–109; ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 108. Л. 258–258 об.
- ¹⁵ *Александров А.А.* Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 70; ВГВ. 1841. № 7. С. 24–25.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 56. Д. 127. Л. 5 об.

- ¹⁷ Александров А.А. Указ. соч. С. 69–70, 75–76.
- ¹⁸ НОА УИИЯЛ. РФ. Оп.2-Н. Д.464. Л.22–25.
- ¹⁹ Там же. Д. 9. Л. 313.
- ²⁰ Александров А.А. Указ. соч. С.70–75.
- ²¹ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С. 2–3.
- ²² Там же. С. 4–5.
- ²³ Васина Т.А. Культура и быт населения Камских заводов в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2005. С. 20–21.
- ²⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т. 2. С. 379–380.
- ²⁵ Там же. С. 383.
- ²⁶ ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д.41. Л.110.
- ²⁷ ЦГА УР. Ф. 246. Оп. 1. Д. 55. Л. 60б.
- ²⁸ ЦГА УР. Журнал XXXXII очередного Елабужского уездного земского собрания... С. 244.
- ²⁹ Васина Т.А. Указ. соч. С. 22.
- ³⁰ Загребин А.Е. Удмуртское сельское общество в процессе модернизации (начальный этап) // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. № 1. С. 171.

ИЖЕВСКИЕ ЗАВОДЫ В 1816–1817 ГГ. И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Е.Г. Ренев (г. Ижевск)

Автор «Описания Ижевского железодельного и оружейного завода», скрывший свое имя под скромным псевдонимом «Е» (наши краеведы считают, что это был казанский епископ Евгений Болохвитинов)¹ увидел ижевские заводы как «*произведение ума необыкновенного*»² и предрек им большое будущее в деле производства оружия. Это произведение было опубликовано в журнале «Вестник Европы» в 1817 г. Почти два столетия спустя мы полностью воспроизводим его в нашем издании, предварив небольшим очерком о тенденциях развития оружейного дела в ту эпоху.

Наполеоновские войны, длившиеся почти двадцать лет, опустошили Европу. Большинство департаментов Франции попросту обезлюдели. Во мно-

гих французских деревнях нельзя было найти мужчин возраста от 15 до 60 лет. Они остались лежать, как писал поэт, *«в равнине, где Эльба шумит, под снегом холодной России, под знойным песком пирамид»*. Россия вышла из этих войн мощнейшей мировой державой, границы которой простирались от Польши и Финляндии на западе до Аляски и Калифорнии на востоке. Никогда еще авторитет Российской империи в мире не был так высок – ни один европейский политик не мог себе позволить лишний раз чихнуть без разрешения России. Бородатые махатмы исторического материализма Маркс и Энгельс с суеверным ужасом писали о том времени, что все войны Россия начинает с неудач и поражений, но единственная выходит из них, расширяя границы и укрепляясь.

Такая ситуация в Европе мало кому нравилась (об Америке, как геополитическом игроке, еще не шло никакой речи). И проигравшая Франция, и бывшие союзники России Великобритания и Австрия стремились переиграть ситуацию и *«загнать»*, – как выразился австрийский канцлер Меттерних, – *русского медведя назад в его берлогу*». Для достижения этой цели был проведен анализ недавних военных кампаний и сделан вывод о том, что прежними методами война больше вестись не может, что в новых войнах главную роль будет играть усовершенствованное стрелковое оружие.

*«Время больших батальонов прошло, – писал военный теоретик Жомини, – пришло время метких стрелков и нового оружия, поражающих неприятеля на расстоянии»*³. В Европе началась гонка вооружений. Причем в отличие от прошлых эпох, соревнование шло не на количество отлитых пушек или собранных ружей. Началось серьезное состязание технологий. Шло оно по двум основным направлениям – замене кремневых ружейных замков на капсюльные, или ударные, и переходу от гладкоствольного оружия к нарезному. Первый шаг в применении новых технологий заключался во внедрении капсюльного замка. Это ружейный замок был значительно надежнее кремневого и почти не допускал осечек, тогда как при использовании кремня их могло быть до четверти от всех выстрелов. Нарезной же ствол усиливал дальность огня почти в 4 раза, не говоря уже о его точности. Нарезное оружие использовалось и в наполеоновских войнах, но вооружены им были только очень умелые стрелки, потому что заряжать его было без специальных навыков весьма трудно, т.к. пуля загонялась в ствол не по гладкому стволу, а по нарезам последнего.

Надо отметить, что опыты с гремучими составами, приведшие к появлению капсюльного оружия шли уже с начала XIX века. В 1807 г. на них был выдан первый патент в Британии. Тогда же и там же был запатентован и первый ударный ружейный замок. Поначалу капсюли были бумажные. Через три года по другую сторону Ла Манша во Франции де Летанг предложил ударный замок собственной конструкции, а знаменитый Лепаж представил образец капсюля, хорошо защищенного от влаги, и несколько другой вариант ударного замка.

К выходу «Вестника Европы» со статьями про Ижевские заводы Лепаж значительно усовершенствовал свой замок. Почти одновременно с ними оружейник Преля сконструировал магазинный капсюльный замок своей системы. Еще дальше продвинулся их соотечественник Делубер, предложивший свою разработку – замок переходного образца с двумя курками – кремневым и капсюльным. Но всех их превзошел парижский оружейник Поли, который в 1808 г. предложил свой образец казнозарядного ружья, считающегося сегодня прототипом игольчатых ружей (именно на его основе сконструировал свое знаменитое ружье бывший у Поли подмастерьем немец Дрейзе). В бумажном патроне ружья Поли помещался воспламенитель из хлористого поташа, взрываемый ударом игольчатого ударника. Скорострельность этого ружья составляла 6 выстрелов в минуту, дальность и кучность стрельбы были в 2 раза выше, чем у армейских гладкоствольных ружей того времени. Французским военным министерством ружье Поли после долгих испытаний было одобрено, но на рассмотрение к императору Наполеону оно попало только в 1813 году. Император сразу принял решение о постановке этого ружья на вооружение, однако поражение Франции в 1814 г., а затем и катастрофа при Ватерлоо в 1815 г. не позволили французам перевооружиться этим казнозарядным оружием. А будь французское военное министерство порасторопней и успеет Наполеон перевооружить хотя бы свои элитные части, неизвестно как бы еще сложился ход боевых действий в Европе. Французы после этого сделали выводы и в течении, как минимум полувека, таких задержек с внедрением новых образцов оружия у них не было⁴.

По другую сторону океана в Северной Америке внимательно следили за европейскими разработками и быстро внедряли и развивали наиболее передовые из них у себя. Так, в 1814 г. Джошуа Шоу на основе британских и французских капсюлей изготовил свой переснаряжавшийся капсюль. Последний состоял из железного колпачка, в который клали гремучий состав, после чего насаживали колпачок на стержень. Сам этот колпачок был настолько прочным, что его можно было использовать несколько раз. Через два года тот же Шоу предложил медный однострельный капсюль, который изготовлялся при помощи штамповки. И уже после этого подобные капсюли стали распространяться в Европе. В 1817 г. американцы приняли на вооружение первую партию ружей, разработанных капитаном Джоном Холлом на основе капсюля Шоу. В западноевропейских странах этот тип оружия принимается на вооружение несколько позднее – через 15–20 лет, после продолжительных испытаний. Последние, проведенные, в частности в Саксонии, показали, что при продолжительной стрельбе кремневые ружья дали до 31 % осечек на 1 тысячу выстрелов, в то время как капсюльные – всего 0,036 %⁵!

Параллельно с этим шли разработки по нарезным ружьям. Тон здесь задавали те же Франция и Британия. Испытания, проведенные в 1814–1815 гг.,

показали, что в их новых образцах значительно уменьшается разница в скорострельности в сравнении с гладкоствольными ружьями. Так, французские стрелки за одну минуту из нарезного ружья произвели 4 выстрела, а из гладкоствольного – только 5. При этом кучность стрельбы в 12 раз превысила аналогичный показатель гладких ружей, да и били винтовки гораздо дальше (схожие результаты получили и в Британии). После этого на нарезные ружья (винтовки) обращается исключительное внимание. Французы вооружают несколько батальонов своей пехоты исключительно винтовками, британцы начинают вооружать ими свою гвардию. Эти решения вызвали моментальный ответ среди изобретателей. К примеру, во Франции для нарезки оружейных стволов в 1816–1817 гг. был разработан целый ряд новых машин, среди которых в 1818 г. была выбрана машина Жаке, значительно удешевившая и уточнившая производство нарезки⁶.

Что же происходило в российской оружейной промышленности в эти годы? С грустью стоит отметить, что никакой существенной деятельности по принципиальным позициям в описанных выше направлениях у нас не велось. Так, во время визита путешественника «Е» на ижевские заводы главным образом, выпускаемым у нас, было пехотное гладкоствольное дульнозарядное ружье образца 1808 года. В 1816 г. Ижевский оружейный завод выпустил 12209 пехотных ружей и 998 драгунских, в 1817 г. – 14905 и 4 соответственно (драгунское ружье представляло из себя укороченный и облегченный вариант пехотного)⁷. В то время как задача Ижевска, согласно указу императора Александра I, состояла в выпуске от 50 до 75 тысяч огнестрельного и «белого» (холодного) оружия в год⁸. На существенно скорректированный уровень производства в 20 тысяч единиц огнестрельного и 5 тысяч единиц холодного оружия, предписанный штатами 1807 г., Ижевские заводы вышли к 1820 г. и вплоть до 50-х годов редко за него выходили. Даже в годы Крымской войны производство существенно не увеличилось, хотя к тому времени Ижевск уверенно выпускал до 30 % от всего производимого в стране стрелкового оружия и к началу войны произвел около полумиллиона ружей⁹.

Тем временем Франция за 10 лет с 1801 по 1811 гг. выпустила 2 миллиона ружей, 250 тысяч мушкетонов и 2 тысячи нарезных карабинов; Британия за период с 1803 по 1826 гг. изготовила 3 миллиона 227 тысяч 715 ружей. Только Бирмингем выпускал в 1815–1816 гг. за один месяц 30 тысяч ружей – годовую норму Тульского оружейного завода¹⁰! Более того, как уже говорилось выше, значительная часть из них была уже оружием нового поколения.

Встает закономерный вопрос о причинах такого отставания российской военной промышленности. Ведь в наполеоновских войнах российское оружие ничем не уступало европейскому, а часто и превосходило его по своим боевым данным. Обычным ответом на этот вопрос, идущим еще из советских

времен, стал аргумент несовершенства общественно-политических отношений, а именно – пресловутого крепостничества. Однако думается, что он не является исчерпывающим. Иначе чем объяснить, что в рамках именно этой системы ко второй половине XVIII в. Россия стала мировым промышленным лидером, продукция которого, особенно металл, охотно покупалась всей Европой (доходило даже до того, что английские предприниматели ставили клейма российских заводов на свою продукцию. Чтобы она лучше продавалась!). А к середине XX в., вновь воспроизведя матрицу этой модели, но в гораздо более жестком виде, снова стала одним из мировых промышленных лидеров. Скорее всего, можно говорить о том, что при Петре I определился особый модернизационный путь развития России. Суть его состоит в том, что цели, задачи и смыслы модернизации определяются и иницируются государством. При этом государство широко опирается на частную инициативу, поддерживая и опекая ее. Задача государства в этой политике не только привлечь к ней значимые общественные силы, но и контролировать как свой собственный административный аппарат, так и частных предпринимателей задействованных в ней. Только тогда, когда это удастся, преобразования осуществляются достаточно гармонично и в интересах большей части общества. В России же к концу 10-х гг. XIX в. два важнейших элемента этой системы – государство-модернизатор и частная инициатива перестали работать. Примером как удачного, так и неудачного осуществления этой политики в первой половине XIX в. и стал Ижевский оружейный завод. Основатель последнего А.Ф. Дерябин достаточно четко сформулировал принципы успешного развития оружейного дела. Еще в 1806 г. он изложил их в своем *«Мнении, представленном министру финансов, о целесообразности строительства оружейного завода около р. Камы»*. Первый – соединение железоделательного и оружейного производства в один комплекс: *«...при каждом казенном железном заводе учредить по одной или по 2 артели всех цехов оружейного дела. Выгоды от сего суть следующие:*

- 1. Плотины и разные другие заведения и строения, относящиеся вообще до заводского действия всякого рода, имеются уже там готовые.*
- 2. Для устройства фабрик и машин оружейного дела большая часть ремесленных и рабочих людей находятся также в готовности и за умеренную цену.*
- 3. Материалы, нужные для строения при горных заводах, или возьмутся из их запасов, или приготовятся теми же рабочими людьми, или куплены будут весьма умеренными ценами....*
- 4. По вышеозначенным трем причинам устройство сих заведений не только не будет иметь никаких затруднений и может произведено быть в скором времени, но и несравненно меньше будет стоить, нежели всякий новый завод.*

5. *Управление сих заведений в общей массе с горными заводами почти ничего не будет стоить, вместо того, что особенный завод требует великих на то сумм, в чем доказательством служит Тульский завод...*

7. *Оружейное мастерство по разным местам распространится, и мастеровые люди при сих заводах, не только те, кои принадлежать будут к оружейному цеху, но и все почти, те кои принадлежат к слесарному и кузнечному цеху горно-заводскому, будут заниматься сим делом. Сие обстоятельство дает правительству средства в случае нужды вдруг увеличить до весьма большого количества дело оружия. Но при оружейном заводе особенно и отдельно заведенному свыше штатного числа разве только самое малозначащее количество может быть сделано...».*

Второй принцип – Оружейный завод должен работать с учетом коммерческих принципов:

«...Когда арсеналы наполняются оружием (что рано или поздно должно быть), то правительство людям при отдельно заведенном оружейном заводе должно дать содержание точно так, как армия, хотя в мирное время и нет надобности во всем оном количестве. Сие произведет новые ненужные расходы. Но артели оружейных цехов при горных заводах не потребуют сего содержания. Они будут в такое время заняты другими работами, к тому же их ремеслу более или менее относящимися, и не забудут своего мастерства...», тогда как *«...человек, переменяющий свое ремесло, никогда не может быть совершенен ни в одном мастерстве».* Эта актуальная идея Дерябина будет воплощена в Ижевске только спустя более полувека, хотя она была сформулирована уже в дерябинском же «Горном положении», которое Александр I утвердил еще в июле того же года. В нем она была выражена так: *«Мастеровые и рабочие люди и всякого рода художники при заводах могут заниматься разными мастерствами и ремеслами в Свободной Народной промышленности, сколько обязанности их по службе, по заводским работам и должностям могут им то позволить».*

Третий принцип – стимулирование мастеров для того чтобы они готовили «трудовую смену», *«...особливо обещая им свободу чрез 3 года записываться в такое состояние, в какое они пожелают: сие пожертвование и со стороны казны неважно, потому что люди сии оставят вместо себя более 1000 обученных оружейников...»¹¹.*

Очень важное предложение в этом «Мнении...», на которое исследователи почему-то не обращают внимание, Дерябиным было сформулировано так: *«...лишь бы управление сих заводов осталось на коммерческом основании, как доньше управлял Олонецкими заводами Гаскойн и отчасти постановлено ныне проектом Горного положения».* Олонецкие заводы (выпускали, в первую очередь, корабельные пушки), думается, упоминаются А.Ф. Деря-

биным совершенно не зря. Это было самое передовое в техническом и организационном плане российское предприятие того времени. Здесь не только применялись все передовые машины тех лет, вплоть до паровой, но и был введен принцип сдельной (или как тогда называли «задельной») оплаты труда. Помимо того, на этих заводах широко применялся вольнонаемный труд и принципы свободной конкуренции среди субподрядчиков – производителей частей артиллерийских орудий. Здесь же, впервые в отечественной оборонной промышленности, была внедрена диверсификация производства – когда, выполнив военный заказ, мастера изготавливали продукции гражданского назначения для реализации ее на свободном рынке. Этими заводами управлял шотландец Чарльз Гаскойн, до того работавший в знаменитой британской компании «Кэррон». Полководец Суворов, посетивший эти заводы, даже по преданию воскликнул: «Гаскойн – герой!». Гаскойн прибыл в Россию в 1786 г. и за несколько лет превратил находившиеся в полном упадке артиллерийские заводы Олонца, брак на которых достигал 90 %, в группу предприятий с браком до 4 %. Этим же путем, похоже, хотел идти и Дерябин. Так, именно по инициативе А.Ф. Дерябина высшей властью был принят указ от 25 февраля 1807 г., разрешающий устройство частных оружейных заводов и мастерских, *«чтобы, – как писал более ста лет назад один из первых исследователей деятельности Дерябина ижевский инженер А.М. Соловьев, – готовые ружья или части их привозить в Ижевский завод и сдавать по установленной цене. Если же частный завод будет делать более 5000 ружей, то туда будет послан приемщик»*¹². Да и собственно указ от 20 февраля 1807 г. полностью назывался так: *«Именной, данный Сенату. – Об умножении оружейных заводов и о дозволении частным заводчикам делать оружия и ставить оныя в казну»*. Именно так работала британская и особенно американская военная промышленность, достигая, благодаря конкуренции между производителями, высочайших результатов; подобное же вводил и Петр I. Указы эти, однако, действовали не долго и после того как Дерябин покинул Ижевск, были отменены другим Высочайшим повелением от 11 октября 1809 г., согласно которому было отменено право *«устройства частных оружейных заводов и мастерских, для приготовления ружей или частей их и сдачи их в Ижевский завод»*¹³. Так же были отменены дерябинские предложения об организации при других горных заводах цехов оружейного дела и право вырабатывать оружие частным лицам. Что не могло не привести со временем к общему технологическому застою.

Вслед за этим, устранив частную инициативу, государство само перестало порождать модернизационные импульсы. Казалось бы, высшая власть лично следила и руководила непрерывными опытами по усовершенствованию оружия. Так, только пехотное ружье образца 1808 г. менялось множество раз – в 1826, 1828, 1839, 1844, 1852, и 1854 годах. То же касается и ружей кира-

сирских, драгунских и пр. Но в чем состояла суть этих изменений? – это был путь по уменьшению веса через укорочение ствола, формы приклада и т.п. Но и это шло со скрипом: так, при внедрении образца 1828 г., в котором была только новая мушка и др. малосущественные изменения, переписка затянулась на 3 года. Пока Великий князь и шеф всех оружейных заводов империи Михаил Павлович не прекратил ее своим волевым решением, приказав всем заводам перейти на этот образец.

Кульминацией всего этого стало выполнение Высочайшего задания – внедрение в 1843 г. производства штуцеров по литтихскому образцу на трех российских оружейных заводах. Ижевск выполнил задание примерно через год и отослал свои первые образцы. Комиссия попросила внести некоторые изменения. Завязалась переписка и только через восемь лет на высочайшее имя поступил доклад:

«...Изготовлены на наших Оружейных заводах 30 штуцеров (на каждом заводе по 10 штук. – Е.Р.), по образцу Литтихских, для удостоверения до какой степени совершенства наши оружейники могут дойти в выделке сих штуцеров и в какую цену оные обойдутся.

Означенные штуцера осмотрены и поверены в Комитете по улучшению штуцеров и ружей..., штуцера эти признаны Комитетом по отделке их близко подходящими к Литтихским, и что несмотря на отмеченные в них недостатки..., штуцера сии, по мнению Комитета могут быть представлены Государю Императору, исключая двух Сестрорецкого завода....

Г. инспектор всей Артиллерии, принимая во внимание, что упомянутые штуцера, долженствующие служить образцом совершенства...; изготовлялись в течении 8 лет, и со всем тем имеют недостатки, и кроме того обошлись значительно дороже Литтихских штуцеров (), изволил приказать просить уведомления Вашего Превосходительства... до какой степени..., может быть понижена ценность штуцеров, при изготовлении их на наших оружейных заводах по обыкновенным нарядам, как готовится рядовое оружие». Ижевские образцы из всех оказались самыми дешевыми: их себестоимость без работы обошлась казне в 18 рублей 1, 466 коп. серебром. Плюс в 7 рублей 78 $\frac{1}{4}$ коп. была оценена работа мастеров. Образцы сестрорецкие, к примеру, стоили на 10 рублей дороже и вышли хуже качеством. Литтихский же штуцер покупался за 85 франков, что в переводе на рубли равнялось 20 руб. 96 коп. Центральные власти робко поинтересовались, может цена обозначена не серебром, а ассигнациями¹⁴. Из Ижевска пришел однозначный ответ – серебром (серебряный рубль стоил дороже рубля ассигнациями более чем в 2 раза).*

Но дело даже не в высокой цене производства, а в том, что эти штуцера к тому времени значительно морально устарели. Мы же, после неудачи с литтихскими штуцерами, ограничились переделыванием по их подобию

драгунских ружей, путем нарезки каналов в их стволах. Эти ружья получили название штуцера Гартунга и были утверждены на вооружение в 1848 году. При этом штуцер Гартунга даже не достиг характеристик уже снятого к этому времени с вооружения британской армии литтихского штуцера. Так, при стрельбе остроконечными пулями с выступами бельгиец попадал в мишень размером 5,95 м на 2 м с расстояния в 840 шагов 61 выстрел из ста, имея убийную силу в 1120 шагов. Штуцер Гартунга на том же расстоянии, которое было для него предельным, попадал 11 раз из ста¹⁵. Характеристики для боя просто для нас смертельные!

Результат – в Крыму винтовками у французов вооружено более 30 % армии, у британцев – более 50 %. У нас же полагалось 26 штуцеров на батальон в 1854 г. и только к концу 1855 г. – 26 на роту. Из-за чего последовали поражения под Инкерманом, на Альме и Черной речке, где противник дистанционно на выбор уничтожал наших офицеров и артиллеристов. И только традиционный героизм армии и населения, измотавших врага своим упорным сопротивлением, не привел к полной катастрофе.

Впрочем, вины ижевских оружейников в этом никакой не было. Они самоотверженно работали в той системе, которая была им предписана. Но вот сама эта система оказалась далека от совершенства. С одной стороны она обеспечивала стабильность и достойный уровень жизни для тех же оружейников. С другой – все главные решения в ней принимались одним лицом, которое в нашем случае было к тому же и главным инженером, инноватором и изобретателем. Но даже правильные решения в этой системе надолго тормозились.

Ну и самый наглядный пример. После русско-турецкой войны 1828–1829 гг. произошла двухлетняя остановка работы Тульского оружейного завода. Армия острейшим образом нуждалась в оружии, Ижевский завод стал его главным поставщиком, но оружия все равно не хватает, т.к. ижевские возможности были ограничены энергетическими мощностями заводской плотины. Как бы поступил тот же Чарльз Гаскойн или любой другой государственно мыслящий частный промышленник, не забывающий и о своей выгоде? Немедленно бы были вложены деньги в решение энергетических и технологических проблем, как это сделал тот же Гаскойн в конце XVIII в. на Олонекских заводах, установив на них паровую машину. Цена подобной установки в то время колебалась от 30 до 40 тысяч рублей. Сумма не малая, но она полностью снимала энергетические проблемы. Однако в окружении императора решили закупать ружья за границей в Британии количеством 100 тысяч по 30 руб. 46 коп. за штуку. При этом они по техническим данным во многом уступали ижевским и стоили в 3 раза дороже! От России за ними поехал генерал-майор Боде, имевший, по странному совпадению, родственников в Англии. После доставки ружей в Петербург выяснилось, что у большинства

из них «стволы с раковинами, со слабыми казенниками, с большими пленами и трещинами, даже есть нештупованные и некоторые части ружей надломлены, кроме того все почти ружья разной длины». Общий ущерб от этой сделки исчислен был Артиллерийским департаментом в гигантскую для того времени сумму – 1 миллион 151 тысячу 452 рубля (на них можно было простроить новый оружейный завод, подобный Ижевскому). 150 тысяч хотели взыскать с самого Бодэ, но тот объявил себя банкротом¹⁶.

Крымская встряска заставила руководство страны вернуться к принципам, заложенным Петром I и развитым А.Ф. Дерябиным, к сочетанию частной инициативы и продуманной государственной политики, а также, к сугубо дерябинскому, объединению сталелитейного и оружейного производства в один комплекс. И произошло вполне предсказуемое чудо – Россия вновь стала лидером в производстве стрелкового оружия. А ижевские оружейники не только в очередной раз продемонстрировали свою способность схватывать все технические инновации, как говорится, с лету, когда на парижской выставке 1867 г. было отмечено, «лучшие всех по отделке могут быть признаны винтовки ижевские», но и собственные изобретательские и предпринимательские таланты. Но это была уже другая история.

¹ См., напр.: Шумилов Е.Ф. Город оружейников. Ижевск, 2002. С. 464.

² Е. Описание Ижевского железодельного и оружейного завода // Вестник Европы. 1817. № 15–16. С. 270.

³ Jomini, Le Baron de. Précis de l'Art de la Guerre: Des Principales Combinaisons de la Stratégie, de la Grande Tactique et de la Politique Militaire. Brussels: Meline, Cans et Copaignie, 1838. P. 37, 42 et autres.

⁴ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 2005. С. 112–114.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Герих П. Иностранные винтовки. СПб., 1914. С. 87.

⁷ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1282. Л. 68–70 об.

⁸ Указ именный, данный Сенату. – Об умножении оружейных заводов... 20 февраля 1807 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. Ст. 22464.

⁹ Ляпин В.А. Кузница русского оружия // Россия и Удмуртия: История и современность. Материалы Междунар. науч.-прак. конф., посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства / Сост. и общ. редакция В.В. Пузанова и А.Е. Загребина. Ижевск, 2008. С. 444.

¹⁰ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 114.

¹¹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–24.

- ¹² Соловьев А.М. В память столетнего юбилея основания Ижевского оружейного завода. 1807 г. 10 июня – 1907 г. 10 июня. Исторический очерк. Ижевск, 1907. С. 3–5.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 472. Л. 291–292 об.
- ¹⁵ Суханов И., Хабурзания М. Штуцер Гартунга и другие... // Калашников. Оружие. Боеприпасы. Снаряжение. 2003. № 6. С. 54–60.
- ¹⁶ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 44–45.

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОВАЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СЕЛЕ ИЖЕВСКОМ В ПЕРВЫЕ ПОРЕФОРМЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX В.

Н.П. Лигенко (г. Ижевск)

Исследование частного предпринимательства дает возможность расширить горизонты экономической картины заводского селения, выявить адаптационные формы и механизмы в изменяющихся условиях, взаимоотношение крупных и мелких форм хозяйствования. Уральские историки внесли новую струю в осмысление проблемы «кустарные промыслы горнозаводского населения», считая, что в условиях дефицита бюджета, природных катаклизмов выработалась защитная реакция горнозаводского социума, ориентированная на развитие внеземледельческих занятий, что это тактика приспособления к новым условиям жизни¹. Под кустарными здесь понимаются все формы домануфактурной промышленности. Наш источниковый материал позволяет классифицировать промышленные заведения по их социально-экономической сущности и выделить отдельные формы.

Историки региона, занимающиеся данной проблематикой, располагают уникальным источником: поволостное обследование кустарных промыслов*, проведенное Вятским губернским статкомитетом в 1871 году. Данные источника позволяют представить конкретную картину экономического развития мелких промышленных заведений в селе Ижевском* на рубеже 1860-х – 1870-х гг., определить роль промыслов в жизни сельских обывателей, уровень подверженности модернизационным процессам, потенциальные возможности.

* Понимаются все внезаводские промышленные занятия.

При исследовании условий и времени возникновения частных заведений просматриваются две тенденции. С одной стороны, судьбоносную роль в жизни крепостных мастеровых и «непременных работников» Ижевского завода сыграла отмена крепостничества особым указом 1866 г.: сельские обыватели свободно могли заниматься торгово-промышленной деятельностью, что в свою очередь предотвратило отток населения из заводских селений и способствовало миграции капитала из различных регионов страны. Так, у литейщиков села Ижевского* «промысел начался с 1867 г., то есть со времени освобождения оружейников от обязательных отношений к заводу». Кузнецы Нагорной волости начали заниматься промыслом «после увольнения из Ижевского завода с 1867 г.». С другой стороны, издавна были развиты традиционные промыслы, обеспечивавшие население села предметами первой необходимости. Ткачеством, плетением лаптей занимаются «с малолетства, происшедшим от предков», – поясняют мастера. Сапожный промысел «начался назад тому порядочное время, с малолетства мастеров, вызван спросом на вещи². Бондари, горшечники промыслом так же занимаются «с малолетства, перешедший от предков».

Виды промышленных занятий были продиктованы потребностью населения и характером имеющегося сырья. Преобладающей формой производства были мелкотоварные заведения, присутствовала ремесленная и домашняя формы промышленности, но они уже не были столь статичными, ориентир производителя при малейшем избытке продукции был обращен к рынку. Сформировалась простая капиталистическая кооперация с заметным перерастанием в капиталистическую мануфактуру. На данном этапе экономического развития хозяева заведений еще не обладали капиталом, обеспечивающим формирование крупных промышленных заведений, как это было в гг. Сарапуле и Елабуге.

Ведущая роль как в Заречной, так и Нагорной волостях к 1871 г. в частном производстве принадлежала металлообработке. Данный вид производства лег на подготовленную почву: металл покупался на заводах, навыки обработки его складывались на протяжении двух столетий. Казенный Ижевский завод земскими деятелями в свое время назывался «рассадником кузнечного промысла». «Кузнечным делом»** в Заречной волости было занято 12 мужчин, в Нагорной вместе с Русской Карлуткой – 29 мужчин. Ассортимент продукции был идентичным, с ориентацией на мелкие промышленные заведения и крестьянское хозяйство. Как известно на Ижевский базар съезжалась большая масса продавцов и покупателей широкой округи. Кузнецами производились

* Иногда сельские обыватели называют село Ижево.

** Название промысла дается по источнику.

сошники (790 шт.), топоры (1380 шт.), косы (290 шт.), серпы (295 шт.), ухваты (240 шт.), сечки (60 шт.), подковы (1450 шт.), ножи (150 шт.), ножницы (180 шт.), гвозди (30 пуд.), замки для ружей (350 шт.). Железо и сталь приобреталось на Ижевском и Воткинском заводах, а также на базаре. В состав оборудования входили: молотки, клещи, забойки, которые делали сами кузнецы. Меха покупали на Мензелинской ярмарке; уголь, наковальни, молоты, клещи – на базарах Ижевска. Каждый кузнец имел свою кузницу, «работу производит каждый хозяин с одним работником», то есть кузнецом и молотобойцем, который, как правило, был наемным рабочим. Кустари Заречной волости отмечали, что «кузнечное дело с давнего времени, вызвано спросом изделий. «Мастера единственно заработком от этого мастерства содержатся и пропитывают семейства свои»³. На вопрос о нравственном влиянии промысла на рабочих, кузнецы отвечали, что «Нравственность хорошая от этой работы, не утрачивается, физические силы развиваются. Но от постоянного присутствия огня теряется зрение и слух от стука»⁴.

Мастерские по «литью разных вещей»: кастрюлей, самоваров, подсвечников, ковшей, чашек, рукомойников, находились также на уровне мелкотоварного производства. Однако здесь ярче была выражена тенденция трансформации в простую капиталистическую кооперацию, о чем свидетельствуют сообщения самих мастеров: « Работа производится в доме хозяина наемными рабочими, которые в другие места работать не уходят... Оборот промышленности с течением времени увеличивается и потому сама промышленность улучшается. Для большего улучшения нужно большее число рук. А для найма их порядочный капитал. Рабочие мастерских занимаются постоянно и содержаться зарплатой»⁵. Развитию производства способствует востребованность изделий. «Вещи делаются по заказу разным лицам. Выгодно, сразу сбывается, не залеживается», – поясняют мастера. Выявляется также активная роль хозяина в организации производства. Медь для изделий приобретается на Мензелинской ярмарке. Опоки, горшки, огнеупорные изделия из белой глины покупаются на оружейном заводе. Остальные слесарные инструменты мастера делают сами. Технология изготовления вещей довольно проста, характерная для мелких форм производства. По рассказам рабочих, медь расплавляется в тиглях из белой глины, затем выливается в формы, изделие доводится до готовности слесарными инструментами.

В Заречной волости функционировали две мастерские по изготовлению охотничьих ружей (850 шт.) и пистолетов (750 шт.), обслуживающиеся 10 работниками. Охотничьи ружья самостоятельно изготавливали «с давнего времени. Мастерством этим занимаются по привычке находя его насколько – нибудь выгодным». В Нагорной волости в производстве оружия было занято 40 мужчин (2500 шт.), это – хозяева и наемные работники из местных жителей, которые

с «малолетства обучались в Ижевском оружейном заводе». Ружейные стволы приобретались из бракованных на Ижевском заводе, слесарные инструменты – частично на оружейном заводе, частично на базаре и изготовлялись самими мастерами, «черновые вещи» покупались у кузнецов Заречной и Нагорной волостей, березовые болванки – на базаре. Отделка «чеповых вещей» производилась в мастерской хозяина особым для каждой вещи мастером, после отделки каждой вещи» высокопрофессиональным специалистом производилась сборка ружья. Сбыт производился на Нижегородской, Мензелинской, Бугульминской ярмарках, рынках Перми и Ижевска, а также жителям окрестных деревень, по выгодной цене для покупателя. Для изготовителя же, поясняют мастера: «Сбыт не очень выгоден, потому что за ружья платят дешево, а нужен провоз и содержание в дороге»⁶. Ружейники утверждают, что для развития этого дела нужен только спрос на ружья и мастеров найдется много. «Рабочие этим мастерством содержатся с семейством»⁷. Число наемных рабочих, разделение труда между ними, тесная связь с рынком свидетельствуют о наличии простой капиталистической кооперации, с тенденцией перерастания при благоприятных условиях в фабрику.

Помимо оружейников переписчиками были зафиксированы слесари (62 чел.), которые на дому в своих мастерских изготавливали отдельные части к «казенным ружьям». «Черновые вещи для отделки» получали из складов Арендно-коммерческого управления Ижевского завода, туда же и их сдавали после отделки. Мы имеем дело с надомными работами, когда профессиональные мастера являлись рабочими завода, «работой этой занимались мастеровые постоянно во всякое время года».

Сапожный, мебельный, скорняжный, гончарный, токарный, бондарный, портняжный промыслы, вязание рыболовных снастей представляли собой мелкотоварные заведения, ориентированные на мелкий, местный рынок, обслуживающий нужды сельского населения Ижевска и его округа. Изготовлением политурной мебели было занято 8 мужчин и 2 детей. Ассортимент готовой продукции составляли столы ломберные (75 шт.), десертные (20 шт.), гардеробы (10 шт.) шкафы с ящиками (30 шт.), стулья (81 шт.), кросна для ручного тканья (25 шт.). Изделия, в основном, изготовлялись по заказу обывателей. Материалы необходимые в производстве: доски, лак, политура, приобретались на базаре; а топоры, фуганки, одноручные пилы, скобели, стамески, верстаки – на заводе. Отмечалось, что «сбыт очень выгоден... Для улучшения промысла необходимо, кроме капитала – разделение труда. Например, один должен постоянно готовить лес, другой делать чернь, третий отделявать, четвертый красить»⁸. На данном этапе развития промысла «каждую вещь делает один мастер». Следует предположить, что мебель в Ижевске была неплохого качества, поскольку один из мастеров «обучался по распоряжению бывшего Ижевского

начальства в С.-Петербургской школе и работает шестой год». Мастера, конкурируя между собой, очень быстро перенимали новинки.

Два кустаря самостоятельно, в своих мастерских занимались изготовлением простой крестьянской мебели. Промыслу научились «с малолетства, перешедшему от предков, упадка не заметно». Производились столы (70 шт.), стулья (150 шт.), диваны (20 шт.). Промысел основан на семейной кооперации. Бревна обрабатывали сами, реализация мебели происходила «помелочно» на базаре.

Ижевчане обслуживались пятью сапожными мастерскими, в которых шили сапоги разного сорта (750 шт.), башмаки (1250 шт.), калоши (500 шт.) и ременные сбруи. Процесс производства соответствовал простой капиталистической кооперации: наемные рабочие, разделение труда между ними. Отмечается, что «Вся работа начинается одним, а заканчивается другим мастером в одной и той же мастерской». Обувь выполнялась по заказу потребителя. «Сбыт выгоден, потому что товар не лежит долго», – поясняют мастера. Небольшим числом были представлены бондари (5 муж.), изготавливающие бочки (100 шт.) «для простонародья». Работа основывалась на семейной кооперации. Сбыт происходил на базаре – помелочно и на заказ. Гончары (6 мужчин) делали корчаги (560 шт.), горшки (600 шт.), плашки (200 шт.). Производство также было основано на семейной кооперации. Сбыт производился на базарах в Ижевске помелочно. «Упадка незаметно».

Широко было представлено «ручное тканье», которым охватывалось 2435 взрослых женщин и 265 подростков, изготовлявших в год 5150 аршин холста из льняной и конопляной пряжи, приобретенной на базарах. Как экономическая категория промысел носил домашний характер и условий для перерастания в более разитые формы промышленности здесь не было. По рассказам ткачей: «Занимаются тканьем холста у себя на дому, только одни члены семейства, для того наемных рабочих не бывает. И особого промысла не составляет... Холст употребляется для ношебной одежды, на рубахи и штаны своих членов семейства, хотя продается. Но самая малая часть на базарах в селе Ижевском помелочно, скупщиков нет». Однако «ручное тканье...уменьшается по случаю дешевизны ситцев»⁹, – отмечают ткачихи. В Нагорной волости зафиксирован еще один вид домашнего производства, это – вязание на спицах из шерстяной и льняной пряжи чулок, носков, варежек. В данном промысле было задействовано 1938 женщин. 91 мужчина. 328 детей. «Изделия эти приготавливаются собственно для семейств своих, хотя продаются на базарах в селе Ижевском помелочно. Но в малом количестве». Получили развитие и художественные промыслы (129 женщин): тканье полотенцев с узорами, кушаков, тесьмы, «перешедшие от предков», коими занимаются «с малолетства». Вытканые полотенца надеваются на «пялы» и вы-

шиваются цветными узорами. Полотенца изготавливаются в основном для семьи. А «какая-то часть продается помелочно в селе Ижево на базаре», – рассказывают рукодельницы. Традиционным является также «кружевное дело» (207 женщин и 61 подросток): узкие кружева вяжутся «одной иглой, а широкие на бубнах». Рукоделием занимаются с малолетства, перешел от предков, упадка не замечается. «Напротив промысел изобилует. Нравственности и здоровью вреда не приносит», – считают кружевницы.

Плетением «крестьянских липовых лаптей» занимаются 162 мужчины (4190 пар), продаются изделия от 2 1/2 коп. до 7 коп за пару. Промыслом занимаются «с малолетства, перешедший от предков, упадка не замечается». В производстве лаптей участвуют все члены семьи, начиная с детей и кончая стариками. Сырье заготавливается самостоятельно. Инструменты: ножкоточник приобретается на базаре. Кустари, прежде всего, обеспечивали обувь всю семью, на базар выносили оставшуюся продукцию.

Из вышеизложенного следует, что базар являлся важным, основным центром взаимного товарообмена сельскохозяйственной и промышленной продукции, стимулировавший развитие предпринимательства. Владельцы промышленных заведений инструменты и сырье для изделий в основном приобретали на Ижевском базаре, куда выносили и свой товар.

Объемы изготавливаемой продукции, число наемных рабочих, ручной характер производства указывают на преобладание небольших мелкотоварных заведений, ориентированных на местный рынок. Следует отметить жизнеспособность данной формы производства. Имеет место быть и домашняя форма промышленности, но ее постепенно вытесняет заводское производство. В силу существующих благоприятных условий, предшествующего опыта ведения самостоятельного производства – большие потенциальные возможности были у металлообрабатывающих заведений, стоявших на более высоком уровне развития. Наблюдается тенденция перерастания капиталистической кооперации в мануфактурное производство, ориентированное на центральные рынки страны. Ижевский производитель приспособлялся к новым запросам времени. Анализируя экономические перспективы развития промыслов, он высказывал пути их дальнейшего роста. Мелкие формы промышленного производства оказывались востребованными жизнью.

¹ *Алеврас Н.Н., Фомичева Т.С.* Кустарные промыслы и горнозаводское население Урала на рубеже XIX–XX вв. // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. Екатеринбург, 2006. С. 25–39.

² ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 394. Л. 10.

³ Там же. Л. 4, 182.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Там же. Л. 8.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИЖЕВСКОГО СТАЛЕДЕЛАТЕЛЬНОГО ЗАВОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

Г.Н. Шумкин (г. Екатеринбург)

Сколько копий уже было сломано, а сколько еще сломается в битвах историков по проблеме промышленного переворота! В этих спорах возникали новые направления и школы по изучению проблем социально-экономической истории, рождались новые идеи¹. Однако ключевые пункты данной проблемы (такие как его хронология, его признаки, особенности протекания в различных регионах и т.п.), по-видимому, вряд ли когда-нибудь будут решены.

Во-первых, исследователи, придерживаясь, в целом, общего представления о промышленном перевороте как о вытеснении ручного труда машинами, понимали его по-разному. Одни исследователи акцентируют внимание на распространении определенных видов техники, другие – на быстром росте объемов производства, третьи – на становлении класса промышленного пролетариата. Во-вторых, представление о том, что промышленный переворот в любом регионе и в любой отрасли должен был вызвать обязательный резкий качественный скачок, по крайней мере, спорно. Очевидно, что тот бурный промышленный рост, который наблюдался в Англии во второй половине XVIII – начале XIX вв., смог состояться только благодаря уникальным, неповторимым условиям – ни в одной стране мира тогда не было конкурентоспособного фабрично-заводского производства.

Кроме того, представление о развитии как о забеге на короткие дистанции с преодолением определенных обязательных этапов, которое, в целом, харак-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов» (грант президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ-5236.2010.6).

терно для прогрессистского мировоззрения², дает сомнительную методологическую установку. Такие представления хороши для оправдания политики власть предержащих³, но препятствует правильному пониманию социально-экономического развития, сужает его до «гонки за лидером», в результате чего человек и, в целом, все общество начинают восприниматься в качестве материала для нового рывка за новой мифической целью.

В последнее время понимание априорности и когнитивной ограниченности схем, опирающихся на идеи фиктивного финализма, их весьма условной объективности, привело к распространению менее жестких концептов. «Промышленный переворот» постепенно вытесняется «индустриализацией» и «индустриальным развитием», под которыми понимают все тот же процесс замены ручного труда машинной техникой, но без акцента на каком-то наборе обязательных достижений в социально-экономическом развитии.

Отказ от понимания развития «как гонки за лидером» расширяет потенциал интерпретации результатов анализа. Вместо весьма упрощенной шкалы «прогрессивный-отсталый» возникает возможность включить развитие промышленных предприятий в более широкий контекст стратегий развития общества и экономики. При этом необходимо отметить, что методы изучения индустриального развития, в целом, остались прежние. Это анализ динамики производства, обновления основного капитала и изменения ресурсной базы на основании количественных показателей.

В данной работе предпринимается попытка проанализировать особенности индустриального развития Ижевского сталелитейного завода в конце XIX – начале XX вв. Ижевский завод был основан в 1760 г. П.И. Шуваловым для передела в железо чугуна Гороблагодатских заводов. В 1807 г. завод был перепрофилирован в оружейный, и в 1808 г. был передан в ведение Военного министерства, но его тесная связь с Гороблагодатскими заводами и с другими казенными горными заводами сохранилась вплоть до событий 1917 г. В рассматриваемый период Ижевский завод снабжали чугуном предприятия Гороблагодатского горного округа, пудлинговым железом – Златоустовского округа, станками, железом и сталью – Воткинский завод.

Связь с уральскими горными заводами отразилась и на институциональных аспектах организации предприятия. Ижевский завод с прилегающими к нему лесами был оформлен в заводской округ. В конце XIX в. система горнозаводских округов воспринималась «общественностью» как пережиток прошлого, как тормоз быстрого развития уральской металлургии⁴. Ижевский завод, являясь предприятием подведомственным Военному министерству, оказался вне той волны критики, которая обрушилась на горные заводы Урала. Тем не менее, по своей ресурсной базе, организации производства он мало отличался от горных заводов Урала.

Если на один металлургический завод в России приходилось, в среднем, около 40 дес. земли и 30 дес. леса, то на один горный завод Урала – 100 дес. земли и 70 дес. леса, на один казенный горный завод – 160 дес. земли и 120 дес. леса, а на Ижевский завод – 130 дес. земли и 120 дес. леса (см. табл. 1). Дача Ижевского завода выделялась, во-первых, низким процентом «пустой» (без леса) земли – только 10 % против 25 %, в среднем, по металлургическим предприятиям Урала и России. Во-вторых, она в начале XX в. не уменьшилась в размерах в отличие от дач горных заводов, сократившихся на 40 % вследствие землеустройства бывших крепостных мастеровых.

Таблица 1

**Площадь земли и лесов черной металлургии России,
тыс. десятин***

Год	Ижевский завод	Казенные горные заводы Урала	Заводы Урала	Заводы России
Площадь земли				
1890	129,5	2502	10198,5	11374,5
1900	132,8	2129,9	11663,1	12864
1910	132,8	1591,4	7160,9	7901,9
Площадь лесов				
1890	126,6	1671,6	7758,3	8749,9
1900	121,3	1698,7	8851,6	9812,6
1910	121,3	1358,1	5451,9	6014,8

* Составлено по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1890 г. СПб., 1892. С. 144–145, 152–153, 166–167; Сборник... в 1900 г. СПб., 1903. С. 222–225, 236–237, 264–265; Сборник... в 1910 г. СПб., 1913. С. 242–243, 252–253, 268–269.

Высокий уровень обеспеченности лесными материалами предприятий Урала (в 1890–1910 гг., благодаря окружной системе, на них приходилось 90 % лесов и земель, принадлежавших предприятиям черной металлургии России) предопределил особенности топливно-энергетического баланса. Если, в целом, в России доля энергии, получаемой из минерального топлива в 1890–1910 гг. выросла с 49 до 81 %, то на Урале она оставалась стабильной – не более 10 % (см. табл. 2). На Ижевском заводе структура топливно-энергетического баланса была уральской (см. табл. 3). Если учесть, что кокс использовался на Ижевском заводе в первую очередь не как топливо, а как материал для изготовления тиглей, то доля минерального топлива была еще меньше.

Таблица 2

**Топливо-энергетический баланс
предприятий черной металлургии России в 1890–1910 гг.***

	Топливо растительного происхождения				Минеральное топливо					Итого условное топливо, тыс. пуд.
	Дрова, куб. тыс. саж.	Уголь, тыс. ко-роб.	Всего, условное топливо		Камен. уголь, тыс. пуд.	Мазут, тыс. пуд.	Торф, тыс. пуд.	Всего, условное топливо		
			тыс. пуд.	%				тыс. пуд.	%	
1890										
Урал Рос- сия	577	2153	45169	96	2104	—	—	1957	4	47126
	816	2868	60696	51	62088	—	15	57746	49	118442
1900										
Урал Рос- сия	687	3412	69141	91	6991,4	—	—	6502,0	9	75643,1
	929	4489	91224	23	333000	1625	21	311923	77	403147
1910										
Урал Рос- сия	549	2304	47617	88	6523	436	28	6673	12	54289
	708	2787	58050	19	269000	725	1653	251659	81	309709

* Составлено и подсчитано по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1890 г. СПб., 1892. С. 152–153, 166–167; Сборник... в 1900 г. СПб., 1903. С. 236–237, 264–265; Сборник... в 1910 г. СПб., 1913. С. 252–253, 268–269. Подсчитано по формуле: $X \cdot K$, где: X – вес топлива в пудах, K – калорийный эквивалент. Калорийный эквивалент для дров – 0,27; древесного угля – 0,92; кокса – 0,93; мазута – 1,37; торфа – 0,3. (См.: Некрасов А.С., Синяк Ю.В., Янпольский В.А. Построение и анализ энергетического баланса (вопросы методологии и методики). М., 1974. С. 81–87). Примерный вес одного корба древесного угля – 19,66 пуд., одной кубической сажени дров – 40 пуд. (Боклевский П.П. Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург, 1899. С. 24).

По историографической традиции преобладание в топливо-энергетическом балансе топлива растительного происхождения принято рассматривать как признак доиндустриального уровня развития производства⁵. Объемы заготовки древесного топлива и естественный прирост древесной массы лимитировали выпуск продукции. Например, по расчетам администрации Ижевских заводов для производства 30 винтовок или 200 3-дм шрапнелей требовалось 27 кубических сажени дров⁶.

Таблица 3

**Топливо-энергетический баланс Ижевского завода
в 1890–1910 гг.***

Год	Топливо растительного происхождения				Минеральное топливо			Итого условное топливо, тыс. пуд.
	Дрова, тыс. куб. саж.	Древесный уголь, тыс. коробов	Всего, условное топливо		Камен. уголь, тыс. пуд.	Всего, условное топливо		
			тыс. пуд.	%		тыс. пуд.	%	
1890	8,1	4,1	161,8	89,1	21,2	19,7	10,9	181,5
1892	16,3	5,6	277,5	96,8	10	9,3	3,2	286,8
1894	22,4	9,1	406,8	85,6	73,4	68,3	14,4	475,1
1896	21	5,3	322,9	98,0	7,2	6,7	2,0	329,6
1898	11,3	3,4	183,7	93,5	13,8	12,8	6,5	196,5
1900	9,4	2,3	143,2	79,2	40,4	37,6	20,8	180,8
1902	8,8	1,6	124,0	86,7	20,4	19,0	13,3	143,0
1904	18,5	2,9	252,4	91,0	26,7	24,8	9,0	277,2
1906	29,5	3,6	383,8	89,3	49,6	46,1	10,7	430,0
1907	24,1	2,8	311,0	89,4	39,7	36,9	10,6	347,9
1910	24,6	3,3	325,5	93,0	26,4	24,6	7,0	350,0

* Составлено и подсчитано по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1890 г. СПб., 1892. С. 145; Сборник... в 1892 г. СПб., 1894. С. 179; Сборник... в 1894 г. СПб., 1896. С. 211; Сборник... в 1896 г. СПб., 1898. С. 225; Сборник... в 1898 г. СПб., 1900. С. 207; Сборник... в 1900 г. СПб., 1903. С. 223; Сборник... в 1902 г. СПб., 1905. С. 245; Сборник... в 1904 г. СПб., 1907. С. 267; Сборник... в 1906 г. СПб., 1909. С. 235; Сборник... в 1910 г. СПб., 1913. С. 243.

Однако неразвитая транспортная сеть, отсутствие в регионе месторождений коксующихся углей и специализация на выпуске дорогого, высококачественного металла по хорошо отработанным технологиям, основанным на применении дров и древесного угля, задерживали переход на качественно новые источники энергии.

Следует отметить, что для большинства государственных металлургических предприятий на Урале специфика энергетики не создавала больших сложностей. В отличие от частных предприятий, работавших на рынок, стремившихся к максимизации прибыли, к наращиванию масштабов про-

изводства, Ижевский завод и казенные горные заводы ориентировались на выполнение государственных, военных заказов, весьма ограниченных по объему выпуска, но требовавших высокого качества исполнения. Поэтому острейшая для частных и посессионных округов проблема дефицита топлива на государственных предприятиях почти не ощущалась. Более того, на Ижевском заводе в конце XIX – начале XX вв. произошел отказ от традиционного способа экономии леса – от использования гидроэнергетических установок.

С 1890 по 1910 гг. мощность двигателей на Ижевском заводе возросла в 1,6 раза, на казенных горных заводах Урала – в 1,5 раза, на всех предприятиях черной металлургии Урала – в 1,4 раза, во всей черной металлургии России – в 3,7 раз (см. табл. 4). Если в 1890 г. на Ижевском заводе действовали 8 колес и 8 турбин, на которые приходилось более 40 % совокупной мощности двигателей, то к 1910 г. на заводе не осталось ни одной гидравлической силовой установки, все станки и агрегаты приводились в движение 15 паровыми машинами общей мощностью в 1987 л.с.

Тенденция к вытеснению гидроэнергетики установками, действующими на энергии топлива была общей для силовых хозяйств предприятий черной металлургии России (мощность водяных двигателей была непостоянна, она определялась скопом воды в заводском пруду). Однако этот процесс разворачивался в России, в целом, медленнее. Во-первых, продолжали действовать старые, маломощные заводы, для которых инвестиции в реконструкцию энергетического хозяйства превращались в крупную проблему. Во-вторых, водяные двигатели позволяли экономить дрова, которые в процессе землеустройства бывших крепостных рабочих становились все более дефицитными. На Урале эти препятствия были особенно серьезными. Поэтому, не смотря на то, что на Урале наблюдалось сокращение гидроэнергетики (ее доля в 1890–1910 гг. сократилась с $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{3}$), ее роль в силовом хозяйстве предприятий, в целом, оставалась весьма существенной. Что касается Ижевского завода, то площадь его дачи в рассматриваемый период не уменьшилась. При этом, ставить успешность выполнения срочных военных нарядов в зависимость от капризов природы было рискованно: в 1897 г. из-за засухи временно останавливались тигельный, ствольный и инструментальный цеха. Однако полного отказа от энергии воды не произошло. На заводе было построено две гидроэлектростанции, благодаря которым в 1899–1903 гг. в цеха было проведено электрическое освещение, а станки завода были переведены на электропривод⁷.

Энерговооруженность труда на Ижевском заводе, в отличие от всей черной металлургии России, не возросла. Более того, она к 1910 г. сократилась и была меньше, чем, в среднем, на предприятиях Урала и России. Если в

1890 г., до создания мощной современной металлургии Юга России, энерго-вооруженность труда в Ижевске была равна общероссийским и уральским показателям, то в 1900 г., когда металлургия Юга стала реальностью, она стала в два раза, а в 1910 г. – в три раза меньше, чем в среднем по России (см. табл. 5). Это было обусловлено высокой трудоемкостью производственных операций. По данным А.А. Александрова, доля ручного труда в ствольно-коробочной, замочной и кузнечной мастерских завода в начале XX в. составляла около 40 %⁸.

Таблица 4

**Двигатели предприятий черной металлургии России.
Количество и мощность (л.с.) в 1890–1910 гг.***

Тип двигателя	Ижевский завод		Казенные горн. заводы Урала		Заводы Урала		Заводы России	
	Кол-во	Мощность	Кол-во	Мощность	Кол-во	Мощность	Кол-во	Мощность
1890								
Колеса	8	260	104	1905	630	15373	931	20507
Турбины	8	260	44	2609	288	16105	362	18593
Паровые машины	7	675	55	3862	266	14966	904	57148
Локомобили	2	24	6	75	52	632	126	1694
Всего	25	1219	209	8451	1236	47076	2323	97942
1900								
Колеса	5	200	56	1045	359	9078	607	13935
Турбины	6	205	51	3595	366	21367	575	26313
Паровые машины	13	1429	58	4940	426	28013	2307	319214
Локомобили	3	38	21	524	95	2047	368	27198
Всего	27	1872	186	10104	1246	60505	3857	386660
1910								
Колеса	–	–	29	494	150	7038	208	8378
Турбины	–	–	48	3615	310	19344	416	38519
Паровые машины	15	1987	75	8367	356	40443	1639	290126
Прочие двигатели**	–	–	11	569	73	2978	662	22277
Всего	15	1987	163	13045	889	69803	2925	359300

* Составлено по: Сборник... в 1890 г. СПб., 1892. С. 144–145, 152–153, 166–167; Сборник... в 1900 г. СПб., 1903. С. 222–225, 236–237, 264–265; Сборник... в 1910 г. СПб., 1913. С. 242–243, 252–253, 268–269.

** Локомобили, газомоторы, электромоторы, дизели, керосиномоторы, паровые турбины.

Таблица 5

Энерговооруженность труда (л.с. на одного рабочего)*

	Ижевский завод	Казенные горные заводы Урала	Заводы Урала	Заводы России
1890				
Рабочие основных цехов	0,9	0,9	0,9	1,0
Все рабочие	0,8	0,6	0,3	0,5
1900				
Рабочие основных цехов	1,0	0,8	1,0	2,1
Все рабочие	0,8	0,3	0,4	1,2
1910				
Рабочие основных цехов	0,7	0,8	1,3	3,1
Все рабочие	0,6	0,5	0,7	1,9

* Составлено и подсчитано по: Сборник... в 1890 г. СПб., 1892. С. 144–145, 152–153, 166–167; Сборник... в 1900 г. СПб., 1903. С. 222–225, 236–237, 264–265; Сборник... в 1910 г. СПб., 1913. С. 242–243, 252–253, 268–269.

Данные об энерговооруженности хорошо соотносятся с показателями производительности труда. По данным за 1908 г. один рабочий Ижевского завода в год изготовлял продукции, в среднем, на 596 руб. Его производительность была равна производительности рабочих казенных горных заводов и была почти в три раза ниже, чем в среднем по предприятиям черной металлургии и металлообрабатывающей промышленности России (см. табл. 6).

Низкий уровень производительности труда и энерговооруженности на Ижевском заводе и на казенных горных заводах обусловлены их функциями в государственном хозяйстве. В отличие от ориентировавшихся на рынок частных предприятий, стремившихся к максимизации прибыли, к максимальной отдаче ресурсов, государственные предприятия преследовали другие цели. Если рассматривать государственное хозяйство в шкале «натуральное хозяйство – товарное хозяйство», то оно, очевидно, будет ближе к первому. Поэтому Ижевский завод также, как и казенные горные заводы ориентировался на выполнение государственных заказов с минимальными затратами, тем самым обеспечивая экономию бюджетных средств и регулируя (в сторону понижения) рыночные цены в том случае, если государство было вынуждено обращаться к частным подрядчикам. Например, по подсчетам чиновников,

Военное министерство, потратив в 1890-х гг. 941 тыс. руб. для трехкратного увеличения производительности Ижевского завода (с 200 тыс. винтовочных стволов и коробок до 600 тыс.), сэкономило на размещении заказов на стволы на рынке около 3 млн. руб.⁹ После того как в 1901 г. Ижевский завод освоил производство 3-дюймовых снарядов, военные чиновники стали рассматривать его в роли «регулятора цен» на рынке вооружений. Например, в 1900 г. частные заводы за 3-дм шрапнель просили 8–10 руб. за штуку; цена Ижевского завода составляла 6,20 руб.; в 1906 г. цена частных заводов была 6 руб., Ижевска – 4,5–5 руб.¹⁰

Таблица 6

**Производительность труда на Ижевском заводе
в сравнении с казенными горными заводами
и с общероссийскими показателями***

	Ижевский завод	Черная металлургия и металлообрабатываю- щая промышленность России	Казенные горные заводы Урала
Количество предприятий	1	2106	12
Сумма производства (млн. р.)	4	627,2	20,1
Средняя производи- тельность одного пред- приятия (тыс.р.)	3999	297,8	1675
Количество рабочих (тыс.)	6,7	365,7	34,7
Производительность труда (тыс. р.)	0,6	1,7	0,6

* Подсчитано по: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.45, 47; Отчет горного департамента за 1908 г. СПб., 1910. С. 137–159; Обзор Вятской губернии за 1909 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1910. С. 110.

Спецификой военных заказов было непостоянство. Периоды бурного развития производства во время войн и перевооружений армии сменялись периодами резкого сокращения производства, которое усугублялось «неверно понятой экономией»¹¹. Все это отразилось на развитии Ижевского сталелитейного завода, являвшегося в конце XIX – начале XX вв. единственным металлургическим предприятием, находившемся в ведении Военного министерства.

Производство стальных стволов в Ижевске было организовано арендатором завода в 1871–1881 гг. А.П. Бильдерлингом в кооперации с владельцем

Петербургского механического завода Л. Нобелем и австрийским заводчиком Бергером¹². В 1880-х гг. ижевские стволы полностью вытеснили импортные в производстве винтовок. В это время Ижевский завод ежегодно выпускал 200 тыс. ружейных стволов и коробок. Завод изготовлял мартеновскую и тигельную сталь (тигельная сталь шла на производство винтовочных стволов для стрелкового оружия и для производства металлообрабатывающего инструмента, мартеновская сталь – для изготовления снарядов и прочей продукции), а также кричное и пудлинговое железо, которое использовалось при изготовлении тигельной стали.

В 1884 г. Ижевский завод был переведен в казенное управление. Он получил название «Ижевские оружейный и сталелитейный заводы». В 1890-х гг., во время перевооружения армии винтовкой Мосина, Ижевский сталелитейный завод был подвергнут новой реконструкции. Были созданы механическая и химическая лаборатории, с конца 1890-х гг. стали вестись микрофотографические исследования структуры металлов¹³. Производительность завода возросла с 200 до 600 тыс. стволов и коробок в год. Этого было достаточно, чтобы обеспечивать загрузку всех трех оружейных заводов.

Во второй половине 1890-х гг. в связи с сокращением выпуска винтовок и необходимостью загрузить высвобождающиеся производственные мощности и рабочие руки, завод начал осваивать производство другой продукции. В конце 1890-х гг. был освоен выпуск инструментальной стали для оружейных заводов, в 1900 г. – запальных стаканов для Петербургского трубного завода и донных винтов фугасных бомб для Пермского пушечного завода, в 1901 г. – 3-дм шрапнели и стволов револьверов Нагана для Тульского завода, в 1903 г. – холоднокатанной ленты для патронных обойм для Петербургского и Луганского патронных заводов, в 1904 г. – 57-мм шрапнели для пушек Норденфельда, щитов для 3-дм полевых орудий обр. 1902 г., стрелковых щитов-панцирей, штыков-ножниц, капонирных лафетов 57-мм пушек Норденфельда и стволов для пулеметов Максим, изготавливавшихся в Туле. После русско-японской войны – 3-дм тротильных гранат, снарядов для горной артиллерии, патронных обойм, щитов к лафетам горной пушки обр. 1909 г., 48-линейной гаубицы обр. 1909 г., щитов к пулеметным станкам систем Соколова и Виккерса, к зарядным ящикам обр. 1900 г., кинжалов-бебутов. Помимо этого, Ижевский завод изготавливал пружины и оси для лафетов, передков и зарядных ящиков, ступицы с шайбами, цилиндры для укладки пулеметных лент и др.¹⁴ В результате развития побочных производств после Русско-японской войны Ижевский завод стал в равной степени предприятием и оружейным, и снарядным. На производство винтовок и снарядов приходилось, в стоимостном выражении, примерно, по одной трети от общей производительности заводов (см. табл. 7).

Таблица 7

**Удельный вес видов продукции в производственной структуре
Ижевских заводов в 1906–1908 гг. (руб.)***

	1906	%	1907	%	1908	%
Винтовки	1 679 787	32	1 836 421	38	1 034 415	30
Снаряды	2 012 801	39	1 673 470	36	1 092 945	33
Стволы	631 996	12	480 557	10	593 805	17
Охотничье оружие	57 543	1	28 741	1	72 729	2
Сталь	540 718	10	482 197	10	408 936	12
Обоймы	169 752	3	71 604	2	52 063	2
Прочее	172 707	3	125 872	3	139 465	4
Всего	5 265 304	100	4 698 862	100	3 394 358	100

* Подсчитано по: ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3975. Л. 8–9; 29–30; 46–47.

Изменение профиля основных производств завода отразилось на структуре выпускаемого металла. В начале 1890-х гг. в Ижевске действовала одна мартеновская печь, в 1893 г. была запущена вторая и в 1905 г. третья печь., в результате чего выпуск мартеновской стали увеличился с 130 до 760 тыс. пуд. (см. табл. 8).

Таблица 8

Производство стали на Ижевском заводе, пуд.*

Год	Мартенов- ская сталь	Тигельная сталь	Всего	Год	Мартено- вская сталь	Тигельная сталь	Всего
1891	131233	83449	214682	1901	351296	41131	392427
1894	349052	180196	529248	1902	158290	8609	166899
1896	322513	245510	568023	1904	447878	72391	520269
1898	162679	122776	285455	1905	754744	167502	922246
1900	359792	124212	484004	1910	579062	94332	673394

* Составлено по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1890 г. СПб., 1892. С. 144–145; Сборник... в 1894 г. СПб., 1896. С. 289; Сборник... в 1896 г. СПб., 1898. С. 310, 328; Сборник... в 1898 г. СПб., 1900. С. 302; Сборник... в 1900 г. СПб., 1903. С. 317; Сборник... в 1902 г. СПб., 1904. С. 372; Сборник... в 1904 г. СПб., 1907. С. 397; Сборник... в 1905 г. СПб., 1908. С. 385; Сборник... в 1910 г. СПб., 1913. С. 395.

В конце XIX – начале XX вв. сложное и дорогостоящее производство тигельной стали сохранялось, в основном, благодаря высоким требованиям к качеству металла для изготовления артиллерии и стрелкового оружия.

В России производство этого металла развивалось только на предприятиях, изготовлявших оружие, – Ижевском, Пермском, Златоустовском, Обуховском и Путиловском заводах. Динамика выпуска тигельной стали в Ижевске совпадает с динамикой производства винтовок и винтовочных стволов. В первой половине 1890-х гг., во время первой очереди перевооружения армии винтовкой Мосина, выпуск тигельной стали увеличился в 7,5 раз, мартеновской стали (она шла на производство прочих деталей оружия) – в 3,5 раза. В середине 1890-х гг. производство тигельной стали достигло максимума. На Ижевский завод приходилась половина общероссийского выпуска тигельной стали. В 1894 г. в России было изготовлено 289,1 тыс. пуд. тигельной стали, в Ижевске – 180,2 (62,3 %); в 1896 г. в России – 532,5, в Ижевске – 245,5 тыс. пуд. (46,1 %) ¹⁵. Во второй половине 1890-х гг., в связи с завершением перевооружения армии новой винтовкой, выпуск тигельной стали начал сокращаться. В 1902 г., когда завод вышел на «плановую» производительность мирного времени 20 тыс. винтовок, было изготовлено всего 8,5 тыс. пуд. тигельной стали. Новый рост производства наблюдался во время Русско-японской войны, когда наряды на винтовки и стволы резко увеличились (см. рис. 1).

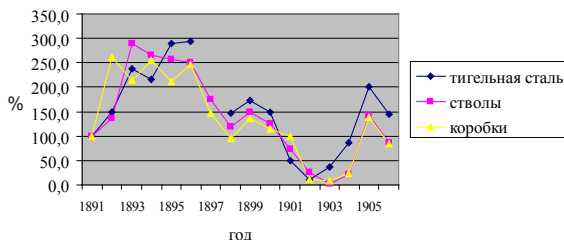

Рис. 1. Индекс выпуска тигельной стали, винтовочных стволов и коробок Ижевским заводом в 1891–1906 гг. (1891 г. – 100 %)

Специфика развития Ижевского завода определялась особенностями ресурсной базы и потребностями главного (фактически, единственного) заказчика – Военного министерства. Весьма ограниченные энергетические и сырьевые возможности предприятия соответствовали столь же ограниченным (из-за бюджета) потребностям военных. Главным для Ижевского завода было не количество, а качество продукции. Этим, во многом, объясняется сочетание, казалось бы, устаревших, но хорошо отработанных технологий, высокой трудоемкости производственных операций с новейшими методами контроля качества продукции и самой современной техникой. Поэтому сравнивать Ижевский завод следует не с заводами, работавшими на широкий свободный рынок, а с аналогичными предприятиями оборонного профиля в контексте гонки вооружения второй половины XIX – начала XX вв.

- ¹ См., напр.: *Гаврилов Д.В.* Промышленный переворот на Урале: неудачная попытка переосмысления // Отечественная история. 2007. № 1. С. 143–159; *Железкин В.Г.* К вопросу о промышленном перевороте в уральской металлургической промышленности // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма: (Информ. материалы). Свердловск, 1989. С. 31; *Кривоногов В.Я.* Некоторые вопросы историографии промышленного переворота в горнозаводской промышленности Урала (40–80 годы XIX в.) // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967; “Круглый стол”. Промышленный переворот и его социально-экономические последствия // Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 70–93; *Нифонтов А.С.* Задачи изучения «промышленного переворота» в России // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 140–152; *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России, 1850–1880 гг. М., 1978; *Сметанин С.И.* Начало промышленного переворота на Урале // Вопросы истории. 1977. № 3. С. 19–25; *Соловьева А.М.* Промышленная революция в XIX в. М., 1990. С. 8–14; *Яцунский В.К.* Промышленный переворот в России // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 52–61.
- ² См. напр., широко распространенные термины: «ранний (или поздний – смотря по обстоятельствам) старт», «вдогонку за прошедшим веком», «догоняющее развитие», «преодоление отставания» и т.п. Если же развитие не укладывается в принятые стандарты, то это вызывает чувство неловкости, желание оправдаться. Для того чтобы объяснить феномен социалистической Монголии советской, марксистской науке пришлось использовать идею своих оппонентов – социалистов-народников – о переходе к социализму минуя капитализм.
- ³ Напр., репрессии 1930-х гг. и голодомор оправдывали, и сейчас пытаются оправдать, «большим скачком», а разграбление общенародной собственности и расцвет криминала в 1990-х гг. – необходимостью пережить «первоначальное накопление капитала».
- ⁴ См. напр.: *Белов В.Д.* Записка об уральских казенных горных заводах. СПб., 1894; *Его же.* Исторический очерк Уральских горных заводов. Екатеринбург, 1896; *Его же.* Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910; *Менделеев Д.И.* Уральская железная промышленность в 1899 г. // *Менделеев Д.И.* Сочинения. Т. 12. М., Л., 1949. С. 89–108; *Митинский А.* Горнозаводской Урал. СПб., 1909; *Озеров И.Х.* Горные заводы Урала. СПб., 1910.
- ⁵ См.: *Бибинцева Н.С., Литвяков М.М., Савкевич О.С.* Индустриализация: основные черты // Индустриализация: исторический опыт и современность. СПб., 1998. С. 8–29.
- ⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 6. Оп. 60. Д. 63. Л. 31об.

- ⁷ *Фомичев А.* Ижевская сталь. Ижевск, 1977. С. 45–47.
- ⁸ *Александров А.А.* Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 120.
- ⁹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2845. Л. 44. *Соловьев А.* Химические способы исследования металлов в лаборатории Ижевского сталелитейного завода // Оружейный сборник. 1894. № 2. Отдел 2. С. 1.
- ¹⁰ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3772. Л. 61.
- ¹¹ Боеводин Л.Е. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 101.
- ¹² Первый арендатор – полковник Д.А. Фролов не смог организовать это производство из-за того, что на время его аренды пришлось так называемая «оружейная драма» – шестилетний период, в течение которого на вооружение армии было принято пять типов винтовок: в 1866 г. – 6-линейная казнозарядная капсульная винтовка Терри-Нормана, в 1867 г. – игольчатая Карле, в 1869 г. – винтовка Крнка под унитарный патрон с металлической гильзой, в 1870 г. – мелкокалиберная (4,2 линии) винтовка Бердана № 1 и, наконец, в 1871 г. – Бердана № 2.
- ¹³ *Гаврилов Д.В.* Ижевский железоделательный, с 1807 г. оружейный завод // Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 222.
- ¹⁴ Подробнее см: *Шумкин Г.Н.* Ижевский завод в начале XX в. (1903–1914 гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3. С. 36–44.
- ¹⁵ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1894 г. СПб., 1896. С. 289, 295; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1896 г. СПб., 1898. С. 310, 328.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ИЖЕВСКИХ ОРУЖЕЙНОМ И СТАЛЕДЕЛАТЕЛЬНОМ ЗАВОДАХ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.А. Липина (г. Ижевск)

Ижевский оружейный и сталелитейный заводы являлся самым крупным казенным предприятием в начале XX в. на территории Удмуртии, дававшим стране мартиновскую инструментальную сталь, винтовки, револьверы, полевые шрапнели. Кроме этого, Ижевский оружейный завод принимал заказы, в том числе и частные, на изготовление охотничьего оружия.

Расширение и развитие производственной деятельности Ижевского оружейного завода, как и других предприятий военного ведомства России в начале XX в., как подчеркивают исследователи, были связаны с русско-японской войной¹. С января 1905 г. Военным советом ассигнуются средства для усиления производительности заводов путем расширения мастерских и приобретения новых станков. Для Ижевского оружейного завода для обработки деталей винтовок нужно было приобрести более 150 станков. С 1906 г. на заводе началось расширение механических мастерских, позволившее перейти от ремонта к самостоятельному изготовлению новых станков. Мастерские дали своему заводу станки², но их производственные мощности не могли удовлетворять растущие потребности оружейных производств в новом станочном оборудовании. Поэтому Бюджетная комиссия Государственной Думы, обсуждавшая смету Главного артиллерийского управления на 1912 г., высказалась за безотлагательное оборудование «...заводов новейшими станками, не останавливаясь при этом перед выпиской этих станков из-за границы, считая, что вопросы боевой готовности армии должны иметь первенствующие по сравнению с поощрением русской промышленности значение»³. В соответствии с этим Военное министерство заявляло, что «ввиду спешности дела часть необходимых станков придется приобрести за границей»⁴.

В 1912 г. состояние русских оружейных заводов представлялось Военному министерству столь благополучным, что, отчитываясь о своей деятельности по восстановлению боевой мощи армии после русско-японской войны, оно сделало следующий «важнейший вывод»: «Расширять оружейные заводы не предположено, так как их производительность признана вполне достаточной»⁵. Это не значит, конечно, что в предвоенные годы средств на развитие казенных заводов «совсем не отпускалось»⁶. В 1910–1914 гг. оружейные заводы продолжали расширяться, о чем можно судить на основании роста численности занятых рабочих. В 1910 г. на Ижевском оружейном заводе работало 3 560 рабочих⁷, к 1914 г. число рабочих увеличилось до 11 950 человек, в том числе мужчин – 11 474 и женщин – 476⁸.

Практически вся деятельность Военного министерства на случай войны ограничивалась исключительно доведением количества боеприпасов и вооружения до намеченных мобилизационных норм. В тех случаях, когда эти нормы и запасы были полностью в наличии, работа казенных предприятий, занятых исключительно производством на армию, фактически консервировалась. В целом мощность трех российских оружейных заводов использовалась за три довоенных года всего от 7 до 12 %. Удельный вес Ижевского оружейного завода в общероссийском производстве в предвоенные годы показан в таблице 1.

**Производство трехлинейных винтовок С.И. Мосина
на Ижевском оружейном заводе в 1910–1913 гг.**

Годы	Задано в наряд, шт.	Изготовлено, шт.	Удельный вес в общероссийском производстве винтовок, в %
1910	49 952	38 635	51,3
1911	29 359	23 587	63,8
1912	62 543	35 687	86,7
1913	109 468	58 609	90,1
Всего	251 322	156 518	—

Таблица составлена по данным: Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. (далее – Архив ВИМАИВиВС) Ф. 6. Оп. 60. Д. 7. Л. 57; *Бескровный Л.Г.* Производство вооружения и боеприпасов для армии в России в период империализма (1897–1917 гг.) // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 92.

Сокращение нарядов на изготовление новых винтовок было вызвано тем, что в 1910 г. для винтовки С.И. Мосина был принят новый прицел, а еще ранее, в 1908 г., патрон с остроконечной пулей. Необходимо было срочно изготовить детали для состоявших на вооружении армии 4 млн. винтовок (защелки-пружины, отсеки-отражатели, прицелы и т.д.). 12 декабря 1912 г. начальник Ижевских оружейного и сталелитейного заводов А.А. Певцов в письме начальнику Тульского завода сообщал, что «инструментальная, приборная мастерские (нагель и защелка пружины, прицелы) работают в две смены. Магазино-коробочная работает в две смены (отсеки-отражатели) и в три смены (прицелы)»⁹. В то же время ряд других цехов оставался незагруженным.

С 1910 г. Ижевский оружейный завод начал осваивать производство 3-х дюймовых полевых фугасных гранат. После испытания пробной партии снарядов в 1911 г. на Главном Артиллерийском полигоне Главное Артиллерийское управление направило на завод положительное заключение¹⁰.

Одновременно с катастрофическим сокращением производства новых винтовок, связанным с доведением штатного количества стрелкового вооружения до мобилизационных норм и, частично, с модернизацией винтовки С.И. Мосина, Главное Артиллерийское управление в 1912 г. сократило на заводах запасы стальных ствольных болванок с 240 000 до 100 000 штук. Поэтому к началу Первой мировой войны на оружейных заводах осталось ограниченное количество болванок для изготовления винтовок. В результате целая армия в первом году войны осталась без винтовок.

В 1912 г. заведующий техническими артиллерийскими заведениями Главного артиллерийского управления доносил начальству, что «при каждом посещении завода, с одной стороны, меня удивляет возможность работы при исключительно неблагоприятных условиях, а с другой – выясняется постоянный риск к прекращению деятельности завода вследствие возможных случайностей, а главным образом пожара. Настоящее посещение завода, после двухгодичного промежутка времени, под влиянием которого считаю своим служебным долгом настаивать на скорейшем принятии самых экстренных мер к улучшению общего положения Ижевских заводов»¹¹. В том же 1912 г. Военным министерством было принято решение о переустройстве Ижевских оружейного и сталелитейного заводов.

Были рассмотрены несколько вариантов переустройства, т.к. в процессе многочисленных совещаний и обсуждений неоднократно менялись суммы выделяемых кредитов.

Согласно рапорта по Главному артиллерийскому управлению от 9/10 марта 1912 г. за № 132 и рапорта заведующего техническими артиллерийскими заведениями от 2-го июля 1912 г. за № 792 полное переустройство Ижевских заводов определялось затратой в 2 884 856 руб. 64 коп.; 22 287 руб. 51 коп. составляло вознаграждение архитектору за составление смет и технический надзор¹².

Именно в это время, в 1912 г., в недрах Военного министерства разрабатывалась программа развития вооруженных сил России, в которой предусматривались и весьма значительные ассигнования на развитие технических заведений Главного артиллерийского управления. В 1913 г. ее решили разделить на две части – «Малую программу» и «Большую программу». Первую утвердили немедленно и именно в нее включили расходы на развитие казенных заводов. 10 июня 1913 г. «Малая программа по усилению армии» стала законом. Ею предусматривалось выделить в течение 4 лет 15,9 млн. руб. и реализовать их к началу 1917 г.¹³ Из них 1,3 млн. рублей отпускаясь на оснащение Тульского оружейного завода, 4 млн. рублей – Ижевского оружейного завода и 1,4 млн. рублей – Сестрорецкого оружейного завода. В 1913 г. предполагалось только приступить к переоборудованию (из всей суммы истратить 712 тыс. рублей)¹⁴.

По «Большой программе по усилению армии» планировалось произвести в 1914–1917 гг. единовременных расходов на 433,2 млн. рублей и увеличить на 139,8 млн. рублей ежегодные ассигнования на армию¹⁵. Однако «Большая программа» безнадежно запоздала и не могла, разумеется, оказать никакого влияния на подготовку армии к начавшейся вскоре мировой войне.

Администрация Ижевских заводов принимала активное участие в разработке проектов переустройства заводов. Так, в рапорте начальника Ижевских

оружейного и сталелитейного заводов генерал-майора А.Г. Дубницкого заведующему техническими артиллерийскими заведениями 3 сентября 1913 г. по одному из вариантов проекта предлагалось затратить на переустройство Ижевского оружейного – 2 751 148 руб. 75 коп, сталелитейного завода – 1 875 897 руб. 09 коп. Общая сумма, необходимая для переустройства Ижевских заводов, составляла 4 826 545 руб. 84 коп.¹⁶ В результате переустройства сталелитейного завода его производительность должна была достичь 500 тыс. стволов и коробок и ленточной стали для 60 млн. обойм. В этом рапорте были выдвинуты предложения по распределению выделенных средств по годам с указанием статей расходов¹⁷.

В 1913 г. начальник Ижевских заводов представил в Главное артиллерийское управление несколько вариантов переустройства заводов. По первому варианту предполагалось изготавливать: «600 тыс. стволов и коробок, стали на винтовку и на инструмент для разработки винтовок, ленточной стали для 60 млн. обойм, 60 тыс. пудов инструментальной стали по заказам заводов Артиллерийского ведомства, 500 тыс. снарядов и потребность ассигнований выразилась в 3 563 916 руб.»¹⁸. Эту сумму предполагалось распределить следующим образом: «оружейному заводу 530 000 руб., определенные журналом Совещания Главного Артиллерийского управления; сталелитейному заводу – 2 813 916 руб.; по хозяйственной части 100 000 руб. и на отчуждение земли 120 000 руб.»¹⁹.

По второму варианту на переустройство оружейному заводу выделялось 530 000 руб., сталелитейному – 2 112 635 руб. и на хозяйственные расходы – 100 000 руб.; общая сумма ассигнований определялась в 2 742 635 руб.²⁰

При предложении нового варианта затрат на переустройство Ижевских заводов в размере 4 000 000 руб. и выяснении потребностей заводов для изготовлении 500 тыс. снарядов, затраты, согласно рапорта начальника Ижевских оружейного и сталелитейного заводов от 6 июля 1913 г. за № 106741, распределились следующим образом: «для оружейного завода – 852 000 руб., сталелитейного завода – 3 085 000 руб., по хозяйственной части 253 000 руб. и для полного оборудования еще добавочная сумма в 643 000 руб.»²¹. При этом отмечалось, что Ижевский оружейный завод не будет достаточно оборудован станками для производства 200 тыс. винтовок.

В смете по переустройству Ижевского сталелитейного завода предлагалось построить новое здание для сверлильно-токарной мастерской, оборудовать его отоплением, вентиляцией и освещением; связать его узкоколейной железной дорогой со зданием закалочной мастерской. Для установки паротурбогенераторов в 550 и 1 000 кВт, паровых котлов «Паукша» и «Стерлинг» предлагалось построить здание силовой станции. Для сталелитейной мастерской предусматривалось сооружение 4-х печей Симен-

са, 6 каминов и 20-тонной мартеновской печи. Удлинение корпуса прокатной мастерской позволило бы установить 2 котла «Стерлинг» и паровую машину «Тандем-Компаунд», новые крупносортовый трехвалковый стан в 3 клетки и среднесортный трехвалковый стан в 5 клетей. В молотовой мастерской планировалось поставить печь Экмана для нагревания ствольных при ковке. В связи с нехваткой строительного материала предлагалась постройка здания кирпичной мастерской и оборудование ее печами, стеллажами и железнодорожным путем. В тигельной мастерской планировали расширить сушило. Предусматривалось строительство каменного здания малотокарной и проволоочной мастерской, оборудование его новыми станками, отоплением и вентиляцией. Новое здание чугунолитейной мастерской необходимо было оснастить 2 электрическими кранами в 3 и 16 тонн, а также платформой для загрузки вагранок. Общая сумма, необходимая для переустройства Ижевского сталелитейного завода, на 21 мая 1913 г. составила, без учета стоимости нового оборудования, 2 191 501 руб. 11 коп. Из них 18 895 руб. 32 коп. составляло вознаграждение архитектору за составление смет и технический надзор²².

Для данного переустройства сталелитейного завода необходимо было приобрести 109 различных станков для сверлильно-токарной мастерской, 5 строгальных станков, 1 приводный воздушный компрессор, 1 воздушный резервуар-аккумулятор для сжатого воздуха, 30 труб из красной меди, 20 пневматических молотков для мастерской очистки стали; 15 различных станков для малотокарной и проволоочной мастерской и 100-сильный мотор трехфазного тока к фрикционным штампам для штамповки коробок в молотовую мастерскую. Для приобретения станков и другого оборудования требовалось еще 136 730 рублей²³.

Для доведения производительности Ижевского оружейного завода в год до 200 тыс. 3-хлинейных винтовок, 60 млн. патронных обойм и не менее 100 тыс. снарядов малых калибров требовалось закупить и установить в мастерских завода следующее количество станков: для кузнечной – 4, ствольной – 18, ствольно-коробочной – 26, штыковой – 20, приборной – 39, магазинно-коробочной – 14, замочной – 11, ложевой – 19, инструментальной – 138, а также для разработки 3-хдюймовой головки – 44. Для закупки 333 станков требовалась сумма в 438 609 рублей²⁴.

В августе 1912 г. для Ижевских заводов в отечественной фирме Л.Ф. Пло был заказан водотрубный паровой котел «Стерлинг» с поверхностью нагрева 300 кв. м для замены четырех старых неработавших в течение 1,5 лет котлов «Паукша»²⁵.

Размеры площадей мастерских оружейного завода и количество в них единиц оборудования до начала модернизации показаны в таблице 2.

**Сведения о количестве станков и площадей
Ижевского оружейного завода на 20 апреля 1912 г.**

Название мастерских	Размеры площадей (кв. саж.)	Количество оборудования (станки, печи, горны) (шт.)
Кузнечная	637,5	115
Ствольная	885	265
Замочная	490	496
Ствольно-коробочная	380,66	319
Приборная	302,5	301
Механическая	189,95	135
Электрическая станция	374,95	6
Ложевая	476	151
Штыковая	131	142
Магазинно-коробочная	652	560
Поверочная (со сборкой)	252	—
Инструментальная	928	575
Всего	5 699,66	3 065

Таблица составлена по данным: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/4. Л. 47. Л. 110–110 об.

Предписанием Главного Артиллерийского управления для Ижевских оружейного и сталелитейного заводов от 12 декабря 1912 г. за № 54658, в виду намечающегося переустройства заводов, предполагалось приобрести необходимые станки на сумму 250 тыс. руб.²⁶ Ижевскими заводами в Московском товариществе «Машины, орудия и двигатели» было заказано 25 горизонтально-фрезерных станков и 25 насосов к ним, 3 американских токарно-винторезных станка системы Нортон, 2 английских винторезных станка, 2 универсально-фрезерных и 3 простых фрезерных станка завода Т.Е. Рейнекера, 1 вертикально-фрезерный станок, немецкая ленточная пила, 1 кругло-фрезерный станок, 1 токарно-винторезный станок Саксонского машиностроительного завода, 1 американский сверлильный, 7 токарно-винторезных, 4 универсально-шлифовальных, 2 универсальных круглых шлифовальных, 3 универсальных горизонтально-шарошечных станка, 1 английский сверлильный, 1 сверлильный станок для ручного действия, 2 сверлильных, 3 продольно-строгальных станка. В различных российских фирмах, поставляющих оборудование из-за рубежа, «О.Р. Сан-Галли», «Шухард и Шютте», А.Л. Самельсон, «Герлях и Нульст», Л.Ф. Пло, Товариществе С.Г. Мартини, заводе Крузенгоф К.В. Шмидт и сыновья в Риге были заказаны различного рода

станки и механизмы. Из 250 тыс. выделенных рублей 227 400 было отпущено на станки, изготовленные за границей, и 22 600 рублей – на российские²⁷. Дополнительно предписанием Главного Артиллерийского управления за № 1455 от 13 декабря 1912 г. Ижевским оружейному и сталелитейному заводам на приобретение станков были выделены еще 141 100 руб.²⁸ Заказанные у фирм станки должны были поступить на завод не позднее 1 октября 1913 г., но большая часть заказанного оборудования прибыла на предприятие с огромным опозданием – уже в годы Первой мировой войны.

На Ижевских заводах существовали общие условия на покупку и приемку станков и другого оборудования. Согласно им поставляемые станки «по своим качествам должны были соответствовать назначению и удовлетворять прилагаемым при них техническим условиям; на каждый станок и механизм должны были приложить 2 экземпляра детальных чертежей»²⁹. Укупорка станков и доставка производилась за счет подрядчика, а установка на месте осуществлялась самими заводами. В период навигации оборудование доставлялось на пристань Гольяны на реке Каме, в прочее время – до станции Чепца Пермской железной дороги. В обязательном порядке предусматривалось, чтобы станки были новыми, не имели никаких повреждений и при испытании «давали хорошую и точную работу»³⁰.

Машиностроение России имело незначительный удельный вес среди других отраслей промышленности и не могло обеспечить их машинами, оборудованием и станками, что способствовало преобладанию импорта станков и оборудования в Россию. Лишь незначительная часть необходимого оборудования и станков накануне и в годы Первой мировой войны была изготовлена силами Ижевских заводов. В декабре 1912 г. изготовление трех горизонтально-шарошечных станков с автоматическим движением, с перебором, продольным движением 13,5 дюймов, длиной стола 14 дюймов, по образцу Гринвуда на сумму 3 024 руб. и двух специальных винтовых пресов с длиной хода не менее 8 дюймов на сумму 500 руб. для нужд Ижевских оружейного и сталелитейного заводов было осуществлено силами самих заводов³¹. В 1913 г. было решено, что Ижевскими заводами для собственных нужд будут произведены для мастерской очистки стали 5 строгальных станков специальной конструкции на сумму 3 500 руб., для малотокарной и проволочной мастерской 1 большой и 3 малых барабанных станка для протяжки проволоки на сумму 2 700 руб.³²

7/15 января 1913 г. Ижевские оружейный и сталелитейный заводы заключили контракт с торговой фирмой «Л.Ф. Пло» на поставку новой паровой машины системы «Тандем-Компаунд» мощностью в 400 л.с., предназначенной для непосредственного соединения с болваночным (обжимочным) станом и станками для прокатки крупных сортов мартееновской стали³³.

По контракту паровую машину со всеми принадлежностями, стоимостью 36 200 руб., должны были доставить на пристань Гольяны к 30 мая 1913 г., но к назначенному сроку она не прибыла. Фирма мотивировала это тем, что при отливке большого цилиндра низкого давления произошла неудача и возникла необходимость новой отливки, на которую было потрачено 8 недель. Навигация в 1913 г. закончилась рано и паровая машина, принятая пароходством на обязательную доставку на пристань Гольяны, была оставлена в затоне Дербешка. Машина была доставлена на пристань летом 1914 г. и затем, по узкоколейке, в Ижевск³⁴.

В рапорте начальника Ижевских заводов о производительности Ижевского оружейного завода до начала переустройства в начале 1914 г. приводится анализ и расчеты необходимого оборудования и производственных площадей. Сравнивая производственные мощности и условия работы ствольных и коробочных мастерских на заводе Шательро (Франция) и на Ижевском оружейном заводе при одинаковой производительности до 1 000 винтовок в день, автор рапорта отмечал, «как ничтожны те материальные и умственные технические силы, с которыми нашим казенным заводам приходится решать, сравнительно с заводами иностранными, определенные технические задачи»³⁵.

Станков на заводе Шательро было в 3 раза больше, а рабочих всего на 200 человек больше, чем на Ижевском оружейном заводе. Хотя нам не известна себестоимость продукции, но можно предположить, что она у Шательро была в 2 раза выше, так как зарплата французских рабочих значительно превышала заработную плату российских трудящихся, инженеров. Это еще раз свидетельствует об уровне эксплуатации рабочих и технического персонала на российских заводах, работающих по 12 часов в сутки, да еще со своим инструментом.

По плану переустройства было решено придать Ижевскому заводу вид «вполне благоустроенного в современном смысле». В 1912–1914 гг. на Ижевских заводах производились строительные работы по ремонту, перестройке и постройке производственных зданий. Деревянные полы заменялись бетонными и асфальтовыми, утеплялись рабочие помещения. В помещении мастерской калки ствольных коробок была установлена система вентиляции для избежания несчастных случаев от угара³⁶. Безостановочная работа ложевой мастерской требовала постоянного запаса сухого леса вблизи завода, для чего на месте бывшей пожарной команды был установлен навес для хранения сухого леса. Строились каменные сараи для хранения материалов, необходимых для работы завода, станков, укупорочных материалов.

20 июля 1913 г. заведующий Центральной электрической станцией в своем рапорте доносил, что «с южной стороны главного корпуса от верхнего карниза отваливаются кирпичи и штукатурка, которые, падая, обрывают

электрические провода, идущие вдоль стены и разбивают изоляторы, отчего бывают замыкания в цепи»³⁷. Начальник Ижевских заводов в 1913 г. сообщал в Главное Артиллерийское управление: «В настоящее время фасад фабричных зданий требует ремонта, так как штукатурка во многих местах отвалилась, во многих местах растрескалась и угрожает падением, кирпичи около окон тоже ослабели и в некоторых местах угрожают вываливаться; окраска стен от времени сильно пострадала. В общем, ремонт неотложен»³⁸. В Петербурге тоже посчитали, что к работам по исправлению фасадов необходимо приступить безотлагательно, и в 1913–1914 гг. был начат ремонт фасадов главных фабричных корпусов.

Еще в 1911 г. предписанием Главного Артиллерийского управления было рекомендовано заменить деревянный тир (с двумя рубленными стенками) на Ижевских заводах³⁹, поскольку он сгнил и стал пробиваться пулями, которые пролетали над заводским двором, базарной площадью и соседними обывательскими усадьбами. Кроме этого, он представлял опасность в пожарном отношении⁴⁰. В апреле 1914 г. Ижевскими заводами был заключен контракт с Ижевским Торгово-Промышленным Товариществом на постройку пристрелочного тира⁴¹. Строительные работы должны были закончиться 15 октября 1914 г., но в связи с войной были завершены лишь летом 1916 г.

В виду переустройства Ижевских оружейного и сталелитейного заводов перед администрацией встал вопрос, касающийся расширения заводской территории. Необходимость его решения была связана с тем, что в ходе переустройства не только вся заводская территория должна быть занята зданиями, но и часть зданий магазинов пришлось бы строить в отдалении от заводского двора. «А такое расположение магазинов имеет много неудобств и вызывает излишние расходы по перевозке и надзору». В ноябре 1913 г. на местах, предполагаемых для расширения заводской территории, находились только деревянные дома. Но войти в добровольное соглашение с обывателями, собственниками отдельных участков, было невозможно, так как ими были запрошены цены, в 1½–2 раза превышающие действительную стоимость. В течение 5 лет, с проведением железной дороги и постройкой каменных зданий, стоимость усадеб могла возрасти не менее чем в 2 раза. Поэтому Начальник Ижевских заводов вышел с ходатайством в Главное Артиллерийское управление «о принудительном отчуждении от ижевских обывателей заречной и нагорной волостей усадебной земли, улиц и свободных площадей в количестве до 12 десятин»⁴².

Но средств до самого начала войны на переустройство Ижевских заводов отпускалось немного. В основном они шли на рутинный ремонт сгнивших полов, обвалившихся потолков, квартир для чиновников заводууправления. Закон 1913 г. был принят за 12 месяцев до начала войны, и реально изменить ничего не успел. Вскоре после начала боевых действий, в сентябре 1914 г.,

начальник Ижевских оружейного и сталелитейного заводов описывал их состояние: «Для окончательного приведения завода в порядок, чтобы придать ему вид вполне благоустроенного в современном смысле завода, необходимо устранить все вышеуказанные недостатки (перед этим следовал весьма внушительный их перечень. — С.Л.) путем планомерных капитально-строительных работ. Только с выполнением всех таких работ можно будет сказать, что Ижевский оружейный завод с точки зрения помещения приведен в порядок и пригоден к усиленным работам. Не выполнив этих дополнительных работ, несмотря на отпущенные миллионы, завод останется непригодным настоящим образом к технической деятельности с современной точки зрения»⁴³.

Таким образом, развитие Ижевских оружейного и сталелитейного заводов накануне Первой мировой войны определялось планами Военного ведомства. В связи с модернизацией 3-х линейных винтовок С.И. Мосина, находящихся на вооружении русской армии, и сокращением финансирования производства вооружения в 1910–1913 гг. выпуск винтовок был значительно сокращен. Но уже в 1912 г. Военным ведомством было принято решение о переустройстве русских оружейных заводов. Начиная с августа 1912 г. Ижевскими оружейным и сталелитейными заводами были начаты закупки отечественного и зарубежного (английского, американского, шведского) оборудования, строительные работы по ремонту, перестройке и постройке производственных зданий. Но модернизация Ижевских заводов с целью усовершенствования производства и увеличения объемов выпуска стрелкового оружия, вследствие бюрократической неповоротливости военного ведомства, ограниченного финансирования в предвоенное время, проводилась низкими темпами и широко развернулась уже после начала Первой мировой войны.

¹ *Поликарпов В.В.* Из истории военной промышленности России (1906–1916 гг.) // Исторические записки. Т. 104. М., 1979. С. 124; *Шацлло К.Ф.* О диспропорции вооруженных сил России (1906–1914 гг.) // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 135.

² *Ванаг Н.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925. С. 84, 98, 105, 107, 108.

³ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4488. Л. 81.

⁴ *Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 124.

⁵ *Бескровный Л.Г.* Производство вооружения и боеприпасов для армии в России в период империализма (1898–1917 гг.) // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 92.

⁶ *Шацлло К.Ф.* Указ. соч. С. 136.

- ⁷ Рабочий класс Удмуртии 1861–1986. Ижевск, 1986. С. 16.
- ⁸ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС). Ф. 6. Оп. 60. Д. 32. Л. 56.
- ⁹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4464. Л. 3–3 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 8.
- ¹¹ Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 123.
- ¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 Оп. 60. Д. 7. Л. 45–55.
- ¹³ Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России... С. 123.
- ¹⁴ Поликарпов В.В. Указ. соч. С.125.
- ¹⁵ Шацилло К.Ф. О диспропорции вооруженных сил России (1906–1914 гг.). С. 125.
- ¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4521. Л. 91.
- ¹⁷ Там же. Л. 183–188.
- ¹⁸ Там же. Л. 91об.
- ¹⁹ Там же. Л. 91 об.
- ²⁰ Там же. Д. 4521. Л. 92.
- ²¹ Там же. Л. 92 об.
- ²² Там же. Л. 16–19.
- ²³ Там же. Л. 22–23.
- ²⁴ Там же. Л. 64–69 об.
- ²⁵ Там же. Д. 4488. Л. 218.
- ²⁶ Там же. Д. 4462. Л. 125.
- ²⁷ Там же. Л. 32–33.
- ²⁸ Там же. Л. 79–79 об.
- ²⁹ Там же. Л. 46.
- ³⁰ Там же. Д. 4488. Л. 241.
- ³¹ Там же. Д. 4520. Л. 42–43.
- ³² Там же. Д. 4521. Л. 22–23.
- ³³ Там же. Д. 4474. Л. 8.
- ³⁴ Там же. Л. 42.
- ³⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 60. Д. 7. Л. 57.
- ³⁶ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4463. Л. 17 об.–18.
- ³⁷ Там же. Л. 50.
- ³⁸ Там же. Л. 51–51 об.
- ³⁹ Там же. Д. 4387. Л. 3.
- ⁴⁰ Там же. Л. 25–25 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 4449. Л. 309–309 об.
- ⁴² Там же. Д. 4521. Л. 319–320.
- ⁴³ Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России... С. 125.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ ИЖЕВСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ

В. Маратканов (г. Ижевск)

Мировую известность Ижевску – одному из центров производства стрелкового оружия принесли изделия, созданные руками тысяч простых рабочих. Сейчас неизменно большой интерес вызывают социально-экономические условия жизни ижевских оружейников в дореволюционный период. Как же жилось ижевцам при «царе-батюшке»? Для ответа на этот непростой вопрос рассмотрим такие показатели как условия труда, продолжительность рабочего времени и размер зарплаты.

«Люди теснятся как сельди в бочонке»

10 ноября 1833 г. Ижевский оружейный завод с инспекцией посетил адъютант генерал-фельдцейхмейстера (главкома всей артиллерии) полковник лейб-гвардии 1 артиллерийской бригады Илья Модестович Бакунин, приходящийся, кстати, двоюродным племянником известному теоретику анархизма Михаилу Бакунину.

Спустя три месяца, в феврале 1834 г., он представил Великому князю Михаилу Павловичу доклад о проведенном инспекторском осмотре. Впечатление у Ильи Модестовича об ижевском заводе сложилось самое удручающее. *«Говоря о кузницах, находящихся на заводе, нельзя не сказать, что все нехорошо устроены: темны, холодны и дурно содержатся. – написал он в донесении. – Нельзя в кузницах требовать, чтобы не было угля, песку, земли, окалины, но здесь везде снег, двери не запираются, стекло во многих рамах нет, и так холодно, что люди должны работать в тулупах».* Также он отмечал, что помещение чугунолитейной мастерской часто заполнял угар (окись углерода). По итогам инспекции было предложено кузницы *«привести в лучший порядок, прибавить свету, вставя стекла в заколоченные окна, чтобы кузнецы могли видеть, что делают, устроить запоры, клапаны и плотные двери, чтобы было хоть несколько теплее»*¹.

Позже во время арендно-коммерческого управления (в период с 1867 по 1884 г.), как отмечал старший врач местного лазарета Иван Андржеевский, мастерские переполнились станками и людьми, работа не прекращалась ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в праздники (за исключением воскресенья). *«По всем мастерствам встречаешь теперь станки и станки. Везде люди теснятся как сельди в бочонке. Везде воздух испорчен до последней степени и человеческими испарениями, и от трения передаточных ремней, и от смазки непрерывно движущихся механизмов. Летом везде, конечно, открыты*

настежь и двери, и окна, и сквозной ветер очищает воздух, надевая в то же время рабочих разнообразнейшими простудными болезнями. Для зимнего же времени на заводе не существует почти никаких действительных приспособлений для искусственной вентиляции. Нет ничего удивительного, что обливающийся потом рабочий пользуется всяким случаем, чтобы выбежать на чистый воздух, не принимая, конечно, никаких предосторожностей».

Самыми вредными для здоровья людей, по мнению И. Андржеевского, были работы в мастерских: ложевой, полировочной, точильной и «ржавого лака». В мастерской, где изготовлялись ружейные ложи, воздух был наполнен мельчайшей древесной пылью, проникающей всюду. Со временем березовые ложи заменили ореховыми, которые при станочной обработке давали гораздо больше пыли, и пыль эта обладала более раздражающими свойствами. Работая в полировочной и точильной мастерских, оружейники вдыхали раскаленную от трения минеральную пыль. Кроме того, вырывающиеся искры нередко попадали в глаза и обжигали кожу на руках. Но самой дурной репутацией пользовалась операция «ржавый лак» – способ окраски стволов и штыков в бурый цвет путем покрытия их кислотной краской, специально производимой на заводе. Мастерская «ржавого лака» находилась на верхнем этаже главного заводского четырехэтажного корпуса, имела низкий потолок, и в ней всегда было душно. Так как эта операция являлась самой простой, то мастерская всегда была наполнена преимущественно подростками и женщинами. В связи с упрощением операций число работающих на заводе подростков с каждым годом заметно увеличивалось².

С 26 октября 1902 г. до 26 марта 1905 г. в Санкт-Петербурге действовала особая Высочайше утвержденная Комиссия по улучшению быта рабочих военного ведомства под председательством бывшего начальника Ижевских заводов Якова Козьмича Попова. Эта комиссия запросила с Ижзаводов сведения, в том числе о целесообразности устройства раздевалок, умывальников, вентиляции и расширении площадей мастерских. В результате все начальники мастерских единогласно высказались за желательность их устройства и увеличение площадей. Например, заведующий кузнечной мастерской надворный советник Михаил Петрович Пушин ответил, что помещение кузнечной мастерской старое, слабоосвещенное и холодное, вследствие чего рабочие часто болели. Ветром массу снега надувало в помещение, поэтому образовывалась грязь. Кроме того, в мастерской было дымно, и отсутствовала вентиляция. Одежда у кузнецов покрывалась слоем мусора и пыли. Нередко бывали случаи, когда она обгорала. В таком виде ее приходилось надевать, уходя домой. Рабочие всегда выглядели грязными и неопрятными³.

Прошли годы, а существовавшие условия труда рабочих радикально не удалось изменить к лучшему. Об этом можно судить по рапорту заведующего техническими артиллерийскими заведениями генерал-лейтенанта Якимовича.

«При каждом посещении завода с одной стороны удивляет возможность работы при исключительно ненормальных условиях, а с другой – выясняется постоянный риск к прекращению деятельности завода вследствие возможных случайностей, главным образом, пожара. – написал Якимович 2 июля 1912 года. – Настоящее посещение завода, после двухгодичного промежутка времени, в этом отношении оставило самое удручающее впечатление, под влиянием которого считаю своим служебным долгом настаивать на скорейшем принятии самых экстренных мер к улучшению общего положения Ижзаводов»⁴.

Отмечалось, что почти все мастерские сталелитейного завода были крайне тесны, между станками не имелось достаточной ширины проходов. Все мастерские вследствие недостаточного освещения были темны даже днем, так что приходилось работать при сальных свечах. К началу Первой мировой войны более 4/5 площадей Ижзаводов не отвечали современным техническим требованиям и являлись безусловно опасными в пожарном отношении. Для приведения Ижзаводов в полный порядок, по мнению помощника начальника по оружейному заводу генерал-майора Сергея Александровича Зыбина, требовалось 4–5 лет планомерных капитально-строительных работ⁵. Начавшаяся мировая война и последовавшая за ней гражданская на долгие годы отложили реализацию этих планов.

От зари до зари

В 1833 г. во время инспекторского осмотра Ижевского оружейного завода полковником Бакуниным мастерам пожаловались, что их часто заставляют работать сверх нормы. *«В воскресенье, в праздничные дни, работать по 16 часов в сутки (с 4-х часов утра и до 8 часов вечера), – сообщал в своем донесении полковник Илья Модестович Бакунин. – Порядок на счет работы подавляет охоту к работе. Урок (норма выработки. – В.М.) каждому мастерскому еженедельный дан, но хотя бы он его в первые три дня выполнил, он все-таки с прочими на работу приходить должен»⁶.*

С целью увеличения производства оружия мастеровых, не выполнивших свои уроки, в наказание заставляли отбывать в праздники. Вместе с отстающими приходилось трудиться и всем остальным мастерам, где произошла недоделка, в том числе и тем, кто перевыполнял свои уроки. По результатам этого осмотра командир Ижевского оружейного завода генерал-лейтенант Иван Алексеевич Нератов получил от генерал-фельдцейхмейстера выговор, а несколько артиллерийских чинов были понижены в звании.

С конца 60-х гг. XIX в., когда освобожденные от обязательных отношений к заводу ижевские оружейники получили сенокосные наделы, в их речь прочно вошло понятие «уволка». Так называлось краткосрочное увольнение сроком на месяц с целью уборки своих сенокосных наделов. В это время на

предприятия обычно проводилась поверка всего находившегося при мастерских имущества, образование или увеличение запаса инструмента, ремонт оборудования и помещений мастерских.

В 1885 г. на всех российских оружейных заводах был резко сокращен оборонный заказ. Затронула эта «конверсия» и Ижевский завод, госзаказ сократился с более 100 тыс. винтовок до 34 тысяч. В этот период генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Николаевич разрешил уменьшить рабочий день с 10 до 7 часов и вернуться к прежнему графику, когда это станет возможным⁷. Произошло это только спустя восемь лет – к 10-часовой рабочей смене Ижзаводы смогли вернуться лишь в 1893 году⁸.

В начале XX в. Комиссия по улучшению быта рабочих военного ведомства среди прочих рассматривала вопрос и о переходе к 8-часовому рабочему дню.

На вопрос комиссии начальник Ижзаводов Павел Матвеевич Савостьянов высказался, что *«сокращение числа рабочих часов до 8 в сутки весьма желательно»*. Но при этом он считал, что сокращение рабочего времени нельзя сделать без материального ущерба для казны. Он полагал, что на первое время вводить 8-часовой рабочий день следует только для работающих сдельно. Введение же 8-часового труда и в поденных работах может снизить объемы производства, *«так как при этих работах трудно заставить рабочего добросовестно относиться к делу взамен продолжительной работы»*.

В конце 1905 г. группа рабочих Ижзаводов подала начальству петицию, в которой, в частности, требовала ввести 8-часовой рабочий день, на что получила категоричный отказ. По мнению полковника Савостьянова 8-часовой рабочий день мог повлечь за собой удорожание изделий. *«Я не думаю, чтобы эти льготы, если бы они были когда-нибудь осуществлены, действительно улучшили продуктивность рабочего, имея в виду ту всеобщую недобросовестность, с которой относится русский рабочий вообще, а ижевский в особенности к своим обязанностям»* – отписал начальник Ижзаводов⁹.

В дореволюционный период рабочим так и не удалось добиться введения 8-часового дня. В благополучном 1912 г. на Ижзаводах нормальная работа продолжалась днем в течение 9 часов, ночная смена составляла 8 часов. Сверхурочные работы могли быть не более 4-х часов¹⁰.

Заложники госзаказа

В 1833 г. во время инспекторского осмотра Ижевского оружейного завода полковник И.М. Бакунин отметил, что *«оплата мастеровым производится не тогда, когда продукция сдана, а лишь тогда, когда она поступит в арсенал. Поэтому мастеровой в течение полугода или даже более не получает за нее плату, либо совсем лишается ее»*. Кроме того, для облегчения расчета

цеховым писарям плату мастеровым выдавали не ежемесячно, а через два месяца, в начале третьего¹¹.

О материальном положении и жилищных условиях чиновников и мастеровых полковник Бакунин сообщил следующее: *«Во многие строения и квартиры чиновников страшно входить... На счет состояния мастеровых можно разделить на три класса. Первый – имеющие хорошее состояние – половина состоящих на заводе. У каждого из них порядочный дом или изба в две или даже в три комнаты с хорошими надворными строениями, по одной лошади, от двух до трех коров, по несколько штук мелкого скота, по порядочному огороду, по сенокосу, и получая жалованья от 15 до 20 рублей в месяц, хотя особенно богатых нет, но все живут достаточно... Второй – четверть числа состоящих на заводе..., каждый из них имеет по порядочной избе с клетью или даже из двух комнат состоящей, у каждого по корове или по две и редко без лошади, пользуются меньше сенокосами, имеют свои огороды, жалованье от 8 до 12 рублей в месяц... Третий – имеющий бедное состояние – четверть числа состоящих на заводе – поторожные (временные, наемные рабочие. – В.М.) работники из отставных и дурного поведения заделщиков... Дом у них в плохом состоянии, весьма не у многих есть лошадь и корова, у каждого огород, не получают плату совсем или получают поторожную по 10 копеек в день и никакого другого содержания, половина из них ходит по миру... На счет отставных можно сказать, что положение многих из них совершенно бедственное. Послужив 30 лет и более, они, выйдя в отставку, не получают никакого содержания и как поселяне заводские лишены права удалиться на жительство где-либо в другом месте»¹².*

По свидетельству старшего врача местного лазарета И. Андржеевского, до конца 40-х гг. XIX в. положение ижевских оружейников можно назвать плачевным. Зажиточность стала равномерно распространяться в массе населения Ижевского завода лишь в 50-х гг. XIX в. благодаря увеличению вложений казны в производство оружия. Особенно заметно это стало к началу 1860-х годов. Производственный брак к этому времени заметно уменьшился, при этом средняя зарплата ижевцев возросла до 80 руб. в год. Во время арендно-коммерческого управления Ижзаводами (с 1867 по 1884 гг.) ручной способ обработки деталей заменили станочным. Производство винтовок в эти годы значительно выросло и, к примеру, в 1877 г. составило 119000 штук. Возросла и зарплата оружейников – в среднем до 17 руб. в месяц.

Хорошие заработки создали и новые потребности. По свидетельствам современников, у молодого поколения рабочих развилась страсть к франтовству, бильярдной игре и широкому разгулу. Не многие откладывали часть своих заработков на черный день, не предвидя грядущих трудностей. Кризис случился в 1882 году. С этого года объемы госзаказа стали резко сокращаться

и достигли в 1890 г. минимума – всего лишь 15000 винтовок Бердана. При этом естественно сократились и заработки рабочих¹³. В среднем дневная выработка оружейников работающих на станках составляла в 1885 г. – 52 коп., на ручных работах – 57 копеек. На сталелитейном заводе – 70 коп. в день¹⁴. Для сравнения, в 1884 г. ведро хлебного очищенного вина на местном базаре стоило 5 руб. 40 коп., пуд крупы ячной и овсяной – 1 руб. 10 коп., ведро квашеной капусты – 35 коп., пуд репчатого лука – 60 коп., овсяной муки – 1 руб. 20 коп., ржаной – 90 коп., пуд говядины – 3 руб. 20 коп., овса – 55 коп., сахара – 10 руб., соли – 40 коп., сена – 30 коп. Куриное яйцо стоило 1 руб. 50 коп. за сотню¹⁵.

За десять лет, в которые резко упали объемы заказов, население Ижевского завода пришло в полную нищету. Многие не имели денег даже на приобретение сапог – ходили босые или в лаптях¹⁶. Из-за небольших нарядов (производственных планов) кадровая служба завода могла выбирать лучших работников, как по нравственному облику, так и по знаниям и умениям.

С началом перевооружения армии положение изменилось. Переход к выпуску на Ижзаводах «трехлинейки» потребовал много новых рабочих рук.

При изготовлении нового образца оружия необходимо было определить стоимость каждой операции, не выходя из общей стоимости винтовки. Требовалось прийти к тому, чтобы средний рабочий был бы в состоянии заработать за 10 часовую смену от 80 коп. до 1 рубля. Рабочие, чувствуя свою силу, старались поднять расценки как можно выше. Рабочие ряда смежных операций, вдруг начинали выпускать меньшее количество деталей, чем было запланировано, мотивируя это низкой зарплатой. В таких случаях заводскому начальству приходилось прибегать к найму женщин, заменяя ими недовольных. Но не всегда, однако, удавалось таким образом оставить расценки без изменений. Например, на некоторых переходах, где шла ручная работа, оплата увеличилась до пяти раз.

В течение всего периода выпуска «трехлинейки» происходили мелкие изменения в деталях винтовки. Каждое изменение приводило к временной приостановке работ на одной или нескольких операциях. Чтобы оружейники не сидели без дела их переводили в другие мастерские, что часто вызывало недовольство, в связи с тем, что не везде они могли получить заработок, равный прежнему уровню. В 1891 г. начальнику Ижзаводов генерал-майору Н.Р. Миронову даже пришлось запретить переходы рабочих из одной мастерской в другую, чтобы не провоцировать недовольства¹⁷.

С переходом на выпуск «трехлинейки» с рабочих-оружейников постоянно удерживалось 10 процентов изготовленных ими деталей на брак. Такое взыскание проводилось в течение десяти лет во всех мастерских оружейного завода. Предполагалось, что по окончании ежегодного наряда (плана) после

вычета брака все причитающиеся суммы будут рабочим выплачены, но в реальности этого ни разу не было сделано. Однако эта разница все же учитывалась, и в конечном итоге было принято решение использовать наколенные средства для улучшения быта ижевских оружейников¹⁸. Кроме того, с ижевцев производились различные вычеты. В том числе пожертвования, знакомые и современным ижевчанам. Например, на постройку Михайловского собора с рабочих удерживали, зачастую без их согласия, по одной копейке с каждого заработанного рубля. Так за период с 1893 г. по 1897 г. сумма «пожертвований» составила 71620 руб. 45 коп.¹⁹

С 1900 г. на Ижзаводах вновь снизился государственный наряд (до 100030 винтовок)²⁰. В связи с этим были введены новые поденные платы. Согласно измененным расценкам ученики и малолетние стали получать по 30 коп., женщины – 40 коп. В 50 коп. оценивалась работа на станках, не требующая специальных знаний, в 70 коп. – ручная работа и станочная на более ответственных переходах. На других работах, требующих специальных знаний оплата составляла до 1 рубля. В 1 руб. 20 коп. оценивались работы, требующие квалифицированных знаний токарного, слесарного, столярного, кузнечного и литейного дела²¹. Но уже спустя два года ситуация резко ухудшилась. В 1903 г. оружейный завод имел ограниченный наряд (всего 20000 винтовок), снизился соответственно и заработок рабочих. По данным на 1 мая 1903 г., наибольшая дневная средняя заработная плата на оружейном заводе была у станочников-сдельщиков инструментальной мастерской – 97 коп., но состоящие на постоянном жалованье работники этой же инструментальной мастерской получали больше – 1 руб. 52 коп. в день²².

В связи с началом войны с Японией государственные наряды резко увеличились до 141404 винтовок и завод заработал на полную мощность. По данным на 1 мая 1905 г. наибольшая дневная средняя заработная плата была у станочников-сдельщиков ложевой мастерской – 1 руб. 45 коп., вручную больше всех зарабатывали инструментальщики – 1 руб. 26 коп. Среди поденных рабочих наибольшая средняя заработная плата была у рабочих ствольнокоробочной мастерской – 1 руб. 19 коп.²³ Однако уже с начала 1906 г. Ижзаводы начали сокращать объемы производства, что привело к массовому увольнению рабочих, на заводе остались только местные сельские обыватели. В связи с недостатком заказов заработок у большинства сократился в два раза²⁴. В 1908 г. Ижзаводам были даны основные наряды только на 20000 винтовок и 150000 шрапнелей, в связи с этим прошла вторая волна увольнений рабочих, коснувшаяся уже и коренных жителей, уменьшились и заработки на заводе. К концу первого десятилетия XX в. положение ижевцев, принимая во внимание дороговизну продуктов первой необходимости, было сложным. Но в 1910 г. оклады браковщиков и служащих на общих работах, в связи с инфля-

цией (самые необходимые вещи и продукты подорожали в разы) были увеличены. Но они не успевали за ростом цен. Так, цена ржаной муки на рынке увеличилась с 50–60 коп. до 1 руб. за пуд, дров – с 1,5–2 руб. до 3,5–3,8 руб. за сажень, цена мяса поднялась с 5–6 до 11–12 руб. за пуд, масла с 20 до 40–45 коп., цена сотни яиц увеличилась с 80 коп. до 2 руб. 50 копеек²⁵.

В связи с инфляцией зарплаты оружейников на Ижзаводах стали меняться в сторону увеличения ежегодно. В обиход вошло такое понятие, как высшие нормы выплат. В годы Первой мировой войны заработки ижевцев повысились, но непрерывно росли и цены. Например, стоимость обуви, одежды и жилья в Ижевске за годы войны выросла в среднем на 365 процентов, а временные надбавки к расценкам лишь на 15 процентов, и выплачивать их начали только с 1 мая 1916 года²⁶. Тем ни менее по свидетельствам очевидцев, на государственных заказах в японскую и германскую войны жизнь на Ижевском заводе оживала, за питерцами, работавшими в это время на Ижзаводах и подыскивавших здесь квартиры, бегали мальчишки и кричали вслед: «Голодранцы приехали!». И это о столичных-то жителях. Начавшаяся гражданская война всех уравнила...

¹ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 204. Л. 23 об.

² Болотные болезни на Севере. Медикотопографическое описание Ижевского оружейного завода Ивана Андржеевского. СПб., 1880. С. 35.

³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3705. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 4544. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 25–27.

⁶ Там же. Д. 204. Л. 45.

⁷ Там же. Д. 2615. Л. 98.

⁸ Там же. Д. 3004. Л. 28.

⁹ Там же. Д. 3860. Л. 49.

¹⁰ Там же. Д. 4485. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 204. Л. 13 об.

¹² Там же. Л. 40.

¹³ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка, 1892. С. 176.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2606. Л. 150.

¹⁵ Там же. Д. 2594. Л. 2.

¹⁶ Там же. Д. 3619. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 3003. Л. 47.

¹⁸ Там же. Д. 4004. Л. 64–70.

¹⁹ Там же. Д. 3013. Л. 228.

²⁰ Там же. Д. 3489. Л. 20.

²¹ Там же. Д. 3435. Л. 306.

²² Там же. Д. 3704. Л. 37.

²³ Там же. Д. 3946. Л. 19.

²⁴ Там же. Д. 4081. Л. 445.

²⁵ Там же. Д. 4368. Л. 4.

²⁶ Записки Удмуртского научно-исследовательского института. Вып. 20. С. 32.

РЕЭВАКУАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС РАБОЧИХ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УДМУРТИИ

О.В. Ветошкина (г. Ижевск)

Важнейшей составляющей послевоенных миграционных процессов была реэвакуация. Сокращение численности эвакуированных рабочих на предприятиях Удмуртии стало серьезной проблемой для всей промышленности республики. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью смещения акцентов изучения с рассмотрения реэвакуации как результата работы властных структур на изучение реэвакуации как результата личной инициативы эвакуированных на примере неизученной ранее специфики протекания реэвакуационных процессов на предприятиях Наркомата вооружения СССР.

Задачами статьи является выявление поведенческих стратегий эвакуированных, добивающихся своего права на реэвакуацию, анализ мер политического, социального, экономического административного характера по сохранению этих категорий рабочих на предприятиях.

За годы войны в Удмуртию было эвакуировано более 30 крупных промышленных предприятий, в том числе заводы, входившие в систему Наркомата Вооружения СССР гг. Москвы, Тулы, Киева и т.д.¹ Усиление концентрации предприятий оборонного комплекса на территории республики, увеличение числа квалифицированных рабочих сыграло важнейшую роль в обеспечении страны стрелковым и артиллерийским вооружением.

По данным на 1946 год, в республике насчитывалось 15057 эвакуированных: из них 3700 мужчин, 7596 женщин, 4161 детей. В основном они были размещены в городах (83,15 %) и трудоустроены на предприятиях Наркомата вооружения СССР (73,8 % от числа трудоустроенных по городам)².

В послевоенный период предприятия Удмуртии продолжали оставаться составной частью советского ВПК, на которых происходило освоение новейших видов вооружения. Интересы предприятий оборонной промышленности требовали ограничить реэвакуационные тенденции среди эвакуированных рабочих.

Следует отметить, что проведение массовой реэвакуации людей не входило в задачу органов, занимающихся реэвакуацией, так, в частности, Переселенческий отдел при Совете Министров УАССР принимал заявки на реэвакуацию только от лиц, не занятых в оборонной промышленности³.

Одной из составляющих государственной политики по закреплению рабочих в восточных регионах страны стало принятие в 1946 г. постановлений, направленных на улучшение социальной сферы, а именно Постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях по улучшению материальных и бытовых условий жизни рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий, расположенных на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке» и «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»⁴.

10 сентября 1946 г. Министерство Вооружения СССР издало приказ, обязывающий администрацию предприятий заключать с эвакуированными индивидуальные договоры, дававших право на получение по ним ряда хозяйственных товаров⁵. Общее число рабочих, заключивших индивидуальные договоры, было небольшим. Из 164 мобилизованных и эвакуированных, работавших в цехе № 89 завода № 622, были заключены договоры только с тридцатью рабочими. Основной причиной этого было невыполнение заводской администрацией своих обязательств по выделению подписавшим хозяйственных товаров⁶.

В отношении эвакуированных рабочих и служащих, состоящих в партии, действовала инструкция ЦК ВКП(б) о порядке перемещения коммунистов из одной партийной организации в другую. Согласно этой инструкции дезертирство с производства и самовольный выход из партийной организации без снятия с партийного учета расценивалось как тягчайшее преступление перед партией и Родиной⁷. Это положение часто озвучивалось на партийных собраниях. Главный инженер завода № 235 Волков выражал свою обеспокоенность сложившейся ситуацией: «Создалось опасное настроение среди высшего руководящего состава: ехать в районы прежнего жительства, так, например, у главного конструктора завода Федоренко. Вследствие этого работает он плохо, считает себя временным и собирается уезжать в Киев.... Некоторые работники ухитряются по состоянию здоровья выехать из Воткинска и странно, что в пути человек выздоравливает и тотчас же по приезде на место устраивается на работу... *Требуется создать особое партийное мнение вокруг этого*

вопроса, внедрить решение ЦК партии о закреплении кадров в промышленных предприятиях Сибири и Урала» (выделено мною. – О.В.)⁸.

Следует выделить несколько поведенческих стратегий, используемых эвакуированными рабочими для реализации своего права на отъезд. Первая – написание заявлений на имя директора завода на увольнение. Как свидетельствуют архивные материалы, это явление стало носить массовый характер. С 1 января по 20 августа 1946 г. на имя директора завода № 74 поступило 864 заявления от рабочих: из них 542 (62 %) были заявления об уходе с завода или о переводе на другую работу. Лишь 100 человек (18 %) получили право уйти с работы, остальным же было отказано⁹. Из 830 заявлений об уходе, поступивших с 1 января по 1 марта 1946 г. на имя директора завода № 235, было подписано только 157 (19 %)¹⁰. Невозможность получить увольнение законным путем привело к распространению нелегальных способов: уезжать в отпуск и не возвращаться или просто покидать работу без разрешения администрации. За апрель-май 1946 г. без разрешения администрации на заводе № 235 покинули производство 148 человек, из них 58 эвакуированных (39 %), не вернулось из отпусков 216 человек, из них эвакуированных 191 человек (88 %)¹¹. К концу 1946 г. руководство завода № 235 вынуждено было констатировать, что дезертирство по заводу приняло угрожающие размеры¹².

По действующим нормам законодательства самовольный уход с работы рассматривался как уголовное преступление, предусматривавшее наказание согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» от 26 декабря 1941 г., в виде лишения свободы сроком от 5 до 8 лет¹³.

Одним из легитимных способов защиты своих прав на реэвакуацию были апелляции во властные инстанции. Анализ заявлений и писем позволяют выявить настроения, распространенные среди эвакуированных. Лейтмотив заявлений можно найти в письме рабочего завода № 235 Малинина, адресованного заместителю председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятову: «Помогите перебраться в свой угол. В нашем рабочем быту это очень много означает»¹⁴.

В этих заявлениях достаточно ясно отражается положение рабочих, тот непростой выбор, который пришлось делать эвакуированным: вернуться на родину и стать дезертиром или остаться и потерять надежду вернуться на прежнее место жительства. Работник цеха 47 завода № 622 писал в КПК при ЦК ВКП(б) по Удмуртской АССР: «Стать дезертиром и бросить производство не решаюсь... Работать как полагается я уже не в состоянии, ибо все мои мысли не на производстве, а дома. Я в город Ижевск был эвакуирован на время войны, *то, что требовало от меня производство, партия, правительство, фронт и весь народ, я отдал с честью ...*» (выделено мною. – О.В.)¹⁵.

Невозможность воссоединения с семьей и получения жилья также нашли отражение у авторов этих писем. Рабочий завода № 622 Д.П. Быстров писал в КПК при ЦК ВКП(б) по УАССР: «Я считаю, нет такого закона у Советской власти, чтобы заставить безвинного человека жить в разлучении с семьей на много, может, лет, особенно после войны... Я желаю дальше здесь работать, т.к. я не летун... если требуется работать до последней своей силы, но как?»¹⁶.

Во-многом, эвакуация вызывалась причинами социального характера: нехваткой жилья, одежды, обуви, тяжелыми условиями работы на производстве, преобладанием ручного труда, сохранением в ряде случаев ненормированного рабочего дня, продолжающейся практикой внеурочных работ.

Жилищный фонд оборонных заводов в послевоенное время состоял, в основном, из строений довоенного времени. Они были построены в 1928–1929 гг. и изначально рассматривались руководством предприятий в качестве временного жилья, которое, со временем, будет заменено капитальными домами. Увеличение численности городского населения республики за счет размещения эвакуированных рабочих и служащих и членов их семей привело к дополнительной нагрузке на городское жилищно-коммунальное хозяйство. Число жителей г. Ижевска увеличилось с 184 тыс. человек (на 1 января 1940 г.) до 205,9 тыс. человек (на 1 января 1943 г.), г. Воткинска – с 40,5 тыс. человек (на 1 января 1940 г.) до 52,8 тыс. человек (на 1 января 1943 г.)¹⁷. Если в 1940 г. на заводах Наркомата вооружения на одного человека приходилось от 4,7 кв. м до 6,3 кв. м жилой площади, то в 1945 г. средняя площадь на одного человека в жилых домах заводов составляла 4,7 кв. м, а в общежитиях – 2,4 кв. м¹⁸.

В письмах эвакуированных рабочих был четко поставлен вопрос о невыполнении правительством своих обещаний – ведь эвакуированные были закреплены на предприятиях только на время войны: «Я уже не могу работать, так как сил нет ни на что... Продавать у меня тоже нечего... прошу или дать мне квартиру и денежную помощь или дать мне расчет, чтобы вернуться мне на родину, где у меня есть квартира. Я считаю, что завод в настоящее время имеет возможность дать мне расчет, потому что трудное время войны прошло... Ведь невозможно, чтобы человек, проработавший 16 лет на производстве, не заслужил к себе уважения» (рабочий завода № 622 С.А. Бурзин)¹⁹.

Руководство республики было обеспокоено из-за массового ухода эвакуированных рабочих с предприятий. Оно использовало все возможные меры для того, чтобы вернуть эвакуированных рабочих на предприятие и нормализовать ситуацию с трудовой дисциплиной, которая негативно отражалась на производственном процессе. Секретарь Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинов 14 мая 1946 г. обращался к секретарю Киевского горкома ВКП(б) Сердюк с требованием принять меры к лицам, покровительствующим дезерти-

рам, подразумевая в первую очередь директора киевского завода «Арсенал», принимавшего на работу рабочих, самовольно вернувшихся из эвакуации. В частности, он писал: «Воткинский завод № 235 Министерства Вооружения в большей части укомплектован мобилизованными и эвакуированными рабочими... завод является одним из важнейших предприятий Министерства Вооружения, а возросший самовольный уход с завода сильно мешает работе завода...»²⁰. Следует отметить определенный конфликт интересов директоров заводов: если для завода № 235 они были дезертирами, то для Киевского завода «Арсенал» – необходимой рабочей силой.

Директор завода № 235 П.А. Сысоев обращался с жалобой на Киевскую городскую прокуратуру к Генеральному прокурору СССР К.П. Горшенину. В частности, П.А. Сысоев был недоволен тем, что посылаемые в Киевскую городскую прокуратуру запросы по розыску дезертиров производства не выполняются. Критике подверглась работа прокуратуры г. Воткинска. В заявлении к секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинову он обращал внимание на следующие факты: прокуратура принимала дела на дезертиров только по истечении месячного срока со дня дезертирства, не давала санкций на арест задержанных органами милиции дезертиров производства, мотивируя в ряде случаев имеющимися у отдельных дезертиров основаниями для прекращения работы по семейным обстоятельствам, материальному положению²¹.

К 1947 г. число эвакуированных, работающих на заводах Удмуртии, осталось крайне незначительным. Если в феврале 1943 г. в промышленности Удмуртии работало 16497 человек эвакуированного населения, то в 1948 г. осталось всего 162 человека²².

Таким образом, эвакуированные рабочие были особой категорией резвакуантов, которые реализовывали свое право на резвакуацию вопреки стремлению администрации предприятий сохранить эти категории рабочих. Среди поведенческих стратегий эвакуированных: заявлений на увольнение, апелляций во властные инстанции, наибольшее распространение получил уход с работы без разрешения администрации. На уровне принимаемых государственных решений приоритет отдавался экономическим мерам закрепления рабочих – улучшению жилищно-бытовых условий и повышению заработной платы.

Реализации потенциала этих положений препятствовала крайне сложная ситуация в социальной сфере региона, невозможность выделить дополнительные финансовые и материальные ресурсы именно для этой категории рабочих. Поэтому для администрации предприятий наиболее привычным способом прикрепления рабочих стало создание административных барьеров. Руководство предприятий, не в силах остановить рост количества увольнений и дезертирства, де-факто признало право эвакуированных на возвращение.

- ¹ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. 755. Оп. 3. Д. 2. Л. 47.
- ² Там же. Д. 5. Л. 4.
- ³ Там же. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.
- ⁴ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959. М., 1961. С. 432.
- ⁵ Центр документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР). Ф. 923. Оп. 1. Д. 121. Л. 154 об.
- ⁶ Там же. Ф. 443. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.
- ⁷ Там же. Ф. 923. Оп. 1. Д. 121. Л. 62 об.
- ⁸ Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 437. Л. 38 об.
- ⁹ Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 70. Л. 210.
- ¹⁰ Там же. Ф. 16. оп. 1. Д. 4562. Л. 4 об.
- ¹¹ Там же. Д. 4558. Л. 49.
- ¹² Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 307. Л. 104.
- ¹³ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959. М., 1961. С. 391.
- ¹⁴ ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 71. Л. 74.
- ¹⁵ Там же. Д. 70. Л. 97.
- ¹⁶ Там же. Л. 235.
- ¹⁷ Родионов Н.А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртскую АССР (1941–1945 гг.) // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии. Устинов, 1986. С. 148.
- ¹⁸ ЦГА УР. Ф. 543. Оп. 18. Д. 479. Л. 255.
- ¹⁹ ЦДНИ УР. Ф. 228. Оп. 1. Д. 1. Л. 311–314 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4558. Л. 36.
- ²¹ Там же. Л. 36 об.
- ²² Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970). Ижевск, 1979. С. 118.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В ИЖЕВСКЕ

С.Ю. Шраменко (г. Ижевск)

Необходимым условием развития любого города является наличие системы эффективного и удобного общественного транспорта. Ижевску в этом смысле очень повезло. Это единственный город в республике, где помимо автобусных маршрутов, существует и трамвайно-троллейбусное сообщение.

Вначале XX в. в Ижевске практически не было общественного транспорта, кроме извозчиков и пароходного сообщения через пруд. Большинство населения поселка передвигалось пешком. Современный общественный транспорт начал создаваться в 1930-е гг., когда в связи с расширением промышленного производства и работами по благоустройству города начала решаться и транспортная проблема. В 1932 г. появилось автобусное сообщение, а 8 ноября 1935 г. по городу пошли первые маленькие трамваи. В 60-х гг. было положено начало троллейбусному движению.

Поначалу трамвайное движение развивалось медленно. Была проложена всего одна пятикилометровая однопутная линия, при этом использовались рельсы от старых железных дорог. По ней курсировали пять вагонов. Тем не менее, к 1937 г., когда длина пути увеличилась до 10 км, а число вагонов до 9 единиц, Ижевским трамваем уже было перевезено более шести миллионов человек. Недорогой и неприхотливый в эксплуатации, не требующий мощных улиц, обладающий большой провозной способностью, трамвай как нельзя лучше подходил для перевозки пассажиров. Трамваем не просто пользовались, им гордились. Водителей и кондукторов знали в лицо здоровались с ними. Очень быстро трамвай сделался органичной частью Ижевска.

В годы войны трамваи днем развозили рабочих, а ночью доставляли раненных с вокзала в школы, оборудованные под госпитали. Трамвай использовался не только для перевозки пассажиров. На специально оборудованных прицепных платформах доставлялись дрова, стройматериалы, продовольствие, медикаменты, станки и т.д.

В сороковые годы протяженность трамвайных путей увеличилась до 13,4 км, а число вагонов в результате интенсивной эксплуатации сократилось с 19 до 13, и лишь в 1950-м г. количество подвижного состава увеличилось до 23 единиц. С этого времени значительно ускорилось строительство новых путей и выросло число перевезенных пассажиров.

Наиболее активно электротранспорт развивался в период с 1960-х до начала 1990-х годов. Это было время создания таких гигантов как Буммаш и Автозавод и строительства новых жилых районов вокруг них. В это время парк машин переоснащался новыми моделями Татра чехословацкого производства. С 1968 по 1980 г. осуществлялась реконструкция старых путей с применением железобетонных шпал. С 1981 г. возобновилось строительство новых путей. В 1982 г. было открыто движение скоростного трамвая по маршруту № 10. Новая линия улучшила связь центральной части города с микрорайонами старого аэропорта.

7 ноября 1968 г. пошел первый троллейбус и началось быстрое развитие троллейбусного движения, пик которого пришелся на 1990 год. К этому моменту протяженность трамвайных путей составила 75,5 км, троллейбусных линий – 105,2 км, а общее число подвижного состава достигло 466 единиц.

Затем, вследствие распада СССР и возникших в связи с этим экономических проблем, движение вперед очень замедлилось. Почти прекратилось строительство новых путей, перестал расти и обновляться парк вагонов, началось быстрое старение и уменьшение подвижного состава. В результате в период с 1990-го по 1995 г. увеличились интервалы движения транспорта, а наполняемость салонов в часы пик превысила предельные нормы. Ухудшение качества обслуживания и общий спад деловой и социальной активности в стране привели к резкому уменьшению числа перевозимых пассажиров. В этих условиях руководство ТТУ пыталось оптимизировать работу электротранспорта за счет более продуманного графика движения на разных маршрутах и в разное время суток, увеличения количества маршрутов при том же количестве подвижного состава и своевременного его ремонта и модернизации.

С начала XXI в. Ижевск вошел в число 50-ти российских городов – участников открытой программы содействия реформам на городском пассажирском транспорте, разработанной и утвержденной Министерством Транспорта России. В рамках этой программы до 2010 г. предполагалось решить множество проблем, связанных с развитием общественного транспорта. Главные среди них – совершенствование тарифной политики, упорядочение системы оплаты проезда, создание нового механизма управления транспортным парком, а так же привлечение частных инвестиций с социальный сектор.

Сегодня, в 2010 г. мы можем наблюдать результаты предпринятых усилий. МУП «ИжГЭТ» по словам его Генерального директора И.Е. Гликмана, стало одним из двух российских предприятий городского электротранспорта, работающих с прибылью. Не смотря на финансовые проблемы «ИжГЭТ» ежегодно обновляет подвижной состав и осуществляет ремонтные работы на транспортных путях городских магистралей. После долгого перерыва протяженность трамвайных путей и троллейбусных линий вновь начинает расти, например, строится новая троллейбусная линия по улице 10 лет Октября.

В настоящий момент все районы Ижевска обеспечены трамвайно-троллейбусным сообщением, кроме Малиновой горы. Развитие электротранспорта происходило в тесной связи с ростом и развитием самого города, взаимно дополняя друг друга. Решая проблему быстрого передвижения людей, электротранспорт требовал создания условий для наиболее качественного выполнения своей функции: расширения улиц и улучшения покрытия дорог, благоустройства тротуаров, строительства остановочных комплексов, сооружения подземных переходов. Ижевский электротранспорт прошел большой и славный путь в своем развитии, сыграл важную роль в процветании нашего города. На ранних этапах строительства больше внимания уделялось количественным показателям: увеличению длины путей, росту числа подвижного состава и т.д. Теперь же упор делается на улучшение качества: открываются

более удобные маршруты, выбираются более комфортные и менее энергоемкие модели вагонов, модернизируются трамвайные пути.

Не смотря на значительное увеличение количества личных автомобилей и такси, электротранспорт не стал менее востребованным. В общем объеме городских перевозок на долю ИжГЭТ приходится более 55 %. За счет продуманной системы маршрутов и четкой организации движения трамваями и троллейбусами пользоваться приятно и удобно. Регулярность движения составляет 99 %, средний интервал движения в часы пик не более 5–7 минут. Работе нашего общественного транспорта завидуют жители многих других городов. Для дальнейшего развития трамвайно-троллейбусного движения в Ижевске создана хорошая база: тяговые подстанции, депо и парки, ремонтные мастерские, медная контактная сеть, прекрасные специалисты. Электротранспорт экономичен, экологичен и надежен, у него есть новые возможности и направления для развития.

КАДЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОМ РАЙОНЕ В 1917–1918 ГГ.

П.Н. Дмитриев (г. Ижевск)

После Февральской революции 1917 г. процесс складывания партийно-политической структуры в России обретает новые черты. Смена парадигмы общественного развития сопровождалась широкой легализацией политической жизни. В условиях перевеса вооруженного плебса, отсутствие какой-либо регламентации и ограничений обеспечивало свободное восстановление и создание там, где их ранее не существовало, местных организаций небуржуазных партий, определяло преимущественно социалистическую окраску российского партийного спектра. Особенно рельефны эти особенности были в пролетарских и пролетаризированных районах, к числу которых принадлежали горнозаводский Урал и составная его часть – Ижевско-Воткинский район. Большая, в сравнении со столичными и губернскими центрами, однородность населения обусловила сравнительную ограниченность «набора» действующих здесь партий их базовыми типами.

Сфера деятельности существовавших партий распространялась, как впрочем повсеместно по России, прежде всего на города и заводские поселки. И в этом смысле, как это сделал еще в 1907 г. по отношению к социал-демократам В.В. Воровский¹, они с полным правом могут быть названы пар-

тиями городов. Что же до социалистических партий, то объектом активного и естественного их внимания являлся рабочий класс. Не была исключением и «промзона» Вятской губернии² – Ижевско-Воткинский район. Достаточно типична для положения в районе оценка из докладной записки Ижевского комитета РСДРП (б) в ЦК партии от 1 (14) июля 1917 г., где сообщалось, что «работа всех организаций за исключением партии народной свободы ведется почти исключительно среди рабочих»³. Пожалуй, лишь уездный Сарапул с более пестрым и разнообразным населением несколько выбивался из общего ряда. Впрочем, не настолько, чтобы стать исключением. И здесь рабочие, прежде всего рабочие-кожевники, составляли важнейшую и наиболее многочисленную часть электората социалистических партий.

В оценке местных большевиков социалистические партии противопоставлены кадетам как некая общность, целостность. Едва ли это случайность или неловкий словесный оборот. Скорее это отзвук, хотя и подорванной, но еще действующей убежденности в солидарности социалистов, единстве революционной демократии. Причем свойственной тогда большинству социалистов независимо от партийной принадлежности, а не только большевикам. Не случайно 22 августа 1917 г. заседание комитетов ижевских организаций всех социалистических партий с представителями профсоюзов и Совета крестьянских депутатов, обсудив вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание, заявило: «...наши враги не дремлют, они мобилизуют силы и средства. Партия народной свободы успешно готовится к предвыборной кампании против своих противников социалистов, крестьян, и рабочих...»⁴. Подчеркнутая же обособленность кадетов, пожалуй, не может быть объяснена всецело классовой предубежденностью социалистов. В этой оценке, хотя и в неявной, латентной форме, обозначен факт фундаментальной значимости: кадетские организации в районе действовали в преимущественно инородной классовой среде. Для рабочих кадетская партия была чуждой. Эту особенность их отношения передает в воспоминаниях один из немногих рабочих, вступивших в ПНС весной 1917 г., ижевец И.Н. Зайков. Товарищи по мастерской, писал он десять лет спустя, не советовали идти в эту партию, а когда несколько дней спустя он порвал с ней «как не подходящей... для рабочего», одобрили его решение⁵. Подобное положение дел не было местной особенностью, оно отражало общероссийскую тенденцию.

Графически зона распространения кадетских организаций в Ижевско-Воткинском районе представляла треугольник, вершинами которого являлись места расположения их штаб-квартир в уездном городе Сарапуле, селениях Ижевский и Воткинский заводы. Они возникли в годы Первой российской революции 1905–1907 гг. и продолжали свою деятельность некоторое время после ее поражения. В 1908 г. численность сарапульской организации ко-

лебалась от 20 до 25 чел., до 35 кадетов насчитывалось в уезде⁶. Уже тогда определилась роль Сарапула как кадетского центра в районе. В годы Первой мировой войны кадеты как организованная политическая сила ни в чем себя не проявили, их организации распались.

Лишь весной 1917 г. они возобновляют свою деятельность. 16 марта, по сообщению газеты «Кама», в Сарапуле «...состоялось довольно многочисленное собрание лиц, примыкавших к партии кадетов»⁷. Был избран временный комитет «для представительства и сношений... с другими организациями»⁸ и для установления связи «...с центральным кадетским органом в Петрограде с целью выяснить программу и тактику кадетской партии в настоящее время»⁹. Состав комитета предполагался из 6 чел., однако, собранием было избрано только 5 членов и один кандидат в члены комитета. Профессию одного из них установить не удалось, среди остальных оказалось 2 частных поверенных, городской судья, секретарь окружного суда и земский врач¹⁰. Место шестого члена комитета по желанию собрания «...должно принадлежать выбранному от Сарапульского духовенства»¹¹. Партийное прошлое членов комитета прослеживается из-за недостатка данных с большим трудом. Можно только утверждать, что частный поверенный М.И. Дрягин был членом партии «народной свободы» с 1906–1907 гг. и одним из лидеров местных кадетов в годы первой русской революции¹². Другой, С.И. Рублев, в дореволюционные годы подозревался полицией в симпатиях к социалистам-революционерам¹³. Интересны сведения о возрасте. К сожалению, его удалось установить только у четырех членов комитета: их средний возраст 45,5 лет¹⁴. Знакомство с материалами о лидерах сарапульской организации кадетов не оставляет сомнений, что в состав комитета в абсолютном большинстве вошли интеллигенты. Это были зрелые, что называется пожившие люди, с устоявшейся репутацией, материально независимые. Последнее подтверждается и наличием, по меньшей мере, у двух из них собственных домов¹⁵. Некоторые из этих людей отдали в молодости дань революционным увлечениям, но либерально-буржуазные убеждения в конечном итоге оказались им созвучнее и ближе. Сколь ни важна характеристика состава партийного комитета, она все же не может служить зеркальной копией социального состава всей организаций. Поэтому очевидное преобладание в руководстве сарапульских кадетов (считая и кандидата в члены партийного комитета) юристов не дает все же оснований безоговорочно распространять этот вывод на организацию в целом. Более полное представление о социальном составе этой организации и ее сторонников дает список выдвинутых ею кандидатов в городскую Думу в июне 1917 года. Из представленных в нем 22 сарапульских жителей относительно полные данные имеются на 16 человек. Не затрагивая общий вывод об интеллигентском составе организации, они позволяют назвать наряду с юристами (4 чел.) и врачами (2 чел.)

другие профессиональные группы интеллигенции, участвующие в формировании организации. Это педагоги (3 чел.), представители городской и земской администрации (5 чел) и 2 представителя торгово-промышленного класса¹⁶.

Особого внимания заслуживает тот факт, что 11 из 16 человек (69 %) занимали руководящие должности: городской и Мировой судьи, старший нотариус окружного суда, председатель врачебной комиссии городской Думы, директор общественного банка, инспектор сарапульского ВНУ, начальница сарапульской женской учительской семинарии, городской голова, товарищ председателя уездного комитета общественной безопасности, секретарь земской управы, заведующий ссыпунктом. Они представляли административную ветвь интеллигенции, управленцев-аппаратчиков, особенно тесно связанных с властью, ее специфическими интересами. Может быть, именно в этом и заключается причина сравнительно небольшого представительства торгово-промышленников в списке кадетских кандидатов (12,5 %) и стремления большинства из них к самостоятельному, под маркой торгово-промышленного союза, выступлению на выборах в городскую Думу¹⁷. Налицо известный диссонанс интересов двух близких по мировоззрению общественных групп.

Несколько иным было соотношение сил в руководстве ижевской организации партии «народной свободы». Инициатором ее создания весной 1917 г. выступил оружейный фабрикант В.И. Петров. Его поддерживали отец (создатель семейного бизнеса – И.Ф. Петров), купец Афанасьев, другие представители торгово-промышленного класса. Вместе с ними костяк организации составили священник А. Спасский и служащий местного казначейства (чья фамилия не сохранилась)¹⁸. За этими фактами просматривается как будто большее, чем в Сарапуле, взаимодействие кадетствующей части интеллигенции и торгово-промышленников. Это взаимопонимание, безусловно, укрепило материальное положение организации, позволив в частности приобрести в апреле 1917 г. типографию для партийных нужд¹⁹. Однако неизбежной платой стал откровенно буржуазный имидж ижевских кадетов в глазах окружающих. К сожалению, крайне скудны сведения о воткинской организации кадетов. Поэтому с полной определенностью может быть назван лишь ее лидер, нотариус А. Сомов²⁰.

Укладываясь в рамки общепартийной идеологии, взгляды местных кадетов имели и некоторые особенности, причем по ключевым вопросам стратегии и тактики. Известно, какая драматическая борьба развернулась в кадетских кругах, особенно среди партийной верхушки, по вопросу о политическом строе новой России²¹. Сарапульская организация оказалась в ряду тех организаций партии «народной свободы», которые еще до принятия VII съездом (25–28 марта 1917 г.) соответствующего решения твердо заявили о приверженности республиканской идее. Вот хроника событий. 11 марта кадетский

ЦК предложил партийному съезду изменить 13-й пункт программы партии: взамен конституционной монархии признать необходимым установление демократической, парламентарной республики²². Но и после этого часть влиятельных и авторитетных лидеров кадетов, прежде всего П.Н. Милуков, лишь формально согласились с принятым решением²³.

Между тем уже 16 марта только что утвержденный организационным собранием сарапульских кадетов временный комитет в первом пункте своего решения постановил «выразить полную солидарность с постановлением центрального комитета партии “народной свободы” о республиканском образе правления»²⁴. Обстоятельства появления этой резолюции (стремительность реакции на принципиальное решение ЦК, особенно с учетом удаленности Сарапула от столицы и подчеркнута категорическая, решительная форма выражения поддержки) не оставляют сомнения ни в том, на чьей стороне в этом споре симпатии сарапульцев, ни в том, что решение ЦК стало для них реализацией заветных желаний. Ижевская и воткинская организации не оставили столь ярких свидетельств своего республиканства, но косвенные данные говорят в пользу этого²⁵.

Значительно быстрее, нежели центральные учреждения партии и без особых колебаний сарапульские кадеты определились в вопросе о сотрудничестве с эсерами и меньшевиками. Уже с начала марта они вполне дружелюбно работали в уездном комитете общественной безопасности, городской Думе и ее комиссиях²⁶. С приходом правых социалистов к власти после победы в июне 1917 г. на выборах в городскую Думу это взаимодействие продолжилось, но уже при главенствующей роли социалистов²⁷. Их объединяла общность в понимании ближайших задач и откровенный, более того, агрессивный антибольшевизм. Когда по следам событий в Петрограде 18–21 апреля 1917 г. кадеты в городской Думе предложили подвергнуть бойкоту сарапульскую газету «Свободная Россия» за перепечатку материалов большевистской «Правды», эсеро-меньшевистский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единогласно присоединился к этому решению²⁸. Едва ли уступали во враждебности к «ленинцам» кадеты в Ижевске и Воткинске. Сказанное позволяет с достаточной долей уверенности отнести местных кадетов, прежде всего сарапульскую организацию, к левоцентристам.

Трудно пока говорить о динамике численности ижевской и воткинской организаций. Некоторое представление о количестве членов ижевского отделения ПНС в момент его возникновения содержится в воспоминаниях уже упомянутого рабочего И.Н. Зайкова. По его словам, из 200–250 участников организационного митинга у стен Александро-Невского собора, на следующее собрание несколько дней спустя пришло 4 человека. Известно, что и позднее эти организации были немногочисленными и заметного влияния на политическую жизнь

поселков не оказывали²⁹. Явление, распространенное в горнозаводской полосе Урала³⁰. Лаконично и вполне объективно оценил роль кадетов в 1917 г. один из руководителей ижевских большевиков той поры В.Л. Сергеев. «Не найдя благоприятной почвы для проведения своих идей, – писал он в 1927 г., – кадетская партия исчезла, не проявив себя ни в чем»³¹.

Невелика, казалось, была по численности и кадетская организация в Сарапуле. К 12 июня 1917 г. в ее рядах насчитывалось до 200 членов³². Все дело, однако в том, с чем сравнивать. Среди кадетских организаций уездных городов России она находилась в числе крупных. По Уралу же стояла в ряду самых многочисленных вместе с организациями кадетов в губернском городе Перми и уездном Екатеринбурге³³. Рядом же с насчитывающими за тысячу человек организациями социал-демократов и социалистов-революционеров в Ижевске и Воткинске она действительно терялась, равно как и сарапульские организации социал-демократов (объедин.) и эсеров. Объяснение этому любопытному феномену надо искать в ином, чем в таких крупных промышленных центрах, как Ижевск и Воткинск, типе партийного и общественно-политического строительства. Он свойственен, прежде всего, крупным административным и культурным центрам с развитым аппаратом и соответственно с солидной прослойкой интеллигенции. Она здесь более активна и самостоятельна, тогда как пролетариат, разбросанный преимущественно по небольшим предприятиям, медленно входит в политику, более аполитичен и индифферентен к партиям. Ей-то и принадлежит доминирующая роль в создании и деятельности организаций различных партий. Пожалуй, именно в Ижевско-Воткинском районе, на горнозаводском Урале вообще, эта тенденция проявилась в более «чистом» виде, нежели в других районах России. Да это и понятно. Именно здесь резче грань между заводскими поселками, где сконцентрирована основная масса крупных и средних металлургических предприятий и пролетариата, и административными центрами от уездного уровня и выше.

Иначе выглядело соотношение сил весной 1917 г. в пределах Сарапула. Кадеты по численности чуть ли не втрое (по состоянию на конец первой половины июня 1917 г.) превосходили меньшевиков и стояли почти вровень с эсерами³⁴. Однако к исходу июня влияние их ощутимо сократилось. Перевыборы в городскую Думу в конце июня 1917 г. завершились внушительной победой социалистического блока с участием эсеров, меньшевиков и независимых социалистов. С задержкой почти в 4 месяца, в сравнении с Ижевском и Воткинском, они добились преимущественных позиций в политической жизни города. Правосоциалистический блок получил 20 из 34 мест, кадеты же – 7³⁵ (или несколько более 20 %) мест в думе, утратив одновременно ключевые должности председателя думы и городского головы³⁶. Одной из непосредственных причин поражения кадетов явилось потрясение горожан

провалом июньского наступления русской армии на фронте. Глубинные же мотивы коренились в росте левых настроений среди населения.

Потери кадетов, впрочем, оказались не столь значительными; как можно было ожидать. Получив право решающего голоса в городской политике, социалисты постарались найти общий язык с местной бюрократией, представленной широко в кадетской организации. Они уступили кадетским представителям 2 из 5, или 40 % портфелей членов городской управы³⁷, что не соответствовало реальному раскладу сил. Действия социалистов диктовались не только стремлением избежать обострения отношений с кадетами. За ними просматривается трезвый расчет на использование их опыта и знаний в управлении городским хозяйством.

Результаты выборов оказались для сарапульских кадетов серьезной неудачей, но не катастрофой. Ряды их сторонников поредели как у всякой партии, переживающей трудные времена. Все же кадетам удалось сохранить достаточно стабильное ядро искренних приверженцев либерально-буржуазной идеологии. Количество их вероятнее всего почти совпадает с численностью голосовавших за кадетов в июне 1917 года. Таких, по сообщению сарапульской городской избирательной комиссии, насчитывалось 836 чел.³⁸

Осенью 1917 г. сарапульские кадеты отправились от поражения, хотя утраченного лидерства в политической жизни города так и не вернули. На выборах в Учредительное Собрание они действовали активно и завоевали 29,7 % голосов, больше, чем в любом из городов Вятской губернии³⁹. Этот показатель вполне сопоставим с результатами голосования в Учредительное Собрание в столичных городах. Он несколько выше, чем в Петрограде (26,2 %), и немного ниже, нежели в Москве (34,2 %)⁴⁰. Среди кадетских организаций Урала сарапульцы уверенно шли в числе лидеров, почти вровень с влиятельной кадетской организацией Екатеринбурга (31,2 %)⁴¹. Успех сарапульских кадетов оказывается особенно весомым, если принять во внимание, что число избирателей, отдавших им голоса в сравнении с выборами в городскую Думу в июне увеличилось более чем в 2 раза, составив 1904 чел.⁴²

Столь стремительный рост рядов сторонников кадетов, безусловно, оказался следствием экстраординарных, форс-мажорных обстоятельств. Он отражал закономерную реакцию правых, несоциалистических сил на Октябрьскую революцию. Их сочувствие партии «народной свободы» усилилось еще более того, как декретом СНК 28 ноября 1917 г. кадеты были объявлены партией врагов народа, поставлены вне закона⁴³. Резонанс, вызванный этим решением в Вятской, а равно и в других губерниях России, где выборы в Учредительное Собрание проводились уже после издания декрета, оказался особенно сильным. Мощная энергия, порожденная общими для страны и Вятской губернии причинами, в Сарапуле «сработала» особенно эффектив-

но из-за небывалой доселе здесь обостренности положения. 10 ноября город захлестнул солдатский «пьяный» погром, вспыхнули пожары, выгорел целый квартал⁴⁴. Авторитет правых социалистов, стоящих у власти, резко упал. В городе было введено военное положение⁴⁵. Не успели горожане опомниться от пережитого, как 17 ноября в Сарапул прибыл эшелон казанских красногвардейцев для установления Советской власти. Оно сопровождалось арестами, массовыми обысками в поисках оружия, отмечены и более серьезные эксцессы. По сообщению сарапульского уездного комиссара Временного правительства, красногвардейцами был избит «до потери сознания» и заключен в тюрьму и. д. начальника городской милиции⁴⁶. Не удивительно, что горожане потянулись к порядку и законности, олицетворением которых для части из них стали кадеты. Более благосклонно отнеслись к сотрудничеству с кадетами те сарапульские купцы и заводчики, которые на выборах в городскую думу поддержали торгово-промышленный союз. Кадеты сумели также отобрать у правых социалистов часть интеллигенции. Эти слои и обеспечили кадетам в Сарапуле основную массу сторонников и почти треть голосов горожан на выборах в Учредительное Собрание.

Выборы в Учредительное Собрание подтвердили, что кадеты пользуются значительной общественной поддержкой в Сарапуле. Но, попав под действие декрета СНК от 28 ноября 1917 г., организация вынужденно оказалась вне политической деятельности и распалась. Многие ее участники отказались от политической деятельности, замкнулись в кругу семейных и профессиональных забот. Бывший член комитета В.В. Буглевский продолжал служить старшим нотариусом окружного суда, другой «комитетчик», Н.Г. Басанов, как и гласный городской Думы от кадетской организации М.Ф. Отланов, являлся практикующим адвокатам. Ф.В. Стрельцов, также представлявший кадетов в городской думе, имел большую врачебную практику⁴⁷. Новая власть не преследовала их за убеждения. Так было по крайней мере в 1918 году. Судьба этих заметных в местной кадетской среде людей позволяет с осторожным оптимизмом говорить и о судьбе их бывших однопартийцев, лояльных к Советской власти.

Мирно прекратила свое существование и организация кадетской партии в Ижевске. Событие это осталось почти незамеченным современниками. Даже большевики, обычно внимательно отслеживающие обстановку на местах, крайне скупо отразили его в своих документах. Факт сам по себе примечательный, как еще одно свидетельство малозначительности роли кадетов в общественной жизни Ижевска в 1917 году. Все же на основании данных из ответов местных большевиков на анкеты ЦК РСДРП(б) можно, хотя и в очень широком временном интервале, указать дату исчезновения местной кадетской организации. Это случилось в июле-ноябре 1917 г.⁴⁸, то есть раньше чем в Сарапуле. При иных обстоятельствах, нежели в Ижевске и Сарапуле,

прекратила деятельность организация кадетов в Воткинске. Она, вспоминал известный местный большевик Ф.В. Козлов, была распущена после того, как 4 января 1918 г. в Воткинске власть перешла к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁴⁹.

Судьба кадетских организаций в Ижевско-Воткинском районе во многом типична для районов промышленного Урала и России. Она позволяет глубже понять специфику расстановки классовых сил и межпартийной борьбы, полнее осмыслить тенденции дальнейшего развития революции на местах. Уход кадетов из легальной политической жизни ограничил круг участников политической борьбы социалистическими партиями, обозначил новый этап в движении российской революции влево. Исчезновение кадетов явилось исходной точкой в достаточно противоречивом и сложном процессе формирования однопартийной системы.

Местные кадетские организации прекратили свое существование задолго до событий мятежа в Ижевско-Воткинском районе в августе 1918 года. Однако остался слой приверженцев – носителей либерально-буржуазной идеологии, в том числе среди чиновников-управленцев, которые позднее либо по собственной воле, либо подчиняясь обстоятельствам, приняли участие в создании аппарата власти в восставшем районе летом-осенью 1918 года. Их позиция с ярко выраженным антибольшевизмом, согласием на сотрудничество с правосоциалистическими партиями, приверженностью идее республиканского устройства, представляла как бы возможную границу «отката» революции вправо. Она явилась заметной компонентой в формировании официальной идеологии мятежа.

¹ *Воровский В.В.* Перед Третьей Думой // *Воровский В.В.* Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955. С. 290–291.

² См. напр.: Народное дело / Орган Вятского губернского Совета крестьянских депутатов и губернского комитета п.с.-р. 1917. 22 октября.

³ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1957. С. 88.

⁴ Центр документации новейшей истории УР. Ф. 350. Оп. 6. Д. 30. Л. 25.

⁵ Архив Управления ФСБ РФ по УР (АУ ФСБ РФ УР). Ф. 10. Оп. 10. Д. 5. Т. 1. Л. 91.

⁶ *Милокова М.А.* Деятельность кадетской партии в Вятской губернии (1905–1917 гг.): Дипломная работа. Ижевск, 1992. С. 21.

⁷ Кама (Сарапул). 1917. 18 марта.

⁸ Кама. 1917. 19 марта.

⁹ Кама. 1917. 18 марта.

- ¹⁰ Кама. 1917. 20 июня; Кама. 1917 21 июня; Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р 1017. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
- ¹¹ Кама. 1917. 19 марта.
- ¹² Милокова М.А. Указ. соч. С. 20.
- ¹³ ЦГА УР. Ф. 216, Оп. 1. Д. 52. Л. 8.
- ¹⁴ Подсчитано по: Кама. 1917. 20 июня; Кама. 1917. 21 июня.
- ¹⁵ Кама. 1917. 21 июня.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Кама. 1917. 24 июня; Кама. 1917. 25 июня.
- ¹⁸ АУ ФСБ РФ УР. Ф. 10. Д. 5. Т. 1. Л. 91 в.; Сергеев В. Политические партии и октябрьские события в Ижевске // К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье. Ижевск, 1922. С. 16.
- ¹⁹ Кама. 1917. 4 мая.
- ²⁰ АУ ФСБ РФ УР. Д. С. 2320. Л. 23 об.; Архив Воткинского краеведческого музея (ВКМ). 57. Л. 1.
- ²¹ См. напр.: Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917 г.) М., 1982. С. 69–71; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 104–106.
- ²² Кувшинов В.А. Указ. соч. С. 106–107.
- ²³ Там же. С. 69–71; Думова Н.Г. Указ. соч. С. 106–107.
- ²⁴ Кама. 1917. 19 марта.
- ²⁵ Кама. 1917. 27 мая; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 504. Оп. 7. Д. 876. Л. 530 и др.
- ²⁶ Кама. 1917. 8, 17 марта, 21 апреля, 9 мая.
- ²⁷ Кама. 1917. 1 августа.
- ²⁸ Кама. 1917. 25 апреля.
- ²⁹ АУ ФСБ РФ УР. Оп. 10. Д. 5. Т. 1. Л. 91.
- ³⁰ См.: Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии: Документы и материалы. Молотов, 1957. С. 135, 137; Зубарев С.П. За республику Советов. Ижевск, 1970. С. 67, 73 и др.
- ³¹ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. С. 35.
- ³² Кама. 1917. 14 июня.
- ³³ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. Табл. 5. С. 347–350; численность кадетской организации в Перми – на 13.11.1917 г. – 200 чел., в Екатеринбурге на 09.06.1917 г. – свыше 200 чел., Там же. С. 347–348.
- ³⁴ Подсчитано по: Партийные известия. Издание организационного комитета Российской социал-демократической партии. 1917. № 2. 15 августа. С. 10; Кама. 1917. 20 июня.
- ³⁵ Кама. 1917. 1 июня.

- ³⁶ Кама. 1917. 1 августа.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Кама. 1917. 1 июля.
- ³⁹ В Вятской губернии выборы в Учредительное Собрание состоялись 3–5 декабря 1917 г.; Зубарев С.П. Указ. Соч. С. 69, 76.
- ⁴⁰ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное Собрание. Л., 1976. С. 357, табл.
- ⁴¹ Очерки истории Свердловска 1723–1973. С., 1974. С. 161.
- ⁴² Милукова М.А. Указ. Соч. С. 33.
- ⁴³ Великая октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1977. С. 221.
- ⁴⁴ Крестьянская газета Вятского губернского земства. 1917. 21–24 ноября. С. 18; Русская армия: газета военная, общественная и литературная. Омск. 1919. 31 января.
- ⁴⁵ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. С. 174.
- ⁴⁶ Там же. С. 174–175.
- ⁴⁷ ЦГА УР. Ф. Р. 1017. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Ф. Р. 223. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
- ⁴⁸ Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. материалов и документов. Киров, 1957. С. 157, 376; также Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. С. 88, 177.
- ⁴⁹ Архив Воткинского краеведческого музея 57. Л. 15.

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СИСТЕМУ ВЛАСТИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ И ИХ РОЛЬ В ЯНВАРЕ-ИЮЛЕ 1919 Г.

А.С. Коробец (г. Киров)

В 1919 г. на территории Вятской губернии площадью 134,5 тыс. кв. км (11 уездов), проживало около 4 миллионов человек. Губернию с заводами Северовятского горного округа, Ижевским оружейным и Воткинским машиностроительным заводами, можно считать важной частью промышленного арсенала страны. Будучи аграрным районом, губерния располагала значительными сырьевыми и продовольственными ресурсами. Сама Вятка, располагаясь на транссибирской магистрали и являясь важным железнодорожным узлом, была связана прямым железнодорожным сообщением с Москвой, Петроградом, с севером через Вологду и Котлас и с горнозаводским Уралом на востоке. Географическое положение Вятской губернии определяло ее стратегическую зна-

чимость в Гражданской войне. В частности, захват Вятки и соединение в этом районе с войсками интервентов, двигавшимися с севера, являлось частью плана адмирала Колчака. В конце 1918 г. белая армия стремительно овладела большей частью соседней Пермской губернии, в ночь на 25 декабря пала Пермь. Военные действия, вплотную приблизились к границам Вятской губернии.

Развитие событий потребовало от советской власти оперативной перестройки государственного аппарата на местах, создания чрезвычайных, гибких и мобильных органов, максимально приспособленных к условиям военного времени. Нужны были такие органы власти, которые на подконтрольной территории могли сосредоточить в своих руках руководство решением следующих задач: организация обороны путем мобилизации людских и материальных ресурсов, наведение строжайшего революционного порядка, решение проблем народнохозяйственного характера. Такими органами стали чрезвычайные военно-революционные комитеты, существовавшие в пределах губернии с января по июль 1919 г.: Вятский губернский ВРК прифронтовых уездов, а также – отдельных предприятий промышленности¹.

Коррективы в систему власти Вятской губернии были внесены по инициативе находившейся в Вятке с 5 января 1919 г. комиссии ЦК, членами которой были И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский, расследовавшие причины сдачи Перми. Они сочли необходимым всесторонне рассмотреть вопрос об организации на территории прифронтовой губернии чрезвычайного военно-революционного комитета. На объединенном заседании Вятского губернского и городского комитетов партии, исполкомов Вятского губернского и городского Советов, а также эвакуированных в Вятку Уральского областного комитета партии и Уральского областного Совета, открывшемся 19 января 1919 г., был сформирован Вятский губернский военно-революционный комитет.

И.В. Сталин предложил построить ВРК по принципу представительства. По его мысли, в этот орган должны были войти руководители основных военных, партийных и советских органов, «чтобы была исключена возможность трений ...и достигнута необходимая согласованность»². Вятский большевик П.П. Капустин и ряд других участников совещания настаивали на персональном выборе членов ВРК. 12 против 10 голосов было принято предложение Сталина. В состав ВРК вошли 5 человек. Возглавил его председатель областного Совета Урала А.Г. Белобородов (в январе 1919 г. уральские областные организации, эвакуированные в Вятку были распущены или слиты с вятскими из-за переплетения их функций и путаницы в работе). Членами комитета стали: военный комиссар Уральского военного округа С.А. Анучин, председатель Вятского губисполкома С.А. Новоселов, председатель Вятской губернской ЧК П.И. Малков, член Вятского губкома и губисполкома П.П. Капустин. На VIII всероссийском съезде партии А.Г. Белобородов был избран членом

ЦК РКП(б), а на пленуме ЦК 25 марта 1919 г. – членом Организационного бюро ЦК. В связи с этим в начале апреля Белобородов покинул Вятку³. На посту председателя его сменил В.Ф. Сивков. Вслед за Белобородовым Москва отозвала С.А. Анучина. После кадровых перемен весной 1919 г. ревком стал работать в следующем составе: председатель В.Ф. Сивков, С.А. Новоселов, П.И. Малков, П.П. Капустин и вновь вошедшие И.В. Попов и Н. И. Уфимцев.

Некоторое представление о людях, входивших в орган власти, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти, дают следующие биографические сведения. Александр Георгиевич Белобородов – член партии с 1907 г., рабочий, прошедший революционное подполье, тюрьмы, ссылки. На руководящую работу выдвинулся на Урале, став председателем областного Совета. Владимир Федорович Сивков – из семьи уральского рабочего, слесарь по профессии, в партии с 1908 г., в 1918 г. – заместитель председателя Пермского губернского исполкома Советов, руководитель Особого коммунистического отряда.

Сергей Андреевич Анучин происходил из семьи уральского крестьянина. Проявив способности к учебе, в 1909 г. закончил Уральское горное училище, а 1911 г. поступил в Рижский политехнический институт, но за политическую деятельность был исключен. В первую мировую войну – рядовой в армии. С февраля 1918 г. – уральским областной военный комиссар.

Степан Андреевич Новоселов – также из крестьянской семьи. Окончив три класса начальной школы, он вынужден был пойти работать. С 12 января 1919 г. – председатель Вятского губисполкома, с 19 января – член ВРК, с марта добавилась должность председателя губкома РКП(б).

Малков Павел Иванович – из семьи крестьянина-бедняка Орловского уезда, окончил церковноприходскую школу. До революции 1917 года трудился рабочим столярной мастерской в Вятке, затем в Котельниче, Перми; преследовался полицией.

Петр Павлович Капустин – один из самых молодых вятских руководителей, родом из зажиточной крестьянской семьи, в 16 лет разорвал отношения с отцом по идеологическим соображениям и посвятил себя революционной деятельности, коммунист с лета 1917 г. С конца 1917 г. выдвинулся в первый ряд руководящих лиц губернии. Испытывая огромные физические и психологические нагрузки, с которыми не каждый мог справиться, работал, не считаясь со здоровьем. В апреле 1919 г. медицинская комиссия вынесла решение в отношении 21-летнего П. Капустина: «в интересах сохранения трудоспособности и некоторого облегчения болезни, Капустин нуждается в перемене обстановки труда, улучшения условий питания..., так как продолжение работы в настоящих условиях грозит ему полной инвалидностью»⁴. Однако до конца войны П. Капустин продолжал работать, хотя и на более скромных должностях. В послевоенный период был переведен в Москву.

В ревком входили достаточно известные в регионе большевики, по происхождению – это бывшие рабочие и крестьяне. Люди молодые, инициативные, с огромной работоспособностью, не боявшиеся взять на себя ответственность за судьбу региона. Хотя к началу 1919 г. ими был накоплен определенный опыт управленческой работы, тем не менее, во многом эта сфера деятельности оставалась для них новой. Белобородов и Анучин – выходцы с Урала; Новоселов, Малков, Капустин – уроженцы Вятской губернии.

Вятский ВРК действовал под непосредственным руководством губернского комитета РКП(б). Но при этом важную роль в жизни региона продолжал играть и губернский исполнительный комитет Советов. В своей деятельности ВРК опирался на аппарат партийных и советских организаций губернии, стремясь наиболее полно приспособить его к решению вопросов, выдвигаемых войной. ВРК, в отличие от других учреждений, не имел соответствующего разветвленного аппарата. Достаточно указать, что на 1 марта 1919 г. в штате губревкома (по ведомости о заработной плате) числились: Председатель А.Г. Белобородов, управделами Н.Н. Иконников, секретарь Я.П. Порошин, делопроизводитель А.И. Фокин, регистратор А.К. Мильчаков, телефонист Г. Коковихин, машинистка Л.И. Гребнева и несколько работников из обслуживающего персонала (дворник, кучер, уборщицы)⁵.

ВРК это по-революционному диктаторский, чрезвычайный орган власти, которому предоставлялась вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств Северо-Восточного края республики в интересах обороны. ВРК в Вятке часто называли зональным Уральским Советом Обороны. Такое представление близко к истине. Во-первых, ГВРК – это коллегиальный орган, облеченный всей полнотой власти. Во-вторых, главным в его работе являлось практическое руководство жизнью и борьбой прифронтового края. В-третьих, высокая требовательность во всем, личная ответственность исполнителей за безусловное выполнение приказов, постановлений и распоряжений губревкома⁶. Приказы и распоряжения ВРК подлежали немедленному и беспрекословному выполнению всеми организациями, учреждениями Вятской губернии, а также в не занятых «белыми» войсками районах Пермской губернии, коих они касались.

В силу своего представительного характера, ВРК являлся коллективным демократическим органом. Постановления, приказы и распоряжения ревкома считались принятыми и получали силу закона только тогда, когда они подписывались всеми его членами. Такой порядок значительно повышал авторитет и действенность принимаемых этим органом решений⁷.

Для проведения в жизнь некоторых важных вопросов практиковалось создание ведомственных комиссий, посылка уполномоченных ревкома на места. К примеру, при ВРК была образована комиссия (тройка) по разгрузке г. Вятки от «нежелательного и подозрительного элемента». В подчинении ВРК

находилась и Вятская ликвидационная комиссия, занимавшаяся упразднением эвакуированных с Урала учреждений, ведавшая приемом документов и материальных ценностей, перераспределением кадров, а также возвращением советских учреждений на прежние места в освобожденных от белогвардейцев районах⁸. Коммунистическая контрольно-организационная комиссия – еще один оперативный орган ревкома по проведению в жизнь его решений, наделенный в силу военного времени большими полномочиями. Члены комиссии пользовались правом беспрепятственного проезда в районе деятельности ВРК; могли производить дознание и следствие по деятельности целых учреждений и отдельных должностных лиц; в случае обнаружения данных о преступной деятельности, арестовывать виновных и др.⁹

Руководитель комиссии В.Ф. Сивков был введен в состав губревкома в качестве заместителя председателя, под его началом действовал контрольно-организационный отряд, разбитый на группы, руководителями которых были назначены: Шляпин, Власов, Бояринов, Дудин, Ильичев, Трушников, Порошин, Сюев (многие зарекомендовали себя раньше, на работе в Пермской губернии и в областных организациях Урала)¹⁰. В их задачи входили контроль и помощь в работе местных партийных и советских организаций. Позднее, весной 1919 г., эти группы отряда были сосредоточены в освобождаемых районах, где стали организаторами партийной и советской работы.

Создание единого чрезвычайного органа по руководству всеми сторонами жизни прифронтового края имело военно-политическое значение, выходящее далеко за пределы губернии, так как Восточный фронт в первой половине 1919 г. оставался главным театром военных действий Гражданской войны.

В июне ситуация на Восточном фронте радикально изменилась. Красная Армия начала наступление, по мере которого перед Вятским ревкомом возникал вопрос об организации на освобожденной от белых территории органов государственной власти, налаживания хозяйственной жизни и подготовки там почвы для перехода к Советам. С согласия президиума ВЦИК Вятский ВРК издал инструкцию, в которой определил условия и порядок восстановления Советов в местах, очищенных от белых: «Впредь до восстановления Советов в местах, занимаемых советскими войсками, штабом той воинской части, которая занимала данный район, предварительно выдвигается военно-революционный комитет в зависимости от обстоятельств и численности населения от 3 до 5 лиц...»¹¹.

К примеру, 15 июня 1919 г. Реввоенсоветом 2-й армии, освободившей Ижевск, в городе был создан чрезвычайный военно-революционный комитет. К ревкому, в состав которого вошли Р.С. Шапошников (председатель) и М.Д. Пастухов перешла вся полнота власти в Ижевске. Ревком был наделен широкими административно-хозяйственными функциями. Целью этого органа было мобилизовать массы на восстановление хозяйства, принимать меры по

организации культурно-просветительной работы, здравоохранения, материального обеспечения трудящихся, создания условий для перехода к Советам.

Ревком немедленно приступил к наведению строжайшего порядка в городе. Приказ № 1 Ижевского ВРК гласил: «Всех замеченных в расхищении имущества лиц, бежавших с белыми, в пьянстве и буйстве, а также в контрреволюционных действиях арестовывать и направлять в комендатуру города для предания революционному суду... К контрреволюционерам, лодырям, спекулянтам будут применяться самые строгие меры». Выезд из города разрешается только по пропускам, выданным комендантом. Граждане, имевшие на руках холодное и огнестрельное оружие, обязывались в двухдневный срок сдать его в комендатуру. Имущество лиц, бежавших с колчаковцами, было объявлено собственностью республики¹².

Ижевский ревком просуществовал полтора месяца, 27 июля чрезвычайный орган был ликвидирован, и власть была передана в руки исполнительного комитета Ижевского Совета РСД. На первом торжественном заседании Совета был избран исполком под председательством авторитетного ижевского большевика, члена ревкома М. Пастухова. В комитет также вошли Крупин, Шелковский, Агапитов, Трубицин, Туранов, Бутин, Пастухова, Будаков, Фомин, Ленков, Трубицин, Горбунов, Русинов, Татарских¹³.

К концу июня 1919 г. Вятская губерния была полностью очищена от колчаковцев, в июле фронт сместился на Урал, а затем в Сибирь, что сделало Вятку глубоким тылом. В этих условиях создавалась обстановка, позволяющая вернуться к обычным органам гражданского управления и сосредоточения всей полноты власти в руках Советов. 28 июля 1919 г. приказом командующего Восточным фронтом Вятская губерния была исключена из числа губерний, принадлежащих к прифронтовой полосе, отпала и необходимость существования губернского военно-революционного комитета¹⁴.

¹ См.: *Бугай Н.Ф.* Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918–1921 гг. М., 1990; *Загвоздкин Г.Г.* Гражданская война // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 355.

² Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее ГАСПИ КО) Ф. П-1. Оп. 1. Д. 56. Л. 5; Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО) Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2; ГАКО Ф. Р-878. Д. 35 Л. 15.

³ ГАКО Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

⁴ ГАСПИ КО Ф. П-1. Оп. 1. Д. 62. Л. 82–83.

⁵ ГАКО Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.

⁶ *Кошечев Н.А.* Революцией рожденный. Ижевск, 1981. С. 32–33.

⁷ Там же.

⁸ См.: Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 96–115.

⁹ ГАКО Р-878. Оп. 1. Д. 48. Л. 62.

¹⁰ ГАКО Р-878. Оп. 1. Д. 48. Л. 78, 116, 139, 172, 173, 174, 188, 204.

¹¹ ГАКО Ф. Р-878. Д. 20. Л. 39.

¹² Ижевск. Документы и материалы. 1760–1985. Ижевск, 1984. С. 105–107.

¹³ Там же. С. 113.

¹⁴ Очерки истории Кировской организации КПСС. Т. 2. Киров, 1969. С. 70.

САРАПУЛЬСКИЙ УЕЗДНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ В 1918–1920 ГГ.

А.С. Вычужанина (г. Киров)

После прихода к власти большевиков реорганизации подверглась вся система государственного управления. Не была исключением и судебная система. Декрет СНК о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. предусматривал две формы судебной организации. Как общегражданские учреждения формировались местные народные суды. Наряду с ними появились и судебные органы специальной юрисдикции. Как правило последние создавались в чрезвычайных условиях. В годы становления советской власти, гражданской войны, интервенции специальными судами были революционные трибуналы.

Декрет СНК о суде № 1 дает такое определение революционному трибуналу: «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел по борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями... учреждаются рабочие и крестьянские Революционные трибуналы...»¹.

Вслед за декретом СНК о суде № 1 вышли еще два нормативно-правовых акта, регламентирующих деятельность революционных трибуналов: «Руководство для устройства революционных трибуналов» и Инструкция народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний».

Исходя из перечисленных законодательных актов, революционные трибуналы учреждались Советом рабочих и солдатских депутатов, которые назначали председателя, двух его постоянных заместителей и 6 заседателей. Дела первоначально поступали в следственную комиссию, которая занима-

лась предварительным рассмотрением преступления и была организована Советом в составе не менее трех человек.

На основании вышеперечисленных нормативно-правовых актов революционные трибуналы начали создаваться повсеместно, где была установлена советская власть. Не стала исключением и Вятка.

Вятский губернский революционный трибунал был создан в начале января 1918 г. При нем были образованы следственная комиссия и коллегия обвинителей.

Сарапульский уезд с конца XVIII в. входил в состав Вятской губернии. После Октябрьской революции, а именно в 1918–1920-х гг. административно-территориальный статус Сарапула не менялся. В 1918 г. в Сарапуле не был создан уездный трибунал, что объясняется сложной политической обстановкой и нестабильностью советской власти в этом районе (с августа по октябрь 1918 г. Сарапульский уезд был охвачен восстанием)².

В соседнем с Сарапульским уездом в марте 1918 г. был создан Малмыжский уездный революционный трибунал³. Возможно, в сферу его компетенции входил и Сарапульский уезд. Трибунал в Малмыже функционировал 9 месяцев до января 1919 года. За этот период им было рассмотрено 64 дела. Больше всего из них проходило по статьям контрреволюционная агитация, преступления по должности, неподчинение советской власти⁴.

С конца 1918 г. революционный трибунал Вятки начал практиковать выездные сессии для разбора дел в отдаленные места губернии. На местах существовали следственные комиссии при губернском трибунале (например, в Яранске, Орлове, Малмыже, Нолинске), которые не обладали судебными функциями и только вели следствие. Выездные сессии с участием членов губернского трибунала Вятки рассматривали дела на заседании и выносили приговоры. В феврале 1919 г. такая сессия состоялась и в Сарапуле⁵.

Вопрос о времени создания трибунала в Сарапуле не изучен. Нам представляется, что трибунал или следственная комиссия при губернском трибунале здесь была создана самовольно, без разрешения Вятки. Его создание произошло до апреля 1919 г., поскольку имеются данные, что трибунал после занятия Сарапула белыми был эвакуирован в Казань⁶. В Вятке, скорее всего, знали о существовании в Сарапуле трибунала. В архивных документах встречается запрос Вятского губернского революционного трибунала в губернский отдел юстиции на предмет – распространяются ли функции Сарапульского революционного трибунала на Малмыжский уезд?⁷

Мысль о том, что в Вятке знали о трибунале подтверждает и также и тот факт, что в Сарапуле ни разу после февраля 1919 г. не проводились выездные сессии. Да и после освобождения города от белых такие сессии не осуществлялись, хотя в отдаленные уезды губернии такие выезды совершались неоднократно. Например, в Яранске за вторую половину 1919 г. их было проведено 4⁸.

После ухода «белых», в сентябре 1919 г., работа в Сарапульском трибунале возобновилась. Об этом свидетельствует телеграмма из Сарапула в Вятку с просьбой выслать средства на восстановление деятельности трибунала⁹. Ответ был выслан в Сарапул спустя месяц. Он был написан члену трибунала Лошкареву. Трибунал Вятки запрашивал его о деятельности, а именно о движении дел. Интересно, что в телеграмме указывается, что до сих пор (т.е. до сентября) никаких сведений о деятельности Сарапульского трибунала в Вятку не поступало: «...о существовании вашем можно заключить из одного-двух запросов. Работаете ли, как идет работа, с кем работаете, были ли судебные заседания, как организован следственный аппарат – в Вятке ничего неизвестно. Такое явление недопустимо...»¹⁰. На этом основании губернский трибунал отказал в выдаче кредитов в Сарапул¹¹.

Таким образом, на основании телеграммы Вятского губернского трибунала в Сарапул, можно сделать вывод, что организованный там трибунал функционировал независимо от Вятки (т.е. сам принимал судебные решения), однако зависел от Вятки финансово и организационно. Состоял этот трибунал из члена Лошкарева (скорее всего, именно он был председателем) и следователя Новосада¹².

Лошкарев неоднократно делал разного рода запросы в Вятку – о финансировании трибунала, о применении амнистии и пр.¹³ Со временем определился и статус уездного судебного органа: с конца 1919 г. в делопроизводственных документах трибунал именовался Сарапульским отделением Вятского губернского революционного трибунала¹⁴.

Начиная с октября 1919 г., трибунал Сарапула стал высылать в Вятку ежемесячные отчеты о деятельности. В соответствии с первым из них, через него прошло 68 дел. Осужденные были приговорены к лишению свободы и штрафам¹⁵. В ноябре поступило 65 дел; преобладающая их часть проходила по статье контрреволюционная деятельность¹⁶. В декабре – 104 дела: из них 36 дел по категории контрреволюционная деятельность, 21 – злоупотребления советской властью, 11 – хулиганство¹⁷. Дела, если судить по отчетам, решались крайне медленно. Так, в декабре были рассмотрены только 9 дел¹⁸.

Показательным примером работы трибунала служит его деятельность в январе 1920 г. В трибунал поступило 90 дел, из которых было решено 14. Большинство из них шли по статье контрреволюционная деятельность. Осуждено по 14 делам было 19 человек. Большинство были приговорены к различным срокам лишения свободы. Кроме того, трибунал приговорил двоих подсудимых к общественным работам, двоих – к лишению политических прав¹⁹.

С конца 1919 г. Вятский губернский трибунал переполняется делами о дезертирах. Создается специальный орган – Вятская губернская комиссия по борьбе с дезертирством. При ней с конца июля 1920 г. открылся отдел революционного трибунала, который выполнял исключительно судебные функции²⁰.

Те же процессы происходили и в Сарапуле. С июня 1920 г. в местном трибунале увеличивается число дел о дезертирах: за июнь было рассмотрено 41 дело, а за июль – 195 дел²¹.

Нам представляется, что отсутствие данных о трибунале с марта по июнь может говорить о том, что он был реорганизован только для работы с делами дезертиров, поскольку в делопроизводственных документах он стал именоваться как Сарапульское отделение Вятского губернского революционного трибунала по осуждению дезертиров. Сменился и председатель – им был назначен 17 июня 1920 г. Васильев. Членами трибунала являлись Фалалеев и Дуров²². Этот состав был постоянным и несменяемым²³.

Трибунал Сарапула был связан с уездной комиссией по борьбе с дезертирством (далее – уездкомдезертир), которая также была создана в середине 1920 г. Комиссия вычисляла дезертиров, а также их укрывателей, расследовала их дела, а трибунал рассматривал их в судебном заседании и выносил приговор. После вынесения приговора и назначения наказания (оправдательных вердиктов практически не было) под конвоем дезертиры возвращались обратно в уездкомдезертир, которая отправляла их на место отбытия наказания.

Трибунал в Сарапуле рассматривал и документы, поступавшие из Малмыжской уездкомдезертир. Сарапульское отделение трибунала совершало ежемесячные выездные сессии для разбора дел в Малмыже²⁴. В июле к его компетенции были отнесены также Ижевск, Елабуга, Воткинск²⁵.

В основном судимых дезертиров приговаривали к отбытию в штрафную роту. Срок варьировался от 1 месяца до 3-х лет. Реже давались условные приговоры с немедленным отбытием подсудимых на фронт. Наказывали и укрывателей дезертиров – в основном штрафами. Выносились и расстрельные приговоры, но они заменялись лишением свободы сроком на 5 лет²⁶.

Для сравнения, в Вятке в большинстве случаев дезертиров приговаривали к лишению свободы в Вятском исправительном рабочем доме или осуждали условно с последующей отправкой на фронт²⁷.

Дела, не связанные с дезертирством, рассматривал Вятский губернский трибунал. Так, дело о «Произошедшем пожаре в заводе Пешехонова» изучалось следователем Запольских в Вятке и именно им было вынесено решение²⁸.

В результате административной реформы в 1921 г. город Сарапул был включен в Пермскую губернию, и уже с февраля-марта дела Сарапульского трибунала начали переходить под контроль Пермского губернского трибунала²⁹.

¹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

² Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007. С. 191–193.

- ³ Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 144. Л. 3.
- ⁴ Там же. Л. 2–3.
- ⁵ Там же. Д. 156. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 7.
- ⁷ Там же. Д. 110. Л. 42(об).
- ⁸ Там же. Л. 58(об), 68.
- ⁹ Там же. Д. 156. Л. 8.
- ¹⁰ Там же. Л. 10.
- ¹¹ Там же. Л. 10(об).
- ¹² Там же. Л. 11.
- ¹³ Там же. Л. 16.
- ¹⁴ Там же. Д. 144. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁶ Там же. Л. 7(об).
- ¹⁷ Там же. Л. 7а(об).
- ¹⁸ Там же. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Л. 10.
- ²⁰ Там же. Д. 303. Л. 8.
- ²¹ Там же. Д. 284. Л. 9(об), 22(об).
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 80.
- ²⁴ Там же. Л. 65.
- ²⁵ Там же. Л. 46.
- ²⁶ Там же. Оп. 1а. Д. 4307. Л. 15.
- ²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 311. Л. 8–9.
- ²⁸ Там же. Д. 185. Л. 9.
- ²⁹ Там же. Оп. 1а. Д. 3216. Л. 7.

КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОТСКОЙ АВТОНОМИИ В ПЕРИОД ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ (КОНЕЦ 1920-ГО–1921-Й Г.)

В.И. Бакулин (г. Киров)

Начну с необходимого уточнения: в данной статье (что естественно для этого жанра) затронуты лишь отдельные аспекты столь сложного явления, как кадровая политика переходного от «военного коммунизма» к НЭПу периода в

национально-территориальном образовании. Между тем, данная тема, ввиду ее недостаточной изученности и крайней социально-политической актуальности, безусловно, заслуживает внимания.

Образованная постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 4 ноября 1920 г. в составе пяти уездов – Глазовского, Дебесского, Ижевского, Можгинского, Селтинского – Вотская автономная область (ВАО) пережила нелегкий период своего становления. В условиях выхода российского общества из состояния Гражданской войны сохранялась социально-политическая напряженность, чреватая опасностью новых вооруженных конфликтов. Поэтому большую часть 1921 г. на территории автономии сохранялось военное положение. Лишь накануне Пасхи и 1-майского праздника в г. Глазове, который первоначально был центром ВАО, местные власти разрешили гражданам свободное хождение по городу до 12 часов ночи, а на три дня – с 30 апреля по 2 мая – ограничения были сняты полностью¹. Но в принципе военное положение в городах ВАО, в том числе и в Ижевске, который с июня 1921 г. стал центром автономии, сохранялось и в последующий период. В постановлении областного комитета РКП(б) от 29 ноября того же года говорилось: «Хождение в ночное время граждан по городу разрешить, не снимая военного положения. Начальнику гарнизона предложить о чем издать приказ по городу»².

Важным компонентом внутренней жизни региона, как, впрочем, и всей Советской России, в это время являлись формируемые из местных коммунистов и комсомольцев и предназначенные для борьбы с контрреволюцией и политическим бандитизмом части особого назначения – ЧОН. Глазовский отряд ЧОН до середины весны 1921 г. находился на казарменном положении; распоряжением ответственного секретаря обкома партии С.П. Барышникова от 19 апреля члены его были распущены по домам, однако по тревоге должны были являться к месту сбора. Винтовки и боеприпасы были розданы им на руки. Однако оставался партийный караул на городской телефонной станции. В других стратегически важных пунктах Глазова ночную службу нес специальный батальон охраны³.

Полуголодное существование граждан в годы военного лихолетья (по крайней мере, с 1916 г.) приобрело еще более драматический характер в связи с неурожаем и голодом 1921–1922 годов. Так, настоящим событием для глазовских детей стала выдача дополнительного пайка (по одному яйцу, 100 граммов муки, 25 граммов сливочного масла и 13 граммов сахара) в связи с приездом в июне 1921 г. в город председателя ВЦИК М.И. Калинина⁴. Переход к НЭПу на начальном этапе реализации этой политики принципиально не менял ситуацию ни в плане улучшения продовольственного положения горожан, ни в смысле снижения напряженности в отношениях между городом и деревней.

Как вскоре выяснилось, сбор продовольственного налога стал такой же сложной проблемой, как и выполнение продразверстки в годы «военного коммунизма». В августе 1921 г. председатель областного комитета РКП(б) В.К. Фомин признал, что «проводимые до сего времени методы сбора продналога существенных результатов не дали и продналог поступает слишком слабо». Из чего был сделан практический вывод о необходимости сформировать вооруженный отряд численностью не менее 150 человек для отправки в деревню. Решением партийных органов в отряд планировалось направить 25 красноармейцев из местного гарнизона, 25 большевиков и 100 членов профсоюзов⁵. Собственно, речь шла о продолжении практики использования продотрядов; именно их упоминал, докладывая о работе областного продкома, Собесский уже в октябре первого года НЭПа⁶.

К проблемам общегосударственного масштаба относилась и острая нехватка достаточно квалифицированных и политически надежных кадров управленцев, технических и иных специалистов. Для Вотской автономии эта проблема дополнительно обострилась самим фактом ее вычленения из состава Вятской губернии. Соответственно своеобразная борьба за территорию (по границам размежевания) с соседями – Вятской и Пермской губерниями, Татарской АССР – дополнилась параллельной борьбой за кадры.

Новые административные структуры нуждались в значительном количестве руководящих кадров, взять которые было просто негде. Особенно остро стоял вопрос с национальными кадрами, владеющими языком титульной нации, знающими ее обычаи, особенности ментальности. Проблема эта обозначилась еще в первые годы советской власти, почти полностью парализовав работу национальных секций при уездных партийных комитетах Вятской губернии⁷. Тем более острой стала она в описываемый в статье период, после возникновения в регионе национальных автономий.

К тому же в Вотской АО, административный центр, каковым первоначально стал г. Глазов, начал «вытягивать» кадры из наиболее крупного промышленного населенного пункта автономии – Ижевска, где управленцев и без того все последние годы хронически не хватало. Так, в конце марта, а затем и в начале апреля 1921 г. секретарь Ижевского уездного комитета РКП(б) Михаил Агапитов просил Вотский областной комитет партии (ответственный секретарь С.П. Барышников) не забирать опытного партийного работника, члена Вятского губкома РКП(б) В.К. Фомина, после того как Глазов уже «увел» из Ижевска «двух сильных работников» – Матвеева и Пастухова⁸.

Тем временем и руководство Вятской губернии старалось не допустить «утечки» кадров в национальные новообразования. В январе 1921 г. из Сарапула в Москву, в наркоматы по делам национальностей и внутренних дел поступила телеграмма, в которой сообщалось: «Уездные Елабужский, Малмыж-

ский, а также Вятский губисполком, ввиду организации Вотской автономной области, перебрасывают активных партийных работников, технических (врачей, фельдшеров, агрономов) из пределов области. Примите срочные меры к оставлению работников для Вотской области»⁹. Подобными же действиями вятских властей в Сарапульском уезде (часть которого переходила к Пермской губернии) в марте 1921 г. возмущался в присланной им телеграмме и секретарь Пермского губкома партии А. Белов¹⁰.

Впрочем, вятских руководителей тоже можно понять, ибо, в связи с административно-территориальной перекройкой губернии и связанной с этим делом суматохой, хлопот им значительно прибавилось, что дополнительно обостряло кадровый дефицит. В марте 1921 г. секретарь Вятского губкома жаловался в Москву: «Некоторые организации целиком отошли от Вятской губернии к Вотобласти, Маробласти и Татреспублике, но губком продолжает вести партийную работу, посевную кампанию и лесозаготовки под своим руководством, требуя от таковых отчеты. Просим срочно указать время передачи отошедших организаций под руководство и непосредственную отчетность перед соответствующими областками»¹¹.

Центральная власть пыталась регулировать кадровый вопрос, рассылая на места соответствующие директивы. Переправляя в конце января 1921 г. в Вятский губком цитированное выше письмо (в Москву из Сарапула), а также аналогичную ему по содержанию жалобу из Марийской АО, организационно-инструкторский отдел ЦК РКП(б) указал на то, что «подобные явления дезорганизуют работу вновь образованных автономных областей», потребовал прекратить их и прислать в Центральный Комитет объяснения по поводу уже имевших место эпизодов¹². В первой декаде апреля в Вятский губком РКП(б) вновь поступила телеграмма за подписью секретаря ЦК В.М. Молотова, в которой подчеркивалось: «Все партийные работники, работающие в данной местности, переходящей на основании постановления ВЦИК в состав другой административной единицы, должны оставаться на местах»¹³. Однако остановить этот «кадровый ажиотаж» было не так-то просто: «перетягивание каната» как между соседними административно-территориальными единицами, так и внутри их, продолжилось и в последующие месяцы.

Например, конфликтная ситуация между Вяткой, с одной стороны, Глазовом – Ижевском – с другой, возникла по поводу Зорина Михаила Ивановича, который, в свое время окончив Кукарскую учительскую семинарию, в 1920 г. заведовал районным отделом народного образования в Селтах. Затем был переведен в Малмыж, где возглавил уездный Политпросвет. После образования Вотской области ее власти просили вернуть Зорина на прежнее место как человека, знающего быт и нравы вотяков. Но Вятский губком в июне 1921 г. отказал в этой просьбе «за отсутствием работников»¹⁴.

В новую фазу вступила и «кадровая война» внутри самой Вотской автономной области. Распоряжением президиума ВЦИК от 10 июня 1921 г. административный центр Вотской автономной области был перенесен из Глазова в Ижевск¹⁵, имевший несколько больший кадровый потенциал. Но если раньше от кадровых притязаний Глазова отбивался Ижевск, то теперь уже в роли «страдающей стороны» стал выступать прежний административный центр, причем с просьбами не забирать из Глазова тех или иных работников в областной комитет РКП(б) стали обращаться не только руководящие работники, но и рядовые граждане. Например, в городе развернулась общественная компания, со сбором сотен подписей местных жителей, против перевода в Ижевск председателя ОблЧК и члена обкома РКП(б) Н.Ф. Шутова, который характеризовался в коллективных заявлениях граждан как «толковый работник», умеющий безболезненно разрешать общественные конфликты по жилищному, продовольственному, трудовой повинности и другим вопросам¹⁶.

В связи с переносом административного центра ВАО новой гранью обернулся национальный компонент кадровой проблемы. Дело в том, что если в целом по автономии на долю удмуртов приходилось 54 % ее населения, а на долю русских – 42,2 %¹⁷, то в самом промышленном Ижевске русские численно преобладали. Соответствующим образом это отразилось и на составе руководящих партийных и советских органов.

Руководящее ядро будущей ВАО складывалось еще до момента материального воплощения в жизнь идеи автономии. Важной вехой на этом пути стало формирование в конце сентября 1919 г. на II всероссийском съезде удмуртов в Сарапуле Центрального комитета по делам удмуртов (он же – Удмуртский комиссариат). Историческим предшественником этого органа являлся образованный 27 июля 1918 г. губернский вотский национальный комитет (председатель П.В. Чирков, секретарь – Ф. Шкляев)¹⁸.

В состав Центрального комитета по делам удмуртов вошли: Т.К. Борисов (комиссар), Г.Н. Гусев, В.А. Максимов, П.А. Стрельников и единственный небольшевик – П.М. Бурбуров. Вскоре Т.К. Борисова в роли председателя комиссариата сменил ранее работавший в Москве И.А. Наговицын. Первый из них, оставаясь видной фигурой в движении национального самоопределения удмуртов, редактировал его печатный орган «Гудыри».

В определенном смысле их обоих можно считать лидерами двух течений, обозначившихся в среде коммунистов-удмуртов на этапе 1919–1920 гг. и различающихся как социально-политическими приоритетами, так и степенью радикализма в национальном вопросе. Если И.А. Наговицын в своих социально-политических воззрениях (и соответственно в управленческой практике) в качестве приоритетного исповедовал классовый подход, то Т.К. Борисов гораздо большее значение придавал национальному началу¹⁹.

Расхождения такого рода обозначились, в частности, в июне 1920 г., на I всероссийской конференции коммунистов-удмуртов, где 27 делегатов поддержали предложение Наговицына не спешить с созданием автономии, а 25 участников конференции голосовали вместе с Борисовым за форсирование этого процесса²⁰.

Хотя идея создания ВАО была практически воплощена в жизнь достаточно быстро, все же возглавил временный орган управления Вотской областью – ревком – более умеренный в национальном вопросе И.А. Наговицын. Среди остальных членов ревкома (Т.К. Борисов, И.И. Плотников, П.А. Стрелков, Н.Ф. Шутов) следует особо отметить активного участника Гражданской войны на территории Вятской губернии С.П. Барышникова, который в 1918 г. с поста военного комиссара Глазовского уезда ушел командовать воинским отрядом, вскоре преобразованным в Святогорский полк²¹. Член большевистской организации с 1917 г., Барышников в период марта 1920-го – февраля 1921 г. входил в состав Вятского губкома РКП(б)²².

До середины 1921 г. позиции коммунистов-удмуртов в партийных и советских «верхах» автономии оставались прочными. Так в президиуме I Вотской областной конференции РКП(б) (28 февраля – 1 марта 1921 г.) были представлены три удмурта – С.П. Барышников, Т.К. Борисов и открывавший ее работу И.А. Наговицын, а также двое русских – Иутин и первый председатель-большевик (в ноябре 1917 года) Сарапульского Совета²³ В.А. Матвеев. Членами областного комитета партии на конференции были избраны Барышников, Борисов, Бажутин, Матвеев, Наговицын, Собесский, Шутов. По завершении работы конференции первый из них занял пост ответственного секретаря обкома РКП(б), секретарями этого органа стали Т.К. Борисов и В.А. Матвеев. Собесскому было поручено руководить региональной комсомольской организацией²⁴.

Ситуация в «верхах» автономии, как уже отмечалось выше, изменилась после переноса центра ВАО из Глазова в Ижевск. На проходившей 12–14 июля II областной партийной конференции, при выборах нового состава областного комитета партии голосовались два списка кандидатур – от ижевской делегации и от группы делегатов в составе 15 человек. Ижевский список набрал большее количество голосов, и в соответствии с ним в руководящий партийный орган ВАО вошли Агапитов, Борисов, Гроздев, Комлев, Крутов, Наговицын, Пастухов, Фомин, Шутов. Кроме того, в состав обкома были включены 4 представителя Ижевска и по одному – от четырех уездов области²⁵.

Ответственным секретарем обкома был утвержден ижевский рабочий В.К. Фомин; кроме него членами президиума областного комитета РКП(б) стали И.А. Наговицын и М. Пастухов. С.П. Барышников по его заявлению

откомандировывался на работу в Глазов, для укрепления ослабевшей после переноса центра автономии в Ижевск местной партийной организации²⁶. Впрочем, есть сомнения в добровольности этого шага. Очевидно, в это время он чувствовал себя уязвленным, смещенным на второстепенные должности. Возможно, выливалось это в повышенную обидчивость и подозрительность. В частности, Барышников объявил предвзятой еще только предстоящую проверку работы глазовской партийной организации и добился вывода из состава соответствующей комиссии председателя ОблКК Ляус²⁷.

В те же дни конца ноября 1921 г. обком партии отозвал Барышникова в Ижевск, отказал в его просьбе о переводе в Москву, в распоряжение ЦК РКП(б), и назначил на скромную должность начальника политсекретариата при областном военкомате. Эта горькая пилюля была несколько подслащена представлением ему месячного отпуска для пребывания в Доме отдыха и поездки в родные места²⁸. Следует заметить, что данный «сбой» в карьере носил временный характер. В последующие 20-е, и в 30-е гг. Степан Павлович Барышников неоднократно возглавлял партийную организацию ВАО, в первой половине 1937 г. являлся председателем ЦИК Удмуртской АССР. Но в 1938 г. попал под колесо репрессий²⁹.

Новые тенденции в кадровом вопросе закрепила и проходившая в декабре 1921 г. III областная партийная конференция, где большинство делегатов являлись рабочими и специалистами Ижевского завода; из 72 делегатов форума удмуртов было всего 6 человек. На конференции подверглись критике, как националистические, взгляды Т.К. Борисова, изложенные в его тезисах и вкратце охарактеризованные ранее. Альтернативное ему выступление В.К. Фомина было поддержано не только большинством делегатов, но и председателем облисполкома И.А. Наговицыным³⁰.

Уточнение кадровой политики начала 1920-х гг. происходило на фоне процесса восстановления полномочий Советов. На собравшемся 16 июля 1921 г. в Ижевске I областном их съезде был распущен чрезвычайный орган – региональный ревком. Избран областной исполнительный комитет Советов, председателем которого стал И.А. Наговицын. Т.К. Борисов, не без осложнений прошедший в состав обкома РКП(б), в системе советских органов занял достаточно важный, но все же не первостепенный пост руководителя отдела народного образования облисполкома³¹. Кстати, при формировании областного исполнительного комитета особенно ярко высветились присущие тому времени особенности гендерного аспекта кадровой политики. В списке намеченных обкомом РКП(б) кандидатур облисполкомовцев (25 членов и 9 кандидатов), которые фракции депутатов-коммунистов предстояло внести на рассмотрение областного съезда, не было ни одной женщины³².

В достаточно сложной советской управленческой системе одним из проблемных «узлов» выступали взаимоотношения в треугольнике – «администрация предприятия – трудовой коллектив – партийная организация (либо партийный орган)». Можно предметно посмотреть, как возникали и как разрешались проблемы в рамках этой геометрической фигуры на конкретном примере, связанном с жизнедеятельностью ижевских оружейников. В последние месяцы 1920-го г. в Ижевский райком РКП(б) поступали многочисленные, в том числе и коллективные, жалобы на авторитарный стиль управления председателя правления Ижевских заводов С.И. Коршунова. В заявлениях говорилось о том, что Коршунов ни за что «выкидывает» неугодных ему работников управленческого звена, не находя нужным даже указать причину того или иного увольнения.

Подобным образом (телеграммой) был снят, например, заведующий лесным отделом Ижзаводов П.П. Крутов, обратившийся после этого в райком партии с письменной просьбой: «прошу Вас узнать и сообщить мне, за что меня увольняют»³³. Тем же манером лишился должности Фокин (вскоре возглавивший Воткинский завод), заведующий подотделом продовольствия и фуража Н. Бушмелев и т.д.³⁴ Авторитаризм Коршунова проявлялся не только в отношении членов трудового коллектива, но и низовых партийных органов. В частности, он спровоцировал конфликт с заведующим агитационно-пропагандистским отделом Ижевского райкома РКП(б), назначив рабочий митинг в то самое время, когда подобное мероприятие было намечено партийными работниками. В результате митинг по линии райкома, намеченный и назначенный намного раньше, оказался сорванным. Протесты заведующего агитпропотделом райкома председатель правления Ижевских заводов высокомерно проигнорировал³⁵.

Будучи членом РКП(б), Коршунов, тем не менее, отвергал попытки партийного контроля за его действиями, создавая при этом конфликтные ситуации. Судя по приведенным выше фактам, проигнорировал он и полученное еще в октябре 1920 г. письмо секретаря и заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК РКП(б), в котором говорилось о ненужности трений между администрацией заводов и партийными комитетами, о недопустимости замеченных у адресата грубости и нетактичности, о необходимости подчиняться партийной дисциплине на любой административной должности, какой бы высокой она ни была³⁶.

В декабре того же года Оргбюро ЦК, утвердив заключение конфликтного подотдела Центрального комитета, постановило Коршунова (недолго пробывшего в должности председателя правления оружейных заводов) из Ижевска отозвать, поскольку «его пребывание там при создавшихся условиях серьезно отзывается на производительности заводов». Центральному

правлению артиллерийских заводов было предложено подобрать ему замену. Одновременно в Москву отзывались еще два крупных региональных руководителя – Матвеев и Пастухов, а учетно-распределительному отделу ЦК РКП(б) было дано задание «срочно подготовить группу партийных работников для Ижевска, как для завода, так и для работы в [коммунистической] организации»³⁷.

Для реализуемой в Вотской автономной области кадровой политики были характерны и такие, типичные для всей Советской России, черты, как частая «переброска» с должности на должность (или совмещение таковых) тех или иных номенклатурных работников, высокая степень их загруженности. Например, избранный на II областной партийной конференции (июль 1921 г.) в состав обкома РКП(б) Михаил Агапитов одновременно руководил агитационным отделом этого органа. В августе он был к тому же назначен начальником частей особого назначения (ЧОН) области. В конце октября обком рекомендовал коммунистической фракции облисполкома выдвинуть его кандидатуру на должность председателя областного совнархоза, взамен подавшего заявление об отставке Матвеева³⁸.

Впрочем, случались исключения. После образования Вотской автономии, в июле 1921 г. местный обком РКП(б) обратился с просьбой в ЦК партии командировать для работы в область из Вятской губернии одного из наиболее опытных и авторитетных ее руководителей – Ивана Васильевича Попова³⁹. Просьба была удовлетворена уже в августе, после чего Попов был назначен председателем Вотского представительства в Москве⁴⁰. Это была своего рода синекура, которую, впрочем, измотанный огромной нагрузкой предшествующих лет Иван Васильевич, наверное, заслуживал. Однако удивленный таким решением обкома партии ВАО, секретарь ЦК В.М. Молотов в разговоре с И.А. Наговицыным все же дал тому понять, что такой опытный работник, как И.В. Попов, должен быть «использован более целесообразно»⁴¹. Слишком остро стоял в те годы кадровый вопрос, и время для «расслабления» руководящих работников еще явно не наступило.

¹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л.

² ЦГА УР. Ф.16. Оп. 1. Д. 14. Л. 133 об.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 80, 80а, 80б.

⁶ Там же. Л. 103 об.

- ⁷ См.: Бакулин В.И. Национальный вопрос в деятельности властей Вятской губернии в годы Гражданской войны (границы проблемы) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2005. № 12. С. 28–29.
- ⁸ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО) Ф. П- 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 1, 5, 6, 62об.
- ⁹ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 4. Л. 57.
- ¹⁰ ГАСПИКО. Ф. П- 1. Оп. 2. Д. 96. Л. 67.
- ¹¹ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 195. Л. 45.
- ¹² ГАСПИКО. Ф. П- 1. Оп. 2 Д. 4. Л. 56.
- ¹³ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 4. Л. 234.
- ¹⁴ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 5. Л. 57, 62, 62об.
- ¹⁵ ДСВ. М., 2004. Т. 16. С. 62.
- ¹⁶ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 43–45.
- ¹⁷ История Удмуртии: XX век / Под ред. К.И. Куликова. Ижевск, 2005. С. 102.
- ¹⁸ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 284.
- ¹⁹ См.: История Удмуртии: XX век. С. 100–104.
- ²⁰ Там же. С. 100–101.
- ²¹ Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. 1918–1968. Киров, 1969. С. 33–34.
- ²² См.: Бакулин В.И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 годах. Киров, 2009. Кн. 1, 2.
- ²³ См.: Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 1. 1898–1918. Киров, 1965. С. 475.
- ²⁴ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 33 об.; Д. 14. Л. 1.
- ²⁵ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 20, 20об.
- ²⁶ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 58, 58а.
- ²⁷ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 118а, 131об.
- ²⁸ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 32об, 43об.
- ²⁹ История Удмуртии. XX век. С. 135.
- ³⁰ Там же. С. 105.
- ³¹ Там же. С. 104.
- ³² ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 59а.
- ³³ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 11, 11об., 17, 18.
- ³⁴ Там же. Л. 14, 19, 20, 24–61.
- ³⁵ Там же. Л. 11, 11об.
- ³⁶ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
- ³⁷ Там же. Л. 22, 23.
- ³⁸ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 20; Д. 14. Л. 57, 83об., 89об., 115б.
- ³⁹ ЦГА УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 52.
- ⁴⁰ Там же. Л. 67.
- ⁴¹ Там же. Л. 67.

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ВКП(б) С МЕНЬШЕВИКАМИ ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ НЭПа

В.А. Викулов (г. Воткинск)

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике были отмечены широким наступлением на так называемые антисоветские мелкобуржуазные партии, в частности на меньшевиков, которые предлагали перейти к новым методам хозяйствования и управления еще за два года до введения нэпа. Широкомасштабная атака на меньшевиков объясняется рядом причин: во-первых, страна находилась в условиях социально-экономического кризиса, который стал следствием политики «военного коммунизма»; во-вторых, с ограниченным введением рыночных товарно-денежных отношений увеличилось количество мелкобуржуазного элемента, который потенциально мог быть использован меньшевиками для реализации своих задач; в-третьих, в кризисном состоянии находилась сама правящая партия большевиков, что давало возможность меньшевикам упрочить свои позиции за счет потери авторитета большевиками.

Все это в совокупности определило политику большевиков в отношении меньшевиков, особенно в тех районах, где последние имели достаточно прочные позиции среди населения, в первую очередь, среди рабочих. Одной из таких территорий являлись Ижевск и Воткинск.

В удмуртской историографии деятельность меньшевиков изучена недостаточно полно, а их судьба в годы нэпа изучена в еще меньшей степени.

Основой для изучения их деятельности в период нэпа и формирования однопартийной системы в стране являются архивные документы Управления ФСБ по Удмуртской Республике и Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики.

К началу осуществления нэпа по сводкам ГПУ Вотской автономной области в рассматриваемый период организации меньшевиков как политической единицы не существовало, отдельные бывшие члены РСДРП активности не проявляли и серьезной политической силы не представляли¹. Это положение вещей объясняется и общим состоянием меньшевистской партии в стране, и расстановкой политической сил в регионе, сложившейся к окончанию гражданской войны. В начале 1920-х гг. многие бывшие ижевские и воткинские меньшевики стали возвращаться из Сибири и Дальнего Востока в родные места и обустраивать свой быт. Но поскольку бывшие члены РСДРП традиционно рассматривались как потенциальная угроза власти большевиков, местными органами власти и безопасности был реализован ряд репрессивных мер, направленных на контроль дея-

тельности и дискредитацию партии и членов бывших меньшевистских организаций.

В данном вопросе политика местных органов власти носила планомерный и поэтапный характер. Первым шагом на пути к ликвидации меньшевиков было исполнение директив изданных в 1921 году. Органами ВЧК была разработана программа по надзору и изоляции меньшевиков от активной политической и общественной жизни². Решения, принимаемые в центре, быстро находили отклик на местах. В частности, после принятия плана ВЧК по ликвидации белогвардейских организаций в 1921–1922 гг. под контроль были поставлены все бывшие члены РСДРП находящиеся в Ижевске.

Следующим этапом общего наступления на меньшевиков явилось исполнение местными органами ГПУ секретного письма ЦК ВКП(б) от 4 июля 1923 г. «О мерах борьбы с меньшевиками». Суть его заключалась в том, чтобы «вырвать с корнем меньшевистские связи в рабочем классе, окончательно дезорганизовать и разбить партию меньшевиков, совершенно дискредитировать ее перед рабочим классом и уничтожить всякую возможность меньшевистского влияния в будущем»³. Реализация же предписанных мер отражена в решениях президиума Вотского обкома ВКП(б). В июле 1923 г. первый удар был нанесен по инженерно-техническому персоналу: 7 человек бывших членов РСДРП (среди которых: член правления Обсоюза, заведующие конструкторским и расчетным бюро Ижевских заводов) были сняты со своих должностей с отказом в приеме на другую работу в советских учреждениях⁴. Однако уже в августе репрессивные меры коснулись и простых рабочих, ранее состоявших в меньшевистской организации. Поводом для репрессий стали кражи и пожары на заводах, в которых были обвинены 12 человек (из них 8 являлись рабочими, а остальные – служащими). На заседании Президиума Вотского обкома ВКП(б) от 23 августа 1923 г. было предложено возбудить вопрос о высылке их за пределы города. Также было предложено: снять с работы без высылки четырех влиятельных бывших членов РСДРП; передать на усмотрение Оботдела ГПУ 2 человек, оставить на работе, как безвредный элемент, 11 человек, но сохранить за ними контроль со стороны ГПУ⁵.

Цель данных мероприятий в дальнейшем была отражена в донесении Вототдела ГПУ: «изолировать разлагающий элемент, имеющий служебное положение, могущий быть использованным в антисоветской работе»⁶.

В дальнейшем проявлением репрессивной политики в отношении меньшевиков стало инсценирование в 1924 г. процесса самоликвидации «организации меньшевиков» на территории Вотской автономной области. Подготовка к этому акту была тщательно спланирована и контролировалась органами власти. Вначале меньшевиков привлекли к написанию истории местной социал-демократической организации, в которой роль меньшевиков

была занижена, как на этапе становления партийной организации, так и в период Февральской и Октябрьской революций. Участие в этом мероприятии должно было стать первым шагом к публичному покаянию меньшевиков. Следующей ступенью к «самороспуску» стало выступление видных меньшевиков с публичным заявлением на VIII областной конференции ВКП(б) об отречении от меньшевизма, выродившегося в контрреволюционную силу, о признании своих ошибок и готовности поддержать партию большевиков⁷. После конференции группа старых партийцев, бывших членов РСДРП, в газете «Ижевская правда» опубликовали открытое письмо, в котором подтвердили свой разрыв с РСДРП еще с 1918 г. и заявили о поддержке тактической линии ВКП(б), Советской власти и III Интернационала⁸. Таким образом, властями была поставлена точка в истории «меньшевистской организации» в Вотской автономной области.

Несмотря на отсутствие убедительных доказательств антисоветской деятельности, меньшевики оставались предметом особого внимания со стороны карательных органов еще продолжительное время. В дальнейшем, в рамках единой системы учета меньшевиков, бывшие члены РСДРП были классифицированы на две группы: твердоучетники и легалисты и находились под контролем органов ГПУ. Помимо этого меньшевиков подразделили на тех, кто полностью отказался от борьбы с Советской властью, считая ее вредной для рабочего класса, на тех, кто устранился от политической деятельности и переключился на хозяйственную работу, образуя различные кооперативы и товарищества, и тех, кто прибегал к скрытым формам протеста⁹.

В заключении можно сказать, что предпринятые большевиками на всех уровнях меры в отношении меньшевиков носили в большей степени идеологический показательный характер. Они были направлены на изолирование меньшевиков от общественной жизни, демонстрацию твердости своих принципов и обеспечение безопасности своего режима путем поэтапного унижения и дискредитации их в глазах общественности. Все это происходило, несмотря на то, что меньшевики на данном этапе не только не претендовали на захват власти, но и не имели собственной организации. Так или иначе, конечная точка в борьбе с меньшевиками была поставлена в 1930-е гг., когда в условиях тоталитарного режима были репрессированы многие из бывших членов меньшевистской организации.

¹ Архив Управления ФСБ по Удмуртской Республике. О/л № 699. Кор. № 1. Ф. 9–20. П. 1. Д. 3. Л. 1.

² Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., 1995. С. 89.

- ³ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16.
Оп. 9. Д. 242. Л. 11.
- ⁴ Там же. Л. 10.
- ⁵ Там же. Л. 13–14.
- ⁶ Архив Управления ФСБ по Удмуртской Республике. О/л № 699. Кор.
№ 1. Ф. 9–20. П. 1. Д. 3. Л. 13.
- ⁷ Там же. Л. 24 об.
- ⁸ Там же. Л. 36 .
- ⁹ Там же. Л. 53–54.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО СТАТУСА ИЖЕВСКА

С.А. Бехтерев (г. Ижевск)

Город Ижевск, столица Удмуртской Республики, имеющий глубокие традиции, входит в число крупнейших городов России с населением свыше 500 тыс. жителей. Он играет определяющую роль в экономической, политической и культурной жизни Удмуртии. По данным последней Всероссийской переписи населения по состоянию на 9 октября 2002 г. в нем проживало 632 140 чел. (по последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. – 634 703 чел.). Это составляет 40,26 % от общего числа жителей субъекта федерации или 57,76 % городского населения республики.

Актуальность обращения к более чем двухвековой истории Ижевска возрастает на фоне празднования 250-й годовщины со дня его основания. Наш город – это не только здания, сооружения, заводы. Город без людей – «мертвый» город. Поэтому наиболее интересной страницей истории Ижевска является его административное развитие. Здесь проявились общность судеб предыдущих и нынешних поколений ижачков – ижевцев – ижевчан, особенности менталитета, социокультурной среды, на которые оказала и до сих пор оказывает влияние сельская округа. Да и сам Ижевск долгое время не имел статуса города: до октябрьской революции 1917 г. был центром двух волостей; в 1918 г. «явочным порядком» стал городом. Лишь 6 июля 1925 г. Постановлением ВЦИК – верховной власти советской России – Ижевску официально был придан статус «городского поселения». Так что Ижевску как городу – всего 85 лет.

Общеизвестно, что Ижевск основан 10 апреля 1760 г. как железоковательная фабрика фаворита российской императрицы Елизаветы Петровны – графа

П.И. Шувалова. В то же время было заложено заводское поселение, не имевшее названия в течение длительного времени. Первоначально завод входил в Хлыновский уезд Казанской губернии, с 1780 г. – Сарапульский уезд Вятского наместничества, с 1797 по ноябрь 1920 г. – Сарапульский уезд Вятской губернии¹.

Административная история Ижевска довольно богата. 9 апреля 1763 г., в связи с переходом завода в казну на основании Указа императрицы Екатерины II, князем Вяземским для Камских (Ижевского и Воткинского) заводов было разработано «Учреждение», определившее внутривзаводские порядки. Этот документ можно считать своеобразным первым уставом города. Крестьяне приписанных к заводу селений делились на сотни во главе с сотскими. Выбирались старосты и «пищики» (писари) сроком на один год. В их обязанности входило составление списков крестьян, привод их на работу, подача сведений о выработанных нормах каждого из них. Выборные люди наделялись административной властью, являлись первой судебной инстанцией во всех спорах между крестьянами. Если же решения не достигали цели, то спор разрешался сходом. Когда и на сходе не добивались примирения, то вопрос передавался управителю завода, который решал его совместно с двумя выборными людьми из других селений². Это были первые зачатки местного самоуправления. Уже с момента возникновения поселения имела место попытка создания более или менее гармоничных отношений между государством и муниципальным сообществом.

Важнейшие изменения в административной истории происходили в течение XIX века. С основанием при императоре Александре I в 1807 г. Ижевского оружейного завода мастеровые и непременные работники из приписных крестьян находились в полной зависимости от заводского правления, состоявшего из председателя (командира) завода, его советника и секретаря. Сам Ижевский (его еще называли Александровский) завод пребывал в полном распоряжении Артиллерийского департамента (позже – Главного Артиллерийского Управления).

С 1810 по 1857 гг. в России существовали военные поселения. Их население совмещало армейскую службу с мирными занятиями. 19 декабря 1829 г. император Николай I утвердил «Положение оружейного завода». Оружейники и мастеровые стали считаться «военно-служителями» и могли быть удалены с завода только по представлению командира завода через суд. Оружейники и мастеровые избирали на один год старост цехов и старшин артелей, которых утверждал командир завода³.

С отменой императором Александром II «Освободителем» крепостного права в России появились два основных вида местного самоуправления: земское (сельское) и городское. 22 ноября 1866 г. было утверждено «Положение о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому заводу людей», согласно которому освобождаемые от крепостной зависимости ору-

жейники, мастеровые и непременные работники перечислялись из военного ведомства в гражданское с правами «сельских обывателей» и получали общинное самоуправление⁴.

Отмена крепостного права в Ижевском заводе началась с 15 января 1867 года. А 28 мая того же года мировой посредник Сарапульского отдела 2-го участка надворный советник Василий Яковлевич Чайковский и полицмейстер Ижевского завода Николай Антонович Крыловский с выборными волостными лицами открыли в Ижевске Нагорное и Заречное волостные правления⁵. Тогда и появились первые, можно сказать, районы. Каждая из волостей делилась на сельские общества во главе со старостами, избиравшимися на сходах. В Нагорную волость входили 7 обществ: Береговое, Базарное, Церковное, Троицкое, Михайловское, Госпитальное и Трактовое, в Заречную – 4: Старковское, Казанское, Александровское и Андреевское. Каждое такое общество делилось на кварталы во главе с квартальными. Для обществ заводское начальство составило уставные грамоты.

Согласно законодательству общества уволенных оружейников, мастеровых и непременных работников подчинялись ведомству общих губернских и уездных, а также по крестьянским делам учреждений на одинаковых с прочими сельскими обывателями основаниях.

Каждое сельское общество имело сельский сход, выбиравший сельских должностных лиц (старосту, сборщика податей, сотских, десятских). Волость представляла сословную единицу, охватывающую несколько сельских обществ. В состав волостного схода входили сельские и волостные лица во главе со старшиной, а также «десятидворники» – выборные от каждых десяти дворов. Волостной сход выбирал волостных должностных лиц, разрешал хозяйственные нужды волости, утверждал приговоры сельских сходов и т.п. Волостной старшина избирался сходом сроком на три года и следил за «сохранением общественного порядка, спокойствия и благочиния в волости». Ему подчинялись старосты и другие должностные лица волости, а также волостное правление, состоявшее из старшины, всех старост, сборщиков податей, одного-двух заседателей и писаря. Волостной сход избирал также волостной суд из 4–12 судей. Правления отвечали за исполнение населением повинностей, своевременную уплату земских (местных) сборов. Они же санкционировали выдачу паспортов, ведали благоустройством и другими местными делами. Заводское начальство, не вмешиваясь во внутренние дела обществ, сохраняло за собой право надзора за охранением порядка и безопасности в заводе.

Поначалу освобождение вызвало среди населения настоящую панику. Видимо, многолетняя опека создала класс исполнительных рабочих, но таких, которые не привыкли думать о себе сами. Поэтому, исправляя ошибки своего отца, император Александр III Законом от 12 июля 1889 г. ввел на ме-

стах должность земского начальника, имевшего определенные полномочия по утверждению решений крестьянских учреждений, назначению и смещению должностных лиц в них.

Такая система местного самоуправления сохранялась до 1917 года. В указанном году Ижевск был самым крупным селом в мире с населением до 150 тысяч человек⁶. С административной точки зрения он по-прежнему состоял из Ижевско-Нагорной и Ижевско-Заречной волостей и входил в 5-й стан Сарапульского уезда Вятской губернии⁷.

В революционные бурные годы (1917–1920) предпринимались неоднократные попытки изменить административный статус Ижевска. Уже 21 (8) февраля 1918 г. Ижевский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов вынес решение о преобразовании завода в город «...с выделением его как крупного промышленного центра в самостоятельную земскую единицу, независимо от уездного земства... организовать городское самоуправление на широких демократических началах... селения Ижевской волости могут отделиться от завода и образовать самостоятельную волость или войти в соседние волости...»⁸. Одновременно наблюдается территориальный рост самой Ижевской волости. Так, 16 мая 1918 г. в ее состав из Завьяловской волости были переведены деревни Русский Вожой и Ягул.

Между тем, в выписке из протокола № 119 заседания коллегии отдела управления Вятской губернии от 28 августа 1919 г. указывалось на необходимость «...считать Ижевск и Воткинск заштатными городами согласно постановлению Наркомата внутренних дел самостоятельными в отношении городского хозяйства, но в административном отношении подведомственными Сарапульскому исполкому»⁹. Таким образом, разрешение вопроса о формировании самостоятельного Ижевского уезда откладывалось до окончания Гражданской войны.

Значительные изменения в политико-административный статус Ижевска были внесены в связи с образованием согласно Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 4 ноября 1920 г. Вотской автономной области (ВАО) как самостоятельной административно-территориальной единицы в составе Советской России. Декретом ВЦИК от 5 января 1921 г.¹⁰, установившим границы области, закреплялось вхождение в ее состав Ижевска как городского поселения и Ижевской волости Сарапульского уезда¹¹. Однако административным центром ВАО устанавливался г. Глазов.

Ижевский уезд как таковой в составе 23 волостей был образован лишь 10 февраля 1921 г. на основании решения объединенного заседания областного революционного комитета и областного бюро РКП(б) от 10 февраля 1921 г., уточнившего границы ВАО. Учитывая особую роль Ижевска в политико-экономическом развитии автономии, Постановлением ВЦИК от

10 июня 1921 г. ему был придан статус административного центра области¹². 16–20 июля 1921 г. в Ижевске состоялся I съезд Советов ВАО, определивший задачи хозяйственно-культурного развития области и избравший областной исполнительный комитет. Область возглавил И.А. Наговицын.

На протяжении 1920-х гг. в ВАО шло активное администрирование, касавшееся и Ижевска. Декретом ВЦИК от 8 декабря 1921 г. утверждалось новое деление автономной области, включившей пять уездов (Глазовский, Дебесский, Ижевский, Можгинский и Селтинский). В состав Ижевского уезда вошли 14 волостей бывших Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов¹³.

В 1923–1924 гг. проводилась политика укрупнения волостей. Ее результатом стало сокращение количества уездов (с пяти до трех)¹⁴ и перераспределение волостей и сельских советов между ними. Декретом ВЦИК от 28 июля 1924 г. утверждалось новое административно-территориальное деление ВАО. В Ижевский уезд вошли 12 волостей¹⁵. Это количество оставалось неизменным до 15 июля 1929 г., когда Постановлением Президиума ВЦИК уездно-волостное деление области было упразднено и введено районирование¹⁶.

В связи с новым административно-территориальным делением СССР, РСФСР и, соответственно, ВАО (с 1 января 1932 г. – Удмуртская автономная область), Ижевск стал центром вновь образованного постановлением Президиума ВЦИК от 15 июля 1929 г. Ижевского района. В его состав вошли 21 сельсовет упраздненных Бурановской, Завьяловской и Советской волостей Ижевского уезда, а также всевозможные пригородные поселки, однодворки, станции, бараки, починки, кордоны, мельницы, хутора, сельхозартели, выселки, отруба, дачи, полуказармы, будки, пригородные пасеки бывших волостей и проч.¹⁷

Постановлением ВЦИК от 20 августа 1930 г. и Президиума облизполкома от 1 марта 1931 г. Ижевский район как самостоятельная административно-хозяйственная единица был упразднен, а его функции переданы Ижевскому городскому Совету¹⁸. Восстановление статуса Ижевского (сельского) района происходило на основании постановления Удмуртского облизполкома от 29 октября 1934 г.¹⁹, постановлений объединенного заседания Удмуртского обкома ВКП(б) и Президиума облизполкома от 8 января 1935 г., ВЦИК от 23 января и 20 февраля 1935 года.

Активное районирование самого Ижевска началось в 1934 г., когда город стал столицей Удмуртской автономной советской социалистической республики (УАССР). В этом году на основании Постановления Президиума облизполкома от 2 марта 1934 г. были образованы Азинский, Ждановский и Пастуховский районы и райсоветы. С этого времени территория Ижевска стала расширяться. В частности, Указом Президиума Верховного Совета УАССР от 16 апреля 1940 г. в черту города были включены земли Удмуртского республиканского треста пригородных хозяйств, совхоза имени

«5 лет УАССР», государственные конюшни Наркомата земледелия УАССР, туберкулезного санатория, плодово-ягодного питомника, лесов местного значения и усадебного участка селения Удмуртской Карлутки, а также земли населенных пунктов: Александрово, Березовское, Вараксино, Медведево, Ламшурское и Удмуртская Карлутка²⁰. В 1945 г. за счет разукрупнения перечисленных районов образованы Октябрьский и Первомайский районы, которые согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1952 г. были упразднены.

В первые послевоенные десятилетия развивается индустрия города, поглощающая новые территории. С учетом данного обстоятельства в мае 1962 г. в городе образован Ленинский и восстановлены Октябрьский и Первомайский районы. Постановлением Президиума Верховного Совета УАССР от 8 декабря 1962 г. и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 г. в городе был образован Индустриальный район²¹.

В 1960-е гг. решалась дальнейшая судьба Ижевского района. Постановлением Президиума Верховного Совета УАССР от 11 января 1965 г. и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 г. Ижевский сельский район был преобразован в Ижевский район, позже переименованный в Завьяловский с перенесением центра района из г. Ижевска в с. Завьялово²².

80-е гг. прошлого века стали новой рубежной вехой в административной истории Ижевска. В советское время сложилась традиция переименования населенных пунктов в честь партийных и государственных деятелей. Ее попытался нарушить Н.С. Хрущев, но после его смещения традиция была возобновлена.

В связи с кончиной в конце декабря 1984 г. Д.Ф. Устинова, маршала Советского Союза, дважды Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза, бывшего Министра обороны СССР на основании совместного Постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 27 декабря 1984 г. Ижевск был переименован в г. Устинов. Не умаляя заслуг Д.Ф. Устинова, внесшего значительный вклад в индустриальное развитие не только Ижевска, но и всей республики, началось активное движение за возвращение городу исторического имени. Его кульминационным событием стала стихийная манифестация учащейся молодежи, проведенная 26 января 1985 г. на площади перед кинотеатром «Колосс». С начавшейся перестройкой, развитием демократических процессов в стране, под давлением общественности этот вопрос удалось пересмотреть. Постановлением Президиума Верховного Совета УАССР от 8 июня 1987 г. и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1987 г. городу было возвращено первоначальное название – Ижевск. Вместе с тем оставалась нерешенной проблема увековечения памяти Д.Ф. Устинова.

К тому времени Индустриальный район, сильно разросшийся, насчитывал 279 тыс. жителей, или 43,8 % населения Ижевска. Территория составляла 4 700 га. Объективно возникли сложности в управлении районом. Бюро Удмуртского обкома КПСС выступило с инициативой его разукрупнения. С учетом всех обстоятельств на основании Постановления Президиума Верховного Совета УАССР от 13 июня 1987 г. и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1987 г. в городе был образован Устиновский район за счет разделения Индустриального района. С исторической точки зрения Устиновский район является самым молодым и быстрорастущим. К концу 2009 г. в нем проживало 134 178 чел.; площадь – 24,3 тыс. кв. км.

В последнее десятилетие XX в. была разработана и принята официальная символика, укрепившая статус Ижевска как городского поселения. После проведения конкурса на разработку официальной символики 27 мая 1997 г. городская дума г. Ижевска утвердила положение «О гербе города Ижевска». В приложении № 1 к решению думы № 262 от 27 мая 1997 г. оговаривалось, что «герб города Ижевска – опознавательный правовой знак, составленный в соответствии с геральдическими правилами и являющийся основным символом местного самоуправления и городского статуса. Герб города Ижевска отражает исторические, культурные, социально-экономические, национальные и иные местные традиции». В п. 2 приложения приведено геральдическое описание герба г. Ижевска: «герб представляет собой изображение геральдического щита. В рассеченном серебряном и голубом поле щита изображены клещи переменных цветов и поверх них такая же стрела в столб. Позади клещей – две зеленые рябиновые ветви накрест, имеющие у основания червлёные (красные) гроздья». Авторами герба стал «творческий коллектив в составе Бехтерева Сергея Львовича и Быкова Николая Анатольевича»²³. Решением Городской думы от 21 апреля 2000 г. за № 221 принято положение о флаге города Ижевска, разработанного на основе символики столичного герба.

История Ижевска не ограничивается лишь формальными рамками городской черты. Его историю формируют те населенные пункты, которые ранее в изобилии окружали Ижевский завод. Поэтому наиболее актуальным направлением совершенствования статуса Ижевска является активное проведение изысканий, связанных с изучением территории Ижевска, его промышленного, образовательного, культурного потенциала.

¹ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск, 1995. С. 171–172.

² *Сергеев В.Л.* Камские заводы. Ижевск, 1958. С. 38–40.

- ³ Из Положения об Ижевском оружейном заводе // Ижевск. Документы и материалы. 1760–1985. Ижевск, 1984. С. 24–25.
- ⁴ Из «Положения о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому заводу людей» // Ижевск. Документы и материалы... С. 33–35.
- ⁵ Из рапорта полицеймейстера Ижевского завода в хозяйственное отделение завода об организации волостных управлений // Ижевск. Документы и материалы... С. 36.
- ⁶ Телеграмма Сарапульского уездного комитета общественной безопасности Премьер-министру Временного правительства о волнениях рабочих и населения Ижевского оружейного завода // Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сборник документов и материалов (1917–1918 гг.). Ижевск, 1957. С. 37.
- ⁷ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии... С. 19–22.
- ⁸ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 390. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.
- ⁹ Цит. по: Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии... С. 25.
- ¹⁰ Часть из названных в Декрете волостей были переименованы. Так, Ижевско-Нагорная волость стала именоваться как Ягульская (Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии... С. 31).
- ¹¹ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии... С. 30.
- ¹² ЦГА УР. Ф. 195. Оп. 1. Д. 50. Л. 88; Ф. 327. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.
- ¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1921. № 79. Ст. 673.
- ¹⁴ Президиум ВЦИК 26 ноября 1923 г. постановил упразднить Дебесский уезд. Фактически он был ликвидирован 29 января 1924 г. Постановлением Президиума ВЦИК от 28 июля 1924 г. был упразднен Селтинский уезд. На основании постановления ВЦИК от 28 июля 1924 г. закреплялось новое административно-территориальное деление БАО, включившей три уезда.
- ¹⁵ СУ. 1924. № 67. Ст. 663.
- ¹⁶ СУ. 1929. № 57. Ст. 554.
- ¹⁷ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии... С. 133–135.
- ¹⁸ ЦГА УР. Ф. 195. Оп. 1. Д. 922. Л. 310.
- ¹⁹ ЦГА УР. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1369. Л. 125–125 об.; Д. 1370. Л. 453–453 об.
- ²⁰ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии... С. 172.
- ²¹ Там же. С. 172–173.

²² Там же. С. 321.

²³ Решение Городской думы г. Ижевска УР от 27 мая 1997 г. № 262 «О гербе города Ижевска», приложение № 1 «Положение «О гербе города Ижевска». [Электронный ресурс] URL: <http://www.izh.ru/izh/info/i02061.html>

РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ИНТЕРНАТОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТСКОЙ АССР

И.А. Ложкина (г. Ижевск)

В годы Великой Отечественной войны стала очевидной необходимость социальной защиты детей-сирот на федеральном и региональном уровне, получившей наиболее полное выражение в Удмуртской АССР в организации детских домов и интернатов. За годы войны в автономной республике сеть детских домов и интернатов увеличилась с 18 единиц (1941 г.) до 62 (1945 г.)¹. Вся работа по координации функционирования подобных учреждений была возложена на органы исполнительной власти, функции которых расширились в связи с эвакуацией детских учреждений интернатного типа.

Совнаром, наркоматы, отделы народного образования, торговые организации в первую очередь занимались обустройством эвакуированных детей, распределяли промтовары и продукты питания между стационарными и эвакуированными детскими домами и интернатами. Первоначально местные власти не справлялись со своими обязанностями. Этот факт подтверждается архивным документом НКП РСФСР «По проверке обслуживания эвакуированных детей и работе учреждений за период с 8 января по 19 февраля 1942 г.», в котором подчеркивалось, что наиболее слабым местом в работе НКП УАССР являлось обслуживание эвакуированных детских учреждений. Определенный недостаток в работе республиканских организаций отмечен недифференцированным подходом к эвакуированной группе детских домов и интернатов, так как в управлении детскими домами при НКП УАССР они числились под общим названием «детские дома», из числа которых не выделялись интернаты. Детей, прибывавших из разных областей РСФСР, иногда объединяли, а эвакуированную группу наоборот расселяли в стационарные детдома и интернаты, которые имели свободные места. Некоторых воспитан-

ников временно размещали в непригодные летние помещения (например, в Сарапульский и Гольянский дома отдыха). Хотя чаще для каждой эвакуированной группы открывались новые детские учреждения (к концу 1941 г. не был проведен ремонт почти во всех помещениях, предназначенных для воспитанников). Такое положение можно объяснить либо отсутствием свободного фонда жилых помещений, либо несвоевременной подготовкой зданий для размещения новой партии эвакуированных детей в республике.

Во второй половине 1941 г. СНК УАССР отмечал неудовлетворительную работу не только НКП УАССР, но и Нылгинского, Пудемского и Шарканского исполкомов райсоветов. В детских учреждениях этих районов наблюдалась скученность воспитанников, антисанитария в помещениях, слабая воспитательная работа педагогов, плохая обеспеченность продуктами питания и одеждой. Как следствие дети болели цингой, чесоткой и простудными заболеваниями².

В 1941 г. хозяйственно-бытовая жизнь эвакуированных детдомов только начинала организовываться, как правило, в хозяйствах учреждений не было элементарных вещей, первое время спасали предметы обихода, эвакуированные с детьми, а также безвозмездно предоставленные местными жителями. Не хватало многого, но особенно остро ощущался недостаток в глубоких алюминиевых тарелках, ложках и кастрюлях. В результате воспитанники обедали по очереди, или использовали столовые приборы не по назначению (к примеру, суп ели чайной ложкой). Известны и такие случаи, когда детдомовцы без ложек выхлебывали жижу супа, а затем пальцами собирали гущу (Озоно-Чепецкий местный детдом) или ели из стеклянных банок (Сарапульский школьный местный детдом № 6). Из-за недостаточного количества кроватей или постельного белья в учреждениях воспитанники спали по двое на кровати. В 1942 г. подобным образом засыпало 70 % детей Каракулинского эвакуированного интерната, 30 % человек Большенорьянского дошкольного эвакуированного интерната, 30,4 % воспитанников Нылгинского эвакуированного интерната, 17 % детей Карсвайского эвакуированного и 6,4 % воспитанников Уканского эвакуированного детских домов. Это можно объяснить тем, что в 1942 г. председатели райисполкомов и заведующие районными отделами народного образования так и не оказали помощь руководителям вышеперечисленных детских домов и интернатов. Не был проведен ремонт имеющегося имущества и не приобретены через районные промкомбинаты столы, стулья, шкафы и другое хозяйственное оборудование. Следует признать, что ситуация из года в год практически не менялась.

Обеспечение детских домов и интернатов промышленными и продовольственными товарами проводилось в первую очередь через централизованные фонды, хотя определенную помощь оказывали местные артели. В адрес торгующих организаций и районного руководства неоднократно поступали

жалобы от директоров детских домов и интернатов, так как периодически задерживались поставки продуктов питания, одежды, обуви и постельного белья. Как следствие, в детских учреждениях постоянно ощущался недостаток в кожаной и зимней обуви, чулках (шили из мануфактуры в мастерских детдомов), пальто и одеялах. Обеспеченность этими вещами доходила порой всего до 50 %. К примеру, в Озono-Чепецкий местный детский дом за два первых военных года не поступило никакой одежды (даже зимних пальто, поэтому к 1943 г. старые стали не пригодны к носке). У 80 (из 150) воспитанников не было головных уборов, мальчики носили фетровые шапки девочек или «повязывали на голову простыни и полотенца»³. Воспитанники Бalezинской спецшколы вообще не были обеспечены промтоварами по фондам НКП УАССР и местных торгующих организаций. Подобных примеров можно привести немало.

В 1941–1942 гг. воспитанники были частично снабжены одеждой и обувью с баз НКП УАССР, а мануфактурой – из селпо и местных промартелей⁴. Для решения столь важного вопроса – обеспечения воспитанников одеждой и обувью – Совнарком УАССР предложил во всех мастерских детских учреждений и местной промышленности организовать ремонт обуви и починку детской одежды. Что и было сделано, а в конце 1942 г. республиканскими предприятиями были изготовлены и выделены так нужные детдомовцам 2413 пар кожаной обуви и 395 пар валенок (в тот год в детдомах и интернатах насчитывалось 4647 воспитанников, соответственно далеко не у всех появились обновки). Эвакуированные дети, размещенные в Можгинском, Карсовайском, Пычасском и Якшур-Бодьинском районах, были снабжены одеждой, бельем и обувью через райпотребсоюз, а в Шарканском районе – за счет распределений из селпо и местных промартелей. Тогда же Алнашский, Завьяловский, Каракулинский, Староятчинский, Шарканский и Якшур-Бодьинский районные организации уделили значительное внимание вопросам снабжения продуктами, обеспечения воспитанников обувью и ремонта одежды. Напротив, в Камбарском, Красногорском, Нылгинском и Увинском районах детдомовцы нуждались в вещах первой необходимости⁵. Ситуация со временем по объективным причинам изменилась, и уже в 1944 г. для всех воспитанников детдомов и интернатов было выделено 30000 погонных метров мануфактуры, 7300 пар обуви, 10500 швейных изделий и 9 тонн мыла⁶.

Республиканские власти проявляли одинаковую заботу как об эвакуированных, так и местных воспитанниках. Нормы для эвакуированных домов и интернатов приравнивались к нормам стационарных детских домов, но в целом программы для эвакуированных детей выполнялись тщательнее и полнее. К примеру, осенью 1941 г. эвакуированным домам и интернатам были выделены большие наряды на продукты питания по сравнению с местными детдомами.

Это вполне закономерно, так как в республику в порядке эвакуации прибыли не только здоровые ребята, но и проходившие курс лечения в санаториях.

Помимо всего прочего республиканские власти ежегодно старались оказывать поддержку сильно ослабленным воспитанникам. К примеру, в 1941 г. эвакуированным полякам и евреям Каракулинского интерната была поставлена мука на изготовление домашней лапши и выпечки плюшек, в связи с недостаточным снабжением готовой хлебной продукцией. В 1944 г. народными комиссарами просвещения и торговли УАССР было организовано дополнительное питание 200 воспитанников из 13 детских домов. В связи с этим стоимость питания на одного ребенка в день увеличилась с 4 рублей 6 копеек до 6 рублей. Еще в 1942 г. норма питания на одного воспитанника в республиканских домах составляла 4 рубля, но и эти средства поступали в детские учреждения неравномерно. Тогда-то и было предложено увеличить на 25 % нормы питания эвакуированным детям. В поддержку же местным воспитанникам было выделено 120 центнеров ячменя и пшеницы, 40 ящиков яиц, 500 кг сливочного масла, 1 тонна белой муки, 500 кг кондитерских изделий⁷. Несмотря на тяжесть военного времени массового голодания воспитанников детских домов и интернатов в республике не было допущено.

Роль исполнительной власти в организации бесперебойной работы детских учреждений была определяющей. Личная ответственность за снабжение интернатов и детдомов промтоварами и продуктами возлагалась в первую очередь на сотрудников СНК и НКП УАССР. Они, стараясь улучшить поставки в учреждения, пристально следили за функционированием республиканских и районных торгующих организаций через вышестоящие органы (Удмуртпотребсоюз, Наркомфин и т.д.)⁸. В случаях обнаружения фактов хищения или порчи продуктов питания (а также имущества) обвиняемых привлекали к административной и уголовной ответственности. За годы войны на некоторых председателях правлений райпотребсоюзов за несвоевременное снабжение детских домов продтоварами и хищение продуктов были заведены дела, которые передали в суд.

Все в комплексе: строгий контроль вышестоящих организаций над нижестоящими, увеличение производства товаров первого потребления, связанное с улучшением ситуации на фронте и согласованность работы республиканских организаций, привело к тому, что с 1943–1944 гг. практически во всех отчетах директоров и заведующих детскими домами и интернатами отмечалось следующее: «Значительно улучшились фонды отпускаемых с баз продуктов питания, хотя в детские дома они поступали с некоторым опозданием (как по вине райпотребсоюзов, так и дирекции детских домов и интернатов)»⁹. Шарканский детский дом отчитывался: «В летний сезон 1943 г. плановое снабжение детдома через райпотребсоюз улучшилось. Дети стали

получать качественные обеды, а такие продукты как мясо, сахар и крупы поступали без перебоев»¹⁰. Еще год назад воспитанникам на завтрак и обед накрывали по тарелке щей, а на ужин лишь стакан сладкого чая. В том же 1942 г. в Новомултанском детдоме детей кормили «жидкой похлебкой из муки», от полуголодного существования детдомовцы ходили к колхозным скирдам собирать зерна¹¹ (пожалуй, это единственный документированный пример плохого снабжения продуктами питания воспитанников детского учреждения).

За состоянием имеющегося перечня вещей и продуктов питания в самих детских учреждениях следили (не всегда добросовестно) директора и завучи. Отчасти некачественную работу руководителей в этом направлении можно трактовать невнимательным отношением со стороны отделов народного образования. До 1944 г. контрольные проверки в детских учреждениях проводило контрольно-ревизионное управление при Наркомате финансов. Им в 1941 г. были выявлены злоупотребления полномочиями сотрудников Гольянского, Кыйлудского и Якшур-Бодьинского детдомов и интернатов, в них была выявлена недосдача в размере 44000 рублей. Лишь с 1944 г. начали работать общественные контрольные комиссии при отделах народного образования. Они формировались из представителей Совета депутатов трудящихся, комсомольских, профсоюзных и шефствующих организаций детских учреждений. Комиссии следили за правильным расходованием продуктов питания и использования одежды, обуви и прочих промышленных товаров. Каждый предмет обихода в детском доме и интернате был учтен, все государственное имущество контролировалось¹².

Республиканские власти не смогли в полном объеме проводить централизованное финансирование детских домов. Особенно это было ощутимо в 1945 г., когда количество детских домов увеличилось в несколько раз за счет принятия на государственный бюджет колхозных и межколхозных детдомов. Ассигнования, выделенные на год, не предусматривали увеличение количества государственных детских учреждений. Сумма, заложенная в бюджет 1945 г., была увеличена по сравнению с предыдущим годом на 22 %, а по сравнению с 1940 г. на 47 % (несмотря на то, что денежные суммы увеличились, расходы также возросли). Еще хуже финансирование осуществлялось в 1941 г.¹³ Именно поэтому многие руководители детских учреждений не отказывались от безвозмездной помощи советских граждан.

Известно, что некоторые эвакуированные детские учреждения (в частности Увинская эвакуированная школа-интернат) содержались не только за счет государственных дотаций, но и в том числе за счет поступления денежных средств от родителей (переводы поступали по почте, в квитанциях отмечалась сумма средств, израсходованных на питание детей и личные потребности ребенка). Получаемые таким образом деньги распределялись на месте:

часть из них шла на погашение очередных взносов за питание, оставшиеся хранились у директора учреждения. Хотя из-за отсутствия бухгалтерских документов не всегда точно удавалось установить размер денежных средств, находившихся в резерве детского учреждения.

Следует признать, что в военные годы в республике некачественно была организована работа Наркомпроса, Наркомздрава и СНК УАССР по медицинскому обслуживанию воспитанников. Как следствие, райздравы на местах недобросовестно исполняли постановления СНК УАССР от 26 сентября 1941 г. и СНК СССР от 27 октября 1942 г. о медицинском обслуживании в детских домах. В соответствии с федеральным постановлением была восстановлена участковая система обслуживания детей, но в 33 детских домах и интернатах (1942 г.) всего работало 16 медсестер и 2 врача¹⁴. Низкая степень охвата детей медицинской помощью, высокая скученность в комнатах, отсутствие должного санитарного состояния помещений и личной гигиены воспитанников способствовали развитию различного рода кишечных, кожных, глазных и других инфекционных заболеваний.

В заключении стоит отметить, что полная или частичная необеспеченность детей товарами первой необходимости, во-первых, связана с особенностью развития местной промышленности в условиях войны. Местные организации не успевали выполнять заказы в связи с загруженностью госзаказами, ориентированными в первую очередь на фронт, иногда вовремя не выделялось нужное количество средств для производства определенного вида товара. Во-вторых, значительная часть предприятий, вырабатывавшая эти товары, находилась на территории, захваченной неприятелем (к примеру, снизилось производство сахара и растительного масла). В-третьих, встречались и такие случаи, когда республиканские организации и местные власти недобросовестно выполняли свои обязанности, а денежные ассигнования, выделенные на производство одежды и обуви, вовремя не расходовались. В этом случае сказались такие факторы, как перестановка кадров в государственных органах и организациях в связи с мобилизацией на фронт, обновление личного состава государственного аппарата за счет выдвижения людей, не подлежащих призыву и мобилизации в армию, не имевших необходимого опыта руководящей и административной работы. В-четвертых, от несогласованности работы производящих предприятий (сырье на производство продукции поступало с задержками) и торгующих организаций (соответственно товары поступали несвоевременно из республиканских в районные организации) страдали дети. В-пятых, снабжение товарами, так или иначе, осуществлялось за счет выделяемых централизованных республиканских фондов. Финансирование, как показала практика, осуществлялось не в полном объеме (ситуация в республике несколько изменилась с 1943–1944 гг.).

Кроме этого, не стоит сбрасывать со счетов тяжелые обстоятельства военного времени. Республиканские власти должны были создать за короткие сроки оптимальные условия жизни, как для возросшего потока эвакуированных детей, так и для местных воспитанников. В их компетенцию входило решение простых и более сложных вопросов: от ремонта помещений, поставки канцтоваров до предоставления площадей, тягловой силы и снабжения промышленными и продовольственными товарами. На решение подобных вопросов требовалось не только время, но и финансовые средства, более того в их обязанности входило решение других хозяйственных вопросов автономной республики.

¹ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1333. Л. 1об.

² Там же. Д. 1096. Л. 20.

³ Там же. Д. 1583. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 1448. Л. 152об., 153.

⁵ Там же. Д. 1579. Л. 105, 113.

⁶ Там же. Д. 1449. Л. 81.

⁷ Там же. Д. 1453. Т. I. Л. 135; Д. 1579. Л. 110.

⁸ Там же. Д. 1422. Л. 154; Д. 1448. Л. 152об, 153; Д. 1454. Т. 2. Л. 41.

⁹ Центр документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 84.

¹⁰ Там же. Л. 41, 93.

¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1448. Л. 152об; Д. 1453. Т. 1. Л. 108, 111, 131; Д. 1454. Т. 2. Л. 1, 4, 5, 17; Д. 1564. Л. 53; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823. Л. 60.

¹² ЦГА УР. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 1422. Л. 154; Д. 1448. Л. 152об., 153; Д. 1454. Т. 2. Л. 41; Д. 1794. Л. 139.

¹³ Там же. Д. 1789. Л. 52 об., 53.

¹⁴ Там же. Д. 1422. Л. 154, 182.

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДЕ ИЖЕВСКЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

М.В. Тенсин (г. Ижевск)

Местное самоуправление в РФ представляет собой форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую в пределах, установленных Консти-

туцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций¹.

Становление системы местного самоуправления в Удмуртской Республике с момента создания соответствующей правовой основы на уровне РСФСР было обусловлено рядом социокультурных факторов, которые до настоящего времени продолжают оказывать влияние на правовой характер проводимой в России и Удмуртии муниципальной реформы. После принятия 12 декабря 1993 г. Конституции РФ и 7 декабря 1994 г. Конституции УР были созданы все предпосылки для становления системы муниципальной власти в республике. Конституция РФ закрепила важнейшие положения, предопределившие развитие местного самоуправления в России: во-первых, местное самоуправление является одной из форм реализации народом своей власти и основой конституционного строя Российской Федерации и, во-вторых, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти². Конституция УР вслед за Конституцией РФ закрепила в ст. 3 и 10 аналогичные положения о местном самоуправлении в Удмуртской Республике³.

Большую роль в правовом регулировании организации местного самоуправления после принятия Конституции РФ сыграли указы Президента РФ, которые были направлены на реформирование местного самоуправления в РФ на период поэтапной конституционной реформы. В частности, речь идет об указах Президента РФ: от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», от 26 октября 1993 г. № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» и от 22 декабря 1993 г. № 2265 «О гарантиях местного самоуправления». Данными указами Президент РФ Б.Н. Ельцин в целом установил новые организационные основы местного самоуправления на период поэтапной конституционной реформы. Именно на основе Конституции РФ и данных указов формировалась правовая основа местного самоуправления на региональном уровне.

Первый устав города Ижевска, утвержденный решением Городской думы г. Ижевска от 5 июля 1994 г. № 17 «Об Уставе местного самоуправления г. Ижевска (Уставе г. Ижевска)», основывался на Конституции РФ и Законе УР от 27 января 1994 г. № 574-ХП «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике» и появился еще до принятия Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Конституции УР от 7 декабря 1994 г. Этот устав закрепил основы организации самоуправления и органы местного само-

управления в г. Ижевске, используя категории система и структура местного самоуправления. В соответствии со ст. 4 устава система местного самоуправления включала в себя: во-первых, Главу местного самоуправления – мэра города Ижевска; во-вторых, представительный орган власти – Городскую думу; в-третьих, исполнительные органы – Администрацию г. Ижевска, районные администрации, органы муниципальных округов; в-четвертых, органы территориального общественного самоуправления населения; и в-пятых, городские референдумы, общие собрания, сходы, конференции граждан, другие формы непосредственного волеизъявления населения. Структура местного самоуправления, согласно ст. 13. устава, утверждалась Городской думой г. Ижевска по представлению Главы местного самоуправления – мэра г. Ижевска. Структуру местного самоуправления составляли Городская дума, Глава местного самоуправления – мэр г. Ижевска, Администрация г. Ижевска, Администрации административных районов, муниципальных округов и органов территориального общественного самоуправления⁴. Представительный орган г. Ижевска – Городская дума – состоял из 30 депутатов и Главы местного самоуправления – мэра г. Ижевска, который являлся ее Председателем. Исполнительными органами местного самоуправления являлись: Администрация г. Ижевска, Администрации районов, органы муниципальных округов. Деятельностью Администрации города руководил Глава местного самоуправления – мэр г. Ижевска, Администрациями районов – главы Администраций районов, органа муниципального округа – управляющий муниципальным округом. Примечательно, что назначение, освобождение глав районных Администраций, управляющих муниципальными округами, наделение их полномочиями и утверждение положений о районных Администрациях и муниципальных округах осуществлял Глава местного самоуправления – мэр г. Ижевска. Таким образом, значительная часть властных полномочий концентрировалась в руках Главы местного самоуправления – мэра г. Ижевска, исполнявшего свои полномочия на принципах единоначалия. В частности, устав г. Ижевска закреплял полномочия Главы местного самоуправления как Председателя Городской думы и как главы Администрации г. Ижевска. Например, как Председатель представительного органа он созывал сессии Городской думы, осуществлял руководство подготовкой вопросов, вносимых на рассмотрение Городской думы, вел заседания Городской думы, представлял кандидатуру на должность заместителя Председателя Городской думы, подписывал решения Городской думы, протоколы сессий в соответствии с регламентом, оказывал содействие депутатам Городской думы в осуществлении ими своих полномочий, организовывал обеспечение их необходимой информацией, решал вопросы, связанные с освобождением депутатов от выполнения служебных или производственных обязанностей для работы в Городской думе, ее органах,

координировал деятельность постоянных и иных комиссий Городской думы, депутатских рабочих групп, давал поручения постоянным и иным комиссиям Городской думы, принимал меры по обеспечению гласности и учету общественного мнения в работе Городской думы, обеспечивал в соответствии с решениями Городской думы организацию местных референдумов, обсуждение гражданами проектов важнейших решений Городской думы, рассматривал вопросы организации выборов в установленном законом порядке, открывал и закрывал расчетные и текущие счета Городской думы в банках и являлся распорядителем по этим счетам, являлся распорядителем кредитов по расходам предусмотренным в бюджете на подготовку и проведение сессии; работу постоянных и иных комиссий Городской думы и другим расходам, связанным с деятельностью Городской думы, подписывал от имени Городской думы исковые заявления, направляемые в судебные органы, а также решал иные вопросы, которые могли быть ему поручены Городской думой или возложены законодательством. Еще более обширным был перечень полномочий главы местного самоуправления. Формально-юридический анализ пп. 2.1–2.25 ст. 31 устава г. Ижевска позволяют сделать вывод, что практическое решение всех ключевых вопросов местной жизни замыкалось на Главе местного самоуправления, который решал организационно-штатные вопросы, занимался разработкой бюджета, целевых и комплексных программ развития территории города, управлял муниципальной собственностью, представлял Администрацию г. Ижевска в органах государственной власти и т.д.

Ситуация, когда глава муниципального образования совмещал две должности (председателя представительного и руководителя исполнительно-распорядительного органов), встречалась в этот период (до 2003 г.) в уставах многих муниципальных образований в РФ, и данное положение не противоречило Федеральному закону от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «но очень часто затрудняло развитие демократических начал в работе этих органов местного самоуправления»⁵. Разумеется, в условиях социально-экономической ситуации 1990-х гг., когда между элитными группами субъектов шла жесткая конкурентная борьба за ресурсы и общественное влияние, такой высокий политико-правовой статус главы муниципального образования неизбежно привел к противостоянию с руководством Удмуртской Республики. В литературе распространено мнение, что «сильное влияние на процесс становления местного самоуправления в субъектах РФ оказала позиция региональной политической элиты»⁶. Противостояние между Председателем Государственного Совета УР А.А. Волковым и Главой местного самоуправления г. Ижевска А.И. Салтыковым закономерно привело к кризису местного самоуправления в Удмуртии, связанному с принятием Закона УР от 17 апреля

1996 г. № 186-I «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» и последовавшему за ним судебному разбирательству в Конституционном Суде РФ по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»⁷. Следует отметить, что решающую роль в разрешении данного политического конфликта сыграл Президент РФ Б.Н. Ельцин, который изначально занял позицию сформированных в республике органов местного самоуправления. После вынесения решения Конституционным Судом РФ, были приняты два указа Президента РФ: от 10 марта 1997 г. № 193 «О мерах по реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-п по делу о проверке конституционности Закона удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» и от 22 декабря 1997 г. № 1353 «О мерах по совершенствованию взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в Удмуртской Республике», направленные на устранение негативных последствий для местного самоуправления в Удмуртии. Фактически данными указами была восстановлена существовавшая до принятия система местного самоуправления на уровне городов Удмуртской Республики. Противостояние Председателя Государственного Совета, а позднее и первого Президента УР А.А. Волкова и главы муниципального образования А.И. Салтыкова продолжалось до апреля 2001 г.⁸ Примечательно, что оно закончилось тем, что А.И. Салтыков сменил кресло местного руководителя на место сенатора от Удмуртии в Совете Федерации (до апреля 2003 г. представлял Удмуртию, а с февраля 2004 г. представляет в Совете Федерации исполнительный орган государственной власти Новосибирской области)⁹. Следует отметить, что вскоре был принят Закон УР от 28 мая 1996 г. № 219-I «О местном самоуправлении в Удмуртской Республике», частично воспроизводивший нормы республиканского закона «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике».

Перманентная конфликтная ситуация между муниципалитетами и республикой стала принципиально меняться в пользу президентской администрации в начале 2000-х гг. Начиная с 2001 г. в муниципальные органы власти стали активно проникать и занимать ключевые должности в системе местного самоуправления представители республиканской политической элиты: в частности, на должность вице-мэра г. Ижевска в ноябре 2001 г. был назначен А.А. Ушаков, который с ноября 2005 г. по настоящее время является Главой Администрации г. Ижевска¹⁰, в январе 2006 г. на должность руководителя аппарата Администрации г. Ижевска пришла Т.П. Боталова, которая закончила свою политическую карьеру в должности заместителя главы Администрации г. Ижевска в ноябре 2008 г.¹¹

Принципиально ситуация с организацией местного самоуправления в г. Ижевске изменилась с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который на основе иных подходов закрепил структуру органов местного самоуправления в муниципальных образованиях. Именно в ходе проводимой в России муниципальной реформы был принят 16 июня 2005 г. действующий в настоящее время устав г. Ижевска¹².

Данный устав принимался уже в иных социально-политических условиях. В соответствии с требованиями нового федерального закона устав г. Ижевска закрепил отличную от ранее существовавшей структуру органов и должностных лиц местного самоуправления, кардинально изменил баланс влияния в местном сообществе в пользу Главы Администрации г. Ижевска. В настоящее время, согласно ст. 24 устава г. Ижевска, структуру органов местного самоуправления городского округа составляют: Городская дума муниципального образования «город Ижевск» – Городская дума города Ижевска; Глава муниципального образования «город Ижевск» – Глава города Ижевска; Администрация муниципального образования «город Ижевск» – Администрация города Ижевска. Новый устав закрепляет, что Городская дума является представительным органом муниципального образования «город Ижевск», состоит из 42 депутатов, избираемых на срок 5 лет¹³. Полномочия Председателя Городской думы исполняет Глава муниципального образования. Вместе с тем, политико-правовой статус Главы муниципального образования в настоящее время принципиально изменился. В соответствии со ст. 35 устава г. Ижевска Глава муниципального образования «город Ижевск» является высшим должностным лицом муниципального образования, избирается депутатами Городской думы из своего состава тайным голосованием большинством голосов на первой сессии Городской думы. Глава муниципального образования осуществляет свои полномочия на постоянной основе, он подконтролен и подотчетен населению и Городской думе. Формально-юридический анализ содержания ст. 36 и 37 устава г. Ижевска, закрепляющих полномочия Главы муниципального образования как высшего должностного лица и как Председателя Городской думы, позволяет сделать вывод, что он, как высшее должностное лицо, выполняет представительские функции (представляет муниципальное образование, подписывает и обнародует муниципальные правовые акты, заключает договоры и соглашения, и занимается многочисленными согласованиями), а как Председатель Городской думы обладает организационно-распорядительными функциями в отношении представительного органа (организует работу, созывает сессии, ведет заседания, руководит работой депутатов, работающих на постоянной основе, дает поручения комиссиям и т.д.).

Изучение содержания ст. 39 и 40 устава г. Ижевска позволяет сделать вывод, что ведущее положение в структуре местного самоуправления в настоящее время занимает Администрация города (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), руководство которой на принципах единоначалия осуществляет Глава Администрации города, назначаемый на должность по контракту, заключаемому по результатам конкурса на срок полномочий назначившей его Городской думы. Конкурсная комиссия на одну треть формируется Государственным Советом УР (по представлению Президента УР) и на две трети – Городской думой. Глава Администрации среди органов местного самоуправления г. Ижевска обладает самыми широкими полномочиями, связанными с решением вопросов местного значения. В частности, он вносит в Городскую думу: проект местного бюджета, проект решения Городской думы о бюджете города, проект решения Городской думы о внесении изменений в бюджет города, проект решения Городской думы об утверждении отчета об исполнении бюджета города; проекты решений Городской думы об утверждении планов и программ социально-экономического развития муниципального образования «город Ижевск» и проекты решений Городской думы об утверждении отчетов об их исполнении; проекты решений Городской думы об утверждении программ и планов приватизации муниципального имущества; проекты решений Городской думы, предусматривающие установление, изменение и отмену местных налогов, осуществление расходов из бюджета города; проекты решений Городской Думы об утверждении программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры муниципального образования «город Ижевск», об утверждении инвестиционных программ организаций коммунального комплекса по развитию систем коммунальной инфраструктуры муниципального образования «город Ижевск», об установлении надбавок к ценам (тарифам) для потребителей. Именно Глава Администрации представляет для утверждения Городской думой положения об органах Администрации города, наделенных статусом юридического лица; управляет муниципальной собственностью в порядке, установленном решением Городской думы; утверждает Положения о структурных подразделениях (органах) Администрации города, не наделенных статусом юридического лица; назначает руководителей структурных подразделений (органов) Администрации города; назначает руководителей муниципальных предприятий и учреждений.

Кроме того, Глава Администрации города: организует исполнение бюджета города, утвержденного Городской думой, распоряжается средствами муниципального образования «город Ижевск»; разрабатывает муниципальные нормативные правовые акты, в соответствии с разграничением полномочий принимает их или вносит на утверждение Городской думы; вносит на утверж-

дение Городской думы структуру Администрации города и предложение о размере расходов на содержание Администраций города и ее органов; присутствует на сессиях Городской думы и принимает в установленном порядке участие в обсуждении рассматриваемых вопросов; отчитывается ежегодно перед Городской думой о деятельности Администрации города и т.д.¹⁴

Таким образом, на основании анализа действующего устава г. Ижевска, очевидно, что именно Глава Администрации г. Ижевска в настоящее время является фактическим руководителем местного самоуправления, с которыми можно разделить конституционно-правовую ответственность за результаты работы по решению вопросов местного значения. Влияние Главы Администрации обусловлено следующим: в соответствии с уставом г. Ижевска Городская дума собирается на заседания не реже одного раза в три месяца, на постоянной основе из 42 депутатов могут работать не более 10 процентов, включая Главу города¹⁵, Глава муниципального образования выполняет преимущественно представительские функции. Кроме того, следует отметить партийную зависимость большинства депутатов Городской думы от «генеральной линии партии», определяемой «Единой Россией». В условиях перехода на новую избирательную систему городских округов в Удмуртии, закрепленную Законом УР от 22 декабря 2009 года № 70-РЗ «О выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов в Удмуртской Республике» ситуация, характеризующая взаимодействие депутатского корпуса и населения города еще более усугубится. Этот новый нормативный правовой акт предусматривает, что выборы депутатов представительных органов должны отныне проводиться с применением двух избирательных систем: мажоритарно-пропорциональной системы по одномандатным избирательным округам и единому избирательному округу или пропорциональной системы по единому муниципальному избирательному округу¹⁶. Введение смешанной или пропорциональной избирательной системы на местном уровне в перспективе будет способствовать сужению возможностей гражданского общества по воздействию на своих представителей, для которых парадигмой деятельности станет не отстаивание интересов избирателей, а соблюдение партийной дисциплины, послушное следование которой гарантирует получение места в избирательном списке в будущем. Очевидно, что в этих условиях Городская дума и Глава муниципального образования будут являться проводниками не столько интересов местного сообщества, сколько определенных властных групп.

В связи с вышеизложенным, в целях расширения демократического характера муниципальных институтов не только по формальной букве закона, но и по сути, а также совершенствования организационной структуры муниципальных органов власти следует внести в устав г. Ижевска ряд изменений.

Во-первых, поскольку местное самоуправление связано с решением вопросов местного значения в интересах населения муниципального образования, необходимо пересмотреть порядок формирования органов местного самоуправления и существенно расширить перечень выборных должностных лиц местного самоуправления. Во-первых, сроки полномочий органов и выборных должностных лиц следует сократить до трех лет, этого времени более чем достаточно для того, чтобы продемонстрировать высокое качество своей работы и заслужить доверие общества. Во-вторых, необходимо вернуться к уже существовавшей практике избрания главы муниципального образования на выборах. В-третьих, избранный населением на муниципальных выборах глава муниципального образования должен возглавлять Администрацию г. Ижевска. В-четвертых, муниципальные выборы проводить с использованием мажоритарной избирательной системы, которая вынуждает избранного депутата постоянно находиться в контакте со своими избирателями и отчитываться о своей деятельности. В-пятых, пересмотреть график работы Городской думы и проводить ее сессии не реже одного раза в месяц, Городской думе ежемесячно заслушивать отчеты о проделанной работе Администрации города и ее структурных подразделений. Подобные изменения организационных основ в перспективе будут способствовать более активному участию населения в осуществлении местного самоуправления и эффективному решению стоящих перед городом социально-экономических проблем.

¹ Ч. 2. Ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями от 27 июля 2010 г.).

² См. Ст. 3 и 12 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с поправками от 30 декабря 2008 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010; Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4943.

³ Конституция УР от 7 декабря 1994 г. (с поправками от 9 октября 2009 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010.

⁴ Устав местного самоуправления города Ижевска (утв. решением Городской думы г. Ижевска от 5 июля 1994 г. № 17) (утратил силу) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010.

- ⁵ *Кутафин О.Е.* Муниципальное право Российской Федерации: учеб. / О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 331.
- ⁶ *Зубкова О.Г.* Местное самоуправление в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2008. С. 3.
- ⁷ Более подробно см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 февраля 1997 г. № 5 ст. 708; Закон УР от 17 апреля 1996 г. № 186-І «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» (утратил силу) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010.
- ⁸ *Егоров И.В.* Удмуртская Республика // Регионы России. Хроника и руководители. Том 7. Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. Саппоро, 2000. С. 428.
- ⁹ [Электронный ресурс] URL: http://council.gov.ru/files/encycl/1159_3004_793054178/index.html
- ¹⁰ [Электронный ресурс] URL: <http://www.izh.ru/izh/info/i02178.html>
- ¹¹ [Электронный ресурс] URL: <http://susanin.udm.ru/news/2008/11/17/73565>
- ¹² Решение Городской думы г. Ижевска от 16 июня 2005 г. № 333 «О принятии Устава муниципального образования «город Ижевск» (Устава города Ижевска)» (с изменениями от 26 ноября 2008 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010.
- ¹³ Ст. 25 Устава муниципального образования «город Ижевск» (Принят решением Городской думы г. Ижевска от 16 июня 2005 г. № 333) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010.
- ¹⁴ Ст. 40 Устава муниципального образования «город Ижевск» (Принят решением Городской думы г. Ижевска от 16 июня 2005 г. № 333) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010.
- ¹⁵ Ст. 14 Регламента работы Городской думы города Ижевска (утв. решением Городской думы г. Ижевска от 23 ноября 2005 г. № 15) (с изменениями от 22 декабря 2005 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ-Максимум. Прайм». Версия от 10.06.2010.
- ¹⁶ Ст. 4 Закона Удмуртской Республики от 22 декабря 2009 г. № 70-РЗ «О выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов в Удмуртской Республике».

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИЖЕВСКА: СТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XX В.

С.А. Баутина (г. Ижевск)

В политической ситуации, когда импульс преобразований исходит сверху, а в обществе отсутствует политическая оппозиция, возможности и условия формирования последней, несомненно, связаны с властью. Первоначально это был процесс зарождения массового, так называемого неформального движения под контролем КПСС, которое затем радикализировалось, обратившись программными лозунгами против своих создателей.

Понятие либеральных (демократических) сил имеет в отечественной традиции очень широкое толкование и включает в себя совокупность партий и движений с различными целями и программами. С одной стороны сторонников этого направления объединяет стремление создать в России демократическое общество с многопартийностью, политическим и социальным плюрализмом, рыночной конкурентной экономикой, демократическими традициями и т.п. С другой стороны, подобные объединения, возникнувшие в конце 1980-х гг. объединял жупел антикоммунизма. Причем, здесь спектр мнений был исключительно широк: от признания борьбы на равных с КПСС одними партиями и до требований суда и запрета КПСС другими. Но при всей своей раздробленности и хаотичности на этом этапе демократические движения являются в структурном отношении единым целым.

В Удмуртии либеральные объединения первоначально появились на базе альтернативных КПСС общественных объединений, а затем начинаются постоянные расколы первичных объединений как основа возникновения новых партий внутри самого либерального движения.

У истоков либерально-демократического движения Удмуртии стоит ассоциация политических клубов Удмуртии, возникшая в 1989 г., возглавил которую Н.Н. Энгвер, член Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР. В начале 1990 г. на базе ассоциации сформировалась организация «Движение за Демократию», учредительное собрание которой состоялось 21 января 1990 года. В ходе собрания были приняты Устав и платформа, избран координационный совет (30–40 чел.), три сопредседателя движения: инженер НИТИ «Прогресс» Л.А. Розенберг, преподаватель философии В.Н. Скрынник, искусствовед Е.Ф. Шумилов.

Движение ставило своими целями всемерную демократизацию общественной жизни, создание (как плановая программная цель) демократического правового государства, отмена в Конституции статьи о руководящей и

направляющей роли КПСС, утверждение многопартийности; широкое обеспечение прав и свобод граждан, свободы доступа к информации, разделение функции партийных и советских органов; упразднение политорганов в Вооруженных Силах, КГБ, МВД, деполитизацию суда и прокуратуры. Движение выступало за модель социализма с человеческим лицом, многоукладную экономику, свободу слова, совести, убеждений, экономическую самостоятельность Удмуртии, за расцвет народных культур и равноправие всех наций края и народностей республики¹.

Достаточно спорен вопрос о численном составе движения. На учредительном собрании присутствовало около 300 человек, движение заявляло о 150 постоянных участниках, а на конференции 30 декабря подтвердило свое членство около 60 человек². Социальный состав движения в принципе показателен и для всего партийного строительства не только в Ижевске, но и в стране. Ведущую роль здесь играла научная и творческая интеллигенция. Среди 150 человек инженерно-технические работники составляли – 45 %, представители творческой интеллигенции – 22 %, рабочих – 13 %, студентов – 3 %³. Движение выпускало пресс-бюллетень «Мнение», использовало для публикаций газету «Комсомолец Удмуртии», так как движение находило поддержку у бюро обкома ВЛКСМ⁴. Основной формой работы являлась агитация, организационные мероприятия и проведение митингов.

«Движение за демократию» активно включилось в очередные избирательные кампании, распространяя листовки и обращения, на зданиях появлялись надписи с призывом голосовать за «своих» кандидатов. Такие случаи фиксировались не только в г. Ижевске, но и в сельских районах республики⁵.

18–21 февраля 1990 г. совместно с Клубом гражданских инициатив были проведены санкционированные митинги по районам города Ижевска. Наибольший резонанс вызвал митинг на центральной площади Ижевска, проведенный 18 февраля 1990 г., на котором присутствовало около 10 тысяч человек⁶.

«Движение за демократию» принимало участие в межрегиональной конференции «Демократической России», которая состоялась 17–18 ноября 1990 г. в г. Ижевске, с целью сплочения демократических сил Урала и Поволжья. На конференции присутствовало 24 делегата из пяти регионов, были представлены следующие объединения: Движение за Демократию (УАССР), Общество удмуртской культуры (УАССР), Экологический союз г. Глазов (УАССР), Демократическая Россия (г. Златоуст), Союз демократических сил (г. Пермь), Клуб избирателей (г. Пермь), Демократическая платформа (г. Пермь), Демократический выбор (г. Свердловск), Демократическое движение (г. Киров).

Следующая заметная организация либерально-демократического направления – Клуб гражданской инициативы. Он был создан в мае 1989 г. под председательством С.Л. Бехтерева, научного сотрудника Удмуртского института

истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Клуб занимался изучением истории края и просветительской, архивно-поисковой работой. Кроме того, им был проведен митинг в честь 73 годовщины Февральской буржуазно-демократической революции. Но деятельность клуба ограничивалась исключительно рамками Ижевска, и численность постоянных участников была невелика (около 20 человек)⁷.

В июне 1990 г. заявила о себе Аграрно-демократическая партия Удмуртии. В своих программных заявлениях она выступала за общество с многоукладной экономикой, политический плюрализм и равноправие всех форм собственности. Партия отстаивала лозунг государственного суверенитета Удмуртии в рамках федерации или Союза. Руководство партии тесно сотрудничало с профсоюзом агропромышленного комплекса и ассоциацией арендаторов и фермеров Удмуртии. При этом Аграрно-демократическая партия была невелика, насчитывала в своих рядах около 50 человек из Ижевска, Глазова, Воткинска, Вавожа, Завьялово, Балезино, Киясово. Возглавил партию А.А. Сапожников, полковник запаса, пенсионер из с. Малая Пурга УР. В 1994 г. на основе этой партии было создано УРО Крестьянской партии России, председателем которой стал В.А. Горынцев. Численность членов отделения увеличилась, но не превышала в тот период 200 человек⁸.

В январе 1990 г. заявила о своем рождении Социал-демократическая партия Удмуртии. Председателем координационного совета с момента ее создания был назначен Н.Н. Нагорных, регулировщик п/о «Ижевский мотозавод», ставший депутатом Верховного Совета УАССР. Партия выступала за суверенитет республики, плюрализм и многопартийность, строительство правового государства и парламентские формы работы⁹. В феврале в Ижевске открылась региональная организация Демократического Союза, насчитывающая всего лишь 15 человек. Организация на правах ассоциированного члена входила в Демократический Союз России и выступала с крайне радикальными лозунгами бескомпромиссной борьбы с коммунизмом. Сопредседателями ее Координационного совета стали А.В. Калишев и И.Г. Свободин¹⁰. В этом же году заявили о себе УРО Демократической партии России и УРО Либерально-демократической партии Советского Союза.

В апреле 1991 г. была также создана Удмуртская региональная организация движения «Демократическая Россия», предпринимавшая энергичные попытки объединить разрозненные демократические силы. УРО движения «Демократическая Россия» подобно общероссийскому штабу ДР, создавалась на принципах коалиции, куда входили УРО КДП, СДПУ, комитет социальной защиты Международного общества прав человека, депутатская группа «Демократическая Удмуртия» Верховного Совета УАССР и около 300 индивидуальных членов. К концу 1991 г. движение имело отделения во всех

городах республики, а также в таких районах как Можгинский, Камбарский, Сюзьминский, Малопургинский, Киясовский, Воткинский. Возглавил Координационный совет республиканского отделения старший преподаватель кафедры философии Удмуртского университета В.Н. Скрынник, а с 1994 г. – депутат Верховного Совета УР Н.Н. Нагорных. Удмуртское отделение Демократической России выпускало газету «Демократическая Удмуртия» (с апреля 1991 г. по март 1994 г.), редактором которой был В.В. Лушников. Газета служила идейным рупором демократического движения в Удмуртии и часто противопоставляла собственную позицию республиканской официальной прессе.

Программа действий регионального отделения, принятая 7 сентября 1991 г., предусматривала развитие Удмуртской Республики в составе России на основе заключения нового Федеративного договора, достижения экономического суверенитета Удмуртии¹¹. Разрешение всех накопившихся проблем в первую очередь связывалось с установлением демократии западного образца и рыночной экономики.

Устранение КПСС привело к распаду временно единого лагеря, который прежде сплачивался преимущественно наличием одного серьезного противника. В общетеоретическом ключе подобная ситуация была описана видным социологом и политологом начала XX в. М.Я. Острогорским: «Непримиримые противоречия, разделявшие общество на два враждующих лагеря, стерлись после окончательного завоевания основных свобод... В то же время проблемы сделались бесконечно более многочисленными и разнородными: эмансипация индивидуума и дифференциация социальных условий более сложной цивилизации вызывали всюду, в идеях, интересах и стремлениях, разнообразие в единстве и своего рода непрерывное движение по сравнению с застоем былых времен. Более многочисленные проблемы, естественно, вызвали большее число разделений, которые не могли сводиться, как раньше, к двум группировкам, но которые смешивались и взаимно скрещивались в умах тем легче, что связи, созданные прежними делениями, были ослаблены»¹².

В целом, демократическое движение в ходе генезиса и общей эволюции продолжало отличаться достаточной аморфностью. Слабым моментом, также как и у коммунистов, было отсутствие соответствующей требованиям системности и завершенности конструктивной программы действий. Успех демократического (антикоммунистического) движения зависел зачастую не от поддержки масс и плодотворной деятельности демократов. Крах КПСС, обретение суверенитета республики, принятие Конституции УР – реализация этих лозунгов демократических сил стала возможной вследствие политики реформирования «сверху» в значительно большей мере, чем под давлением общественной активности «снизу». Напомним, что в ходе выборов 1990 г. произошла полная смена власти в регионе. Председателем Верховного Со-

вета УАССР тогда был избран В. Тубылов, что шло вразрез с линией первого секретаря обкома П.С. Грищенко. Но, по мнению редактора одного из демократических изданий С. Щукина, связано это не столько с демократизацией сознания населения республики, сколько с внутриэлитным конфликтом, поскольку П.С. Грищенко, назначенный вместо В.К. Марисова М.С. Горбачевым, всегда оставался чужим для значительной части региональной номенклатуры¹³. Демократы, ограничившись решением задачи обеспечения «демократического характера выборов» и поддержкой отдельных кандидатов второго плана, оказались неспособными к конкурентной политической борьбе вследствие организационной слабости и малочисленности, отсутствия необходимого политического и электорального опыта, недостатка популярных лидеров и материальных ресурсов.

Возникшее на волне прямой митинговой демократии, не имея ни достаточных ресурсов, ни четкой позитивной программы, ни рационально оформленных организационных структур, демократическое движение к 1993 г. сузилось до 10–15 % избирателей своей и так немногочисленную социальную базу. Как самокритично отмечали в этот период сами участники либерально-демократического движения, движение «страдает организационной слабостью, рабочие органы отсутствуют, должностные обязанности членов координационного совета не определены. Вся работа сводится преимущественно к политическим заявлениям, проведению эффективных разовых мероприятий с вынесением резолюций (собрание сторонников реформ 23.01.1993 г., собрание граждан 23.03.1993 г. в связи с заявлением Президента России от 20.03.1993 г., агитационной кампании перед референдумом, к депутатской деятельности, участию в работе газеты «Демократическая Удмуртия»)¹⁴. Еще более жесткая оценка была дана со стороны. Вот что пишет «Уральская газета» (г. Екатеринбург): «Кроме, пожалуй, коммунистов, ни одно политическое образование не может похвастаться ни числом, ни хоть какой-то системой в работе. «Демократическая Удмуртия»... собирает на свои посиделки едва ли не пять десятков человек... Основной их пыл тратится на выяснение отношений да разборки по поводу неутешительных для демократов итогов выборов и референдума, зафиксированных в Удмуртии»¹⁵.

Однако начавшееся партийное строительство упорно продолжалось и в этих исключительно трудных условиях. На сохранившейся электоральной основе в декабре 1994 года было образовано региональное отделение партии «Демократический выбор России», возникновению которого предшествовал не первый уже раскол внутри демократического движения. Основой для создания ДВР явилось образованное по инициативе Е.Т. Гайдара и кремлевской администрации общенациональное политическое движение «Выбор России». На учредительном съезде партии присутствовало 5 делегатов от Удмуртии. Именно эти делегаты – М. Баширов, А. Белоусов, В. Колупаев, А. Лопатин,

В. Скрынник – были официально приняты в партию и получили право создавать первичные организации. В июле 1994 г. создаются сразу два региональных отделения организации во главе с делегатами учредительного съезда партии «Демократический выбор России» М. Башировым и В. Скрынником. Попытки руководства партии из Москвы урегулировать местный конфликт результата не дали. Выбор между организациями был сделан Политсоветом ДВР по результатам практической деятельности в пользу В. Скрынника¹⁶. Раскол в итоге удалось преодолеть, но партия так и не набрала значительного веса на политической арене республики. В 1995 г. численность партии составляла больше 60 человек, в 1997 г. – около 30-ти¹⁷.

Таким образом, период 1993–1994 гг. оказался достаточно проблематичным для либерально-демократического движения в Удмуртии, породив организационный и идеологический кризис. На первый взгляд незаметный кризис доктринальных или «программных партий», ориентированных на доминирующее общественное настроение и соответствующие общему тону политического процесса политические программы привел к распаду движения. Это в первую очередь относится к ЛДПР.

Изначально возникнув как непримиримый антагонист, демократическое движение после устранения КПСС (решения основной задачи), распалось на атомизированные организации и группы, потеряло постепенно значительную часть своих сторонников и поддержку властей. Возникнув от импульса, поступившего «сверху», оно не имело объективных условий для дальнейшего полноценного существования. При этом наблюдается парадоксальная ситуация, когда демократические ценности, либеральная идеология и партии развиваются одновременно с предпосылками и материальными условиями своего появления: рыночной экономикой, развитием гражданских и политических свобод, начальными институтами гражданского общества. Все это не могло не сказаться на складывающейся многопартийности, определив специфику и недостатки этого политически важного для нашей страны явления в целом.

¹ Есть ли будущее у партий? // Комсомолец Удмуртии. 1990. 6 октября. С. 3.

² Лебедев Ю. Новые общественно-политические организации и движения Удмуртии // Вестник обкома КПСС. 1990. № 13. С. 14.

³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15145. Л. 111.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Удмуртская правда. 1990. 20 февраля. С. 1.

⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15144. Л. 7.

⁷ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы (по документам и материалам ЦДНИ УР). Ижевск, 2001. С. 5.

⁸ Есть ли будущее у партий...

⁹ Там же.

¹⁰ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 6.

¹¹ Демократическая Удмуртия. 1991. 4 октября.

¹² *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 545.

¹³ *Щукин С.* Власть в законе. Ижевск, 1995. С. 4–5.

¹⁴ *Бехтерев С.Л., Трофимченко В.Н., Храмцов А.А., Сергеев В.И.* Современные политические процессы в Удмуртской Республике // Проблемы становления многопартийности в республиках Поволжья и Урала. Чебоксары, 1993. С. 47.

¹⁵ *Нестеренко Н.* Есть такая партия // Уральская газета. 1994. 10 марта.

¹⁶ ЦДНИ УР. Ф. 90. Оп. 1. Л. 3–4.

¹⁷ Политические партии и движения в Удмуртии. 1990-е годы... С. 11.

ИЖЕВСК КАК ЦЕНТР ПРОФСОЮЗНОЙ ЖИЗНИ УДМУРТИИ 1990-Х ГГ.

А.А. Александрова (г. Ижевск)

Начало создания профессиональных союзов в Удмуртии относится к 1907 г., когда было организовано профессиональное общество рабочих по обработке металла, объединившее группу рабочих Ижевских оружейного и сталелитейного заводов. Другой крупный союз «рабочих по металлу» был образован на Воткинском железоделательном и сталеплавильном заводе. Крупные выступления на заводах в 1914 г. стали причиной роспуска этих профсоюзных организаций. Только в 1917 г. союзы металлистов Ижевска и Воткинска были восстановлены, а также организованы профсоюзные организации в других населенных пунктах Удмуртии¹.

С момента образования Удмуртской автономии Ижевск является основным центром общественно-политической жизни региона. И связано это не только с его статусом столицы Удмуртии, но и с сосредоточением в нем значительного количества крупных предприятий, организаций и учреждений, в которых созданы и функционируют профсоюзы. История города Ижевска и деятельность профсоюзных организаций неразрывно связаны между собой. Сложный период их истории приходится на 1990-е годы.

Под влиянием общественно-политических, социально-экономических преобразований второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. в нашей стране произош-

ли кардинальные изменения во всех сферах жизни общества. В большинстве своем они оказали не самое благотворное воздействие на положение различных категорий населения, в том числе и трудящихся. Многими вопросами, которые остро встали в 1990-е гг., в советское время занимались профсоюзы (социально-бытовые вопросы, социальное страхование, санаторно-курортное лечение, вопросы организации производства, подготовки и переподготовки кадров и другие).

С начала 1990-х гг. ситуация стала изменяться. В марте 1990 г. было образовано общероссийское профсоюзное объединение – Федерация независимых профсоюзов РСФСР (ФНПР), которая руководствовалась в своей деятельности принципами независимости, неподконтрольности, неподотчетности, добровольности. Это обстоятельство изменило ситуацию с местом и ролью профсоюзов в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. В июле 1990 г. профсоюзы Удмуртии вошли в состав ФНПР, что в дальнейшем повлияло на их организационную структуру и деятельность. Профсоюзы Удмуртии столкнулись с рядом серьезных проблем (в том числе финансовая, кадровая), которые не позволили им в должной мере полноценно осуществлять свои функции по защите прав и интересов трудящихся. Все это происходило на фоне спада производства, ухудшения материального положения большей части населения страны, роста безработицы, падения реальных доходов трудящихся, распада первичных систем социального обслуживания, ухудшения многих видов потребления. Так, за 1991–1993 гг. объем промышленного производства в Удмуртской Республике снизился на 35,2 %. В 1993 г. в целом во всех категориях хозяйств уменьшился валовой сбор зерна, картофеля и овощей. За январь 1994 г. в промышленности Удмуртской Республики продукции было произведено на 36,7 % меньше, чем в январе 1993 года. Сократилось производство продукции на предприятиях машиностроения и металлообработки (на 58,8 %), легкой (на 52,8 %) и химической промышленности (на 50,2 %). В кризисе оказались крупнейшие предприятия республики. В 1993 г. впервые за многие годы не выполнило государственный заказ Государственное производственное объединение «Воткинский завод». А в январе 1994 г. к январю 1993 г. выпуск продукции здесь составил всего 9,3 %. На производственном объединении «Ижмаш» остановился станкостроительный завод, автозавод, на грани остановки находился металлургический завод. В целом по «Ижмашу» по состоянию на начало марта 1994 г. в вынужденных отпусках находилось около 20 тысяч человек. Практически встали Ижевский электромеханический завод, воткинские заводы радиотехнологического оснащения и газового оборудования, Сарапульский радиозавод и многие другие. Причины остановок предприятий, падения производства были характерны для всех – отсутствие оборотных средств, взаимные неплатежи, долги государства оборонному комплексу, снижение покупательского спроса из-за высоких цен².

Осложнилось положение на рынке труда: безработица стала реальностью. О массовом высвобождении работников в первом полугодии 1992 г. заявили производственные объединения «Ижевский радиозавод» – 2500 человек, «Ижмаш» – 5000 человек, «Буммаш» – 600 человек, «Ижевский мотозавод» – 2000 человек, Ижевский электромеханический завод – 1500 человек и ряд других предприятий и организаций. Руководители 35 предприятий республики только в июне 1992 г. вынуждены были отправить более 10 тысяч своих работников в незапланированные отпуска³. На конец 1992 г. при общей численности трудоспособного населения в 926,3 тыс. человек безработными числились 12,5 тыс. человек, а уже на конец 1995 г. из 941,5 тыс. человек трудоспособного возраста 69,9 тыс. человек официально были зарегистрированы безработными⁴, на конец 1999 г. безработными были признаны 25,6 тыс. человек⁵.

Со второго полугодия 1990 г. в Удмуртии четко стала проявляться тенденция роста цен. По этой причине в 1990 г. на покупку продуктов на рынке население г. Ижевска израсходовало на 34 % больше средств, чем в 1989 г. Все это снижало жизненный уровень населения, в первую очередь малообеспеченных слоев, численность которых составляла: пенсионеров – 319 тыс. человек, студентов вузов, техникумов, ПТУ – около 48 тыс. человек, многодетных семей – 32,5 тыс., неполных семей – 27 тыс. Всего около 470 тыс. человек с ежемесячным доходом от 31 рубля до 89 рублей в месяц⁶. Далее ситуация с ростом цен лишь усугублялась, а задержки выплаты заработной платы стали практически постоянными. На потребительском рынке все группы товаров первой необходимости, товары длительного пользования перешли в разряд дефицитных. Было введено нормированное распределение продовольственных товаров среди населения.

В свою очередь государственные структуры и работодатели далеко не всегда принимали в расчет интересы трудящихся. Таким образом, в 1990-х гг. в Удмуртии сложилась ситуация массового недовольства населения своим социально-экономическим положением, которая зачастую выливалась в формы проведения массовых коллективных действий.

Профсоюзами Удмуртии применялись различные формы и методы защиты социально-экономических прав и интересов трудящихся, которые условно можно разделить на две группы (по количеству участников, способам защиты своей позиции):

1) обращения, передачи требований в органы законодательной и исполнительной власти Российской Федерации и Удмуртской Республики, заключение соглашений с органами исполнительной власти, работодателями, ведение переговоров с ними по различным спорным вопросам, делегирование своих представителей в органы законодательной и исполнительной власти республики для участия в разработке и принятии нормативных актов социальной направленности, участие в выборах в органы законодательной власти

для последующего представления интересов членов профсоюзов, оказание юридической помощи;

2) проведение массовых коллективных действий как форм выражения общественного мнения, недовольства и протеста (митинги, шествия, манифестации, демонстрации на улицах и площадях населенных пунктов Удмуртии (прежде всего в г. Ижевске), пикетирование зданий органов законодательной и исполнительной власти республики с последующим выдвижением требований, приостановка работы на предприятиях, в учреждениях и организациях).

Профсоюзы Удмуртии в достижении поставленных перед ними целей и задач отдавали приоритет мирным формам урегулирования разногласий, возникающих с органами государственной власти и работодателями. Однако имели место и массовые коллективные действия.

Наибольшей социальной активностью в Удмуртской Республике, по сравнению с другими городами, отличался в это время г. Ижевск. Это было связано с несколькими моментами. Во-первых, Ижевск является столицей республики, где находятся все руководящие органы государственной власти и управления. Во-вторых, в нем сосредоточено значительное количество крупных промышленных предприятий, учреждений и организаций с большим штатом работников. В-третьих, городское население по сравнению с сельским отличается большей мобильностью. В-четвертых, в Ижевске располагались руководящие профсоюзные органы, которые координировали и проводили работу по защите прав и интересов трудящихся – Федерация профсоюзов Удмуртской Республики (с октября 1993 г. ее возглавляет Е.Н. Орлов), республиканские комитеты отраслевых профсоюзов.

На протяжении всех 1990-х гг. на улицах и площадях г. Ижевска проходили многочисленные митинги, шествия, манифестации, демонстрации населения, на раз пикетировались здания органов законодательной и исполнительной власти республики. Одна из ведущих ролей в их организации принадлежит профсоюзам. Начало коллективным действиям было положено в 1991 г., когда профсоюзные организации Удмуртской Республики приняли участие во Всероссийских осенних днях единства действий профсоюзов (21–26 октября 1991 г.)⁷. В последующем проведение профсоюзами дней единства действий профсоюзов, дней рабочей солидарности стало регулярным явлением для Удмуртии и ее столицы.

Объявленное днем протеста коллективов оборонных отраслей промышленности России 17 сентября 1993 г. стало днем протеста работников предприятий оборонной промышленности Удмуртской Республики. Инициатором протестных действий стала профсоюзная организация Ижевского электромеханического завода. Объяснялось это, по словам заместителя председателя профкома цеха № 33 ИЭМЗ В.А. Старикова, следующим: «Народ недоволен,

озлоблен. И в нашем и в других цехах все шло к тому, чтобы профсоюзы начинали действовать решительно, выражая интересы производственников. Мы и отраслевой ЦК профсоюза не раз предъявляли наши требования российскому правительству. На словах признавалась справедливость наших требований, но результатов не было. На заводе нет средств для развития производства. Мы поняли, что пора приступать к решительным действиям. Мы не зовем людей на баррикады, но не хотим сидеть сложа руки»⁸.

Акции протеста работников оборонной промышленности проводились не только в республиканских масштабах, но и на отдельных предприятиях. В 1997 г. на «Ижмаше» бастовало 4 цеха, добиваясь выплаты заработной платы. Только в результате забастовки работникам ружейного производства ее выплатили, но только за один месяц, а задолженность за другие месяцы осталась⁹.

В митингах и других акциях протеста 1990-х гг. активно участвовали не только работники оборонных отраслей промышленности, но и педагоги, медицинские работники, работники культуры, коммунального хозяйства, лесной отрасли, сельского хозяйства, транспорта всей Удмуртской Республики. Центром массовых коллективных действий был г. Ижевск. Так, в митинге под лозунгом «Профсоюзы: защитим права народа!», прошедшем 5 ноября 1996 г. на Центральной площади Ижевска, участвовало 20 тысяч человек. По его итогам было принято обращение к Правительству РФ и Правительству УР¹⁰.

В начале 1998 г. в Ижевске, в кинотеатре «Россия», состоялась встреча около полутора тысяч представителей профсоюзов, трудовых коллективов со всех городов и районов Удмуртии с Председателем Правительства УР П.Н. Вершининым, первым заместителем Председателя Государственного Совета УР В.И. Агашиным, представителем администрации Президента РФ в Удмуртии В.В. Балакиным, мэром г. Ижевска А.И. Салтыковым. На этой встрече были озвучены меры, принятые по результатам прошедших акций протеста. В частности, 27 марта 1997 г. были приняты постановления Государственного Совета УР и Правительства УР по реализации требований участников акции протеста профсоюзов. Требования трудовых коллективов оборонных отраслей промышленности были рассмотрены на сессии Государственного Совета УР. По вопросам изменения тарифов на энергоносители, транспорт, связь между профсоюзами и Правительством УР было достигнуто взаимопонимание и была принята профсоюзная позиция: тарифы могут быть изменены, но только пропорционально росту доходов населения. Этот же подход был взят за основу при ежегодном утверждении социальных стандартов по оплате населением жилья и коммунальных услуг. Несколько улучшилась в республике ситуация с выплатой заработной платы и детских пособий¹¹.

Степень эффективности применения профсоюзами Удмуртии тех или иных методов защиты прав и интересов трудящихся в 1990-е гг. была различ-

на. В большинстве случаев практический результат их деятельности носил кратковременный характер (на несколько месяцев откладывалось повышение цен на продовольственные и промышленные товары, тарифов на энергоносители, коммунальные услуги, услуги общественного транспорта, предприятий связи, частично погашались задолженности по выплатам заработной платы, пенсий, пособий и т.д.). На это в немалой степени оказали влияние внутренние проблемы в профсоюзном движении, обозначившиеся с начала 1990-х годов. Тем не менее профсоюзами была проделана значительная работа, без которой социальная ситуация в республике была бы еще более напряженной.

¹ Исполняется 90 лет со дня образования профсоюзов // Удмуртская правда. 1995. 14 ноября; *Наговицын Ю.Л.* В зеркале истории // Удмуртская правда. 1998. 11 ноября.

² Архив Федерации профсоюзов УР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 3; *Орлов Е.Н.* Время борьбы // Удмуртская правда. 1994. 4 марта.

³ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р-89. Оп. 3. Д. 2842. Л. 58.

⁴ Удмуртия в цифрах. 1995 г. № 131 (4783). Ижевск, 1996. С. 4.

⁵ Удмуртия в цифрах. 1997–2000 гг. Ижевск, 2001. С. 7.

⁶ ЦГА УР. Ф. Р-89. Оп. 3. Д. 2823. Л. 16.

⁷ Там же. Л. 74, 91, 111–114.

⁸ Удмуртская правда. 1993. 17 сентября.

⁹ *Ламбин Е.* Профсоюзная осень // Удмуртская правда. 1997. 30 сентября.

¹⁰ Удмуртская правда. 1996. 12 ноября.

¹¹ Благосостояние падает – борьба возрастает // Удмуртская правда. 1998. 11 февраля.

СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИЖЕВСКА)

А.А. Бобков (г. Ижевск)

Система образования на современном этапе развития общества является институтом, осуществляющим целенаправленную социализацию молодежи, в том числе политическую. В этой связи нельзя недооценивать роль образо-

вательных учреждений в этой сфере. В 2007 г. численность населения Удмуртской Республики составляла 1532736 человек, количество молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (включительно) – 425565 человек, или 27 % от общей численности населения¹. При этом только в учреждениях высшего профессионального образования училось 74,5 тыс. студентов², то есть примерно 17 % от общего количества молодежи.

В рамках высших учебных заведений работа, связанная с воспитанием самостоятельности и активности молодежи, находит свое выражение во внеучебной деятельности. Так, одним из приоритетных направлений в Ижевском государственном техническом университете стало развитие студенческого самоуправления, играющего важную роль в приобщении к опыту принятия и реализации организационно-управленческих решений в формировании когорты будущих менеджеров для политической и народно-хозяйственной сфер. Овладение таким опытом в современных условиях является одним из ключевых условий успешной политической социализации. Не случайно значительное количество директоров заводов, членов Правительства УР составляют выпускники Ижевского государственного технического университета (ИжГТУ). По сообщению проректора ИжГТУ по внеучебной и социальной работе со студентами А.Г. Балицкого, система студенческого самоуправления в университете находит свое воплощение в следующих направлениях: 1. принятие форумом студентов и аспирантов ИжГТУ и утверждение ректором Положения «Об органах студенческого самоуправления и соуправления», что должно стать важной основой развития активности студенчества; 2. артикуляция студенчеством ряда интересных и полезных предложений по организации учебного процесса, решению хозяйственно-бытовых вопросов и их информационному освещению; 3. организационное становление и развитие студенческого самоуправления в рамках учебных групп, факультетов и в целом университета.

В Удмуртском государственном университете (УдГУ) выделяют следующие приоритеты развития воспитательной работы: демократизм, гуманизм, духовность, патриотизм, конкурентоспособность, толерантность, индивидуализация и вариативность. Декларируемые направления внеучебной работы способствуют: 1) воспитанию специалиста, способного эффективно осуществлять жизнедеятельность в условиях демократических реформ, готового к динамичной, горизонтальной и вертикальной социальной и профессиональной мобильности; 2) наиболее полному проявлению свободы творческого самовыражения личности с учетом интересов окружающих, уважительному отношению к другим культурам; 3) формированию национальной идентичности, национального самосознания у студенческой молодежи как одного из основных условий жизнеспособности молодого поколения³.

Как следует из вышеизложенного, в рамках высших учебных заведений протекают процессы, связанные с приобщением молодежи к принятию и реализации управленческих решений, осознания собственных прав и обязанностей студенчества, что способствует подготовке молодежи к активному участию в политической жизни.

В современных условиях реализация политических механизмов формирования политического сознания, ретрансляции моделей поведения людей происходит путем трансляции официальной политической позиции через институты и агентов социализации. Если агентами первичной социализации, являются в основном представители ближайшего социокультурного окружения индивида (родители, родственники, друзья, воспитатели и пр.), то на вторичном этапе значительно возрастает роль представителей администрации школы, ссуза, вуза, властных структур, партий, общественных организаций, работников СМИ. При этом, как показывают результаты авторского эмпирического исследования, их влияние на этнические группы учащейся молодежи различно.

Например, студенческая молодежь Удмуртии основные знания о государственном устройстве страны получает, прежде всего, в средней общеобразовательной школе, и данный показатель у удмуртов самый большой – более половины (51 %), тогда как у русских он составляет 45 %, у татар – 38 %. Доля лиц, получающих такую информацию в вузах и через СМИ, практически одинакова во всех этнокультурных группах (22 % – 25 % – 29 %). Следовательно, влияние школы на политическую социализацию в основных этнических группах заметно отличается, в то время как вуз оказывает примерно равное социализирующее воздействие.

Показателен анализ данных по отдельным вузам г. Ижевска. В частности, в Ижевской государственной медицинской академии (ИГМА) доля студентов, получающих знания политического характера в своем учебном заведении, составляет 44 %, Ижевской государственной сельскохозяйственной академии (ИжГСХА) – 20 %, Ижевском государственном техническом университете (ИжГТУ) – 22 %, Удмуртском государственном университете (УдГУ) – 19 %. Подобный разброс показателей вызван, скорее всего, спецификой учебного процесса, поскольку студенты медицинских специальностей большую часть времени возвращаются в специфическом информационном поле (вуз – медицинские учреждения), поэтому о государственном устройстве узнают, в основном, при посещении гуманитарных дисциплин в академии.

В ходе учебно-воспитательной деятельности студенты получают знания о политическом устройстве государства, знакомятся с гражданскими правами и обязанностями, узнают основные общегосударственные новости и т.д. Однако процесс политической социализации не замыкается рамками простого информирования. Молодые люди не только приобретают знания, они в ходе

личностного общения с окружающими вырабатывают модели поведения, примеряют на себя различные социальные роли. В молодежной среде по ходу активной выработки политического поведения большое значение приобретает их взаимодействие. Необходимо учитывать то обстоятельство, что идеи, мысли, настроения, бытующие в окружающем большинстве, достаточно быстро (и часто) перенимаются остальными молодыми людьми. Это как мода, которая всегда стремится к экспансии, охватывая все большие массы людей. Нечто подобное часто наблюдается и в процессе политической социализации.

Весьма показательны ответы на вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в деятельности политической партии, общественной организации или национально-культурного объединения?». Большинство опрошенных молодых людей не собираются связывать свою жизнь с партийной деятельностью, равно как и с другими видами общественной работы. Ответы свидетельствуют об отсутствии у молодежи интереса к политике и прагматизме. Можно предположить, что под «выгодой для себя» молодые респонденты, прежде всего, имеют в виду материальные (денежные) доходы, что вовсе не исключает и других соображений, например расчетов на карьерный рост, расширение сети полезных социальных связей и знакомств, то есть то, что в современной науке принято называть социальным капиталом. До трети респондентов готовы участвовать в политической и общественной деятельности «без каких-либо материальных и временных затрат», то есть «числиться», по возможности ничего не отдавая и не вкладывая. Все это можно интерпретировать как отсутствие у молодежи гражданственности, нежелание жертвовать собственными интересами, ресурсами, знаниями ради общественной деятельности. Позиционирование себя как единицы электората, отдающей свой голос во время выборов, в крайнем случае – как агитатора, сборщика подписей, наблюдателя на избирательном участке, если это сулит заработок, – вот, пожалуй, в этом и выражается общественно-политическая активность большей части современного студенчества.

Справедливости ради, стоит отметить, что не все студенты представляют собой примеры столь циничного отношения к жизни. Для части молодежи общественные ценности имеют большое значение наряду с личными. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе интервьюирования. Так, в беседах с членами молодежных общественных объединений Удмуртской Республики на вопрос, что послужило причиной их прихода в организации, автор получил ответы следующего характера: «Я хотела нашу организацию поднимать. В каждой организации, как и в экономике, есть спады и подъемы. На момент моего прихода организация выдыхалась»⁴; «Почему я в партии? Я вижу КПРФ единственной партией, которая пытается защитить меня, потому что «Единой России», честно говоря, на меня наплевать»⁵;

«Я в общественную организацию пошла, прежде всего, именно в удмуртскую общественную организацию, потому что я хочу, чтобы наша удмуртская культура развивалась и была на достаточно высоком уровне»⁶. Как видим, в молодежной среде есть и такие представители, которые пытаются изменить социальную ситуацию, проявить свою активность в обществе.

Политическую пассивность молодежи можно объяснить и ее неверием в возможность изменить существующую ситуацию. Это хорошо видно при анализе ответов на вопрос о знании представителями власти реальных нужд и проблем населения. Оптимистичную позицию «да, знают и принимают необходимые меры для улучшения» занимает ничтожно малая часть опрошенных: 6 % русских, 7 % удмуртов и 9 % татар. Остальное большинство считает, что «знают, но для решения проблем нет необходимых ресурсов», «знают, но ничего не делают» и «не знают и не интересуются». Таким образом, преобладающая часть опрошенной молодежи уверена, что властная элита равнодушна к проблемам населения и вовсе не намерена менять жизнь общества в лучшую сторону. Такая позиция не может не настораживать, так как «...игнорирование мнения людей – тот фактор, который может превратить скрытый – латентный – конфликт в открытый. В финно-угорских регионах так называемое «поведение власти» уже стало «конфликтогенным» фактором, более выраженным, чем собственно национальные проблемы»⁷.

Можно назвать еще один фактор, способствующий политической индифферентности молодежи, – затухание накала политической борьбы в России. Когда итоги выборов практически predetermined, когда вместо реальной конкуренции различных политических течений, позиций, идеологий, технологий ее имитация, желание участвовать в подобных «играх» не появляется. Чаще происходит наоборот: актуализируется протестное настроение.

По ответам на вопрос «Какие молодежные движения наиболее близки Вам по духу?» можно заключить, что студенчество Удмуртии практически не включено в молодежное движение, в том числе легально, институционально поддерживаемое государством, например в «Молодую Гвардию Единой России». Порадоваться можно лишь тому, что симпатизирующих движению молодогвардейцев в 5 раз больше, чем скинхедам и национал-большевикам. Практически не прослеживается влияние этнического фактора на симпатии респондентов, что, в общем-то, понятно, ибо идеология движений не связана с этничностью как таковой, хотя скинхеды и частично лимоновцы пытаются сформировать свою социальную базу из русской молодежи.

Поскольку социологическое исследование в этом случае не может в полной мере раскрыть данный вопрос, автор провел интервьюирование руководителей политически ориентированных молодежных организаций Удмуртской Республики: регионального отделения Всероссийской общественной

организации «Молодая Гвардия Единой России», Республиканского комитета «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации»; а также молодежной общественной организации «Шунды», Республиканской молодежной общественной организации «Союз татарской молодежи «Иман», региональной молодежной общественной организации «Союз русской молодежи Удмуртской Республики «Спас».

В Уставе ВОО «Молодая Гвардия Единой России» прописано, что она поддерживает идеи Всероссийской политической партии «Единая Россия»⁸. На данный момент в Удмуртской Республике «Молодая Гвардия» – одна из наиболее многочисленных. Удмуртское отделение организации, образованное в феврале 2006 года, насчитывает более двух тысяч человек, местные отделения созданы во всех районах республики⁹.

«Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» (СКМ РФ) – молодежная политическая организация левой ориентации, молодежное крыло Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). На сегодняшний день позиционирует себя в качестве самой массовой молодежной коммунистической организации в России, правопреемницы Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Как и в случае с «Молодой гвардией», по Уставу СКМ РФ – общероссийская общественная организация, юридически не зависящая от каких-либо политических партий, но разделяющая программные цели Коммунистической партии Российской Федерации¹⁰. Численность Удмуртского республиканского комитета составляет около 200 человек¹¹.

УМОО «Шунды», РМОО «Союз татарской молодежи «Иман», РМОО «Союз русской молодежи Удмуртской Республики «Спас» являются республиканскими общественными организациями и в своей деятельности нацелены на обеспечение преемственности и развитие лучших традиций удмуртской, татарской и русской этнических культур. Численность их различна: в удмуртском обществе – до полутора тысяч участников, татарском – до четырехсот, русском – 574.

Общественные организации – это большой ресурс для воспитания личности, привития демократических ценностей, поскольку любая общественная организация строится на демократических принципах. По мнению первого заместителя министра национальной политики Удмуртской Республики Л.Н. Бурановой, молодые люди проходят хорошую школу в общественных организациях, где они учатся выбирать, дискутировать, отстаивать свое мнение, борются за лидерство. В то же время она считает, что молодежь слабо использует этот развивающий ресурс общественных организаций. Мало людей осознанно вступают в такие организации с целенаправленным желанием что-либо сделать¹².

Незначительный охват молодежного корпуса отмечают и руководители молодежных общественных организаций. В анализе причин сложившейся

ситуации респонденты практически единодушны: в качестве основных называют слабое информационное сопровождение деятельности организаций в СМИ республики, инертность молодежи, а также недочеты в работе руководства общественных организаций. При этом особо отмечается, что существует определенный дефицит освещения проблем молодежи в средствах массовой информации, путей их решения. В качестве примера можно привести следующее суждение: «У нас в Удмуртии есть такой орган – Министерство по делам молодежи. Любой человек может прийти со своим проектом, написать его до 15 февраля, реализовать его, если он экспертам жюри понравится. Есть много программ, в которых человек может себя реализовать. Но при этом молодежь не знает об этом. Информации очень мало. Реклама, которая в принципе, нужна, так называемая социальная реклама, ее практически нет»¹³. Также в качестве иллюстрации можно сослаться на слова председателя РМОО «Союз русской молодежи «Спас» УР» О.Е. Расчиславской: «Кто такие скинхеды, лимоновцы, антифа? Молодежь о них знает, потому что они всегда на слуху. Прошла волна по скинхедам по СМИ, и ребята начинают искать, спрашивать хотя бы у соседей. И у многих сформировался определенный образ: берцы, цветные шнурки, в зависимости от того, что он сегодня сделал: либо убил, либо побил»¹⁴. При этом пропагандистская деятельность партий практически не доходит до молодежи, «которую обычно привлекают при выборах, когда нужна рабочая сила и т.д. А так вообще мало, где она задействована»¹⁵.

Говоря об активности, многие руководители общественных организаций отмечают, что молодежь держится в стороне от всей политической жизни страны и города в целом. Причину подобного отношения поведения можно увидеть в отзыве одного из респондентов: «Насколько я думаю, у молодежи сложилось такое мнение, что якобы всю политику нам диктуют взрослые, как они скажут, так и будет, а мы являемся небольшим винтиком в целом механизме, и, по сути дела, голоса у нас такого большого нет»¹⁶. Думается, что здравая мысль в этом есть. В то же время следует отметить, что республиканские органы власти обратили серьезное внимание на необходимость создания каналов, способствующих выражению мнений, идей и инициатив подрастающих поколений. Так, в республике был образован молодежный парламент при Государственном Совете Удмуртии, являющийся его коллегиальным и консультативно-совещательным органом. Процедура выборов молодых парламентариев осуществляется открыто, с введением элементов, характерных для демократии. Отбор будущих членов молодежного парламента УР осуществляют территориальные конкурсные комиссии на уровне муниципальных районов, городских округов. В состав комиссии могут входить представители органов местного самоуправления соответствующего муниципального района, городского округа; лидеры молодежных общественных

организаций и объединений, осуществляющие деятельность на территории муниципального района, городского округа; представители отделений политических партий, имеющих депутатские фракции в Государственном Совете Удмуртской Республики; известные деятели в области образования, здравоохранения, культуры, науки, искусства, спорта, проживающие на территории муниципального района, городского округа. Конкурс состоит из двух этапов. Первый этап включает представление в комиссию заявочных документов, в том числе подписных листов с подписями молодых граждан РФ в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих на территории данного муниципалитета. На втором этапе конкурсант разрабатывает и публично защищает работу, содержащую механизмы решения реально существующих проблем в политической, экономической и социальной жизни Удмуртской Республики¹⁷. По данному образцу стали создаваться молодежные парламенты также в городах и районах региона. Т.В. Ишматова, входившая в рабочую группу по созданию молодежного парламента, отмечает это как недостаток, поскольку молодежные парламенты в районах оказались насаждаемыми «сверху», а не появлялись в результате естественного развития на местах.

Процедура конкурсного отбора вызвала много нареканий со стороны самой молодежи. Так, многие отмечают, что в территориальную конкурсную комиссию входили в основном главы муниципальных образований, представители отделов по работе с молодежью, представители от партий. Часто это приводило к тому, что, по словам молодых людей, в молодежный парламент часто проводились креатуры власти: «Когда утверждался молодежный парламент, у фракции «Справедливая Россия», КПРФ возникли вопросы о том, что слишком много знакомых фамилий в этом списке молодых партийцев»¹⁸. Или вот еще один отзыв о ситуации с молодежным парламентом: «Все равно отчасти есть такое, что люди самых высших чинов туда попадают... надеюсь, что будет тенденция в другую совершенно сторону – все-таки будут выбирать талантливых людей, не только с мешками денег за плечами»¹⁹.

О результативности работы молодежных парламентов судить пока рано, но думается, что эта система служит хорошей политической школой для молодежи.

Таким образом, можно обратить внимание на основные проблемы процесса политической социализации в высшей школе, проявляющиеся в процессе вовлечения студенческой молодежи в политическую жизнь страны:

- инертность студенчества как социально-политической силы современного общества;
- недостаточная информированность о принципах организации политической системы современной России, протекающих в стране политических процессах;

- слабая включенность молодого поколения в деятельность молодежных общественно-политических организаций;
- многовекторность выбора молодежью секторов политико-идеологической сферы.

Можно констатировать, что в процессе политической социализации соединяются две составляющие: межпоколенная передача сложившейся в обществе политической культуры, вбирающей в себя и этнокультурную специфику; государственное воздействие через специализированные институты и агентов социализации, средства массовой информации, соответствующие мероприятия. Политически окрашенная информация обсуждается молодыми людьми в кругу друзей, родственников, знакомых, однокурсников, коллег по работе и т.д., формируя при этом своеобразную политическую субкультуру.

Стоит особо подчеркнуть, что неполитические факторы порой могут оказывать на процесс политической социализации гораздо большее воздействие, нежели политические (низкий материальный и культурный уровень окружающего общества, увеличивающееся социальное и имущественное расслоение, сужение возможностей для вертикального роста большинства молодежи и т.д.). Особенно это характерно для современного российского общества, где не сложились еще устойчивые демократические традиции, а государственная и политическая системы подвергаются постоянному изменению.

В студенческой среде, как и у людей другой социальной группы, всегда существует разнообразие взглядов, образцов поведения, идей и воззрений, которые экстраполируются и на политические предпочтения. В то же время среди студентов очень много неопределившихся или затрудняющихся с выбором той политической силы, которая более всего выражала бы их взгляды и ценности. Можно сказать, что эта часть молодежи представляет собой потенциальную почву для распространения деструктивных идей и воззрений, а также свидетельствует о слабой эффективности сложившегося в настоящее время государственного механизма, способствующего формированию у студенческой молодежи устойчивых политических предпочтений.

¹ Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году. С. 6.

² Там же. С. 35.

³ Концепция внеучебной и воспитательной работы в УдГУ на основе формирования гуманитарной среды вуза (2009–2012 гг.). С. 5–7.

⁴ Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (далее – НОА УИИЯЛ УрО РАН) РФ; Оп. 2-Н. Д. 1576. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 42

⁶ Там же. Л. 52.

⁷ Финно-угорские народы и власть: проблемы взаимодействия // Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С. 79.

⁸ Устав Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» // Официальный сайт ВОО «Молодая Гвардия Единой России» в Приморском крае: [Электронный ресурс] URL <http://prim-mger.ru/static/ustav.html>

⁹ Форум «Молодой Гвардии» // Удмуртская правда. 2006. № 82. С. 1.

¹⁰ Устав общероссийской общественной организации «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» // Официальный сайт СКМ РФ: [Электронный ресурс] URL http://skmrf.org/viewpage.php?page_id=1

¹¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1576. Л. 35.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 20.

¹⁴ Там же. Л. 63, 64.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ См. подр.: Положение о молодежном парламенте при Государственном Совете Удмуртской Республики / Утв. Постановлением Гос. Совета Удм. Респ. от 31 марта 2009 г. № 249-IV.

¹⁸ НОА УИИЯЛ УрО РАН РФ; Оп. 2-Н; Д. 1576. Л. 37.

¹⁹ Там же. Л. 20.

УЧАСТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ИЖЕВСКА В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ (XIX – НАЧАЛО XXI В.)

Н.А. Родионов (г. Ижевск)

В двухсотпятидесятилетней истории Ижевска многое изучено учеными и краеведами. Исследовательский поиск продолжается, он не должен останавливаться. Тем не менее, существуют еще лакуны, неизвестные страницы, которые ждут дальнейшего изучения. Так, среди многих составляющих в истории оружейного производства Удмуртии в XIX – начале XXI в., одной из слабо разработанных остаются вопросы участия Ижевска, крупного отечественного оружейного центра, в укреплении военно-технического сотрудни-

чества России с зарубежными государствами. Освещение этой темы наводит исследователей на очень важную с нашей точки зрения проблему о месте и значении иностранного фактора в индустриальном, технико-технологическом развитии как оружейного, так и шире – промышленного производства. Автор исходит из той посылки, что развитие отечественной экономики и ее составной части – оружейно-промышленного комплекса (ОПК) в многоотраслевом национальном хозяйстве России и ее регионов сложно представить вне зависимости от мирохозяйственных отношений и связей. Ко всему прочему следует добавить и то, что внешние (зарубежные) страницы в исторической биографии столицы Удмуртской Республики как в прошлом, так и на современном этапе, вообще слабо изучены. При этом авторский подход к выбору и выделению Ижевска среди других крупных удмуртских участников военнотехнического сотрудничества с иностранными партнерами объясняется отнюдь не юбилейной датой в его биографии, а историческим значением, как ведущего центра производства стрелкового оружия и некоторых других видов вооружений в Российской Федерации. В целом рассмотрение проблемы позволяет расширить представления о региональной политике в сфере военнотехнического сотрудничества (ВТС).

Основные задачи работы автор видит в кратком, тезисном раскрытии следующих позиций: хронология истории военнотехнического сотрудничества; потенциал ВТС, главные источники его роста и расширения; основные направления и формы ВТС; география ВТС предприятий Ижевска с зарубежными деловыми партнерами.

Знакомство с историографией вопроса показывает, что проблемы создания, развития и реформирования отечественного оружейно-промышленного комплекса, основные направления и формы военнотехнического сотрудничества России достаточно активно обсуждаются исследователями (В.В. Кудашкин, Н.А. Родионов, Г.А. Горностаев, В.Н. Шумилов, Т.В. Анисимова, П.Б. Каменов, А.И. Мириенков, В.А. Рубанов, В.П. Юрченко и др.) в монографических работах, статьях, докладах и других научных публикациях.

В современных условиях весьма важным для участия предприятий оружейного комплекса Ижевска и Удмуртской Республики в ВТС являются документы, принятые в начале 2000-х гг. Среди них, прежде всего, следует отметить региональный Закон «О государственной промышленной политике Удмуртской Республики» № 73-РЗ от 27 декабря 2005 г., который предусматривает, в частности, оказание содействия субъектам промышленной деятельности «в доступе производимых ими промышленных товаров (работ, услуг) на внешний рынок»¹. Целевая программа «Развитие машиностроения и металлообработки в Удмуртской Республике на 2006–2010 годы», утвержденная постановлением Государственного Совета УР от 13 декабря 2005 г.

одной из основных задач выдвигает «содействие повышению качества и конкурентоспособности продукции, продвижению продукции предприятий машиностроения и металлообработки на российский и мировой рынок»².

Военно-техническое сотрудничество как самостоятельная сфера деятельности представляет сегодня один из наиболее крупных и важных сегментов внешнеэкономических связей Российской Федерации. Наличие в Ижевске, столице Удмуртской Республики базовых предприятий оружейно-промышленного комплекса (ОПК) определяет возможности, направления, объемы, формы и виды участия ее в военно-техническом сотрудничестве. В этом секторе сегодня сосредоточено большое количество рабочих, инженеров и конструкторов, создающих и совершенствующих новые виды и типы вооружения.

Вернемся к хронологии истории ВТС, в которой можно выделить несколько периодов: 1) вторая половина XIX – начало XX в.; 2) Первая мировая война и гражданская война в России; 3) межвоенный период, 1920-е – конец 1930-х гг.; 4) Вторая мировая война (1939–1945 гг.); 5) вторая половина 1940-х – 80-е гг. XX в.; 6) 90-е гг. XX в. – начало XXI в.

Истоки участия предприятий Ижевска в военно-техническом сотрудничестве России с зарубежными компаниями и фирмами относятся ко второй половине XIX в. Среди ряда фактов, свидетельствующих о начальных контактах, можно привести, например, сведения, выявленные нами в ЦГА УР. Они раскрывают факты сбыта оружия ижевского производства в Юго-Восточной Европе. Речь идет о приеме винтовок летом 1890 г. представителем сербской армии капитаном Живковичем³. В выполнении заказа участвовали нижние чины Ижевского отдела Казанского окружного артиллерийского склада. Вероятно, на Ижевский оружейный завод приезжали и представители других иностранных армий. В последующие периоды происходит процесс укрепления и расширения участия субъектов оружейного производства в ВТС. Среди деловых партнеров были фирмы и компании «Броун-Бовери», «Винчестер», «Зауэр», «Лепаж», «Пратт и Витней», «Пипер», «Ремингтон» и др.

Достаточно тесное взаимодействие с зарубежными партнерами поддерживается в XX в., как в межвоенные годы, так и в период Первой и Второй мировой войны⁴. Так, в 1920–1930-е гг. в рамках торгово-экономических связей осуществляются поставки за границу боевого и охотничьего оружия, инструмента, различных материалов и сырья. В начале 1930-х гг. продукцию Ижстальзавода получали Афганистан, Италия, Китай, Монголия, Персия, Тува, Турция. Одной из наиболее крупных групп ижевского экспорта в этот период стали охотничьи ружья. Значительное количество боевого стрелкового оружия, прежде всего винтовки конструкции С.И. Мосина образца 1891/1930 гг. отправляется в 1930-е гг. в Испанию и Китай. Партнерами ВТС предприятий

Ижевска в межвоенный период выступали фирмы «Арно-Лезе», «Гесе» (Англия), «Болей-Лейглейн», «Карл Цейс Йена Гмбх», «Крупп», «Мальмеди», «Рейнскнер», «Рихард-Раунах» (Германия), «Сельсон» (США) и др. За счет импорта высокотехнологического оборудования, прежде всего специализированных станков, пополнялась производственная, технико-технологическая база Ижстальзавода. Зарубежные новинки появлялись и на 1-й Ижевской государственной оружейной фабрике. Развитие оружейного производства сопровождалось укреплением научно-экспериментальной базы, созданием новых конструкторских бюро и заводских лабораторий. Достаточно активно практиковалось изучение иностранного опыта. За границу выезжали специалисты ижевских предприятий. Они знакомились с производством, оборудованием, технологиями, управленческими отношениями.

Потенциал военно-технического сотрудничества складывался постепенно. Его создание восходит еще ко второй половине XVIII в. и связано с индустриальным освоением территории Удмуртского Приуралья, строительством здесь первых металлургических предприятий. Решающее значение в формировании промышленного потенциала региона имело сооружение и ввод в действие в начале XIX в. нового оружейного центра в России – Ижевского оружейного завода. Потенциал ВТС наращивался за счет укрепления внутренних и внешних производственных связей оружейного производства, в частности поставок из-за границы технического оборудования, различных машин и механизмов, сырья и материалов. В середине и во второй половине XX в. происходит дальнейшее расширение потенциала ВТС. В результате выделения государственных средств в Ижевске было осуществлено строительство новых предприятий, составивших базовую основу современного оружейно-промышленного комплекса Удмуртской Республики.

Складывание географии ВТС также происходило постепенно. Причем среди первых деловых партнеров оружейного производства в Ижевске были предприятия Англии, Бельгии, Германии, США, т.е. те страны, где традиционно было сильно развито металлообрабатывающее и машиностроительное производство и выпуск оружия. Вторая мировая война серьезно отразилась на внешних торговых и экономических связях, активизировала участие промышленно-развитых регионов и индустриальных центров СССР в военно-техническом сотрудничестве. В это время осуществляются поставки оружия и военной техники ижевского производства через отечественные арсеналы в армии ряда государств.

Отечественное оружейное производство с середины XX в. коренным образом меняет свою структуру. Были созданы новые более мощные виды вооружения и высокотехнологичные производства, что в свою очередь подняло значение и место предприятий Ижевска и Удмуртии в укреплении на-

циональной безопасности государства, расширило возможности участия во внешнеэкономическом и военно-техническом сотрудничестве с другими государствами.

В 1950–1960-е гг., предприятия Ижевска продолжают и, более того, расширяют свое участие в оснащении армий восточно-европейских и азиатских государств (Чехословакия, Польша, Болгария, ГДР, МНР, Вьетнам, Северная Корея, КНР) современным оружием и боевой техникой. Иностранцы получали на вооружение винтовки, модернизированные автоматы, пулеметы, и другое оружие и снаряжение различного назначения. Обеспечение армий других стран современным вооружением производства предприятий Ижевска стало одним из важных направлений военно-технического сотрудничества в эти и последующие десятилетия. За границу высылались техническая документация и лицензии на производство отдельных образцов оружия и боевой техники. Так, в 1956 г. в ГДР приступили к выпуску стрелкового вооружения по советским лицензиям: автоматов Калашникова, самозарядных карабинов, пистолетов Макарова, ротных пулеметов (РП-46)⁵. Одновременно в зарубежные государства осуществлялись поставки оборудования для предприятий, направлялись специалисты для развертывания и укрепления оружейного производства. В Ижевске, Воткинске, Сарапуле были налажены прием и обучение иностранных кадров. За границей также проводилась подготовка национальных кадров специалистами из Удмуртии.

Выявленные материалы показывают, что рост поставок вооружения из Удмуртии на внешние рынки был достигнут в последней четверти XX в. за счет обновления, модернизации основных фондов оружейного производства, как одного из наиболее крупных секторов национальной экономики. Доля продукции военного назначения в конце XX в. на предприятиях ОПК Удмуртии составляла около 85 %. В период реформирования отрасли промышленное производство уменьшилось вдвое. Военное ведомство Российской Федерации имело к концу 1990-х гг. перед оборонными предприятиями Удмуртии многомиллиардные долги. Однако и в этих условиях предприятия Ижевска, Воткинска, Сарапула продолжали работать на укрепление военной мощи и обороноспособности страны. В начале 2005 г. продукция машиностроения и металлообработки занимала в товарной структуре экспорта Удмуртской Республики 24,8 %⁶.

Поскольку ведущие предприятия Удмуртии находятся в юрисдикции военного ведомства, последнее определяло и приоритетные направления и регионы военно-технического сотрудничества. География сотрудничества во второй половине XX в. расширяется, прежде всего, за счет европейских и азиатских государств. В сферу сотрудничества наряду с ними включаются также отдельные государства Африки и Американского континента.

Производственное и военно-техническое сотрудничество предприятий Ижевска с зарубежными партнерами в последней четверти XX – начале XXI в. продолжает развиваться по следующим основным направлениям:

- а) экспорт оружия и военной техники;
- б) проведение модернизации и участие в техническом обслуживании военной техники, поставленной за границу;
- в) трансферт технологий, изучение патентной информации, приобретение и продажа лицензий;
- г) участие в международных, национальных и специализированных выставках и смотрах вооружения за границей и в России.

В современный период, в условиях глобализации, военно-техническое сотрудничество существенно стабилизировалось, приобрело долговременный характер. Наиболее тесные связи с зарубежным рынком оружия сегодня развивают предприятия ОАО «Концерн «Ижмаш», ОАО «ИЭМЗ «Купол», ГП «Ижевский механический завод». Происходит расширение географии рынков сбыта. Налаживаются более тесные связи с крупнейшими оружейными компаниями и фирмами, как «Ремингтон», «Смит и Вессон» и др. Развивается «ознакомительное» сотрудничество иностранной стороны с Удмуртией, начавшееся в 1980–1990-е гг. в сфере вооружений, которое принесло предприятиям Ижевска определенные практические результаты. Вместе с тем оно пока не стало благоприятным фактором для иностранного предпринимательства в регионе, не обеспечивает в полной мере притока широких зарубежных инвестиций. На современном этапе столица Удмуртской Республики и ее крупные предприятия становятся сегодня местом проведения переговоров по вопросам военно-технического сотрудничества России с рядом зарубежных государств. Такие встречи проводятся с участием представителей военных ведомств и руководителей региона.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Создание и развитие в XIX–XX вв. в Удмуртии крупного оружейно-промышленного комплекса и его реформирование в современный период стали решающим фактором интеграции отечественного оружейного производства в мировую экономику. Последнюю четверть XX – начало XXI в. можно характеризовать как один из важных современных этапов в истории военно-технического сотрудничества России с зарубежными государствами. Он отмечен также наиболее широким и результативным участием в этом процессе региональных субъектов оружейно-промышленного комплекса. Мощный производственно-технический и уникальный кадровый потенциал, сосредоточенный на предприятиях Ижевска, позволяет производить здесь много видов оружия и военной техники. Сегодня Удмуртия занимает важное место в поставках отечественного оружия на зарубежный рынок. Наряду с этим важен здесь и внутренний фактор, когда

участие в таком сотрудничестве способствует апробации и развитию новых современных технологий, сохранению производственного, кадрового потенциала, созданию новых рабочих мест, наполняемости регионального и государственного бюджета.

Оружие остается одной из крупных статей регионального экспорта. Сегодня в Ижевске появляется и производится оружие разных типов и назначения. В этом основа расширения участия столицы Удмуртской Республики в военно-техническом сотрудничестве с зарубежьем. Вместе с тем продолжающееся пополнение отечественных арсеналов, насыщение Вооруженных Сил стрелковым оружием, зенитно-ракетными комплексами заставляет государство и его военное ведомство искать новые пути и направления сбыта.

¹ Вестник Министерства промышленности и транспорта Удмуртской Республики. Вып. 6. Ижевск, 2006. С. 21.

² Там же. С. 24, 25.

³ ЦГА УР. Ф. 275. Оп. 1. Д. 27. Л. 33, 41 об.

⁴ Следует подчеркнуть, что отечественные военные поставки, например, в Китай, начались еще в середине 1930-х гг. См.: *Воскресенский А.Д.* Китай всегда рядом // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 7. С. 652, 653.

⁵ Военно-политическое сотрудничество социалистических стран. М., 1988. С. 164.

⁶ *Широбоков А.С., Боткин О.И.* Повышение конкурентоспособности машиностроения в Удмуртии – стратегия выживания // Наука Удмуртии. 2006. № 4. С. 16.

ИЖЕВСК В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

ОСНОВАНИЕ ИЖЕВСКА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРООБРАЗЫ, ВЛАДЕЛЬЦЫ И ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ

Е.Ф. Шумилов (г. Ижевск)

Для любого автора, называющего себя историком города, принципиально важной должна быть задача выявления особенностей его зарождения: какие предпосылки существовали к основанию города, что послужило ключевым градоформирующим прообразом, какие функции поселение приобретало и кем являлись его первопоселенцы?

Поселения предков современных удмуртов, обнаруженные с полвека назад в пределах современного «пятна» Ижевска, просуществовали очень недолго и не смогли получить какую-либо градоформирующую функцию. Эти поселения не имели исторической перспективы. Они ни в коем случае не могут увеличить возраст Ижевска сверх бесспорных 250 лет.

Появление постоянного городского поселения на реке Иж обусловила сложная цепь взаимосвязанных факторов. После покорения Казанского ханства (1552 г.) и подавления удмуртско-татарско-башкирских восстаний (1552–1557 и 1572–1574 гг.) создались все предпосылки для продвижения русского населения от Камы на земли в бассейне Ижа. Вполне допустимо, что уже в XVII в. на территории ижевского «пятна» могли зародиться некие русские поселения. Судя по всему, они появились здесь позже, чем на севере Удмуртии, допустим, на «пятне» Глазова.

Главное в том, что это был еще и период начальной индустриализации Урала. В 1629 г. у реки Ницы (в районе современного Ирбита Свердловской области) нашли железную руду, что дало возможность сразу основать здесь

первый на Урале завод. Уже на следующий год из первой плавки в 63 пуда отковали 20 пищалей и два якоря¹. Однако по своему уровню это предприятие фактически было ближе кустарной мастерской.

Первые полноценные уральские заводы, Каменский и Невьянский, вступили в строй в 1701 г. Еще не вполне достроенный Невьянский завод в 1702 г. указом Петра I был отдан тульскому кузнецу Н.А. Демидову. Именно на двух данных заводах будут отработаны строительные и металлургические технологии, которые вскоре успешно применят сначала на Гороблагодатских заводах, а затем и на Иже.

10 декабря 1719 г. особый законодательный акт правительства Петра I (*«Берг-привилегия»*) провозгласил *«горную свободу»*². Отныне каждый мог искать руду и добывать ее на земле любого владельца. Гарантировалось право свободной продажи железа и наследственной собственности на заводы. Заводчики ограждались от вмешательства в их деятельность воевод и губернаторов. Запрещалась также плавка металлов в *«малых печах»* на заводах, подобных Ницинскому.

Ключевым фактором, обусловившим основание Ижевского завода, стало за четверть века до этого события открытие на Урале мощного месторождения богатейшей железной руды (из пуда ее удавалось выплавить 10 фунтов железа). Известил русских об этой руде вогул (манси) Степан Чумнин. Он провел к месторождению *«надзирателя за содержанием лесов»* Ивана Куроедова, который во время своих прежних поисков даже изучил вогульский язык. Через полгода, в сентябре 1735 г., месторождение осмотрел и сам управитель всех казенных заводов Урала В.Н. Татищев, давший горе название *«Благодать»*. Следующей весной вокруг нее началось строительство группы Гороблагодатских заводов³. Так складывалась единая технологическая и управленческая цепь, неразрывным звеном которой станут Камские заводы (Ижевский и Воткинский). Они должны были стать *«передельными»*, то есть перековывающими чугуны в железо.

В 1736 г. на Урале началась первая волна приватизации горных заводов, а через десять лет на Гороблагодатских заводах начал работать 20-летний шихтмейстер (горный мастер) А.С. Москвин, бывший мелкий чиновник Берг-коллегии. В 1755 г. он перейдет на службу к П.И. Шувалову, а еще через пять лет, вместе с И. Куроедовым, явится одним из основателей Ижевска.

Важно заметить, что на Урале широкую индустриализацию органично дополняла активная христианизация. Это взаимосвязанные процессы. Как правило, в удмуртские и иные *«инородческие»* деревни приходили сначала миссионеры, а затем воодушевленные *«горной свободой»* заводчики, точнее, их агенты типа А.С. Москвина. 11 сентября 1740 г. указом Анны Иоанновны была учреждена Новокрещенская контора в Казани (там же будет действовать

и Казанское горное начальство). Начиналось массовое крещение удмуртов, чаще всего насильственное. На казенные средства возводились первые церкви для удмуртов. Например, в 1751 г. в деревне Дери-Чудья (Завьялово) был построен деревянный храм святого Николая. Именно в его приходе первые пять лет будут числиться православные первопоселенцы Ижевского завода.

Как известно, активным участником дворцового переворота 25 ноября 1741 г., в результате которого на престол взошла Елизавета Петровна, был неродовитый камер-юнкер П.И. Шувалов. Всего через два месяца после этого императрица отдала за него свою любимую фрейлину, а еще через десять лет его двоюродный брат И.И. Шувалов станет фаворитом Елизаветы Петровны. Возвышение Шуваловых совпало с началом в 1754 г. второй волны приватизации горных заводов. П.И. Шувалову, уже графу, были даны при этом максимальные преференции. В 1755 г. он получил всего лишь за 179 689 рублей с рассрочкой на 10 лет казенные Гороблагодатские заводы с правом переводить от них людей на свои новые, переделные заводы.

Проблема заключалась лишь в том, что строить таковые рядом с чугуноплавильными заводами горные власти уже запретили, тревожась за сохранность лесов на горном Урале. Таким образом, экспансионистская деятельность самого влиятельного (но пока еще не самого богатого) российского заводчика оказалась канализирована от горы Благодать на юго-запад. Именно там еще сохранялись неосвоенные Демидовыми, главными конкурентами Шувалова, сырьевые, людские и гидроэнергетические ресурсы, необходимые для перековки чугуна в железо.

15 сентября 1757 г. П.И. Шувалов получил разрешение Елизаветы Петровны на постройку трех таких заводов: в Прикамье (на реках Вотка и Частая) и в Закамье (на реке Кутмез)⁴. Река Иж здесь не упоминается, поэтому исторически не состоятельны попытки датировать основание Ижевска именно этим годом. От выбора реки и правильной разметки плотины зависела мощность завода. Осенью 1758 г. землемеры и горные мастера начали проводить соответствующие изыскания для П.И. Шувалова. Только через год, следуя их советам, граф откажется от освоения закамского, левобережного притока Камы, менее выгодного по гидрогеологическим условиям, в пользу правого притока Камы – полноводного Ижа.

Для того, чтобы построить и запустить Камские заводы, П.И. Шувалов должен был сначала получить якобы «ничью» землю⁵, государственных крестьян и деньги в долг. Подобную «горную свободу» провозглашала не только упомянутая выше «Берг-привилегия» (1719 г.), но и дополнивший ее «Берг-регламент» (1739 г.).

Важнейшим источником средств, потребных для обустройства Ижевского завода, оказался Медный банк («Банковская контора для обращения вну-

три России медных денег»), предусмотрительно созданный в 1758 г. в Санкт-Петербурге по проекту П.И. Шувалова и указу Елизаветы Петровны. За счет перчеканки медных монет банк должен был выдавать дворянам льготные займы «на размножение заводов и фабрик»⁶. В год основания Ижевска П.И. Шувалов, являвшийся также генерал-фельдцейхмейстером, учредил еще и Артиллерийский банк. Оба банка закроются в 1763 г., через год после смерти графа. Как бы то ни было, данные организационные инициативы по-государственному мыслящего царедворца положили начало вексельному обращению в России.

1 ноября 1759 г. был пущен Воткинский завод. Он стал своего рода «пробным» для предполагавшейся группы из трех Камских заводов. Вскоре П.И. Шувалов откажется от третьего завода. Главный строитель Воткинского завода А.С. Москвин использовал здесь свой богатый опыт, полученный при строительстве Серебрянского и реконструкции Баранчинского заводов у горы Благодать.

В феврале 1760 г. Казанское горное начальство по требованию Берг-коллегии направило на Иж своего чиновника, геодезиста И. Куроедова, имевшего прежде отношение к открытию и освоению горы Благодать. Он определил и разметил наиболее выигрышное место для плотины, а 10 (21) апреля под руководством А.С. Москвина начал ее строительство. Именно день начала строительных работ по общеисторической методике следует считать главным, начальным днем в истории Ижевска.

Плотина стала градостроительным ядром нового города-завода. Этот архитектурный термин, появившийся в начале XX в., применим только к старым уральским вододействующим заводам и их селитьбе. К июню 1763 г. ложе пруда наполнила вода и состоялся пуск завода. Водяные колеса привели в действие кричные молота и меха у печей. Первое кричное железо из городоблагодатского чугуна было получено ориентировочно 1 июля.

Одновременно окончательно сформировался костяк градостроительной схемы Ижевска как типичного для всего Урала XVIII в. поселения «петербургского» типа. Не существует какой-то уникальности Ижевска в данном, исключительно планировочном, аспекте. Примечательно, что признаки регулярности долго не наблюдались даже в планировке двух соседних уездных центров – Глазова и Сарапула, получивших этот статус в 1780 г. Только в начале XIX в. их хаотичную, «гнездовую» уличную сеть станут регулировать в соответствии с первыми генеральными планами. Селение же Ижевского завода изначально отличалось гармоничностью и рациональностью плана, а в начале XIX в., после основания мощного оружейного завода, благодаря деятельности зодчего мирового уровня С.Е. Дудина его «Город Ижа» вообще станет идеальным воплощением регулярного классицистического города-

завода. Уже тогда Ижевск начал примерять на себя статус «протостолицы» удмуртского края.

Первостроителями Ижевского завода, вопреки стереотипам советского времени, были в основном русские крестьяне. В марте-апреле 1760 г. непосредственно на берега Ижа явились 95 приписных крестьян из 20 дальних деревень. Это преимущественно русские деревни, лишь две-три, судя по топонимам в сохранившемся списке, могли быть иными. Плюс к тому 149 приписных пришли из 20 дальних, опять таки преимущественно русских сел. В ряду таковых на территории современной УР была расположена только Крымская Слудка, из которой пришли 12 человек⁷.

Первопоселенцами Ижевска на 1762 г. являлось около трехсот человек. Тех, кто обладал самыми необходимыми на тот момент профессиями, было мало: 14 плотников, 5 кузнецов, 3 каменщика, 2 угольных мастера. Имелась уже и настоящая заводская «элита». Это некий кричный мастер и плотинный подмастерье – Никита Казанцев, правая рука самого А.С. Москвина.

Итак, П.И. Шувалов – один из основателей и первый хозяин Ижевского завода. Предприятие не смогло бы появиться без его энергии и его инвестиций. Но память об этом крупном российском деятеле никак не увековечена в столице УР. Не выполнено до сих пор решение комиссии при горсовете от 5 февраля 1991 г. о переименовании улицы Я.М. Свердлова в честь П.И. Шувалова. Не проведен и второй тур состоявшегося 26 мая 2009 г. конкурса на проект памятника П.И. Шувалову. Более того, недобросовестные исследователи уже начинают отрицать и основополагающую для Ижевска роль П.И. Шувалова⁸.

По завещанию новым владельцем Камских и Гороблагодатских заводов стал сын графа – А.П. Шувалов. Но уже через год комиссия Медного банка подготовила доклад о долгах своего основателя: 680 420 рублей казне и 179 689 рублей частным лицам. 15 ноября 1763 г. Екатерина II начертала резолюцию на этом докладе о принятии в казну шуваловских заводов со всеми приписными⁹.

Через девять дней, в день святой Екатерины, решение императрицы стало известно ижевским мастерам. Они увидели в свершившемся акте шанс на существенное улучшение своей участи. Более того, можно полагать, что день святой Екатерины стал восприниматься также как своеобразный символ государственных, патриотических настроений. Характерно, что он сразу же, явочным порядком, превратился на заводе в неофициальный выходной день. Узаконят этот выходной только 15 января 1902 г.¹⁰

¹ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 370.

² Там же. С. 82.

- ³ Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа. Екатеринбург, 1901. С. 6.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Д. 3561/1. Л. 327.
- ⁵ Тяжба по поводу прав собственности на ижевскую землю – отдельная тема. Она раскрыта в книге: *Александров А.А.* Ижевский завод. Ижевск, 1957
- ⁶ Отечественная история. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 322.
- ⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 3561/1. Л. 309.
- ⁸ *Рассолов М.М.* Андрей Дерябин. Основатель Ижевска. М., 2009.
- ⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 16. Ст. 11967; *Лоранский А.* Исторический очерк Горного института. СПб, 1873. С. 9.
- ¹⁰ Центральный государственный архив УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3563. Л. 4–5.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ РЕГУЛЯРНОСТЬ: ИЖЕВСКИЙ ВАРИАНТ¹

И.И. Кобзев (г. Ижевск)

Регулярность в виде правильных построений начала отрабатываться при Петре I в *городах-заводах*, главным из которых фактически являлась новая столица. Центрирует Петербург не *царский дворец* и не *храм*, а *башня завода*. Именно на *заводскую башню* с ее золоченым корабликом на шпилье – символом города, а не на *Зимний дворец* или *храм* направлен трезубец петербургских проспектов, в том числе главный из них – Невский проспект.

От центральной площади Ижевска, центрируемой уменьшенной копией Александрийского столпа при спуске Александро-Невского проспекта к плотине, вдоль набережной были выстроены «*во фронт*» к главному корпусу завода ампирные особняки.

За парадной набережной шли «*задние*» улицы «*работных людей*». Исследователь русского города пишет о подобных улицах: «*Все кварталы «работных людей» в такого рода поселениях были одного образца, узкие, протяженной формы, с равномерно нарезанными участками и ритмично расположенными стандартными избами, напоминающими слободскую застройку раннего Петербурга*»².

Новый тип заводских поселений – так называемые «*города-заводы*» – сложился при Петре Великом на Балтике (*Ижорский адмиралтейский* и *Се-*

строрецкий оружейный заводы в окрестностях Петербурга) и на соединенном с Балтикой водной системой Онежском озере (Петрозаводск, имевший статус губернского города). Но особенно много городов-заводов (свыше 260) появилось после петровских реформ на Урале.

Среди них, на основании горного уложения 1806 г., названы «горный город Воткинск»³ и «Ижевский оружейный завод (...), как горный город»⁴. Однако статус города в этих громадных промышленных поселениях был по настоящему узаконен лишь в советское время.

Петербургский дух порядка

На ампирной набережной Ижевска с ее стройными рядами бесконечных колонн и портиков, сделанных из дерева и декорированных под камень, с барабанными порками на широких плацах без единого деревца воплощался петербургский принцип надменной и сквозной обозримости палочного города, имперский принцип единогодержавного контроля, управления всеми частями подневольного поселения из его центральной точки. В чопорном заводном механизме, пишет А.Н. Бенуа, есть «какая-то сказка об умном и недобродушном колдуне, пожелавшем создать целый город, в котором вместо живых людей и живой жизни, возились бы безупречно играющие свои роли автоматы, грандиозная, но слабеющая пружина. Сказка довольно мрачная, но нельзя сказать, чтобы окончательно противная» («Живописный Петербург»).

Петербургская регулярность в виде правильных построений оборачивалась казарменной красотой. Города-заводы «были рассчитаны на строго регламентируемую жизнь размещаемых в них “рабочих” людей, то есть “регулярство” как бы обернулось здесь своей утилитарной стороной, хотя оно принесло сюда и новые эстетические представления о городе, возникла регулярность, близкая петербургской»⁵. Именно о такой особой – двойственной – эстетике города-шелкунчика Пушкин сказал: «Дух неволи, стройный вид».

В отличие от живописного сумбура городов московской ориентации, в заводских городах-плацах почти отсутствовали деревья. На широкой – от центра до горизонта – панораме ампирного Ижевска, изображенной в 1834 г. художником Трубенковым, прибывшим из Петербурга, во всем регулярном поселении и даже во дворах не видно ни одного дерева. Ампирная пустота счастливого завода-дворца, по которому врозь разлетаются призрачные манекены-автоматы, создает ощущение гулкого петербургского простора.

Трезубец петербургских проспектов Ижевска (Алекса́ндро-Невского, Верхне-Михайловского и Нижне-Михайловского) разлетался от местного Адмиралтейства у гауптвахты. При заводской тюрьме был карцер, а за высоким каменным забором находились два внутренних дворика для прогулки

арестантов. Тюрьму окружал ров с подъемным мостиком. У мостика стояла полосатая будка, полосатый шлагбаум и высокий столб с сигнальным колоколом.

Через центральную площадь обычно шла на завод толпа людей-автоматов – понурая, скованная, повинующаяся посторонней указке. Имперская идея сквозной обозримости регулярного города, которая выше маленького человека, больше всего очевидна именно здесь, на главной площади завода, центрируемой уменьшенным повторением Александрийского столпа. Ангел, обнявший крест у гауптвахты, напоминал нерадивого солдата, спящего на посту и обнявшего ружье.

Кроме гауптвахты у лестничного спуска с центральной площади на плотину с 1807 г. возвышалась ампирная контора завода с колокольной башней (деревянное повторение Палаццо Сенатори на Капитолии в Риме, архитектор Микеланджело). Утром на местном Капитолии бил колокол, из цехов к бело-желтому портику *«присутственных мест»* спешили мастера со штрафными журналами, чтобы доложить дежурному офицеру о неявившихся на завод рабочих.

Вести себя предписывалось аккуратно, стричься и не шуметь. При встречах с заводским офицером строго велено становиться по балетной стойке *«смирно»*. Тех, кто не одет по установленной форме, велено отсылать в полицию или на гауптвахту.

От 40 до 200 ударов полагалось за опоздание на работу, нехождение в церковь и домашние ссоры. От 1000 ударов до ссылки в каторжные работы полагалось за покушение на честь господ офицеров, побеги с завода. Секли также за распитие вина, курение табака и пение на улице. Пороли за небрежность в одежде и бросание мусора на площадях и проспектах идеально вычищенного рекрутами города-казармы.

При порке на плацу гремели барабаны, заглушая стоны. Смирно стояли шеренги кафтанщиков. За *«беспорочную службу»* в течение 25 лет мастеровых награждали кафтанами и цилиндрами. По закону кафтанщиков было нельзя пороть. Как раз перед входом в заводскую тюрьму, у которой проводились публичные истязания, поставили памятник Оружейникам в наградных кафтанах и цилиндрах, с тростью и перчатками. Оружейники эти смотрят на тюрьму безбоязненно, держат себя вольно, ведь они приближены в правах к благородному сословию.

Простых, незаслуженных мастеровых и их детей школьного возраста тоже одевали в казенную амуницию. Рабочие получали казенный паек. Для выдачи казенной одежды и продовольствия в Ижевске имелись соответствующие склады (купечество было изгнано за пределы казенной зоны в *«московские»* города, например, в вольный Сарапул). Рекруты-рабочие на казенных бескозырьках имели буквы *«И.З.»*, то есть *«Ижевский завод»*. Детей заставля-

ли ходить в заводскую школу и получать бесплатное образование под угрозой порки. Поэтому население Ижевска отличалось всеобщей грамотностью.

До 1865 г. глава палочного города-плаца назывался «командиром Ижевского завода». Ему были даны неограниченные военные полномочия, непонятные жителям вольных «московских» городов. *«Когда однажды, – пишет исследователь петербургско-московской градоопозиции, – мастеровые, вывезенные из Москвы для мануфактурных работ, запели вдруг на улице, они немедленно были наказаны “кошками”. В Москве на таковой поступок никто бы не обратил внимания»*⁶.

Регламентация жизни в Ижевске вторгалась даже в интимную сферу. Только по приказу командира Ижевского завода мастеровому разрешали или не разрешали жениться. На заводе господствовала система доносительства. За недоносительство по поводу провинностей ближнего (например, опозданий на службу или пьянство) наказывали и того, кто знал, но не донес.

От дома командира открывалась широкая панорама на дымящееся ядро Ижевска, на железные крыши оружейных цехов, похожих на «снаряды гробов», на всасывающую воронку города-спрута с кукольным автоматизмом рабочих, под бой заводских курантов длинными шеренгами спускающихся в промышленную нору – во владения «мышинного короля». Любование этим сюжетом балета «Щелкунчик» из театрального партера – окна командирского дома на набережной – имеет общую гофмановскую линию, связывающую Петербург и Камские заводы из родословной Чайковского. Во времена маниакально любящего механический порядок Николая I, к которым относится заводское детство генеральского сына Чайковского, неслыханная согласованность движений в петербургской эстетике делала балетный классицизм эквивалентом ампирной архитектуры и типичных для имперской столицы военных парадов.

О милитаристском порядке столицы А.Н. Бенуа писал: *«В Петербурге есть именно тот жестокий дух порядка, дух формально совершенной жизни, неспособной для общественного разгильдяйства, но бесспорно не лишенный прелести»*.

Жители Ижевска, первыми оружейными мастерами в котором были именно немцы, чувствовали себя стройными винтиками в одинаковой форме внутри парадных, слаженных часов.

Жесткий, военно-полицейский характер по-солдатски аккуратного Ижевска, холодная выдержанность его петербургской стилистики выражалась в его ампире, преимущественно деревянном, в единой его блекло-желтой покраске. Желтый цвет прочно ассоциировался с имперским Петербургом и нероновским Римом. Суровые и холодно-аристократические ампирные здания в Ижевске казались одной постройкой, цельной по стилю.

Улицы и площади в Ижевске покрывали черным металлургическим шлаком. По контрасту со светлым, блекло-желтым ампиром, странные черные площади из ноздреватого, оплавленного «камня» выглядели изысканно графически, сурово и опрятно.

Сельская свобода

Отмена крепостного права привела к сбою строгого петербургского стиля. В связи с этой переменой можно привести пророчество философа XIX в. Константина Леонтьева, сказанное им не о нашем городе-пенке с деревянным ампиром на краю заводского Везувия, а о русском народе в целом с его крайностями воспарения-падения: *«Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом-»богоносцем», от которого так ждал много наш пламенный народолобец Достоевский, – он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность. Эти качества составляли его душевную красоту и делали его истинно великим и примерным народом... Иначе через какие-нибудь полвека, не более, он из народа-»богоносца» станет мало-помалу, и сам того не замечая, народом-богоборцем, и даже скорее всякого народа, может быть. Ибо действительно он способен во всем доходить до крайностей...»*.

В 1867 г. в Ижевске наступила «свобода»: вымуштрованный по-петербургски «город вчерне» перевели из военного ведомства в гражданское. Если раньше Ижевск называли «горным городом», ссылаясь при этом на императорский указ 1807 г., то теперь заводское поселение перевели из разряда не до конца утвержденных «горных городов» в разряд села Ижева (с неграмотным простонародным ударением на второй гласной, закрепившимся окончательно в советское время). Точнее в разряд двух сел – Нагорного и Заречного. А жителей курьезного сдвоенного села стали отныне именовать «сельскими обывателями».

Волостное управление первого ижевского села – Нагорного – захватило ампирный особняк с чугунным балконом на центральной площади перед триумфальным столпом. Первым делом деревенское управление устроило перед петербургской колонной торговлю сеном, семечками, открыло там пивной склад и переименовало проспекты в проулки.

Волостное правление второго ижевского села – Заречного – обосновалось на самой громадной площади бывшего «города Ижа». Шлюзовая площадь стараниями сельских обывателей быстро исчезла вместе с окружающими ее каналами и полосатыми столбами длинной дамбы Долгого моста, став тесным и зловонным Сукиным переулком. А открывающийся с этой площади завораживающий вид на местное «Адмиралтейство» (смотрите картину художника Трубенкова 1834 г.) был перекрыт. Огромный шлюзовой залив с дву-

мя островами был завален землей, уменьшив длинную дамбу Долгого моста раза в два.

Если раньше военизированный Ижевск напрямую подчинялся Петербургу, то теперь появившиеся в нем гражданские волостные правления двух сел стали подотчетны не командиру завода и его начальству в Петербурге (Военному министерству на Дворцовой площади, построенному в стиле ампира знаменитым Карло Росси), а какой-то Сарапульской земской управе. Власть заводского начальства, по-прежнему напрямую подчинявшегося Петербургу, была сильно ограничена. Командир Ижевского завода теперь стал называться не так сурово, как раньше – не *командиром*, а *управляющим* завода.

Так настал сельский период истории Ижевска: в 1867–1925 гг. юридически он был селом, несмотря на то, что с 1921 г. его провозгласили столичным городом. Благоустройством села с неграмотным ударением отныне ведали власти двух ижевских сел, которым передали площади и улицы, принадлежащие в прошлом петербургскому министерству у Александрийского столпа.

Раньше, при крепостничестве был период командиров и казарменной дисциплины. Теперь настал период сельской свободы. Раньше Заречная часть, находившаяся поближе к воде, была экологически чиста. Там когда-то охотно селились. Теперь ее каналы превратились в экстракты из помоев и дохлых кошек и поэтому заваливались землей.

При крепостничестве была замощена булыжником плотина, а в сельский период истории Ижевска – за полстолетия – не появилось ни одной булыжной мостовой.

Раньше для мощения улиц использовался также черный металлургический шлак. Большинство заводских улиц были устланы фашинами, то есть связками прутьев ивы. Но к 1878 г. эти настилы сохранилось местами и то в сильно избитом виде. Теперь, с появлением в бывшем «*горном городе*» сельских порядков самоуправления везде была деревенская грязь, выбоины, промоины, бугры навоза.

Пьянящий восторг свободы забросал улицы в прошлом казарменного «*города Ижа*», а ныне вольного «*села Ижева*» семечками – отрадой деревенской и окурками (курение на улицах разрешили в 1864 г.). Мертво-пьяные стали свободно валяться поперек улицы. За хождение пьяным по улице отныне никого не порол у петербургского столпа. Рядом с бывшим командирским домом тогда же, в 1864 г. появился пивной завод купца Бодалева. Со свободой стремительно выросло количество кабаков. Если в 1862 г. в Ижевске было только 4 кабака, то в 1874 г. их стало уже 88.

В сельский период истории города-завода в местном отделении полиции насчитывалось всего лишь 10 полицейских, хотя по численности населения село Ижево было сопоставимо со столицей Финляндии и превосходило сто-

лицы губерний, окружающих Петербург: Выборг, Петрозаводск, Псков, Новгород. По улицам заводского села, писали вятские газеты, по случаю Пасхи пьяные мастеровые ходили не только с ножами, но и с топорами. Это соответствовало разудалым заводским обычаям. С сельской свободой в окна домов офицеров и чиновников стали бить стекла и даже открыто грозить в окна обитателям генеральского квартала, со всех сторон окруженного пивными.

Ампи́рный Ижевск начал исчезать вместе со смертью ампи́рного императора Николая I. Широкая военизированная площадь завода-казармы с граненым петербургским столпом в ее центре со «свободой» стала веселеньким Общественным садом, в котором пили пиво на скамейках и дрались по вечерам бильярдными киями местные и приезжие⁷.

Николай I душил и пестовал петербургскую культуру, но был высоким авторитетом в архитектуре и противником дурного вкуса. Он следил и за архитектурой далекого от Петербурга Ижевска, лично выбрав для него ампи́рную чугу́нную ограду⁸.

С получением долгожданной свободы при Александре II тягостные ассоциации стал вызывать желтый – «казенный» – петербургский цвет Николая I. Распространенные эпитеты о безобразии столицы империи, в которой «каждый дом золотухой страдает», были, по свидетельству Бенуа, таковы: «безликий», «полковая канцелярия», «неживописный», «холодный». Петербург, а вслед за ним и Ижевск, со второй половины XIX в. стали подделываться под Москву (отсюда и его новая архитектурная доминанта, повторяющая собор Василия Блаженного). В Петербурге Зимний дворец, а в Ижевске оружейный завод и генеральский дом перекрасили в неродной для них красный цвет Москвы. Зимнему дворцу впоследствии возвратили родную окраску, а в Ижевске ампи́рные здания до сих пор окрашены инородно.

При Александре II начали застраивать и засаживать деревьями широкие «петербургские» площади Ижевска. Плотинные тополя закрыли вид на заводское «Адмиралтейство». Была засажена деревьями, заставлена зелеными скамейками и закрыта высоким забором в московском стиле главная площадь с аналогом петербургского Александрийского столпа. Параллели с Дворцовой площадью здесь отныне исчезли. Застроили также обширную шлюзовую площадь, расположенную к югу от заводской часозвонницы.

Площадь у бывшего командирского дома превратили в Базарную площадь. Ее быстро заполнили пивные ларьки, столики, палатки, мелочные лавки, лабазы, телеги. В Ижевске базарный напор с вонью из распивочных на дворянскую усадьбу был сильнее и беззастенчивее, чем в соседнем Воткинском заводе. Там такого не допускали, сохраняя память о Чайковском.

В результате застройки широких водных площадей, окружающих заводскую башню со всех сторон, она превратилась в локальный ориентир. Борьба

с ампирной петербургской обозримостью обернулась визуальной сдавленностью и захламленностью центра.

С отменой крепостного права в Ижевске впервые начали доминировать «задние» улицы. Раньше весь город-завод был обращен парадным фасадом к воде. Главной улицей в его крепостнический период была набережная. На набережной пруда полностью исчез деревянный ампир, отражающийся в воде белыми и желтыми бликами. А с 1860-х гг. Ижевск повернулся задом к воде. Купцы стали застраивать улицу Заднюю⁹ (по отношению к дворянской Береговой улице). *Задняя улица* получила название *Базарной*.

Сбой строгого петербургского стиля в Ижевске повлиял и на топонимику: каналы переименовали в *каналы*, *проспекты* – в *проулки*. Александро-Невский проспект стал Троицким проулком, Нижне-Михайловский проспект – Бодалевским проулком, а Верхне-Михайловский проспект – Коньшиным проулком.

Характерные для Петербурга порядковые названия ижевских магистралей с получением деревенской свободы стали стихийно переименовываться в честь местных «сельских обывателей» – мастеровых, имеющих там свои избы. Лишь две центральные улицы в 1860-е гг. были названы в честь купцов – владельцев питейных заведений. В то же время в честь пришедших из Петербурга дворян в Ижевске никогда не называли улиц. Не было ни одной улицы, названной в честь дворян (чиновников, офицеров), ведь они приезжали сюда на службу, чтобы после отставки вернуться обратно в Петербург или в родное имение.

Зато завод окружали площади Загон и Собачья, Сукин, Бодалевский и Баранов переулки, Ажимова Канава и Вшивая горка и прочие важные для местных обитателей зоологические ориентиры.

Лишь сравнительно недавно нижнюю набережную Ижевского пруда называли наконец-то в честь петербуржца – набережной зодчего Дудина. Но вдоль нее уже не найти дворянских особняков в стилистике деревянного ампира, построенных по проектам этого петербуржца.

Пришлые (прибывшие на службу главным образом из Петербурга) с середины XIX в. были постепенно оттиснуты в городе-заводе *местными* («крокодилами»).

Правда и в Петербурге были свои «крокодилы». Невоспитанным «крокодилам» противостояли интеллигентные *царскоселы*. Они нарочно подчеркивали «несовременность», восприимчивость к музыке, поэзии, тонкий вкус, безупречную правильность отшлифованной речи. Царскоселам была присуща холодная учтивость в обращении с посторонними.

Разухабистые «крокодилы», тем не менее, перевоспитывались культурой города-интеллигента: *«Живите в Петрограде / В уюте и прохладе, / Но только Бога ради, / не ешьте никого»*. Исправившийся Крокодил у Чуковского поселяется в городе на Неве вместе с подобрившим Бармалеем и навещает тех, кого хотел когда-то проглотить: *«Нынче с визитом ко мне приходил – / Кто бы вы*

думали? – сам Крокодил. / Я усадил старика на диванчик, / Дал ему сладкого чая стаканчик. / Вдруг неожиданно Ваня вбежал / И, как родного, его целовал».

Теперь настала пора взяться и за ижевское лежбище «крокодилов». Хотя и нелегкая это работа – тащить их из болота¹⁰.

¹ Подробнее: *Кобзев И.И.* Деревенский Петербург. О сходстве несходного. (Книга подготовлена к печати).

² *Кириллов В.В.* Русский город эпохи барокко // *Русский город*. М., 1983. Вып. 6. С. 137–138.

³ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6573. Л. 112 об., 119 об.

⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 69. Л. 183.

⁵ *Кириллов В.В.* Указ. соч. С. 137.

⁶ *Исупов К.Г.* Вступительная статья // *Москва – Петербург: pro et contra*. / Сост., вступ. статья, комментарии, библиография К.Г. Исупова. СПб., 2000. С. 8.

⁷ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1602. Л. 184 об.

⁸ «*Николаевская*» ограда была доломана при реконструкции верхней набережной пруда в 2007 г.

⁹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 23. Л. 6. 12 об.

¹⁰ Иллюстрированную статью автора о проекте воссоздания деревянно-го барокко и деревянного ампира вдоль набережной зодчего Дудина читайте в ближайшем номере научного журнала «*Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции*».

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ ИЖЕВСКА

Т.О. Санникова (г. Воткинск)

«Уже давно замечено, что в разных городах время течет по-разному. В небольших городках его движение более размеренно и однообразно. В крупных, столичных – темп времени возрастает»¹. Однако бывает так, что большой город по меркам своего времени в силу определенных обстоятельств постепенно перестает быть таковым, иногда перестает и вообще быть. Бывает, и наоборот, когда небольшое поселение превращается в крупный город. К последней истории относится и судьба Ижевска.

Идет время, и меняются пространственные координаты города. Изменение ключевых точек, определяющих лицо поселения, отражает трансформацию мировоззрения и образа жизни его населения.

Ижевский завод появившийся во второй половине XVIII столетия дал жизнь поселению, пространство которого стало определяться тем, что давало жизнь заводу – плотиной. «Нет плотины – нет ни завода, ни города. Ее направление определило все градостроительные оси Ижевска, а ее масса – мощь завода»².

Деревянная застройка конца XVIII в. не являлась пожароустойчивой. Особенно большой урон Ижевску был нанесен сознательным уничтожением заводских построек во время восстания Е. Пугачева. В XIX в., когда шел постепенный переход к каменному строительству, формируются архитектурные доминанты, связанные с дальнейшей судьбой Ижевского поселения.

Новый виток развития города связан с основанием оружейного завода в 1807 г., недаром уже штампом стала формулировка о «втором рождении» Ижевска в этот период. Е.Ф. Шумилов считает, что «еще тогда были заложены предпосылки «столичности» поселения на Иже», и не было «в истории Ижевска другого более важного, поистине градоформирующего решения»³.

Сами заводы периода классицизма часто представляли образцы ансамблевого решения, замечательные произведения промышленной архитектуры. Одним из примеров такого рода является главный корпус Ижевского оружейного завода, возведенный учеником А.Д. Захарова С.Е. Дудиным в 1807–1815 гг. Можно сравнить его роль в организации городского пространства со зданием Адмиралтейства в Петербурге. Другим композиционным элементом Ижевского завода в XIX в. служило здание арсенала (1823–1825 гг., архитектор С.Е. Дудин) – «свободно поставленный в ландшафте (примерно под углом 30° к направлению плотины) на вершине холма, арсенал активно участвовал в силуэте «города Ижа», ограничивая его периметр с юго-восточной стороны»⁴. Разные приемы расположения арсеналов показывают отсутствие жесткой привязки их к структуре города-завода и руководство индивидуальными особенностями поселения. «Несмотря на необходимость соседства, не было и особой привязки их к оружейным заводам. В градостроительном отношении арсеналы были самостоятельны, но входили в число главных опорных сооружений, придавая городам-заводам более монументальный вид»⁵.

Среди других элементов организации пространства города-завода в XIX столетии можно назвать здания правлений и служб, госпитали и конечно же культовые сооружения. Здания заводских правлений и служб (контор) имели большое градостроительное значение. «Находясь у входа на завод, напротив или вблизи него, по направлению к продольной оси плотины или поперек нее, они являлись неотъемлемой частью ансамблей заводских строений и центров поселений и включались во все видовые кадры»⁶. Наряду с общественными зданиями, в панораму сооружений городов-заводов, в их единстве с плотинами и прудами, опорными участками общей структуры оказывались включенными и дома заводской аристократии.

В 1807 г. в Ижевске была единственная, деревянная небольшая церковь Ильи Пророка. К началу XX в. Ижевск был немислим без зданий церквей, соборов и часовен. Храмы становились определенными пространственными ориентирами, играли роль в культурном ландшафте Ижевска. Е.Ф. Шумилов замечал о специфике Свято-Михайловского собора в Ижевске: «...собор являлся важнейшей вертикалью ижевского силуэта, придававшей ему неповторимое своеобразие»⁷.

К сожалению, советская градостроительная политика уничтожила многие доминанты прежнего Ижевска. Не только в том плане, что уничтожались и уродовались, например, культовые сооружения, а нарушалась их изначальная роль в городском пространстве. А.Г. Лазарев и А.А. Лазарев пишут о том, что данный процесс носил общесоюзный характер. По их мнению, наибольший урон отечественная архитектура второй половины XX в. понесла там, где она когда-то лидировала – в ансамблевой застройке городов, в формировании уникальной городской среды: «создаваемая в 1960–1970-х гг. искусственная среда обитания человека стала скучной и однообразной, почти полностью лишенной пластичной и колористической выразительности»⁸.

Однако и современная городская застройка явно идет в разрез с прежними ориентирами, т.е. тем, что должно упорядочивать городское пространство. Так, например, здание арсенала, где ныне размещается Национальный музей Удмуртской Республики, утратил такую организующую роль, и окружающее пространство в купе с современной застройкой само «съело» его. Любопытным представляется точка зрения человека, осуществляющего так называемую «точечную застройку» в Ижевске (генерального директора управляющей компании «КОМОС» А. Осколкова): «Сам я не являюсь сторонником точечной застройки, потому что это колоссальное неудобство – как для строителей, так и для жителей окружающих домов, но, к сожалению, в столице Удмуртии очень мало готовых площадок, потому что, как и любой другой мегаполис, он сталкивается с недостатком сетей. Центр города необходимо реконструировать, есть проекты, но нет коммуникаций, не развита инфраструктура. Для этого нужны годы, а время не ждет»⁹.

Если со временем можно говорить о нарастающей полифонии городского пространства, то современный Ижевск, как впрочем, и большинство современных больших городов превращается в пространство какофонии и постмодернистских игр. «В ижевской архитектуре принцип коллажа нашел наглядное воплощение на улице Советской в результате строительства нового здания Национального банка (архитектор Владимир Шевкунов). Банк не вписался в уже имеющийся архитектурный ансамбль, раздавил и изуродовал его. Но зато получилось самое постмодернистское архитектурное пространство в Ижевске»¹⁰. Современная городская архитектура в духе хай-тек часто

использует большие зеркальные пространства. Отражая все, она словно не имеет своего лица, облика, вида.

Одновременно нынешний Ижевск пытается довести эту пространственную игру до обманки – убежать от похожих объемов и нагромождений зданий – уйти в детали, уличную скульптуру, обыгрывающую историю города: крокодил на скамейке, пельмень на вилке, собачка Звездочка.

Чем старше город, тем труднее вписывать современные реалии в его облик, чтобы сохранить гармонию пространства. Однако именно история придает ему неповторимость.

¹ Лелина В. Мой Петербург. СПб., 1999. С. 207.

² Шумилов Е.Ф. Город на Иже. Ижевск, 1990. С. 32.

³ Там же. С. 52.

⁴ Лотарева Р.М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 59.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ Там же.

⁷ Шумилов Е.Ф. К истории разрушения ижевского храма Михаила Архангела // Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950 годов: исследования, документы. Ижевск, 1993. С. 15.

⁸ Лазарев А.Г., Лазарев А.А. История архитектуры и градостроительства России, Украины, Белоруссии VI–XX вв. Ростов н/Д, 2003. С. 495.

⁹ Облик Ижевска ждут большие перемены [Электронный ресурс] URL: <http://komos-stroy.ru/info-tsentr/novosti/detail.htm?itemid=373833>

¹⁰ Коновал А. Три шедевра постмодернизма в Ижевске // День. 2002. 24 января [Электронный ресурс]. URL: <http://dayudm.ru/article.php?id=336>

ИЖЕВСК НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: НАСЕЛЕНИЕ И ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

А.Н. Бехтерева (г. Ижевск)

Будучи крупным индустриальным центром, благодаря наличию здесь основанных еще во второй половине XVIII – начале XIX в. и имевших военную специализацию оружейного и сталелитейного заводов, Ижевск изначально формировался как рабочий поселок. Численность его населения находилась в прямой зависимости от состояния и размеров производства на

заводах. В 1816 г. на Ижевском оружейном заводе трудились 2847 рабочих и 18 иностранных мастеров. В 1868 г. общее число оружейников составляло 2763, в 1870 г. – 5700 при населении поселка в 22700, в 1897 г. – 3637 и 35000 жителей, в 1905 г. – 6366, в начале 1914 г. – 6535, в 1915 г. – 13027, в конце 1916 г. – 15248¹. В январе 1923 г. на оружейном и сталелитейном производствах насчитывалось 17396 человек при общей численности населения Ижевска в 55895².

Особое положение военных заводов заставляло правительство заботиться о сохранении постоянного состава высококвалифицированных кадров и их политической благонадежности. Постепенно, год за годом происходило формирование ижевских коренных, потомственных мастеровых, появлявшихся из учеников иностранцев и привезенных еще в начале XIX в. рабочих различных заводов Урала, Тулы, Сестрорецка. В 1890 г. кадровых рабочих на оружейном и сталелитейном производствах Ижевских заводов насчитывалось 3658 человек. В большинстве своем это знаменитые ижевские кафтанщики³, в 1920-е гг. – Герои труда – образованная элита завода, рабочая аристократия. По подсчетам Е.Ф. Шумилова, с 1819 по 1915 г. «мастеровые кафтаны с золотым галуном получили от имени царя 525 мастеровых и низших служащих»⁴. За трудовое отличие и «беспорочную выслугу лет», «за усердие и искусство», позднее – «за особые заслуги, изобретения и открытия, а также долговременную, полезную службу». Звание Герой труда, учрежденное ВЦСПС и ВЦИК в 1921 г., присваивалось рабочим, особо отличившимся в труде и проработавшим на производстве не менее 50 лет. В 1921 г. на Ижевских заводах был 101 Герой труда, в 1923 г. их число увеличилось до 300⁵. Они обладали преимущественным правом на получение различных льгот, в том числе и земельных наделов.

Кафтанщики пользовались непререкаемым авторитетом среди товарищей. Им доверяли во всем. Каждый четвертый кафтанщик становился артельщиком, старшиной и старостой в своем цехе. Во второй половине XIX в. некоторых также избирали «доверенными от общества оружейников по постройке вновь и исправлению мостов и тротуаров, состоящих в заводском селении, и по раздаче жалованья штатным и сверхштатным чинам по всему округу заводского управления». Их также называли: «избранные от общества при совещании в общественных делах и учинении приговоров»⁶. В основе традиционных ценностей уральских мастеровых лежал постоянный труд, передача секретов мастерства во всех областях трудовой деятельности.

Между тем, пополнение рабочей силы за счет рекрутов и различных трудовых мобилизаций до начала 1920-х гг. включительно, поступление на Ижевские заводы рабочих из различных населенных пунктов Вятской, Пермской, Казанской, Тобольской, Иркутской, Тверской, Вологодской губерний, не способствовало складыванию монолитной и однородной городской социальной структуры, корпоративной городской солидарности. Многие ощу-

шали себя временными обитателями поселка, не стремясь, например, к благоустройству, порядку и чистоте своего жилища и прилегающей территории. У большинства горожан первого поколения не сложилось глубокого патриотизма и высокой городской культуры, включающей и повседневный гуманизм, и самоконтроль, и уважение прав и свобод человека.

Особую культуру несли на завод крестьяне. В разряд мастеровых часто переходили непрременные работники «за неимением хлебопашества» (обычно от разорения). Так, в 1857 г. на Ижевском заводе таковых насчитывалось 6155 мужчин и 6893 женщины⁷. Многие из них, приобщаясь к индустриальной цивилизации (не всегда добровольно), становились в дальнейшем полноправными жителями заводского поселка. С расширением территории завода в число его жителей автоматически попадали и крестьяне близлежащих деревень, принадлежавших после объявления в 1867 г. волостного правления сельским обществам.

В 90-е гг. XIX в. крестьяне, стремившиеся на заводы, видели в них надежный источник дохода. В 1888 г. один из журналистов отмечал: «Все население Ижевска, за исключением, конечно, торгового люда, живет только заводом. Для всей этой 30-тысячной массы размеры «наряда» определяют всю жизнь. Повышаются наряды, и Ижевск воскресает. Ижевск наполняется пришлым населением, спешащим на завод»⁸. В июне 1920 г. главный инженер-металлург Ижевских заводов Щегольков констатировал: «Живая рабочая сила завода состоит на 20 % из местных рабочих, 40–50 % – крестьян и 20–30 % – пришлый элемент. Крестьянин хотя и работает на заводе, но он живет своей жизнью и стоя у станка, мало уделяет внимания интенсивности труда, работе, считая, что его заработок ничтожен и если он находится на заводе, то это только потому, чтобы быть на учете и не идти в Красную Армию»⁹. В дальнейшем, после военных демобилизаций, возвращения на заводы старых кадровых рабочих, оторванных от производства в годы Гражданской войны, ситуация временно изменилась: на 1 апреля 1927 г. потомственные рабочие на Ижевских заводах составляли уже 87 %. В конце 1928 г. на заводах числилось 4234 человека, находившихся прежде в «Народной Армии» и «белогвардейских» отрядах и прибывших из Сибири, куда они отступили вместе с колчаковцами в результате подавления Ижевско-Воткинского восстания в 1918 г.¹⁰ Однако уже к 1930 г. доля кадровых рабочих сократилась до 52 %¹¹.

Связь с деревней «новых» рабочих накладывала определенный отпечаток на их образ мышления, представления и поведение, влиявшие на окружающую их среду. Приходя в город, в новое для них культурно-бытовое пространство, большинство этих рабочих утрачивали сколько-нибудь заметную и прочную приверженность к собственности. Это можно объяснить их необустроенностью, низким уровнем жизни, отсутствием во многих случаях недвижимого

имущества и частнособственнических настроений, низкой оплатой труда, сохранившимися общинными представлениями. Эта категория заводского населения была наиболее текучей, нестабильной и подверженной различного рода колебаниям и миграциям.

На развитие уральских рабочих и формирование городской среды значительное влияние оказывала их связь с сельским хозяйством. Конечно, и в других районах страны рабочие имели те или иные формы связи с деревней. На Урале в этом отношении была своя особенность: подавляющая часть рабочих владела землей, своим личным хозяйством. Наличие земли по месту жительства, т.е. при заводе было характерно прежде всего для металлостов. Рабочие Урала, оставаясь на местах своего жительства, создавали карликовое хозяйство, которое давало возможность прокормить семью. В 1833 г. ижевские оружейники владели 666 лошадьми, 3116 коровами, 2191 овцой, 89 свиньями, 10 козами, в 1856 г. – 2777 коровами, 850 лошадьми, 2260 овцами, а также множеством кур, гусей, уток, индеек¹². В 1897 г. на каждые 100 дворов приходилось 62,3 головы крупного рогатого скота и 15,2 лошадей¹³. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., за жителями Ижевска числилось 40543 десятины земли всех угодий и 3269 лошадей. В 1928 г. они же содержали более 3300 коров и около 700 лошадей, арендовали 5785 гектаров городских лугов и имели пасеки, расположенные на 60,5 гектарах¹⁴. После 1917 г. по решению местных органов власти всем желающим горожанам распределялись и сдавались в долгосрочную аренду (до 20 лет) участки земли, используемые для заготовки сена.

Как жизнь мастерового была немислима вне завода, так и размеренный ритм заводского производства находился в полной зависимости от нужд хозяйства ижевского мастерового. В сенокосную пору практиковалось общезаводское увольнение, когда заводчане получали традиционный оплачиваемый двухнедельный отпуск.

Рост заводского населения ставил остро проблему жилья. Впервые она обострилась в конце 1807 г., когда на Ижевский завод прибыла первая партия заграничных мастеров из Дании. Началось активное строительство усадеб в «итальянском стиле» вдоль Береговой улицы. Этот архитектурный ансамбль, сохранившийся до наших дней, создал определенный колорит и неповторимый облик заводу на долгое время.

В начале XX в. условиях острого жилищного кризиса относительно сносно жили те 30 % коренного городского населения и рабочих Ижевских заводов, которые имели свои дома с приусадебными участками (огородами). В 1908 г. из общего количества домов в Ижевске 87,2 % принадлежало рабочим. Более тысячи из них владели двухэтажными, главным образом деревянными постройками с преимущественно железной кровлей (после 1873 г.). В этот пери-

од, по официальным данным, деревянные жилые дома в Ижевске составляли 98,6 %. Дом, как правило, состоял из одной избы с тремя окнами на улицу и второй избы во двор, соединенных сенями. Таких построек насчитывалось до 80 %. Худшие по виду и размерам избы располагались на окраинах поселка¹⁵.

Наличие собственного дома избавляло семью от весьма обременительной статьи расходов – платы за квартиру, которая была довольно высокой. Во время притока рабочих из других мест многие домовладельцы сдавали внаем жилплощадь и даже организовывали столование, беря за все это немалую плату. Так, 22 июля 1924 г. в городской газете «Ижевская правда» сообщалось, что квартирная хозяйка Корпачева Елизавета (Гора, 12 ул., № 38) с квартирантов – семьи вдовы, рабочей Ижевских заводов – «дерет десять шкур»: за комнату в 1 сажень ширины и в 4 аршина длины, в которой живут 8 человек, берет 3 рубля деньгами, 1 пуд муки и готовые колотые дрова. В то время, как стоимость бюджетного набора по г. Ижевску на 1 июня 1924 г. составляла около 13 руб., а заработная плата высококвалифицированного рабочего Ижевских заводов равнялась 20–25 руб., рабочего вспомогательного производства – не более 15 руб.¹⁶

В 1880 г. заводской врач и ученый И.И. Андржеевский, описывая быт ижевских оружейников разного уровня благосостояния, писал: «О домашнем комфорте ижевский оружейник почти не имеет понятия и не заботится о нем. Некрашенный деревянный стол, два-три таких же стула и по стенам лавки, да еще угловой шкафчик для посуды составляют обыкновенно всю мебель в доме оружейника. Кровать находится в редком доме, да ее и поставить было бы некуда. Две стены избы оружейника непременно в окнах, в третьей дверь, у четвертой – большая русская печь. Спят обыкновенно на полотах или на печи, а уж если очень жарко, то на полу. В этом случае не составляют исключения даже очень зажиточные люди, построившие себе большие, красивые дома, в которых чистые комнаты, с европейской мебелью, или отдаются в наем, или просто стоят взаперти для экстренных случаев, а между тем вся семья жметя где-нибудь в кухне с тараканами и другими домашними насекомыми. Больных кладут обыкновенно на лавках, причем окно приходится нередко как раз под боком или за спиною. Тем не менее чистота в домах оружейников поддерживается женщинами весьма удовлетворительно. По крайней мере раз в неделю, накануне воскресенья и вообще праздников, изба и вся мебель в ней дочиста вымываются... Отдельных отхожих мест при доме не устраивается. Их заменяет хлев или завешенный рогожей угол где-нибудь во дворе... Тульский самовар составляет первый признак развивающегося довольства в доме оружейника. За ним идут дешевые стенные часы самых больших размеров. Как только является нужда, часы и самовар продаются более счастливому соседу, но при первой

возможности приобретаются снова, и если уж нет этих предметов в доме, то значит бюджет оружейника находится в самом плохом состоянии»¹⁷.

О промежуточном положении жителей заводских поселков свидетельствуют также их предпочтения в одежде: «Старики придерживаются прежнего покойного зипуна или азяма и длиннополого кафтана. В молодом поколении решительно преобладает уже кучее пальто, иногда из очень дорогого драпа и с бобровым воротником, а летом «визитка» с неизбежным открытым жилетом и туго накрахмаленной манишкой. Счастливый обладатель такого «немецкого» костюма считает затем долгом в первый воскресный день показать себя в нем, прогуливаясь по улицам, причем грудь открыта у него всем ветрам, да и весь он дрожит от холода. Женщины до сих пор удержали полумещанский, полукрестьянский костюм, но и здесь уже начинает проглядывать мотовство в виде бархатных кацавеек, бурнусов, щегольских ботинок»¹⁸.

Производственным характером поселения объясняется недостаток в рабочих кварталах магазинов, больниц, аптек. А ярким свидетельством ведения жителями завода своего хозяйства являлись ветряные и водяные мельницы, размещавшиеся на всей территории поселка. Между тем возраставшие год от года потребности населения удовлетворяли различные частные учреждения: фотосалоны – «фотографии», которых, например, в Ижевске до 1917 г. было 6, магазины и лавки, располагавшиеся в основном в центральной части поселка, владельцы которых осуществляли активную благотворительную деятельность, кинотеатры: «Одеон», «Иллюзион», «Лоранж», «Фурор», «Лира», «Марс», «Модерн», цирк, типография, лечебные и развлекательные заведения.

Однако здесь не сложилось чисто городских пространственных форм и понятий: сквер, проспект, бульвар, площадь. Производственную направленность поселения, социально-бытовую и духовную жизнь ижевцев отражали названия улиц, изначально нумеровавшиеся цифрами, удобные и легкозапоминающиеся: Первая, Вторая, Третья... (всего 15). Те же улицы, именовавшиеся иногда по функциональному признаку, хранили память о становлении города-завода: Угольная, Куренная, Пробная... Это характерно и для других промышленных городов Урала. Периферийный статус, отсутствие длительных культурных традиций способствовали «незыблемости просторечной стихии» как проявлению «низовой городской культуры»¹⁹. Это выражалось и выражается в отсутствии грамотной и правильной речи у большинства жителей заводских поселений, их своеобразном промежуточном языковом сознании.

Не нашла своего развития в поселке и система общественного питания. Мастерские и рабочие, составлявшие большинство населения, предпочитали домашнюю пищу. Обед они, как правило, брали с собой, либо пользовались услугами своих домочадцев и жен-домохозяек, приносивших продукты своим мужьям, отцам, братьям на рабочие места. На первом месте по потреблению

в рабочих семьях стояли хлеб, молоко, овощи, привозимые из деревни или выращиваемые на собственных огородах – картофель, капуста, лук, морковь, редька, свекла, репа. Мяса, рыбы, растительных и животных жиров потреблялось мало. Причем из всех сортов мяса предпочтение отдавалось свинине²⁰.

Важным атрибутом заводских поселений и своеобразным идеологическим подразделением в общей заводской структуре являлись религиозные заведения. В Ижевске существовали православные храмы (до 1917 г. – 26), иудейская синагога, заводская мечеть, лютеранская кирха. Это обстоятельство обусловило формирование в заводской среде абсолютной толерантности и веротерпимости. Ни одна мастерская не обходилась без своих, цеховых икон. Ни одно важное мероприятие на заводе не предпринималось без благословения священнослужителей. В 1920-е гг. большой популярностью, особенно в рабочей среде, пользовалась секта евангелистов. В городе сосредотачивался Волжско-Камский областной центр евангелистов, находилось несколько работников всесоюзного значения. Евангелисты, охватывавшие довольно широкие слои населения (ремесленников, учащихся, рабочих-домовладельцев и служащих), проявляли значительную активность и регулярно в большом количестве снабжали их литературой, развивая проповедническую деятельность.

О религиозности уральского заводского населения свидетельствует тот факт, что в 1925 г. только 25 % рабочих Ижевских заводов, преимущественно молодого поколения, считали себя атеистами. В 1927 г. в Перми иконы имели 70 % жителей, не менее 30 % совершали религиозные обряды, 22,3 % посещали церковь²¹. Попытки советских властей сделать рабочими днями церковные праздники наталкивались на повсеместное сопротивление.

Излюбленным местом отдыха и гуляния жителей Ижевска являлись плотина – гордость завода, набережная пруда, где ежедневно за ужином рыбы можно было видеть 20–30 человек, городской и общественный сад, принадлежавший заводу. Однако в разгар нэпа Береговая улица была присоединена к саду и вход туда стал платным. Это вызвало протест горожан, в особенности рабочих. Некоторые отмечали, что «во времена царизма они имели возможность гулять по Береговой улице бесплатно, а сейчас, при рабочей власти, этого права они лишились»²².

С наступлением зимнего периода, окончанием сезонных огородных и сельскохозяйственных работ потребность населения в реализации культурных запросов возрастала. Но с закрытием летних зрелищных площадок имевшиеся культурные учреждения ввиду незначительной вместимости оказывались не в состоянии обслужить всех желающих. Данное обстоятельство играло определенную роль в развитии в рабочей среде пьянства, хулиганства, поножовщины, драк и кулачных боев на городском пруду, азартных игр, занимавших в Ижевске большое место²³. В ноябре 1895 г. было учреж-

дено местное Общество трезвости. Организацией досуга заводчан занимался также «Комитет по устройству праздничных развлечений для мастеровых и рабочих Ижевских заводов». Однако ситуация на протяжении следующих десятилетий не менялась. «На площадях, на перекрестках малолюдных улиц – густые кучки людей, свирепый мат, загаживающий воздух и два постоянно повторяемых слова: «Орел! Решка!» – довольно частое явление современного Ижевска», – вспоминал в конце 1920-х гг. Ф.В. Стрельцов. – «Дети, шпана, мелкие карманники, пьяное хулиганье, беспризорные – вот те, над кем властвует «орел и решка». Здесь же пьют, сговариваются о кражах, развращают малолетних, повышая их преступную квалификацию²⁴.

Это было связано с употреблением в большом количестве спиртных напитков, преимущественно кумышки, ростом питейных заведений (в 1884 г. один каба́к приходился на 190 жителей Ижевского завода) и традициями христианских праздников, насчитывавшихся до 30, которые с размахом отмечались в поселке. Причем, если в целом по стране с начала 1925 г. поступила в продажу 30-ти и 40-градусная водка и заняла по потреблению в рабочей среде первое место, то в Ижевске по-прежнему продолжали «править балом» самогон и, в особенности, кумышка. В домашних условиях изготавливали также пиво и брагу²⁵.

Извечной оставалась проблема благоустройства заводских поселков. Развитие коммунального хозяйства отставало от потребностей населения. Отсутствие канализации ухудшало санитарное состояние улиц. Недостаток специальных фургонов и контейнеров способствовал скоплению твердых отходов и мусора и загрязнению территории.

Ощущался недостаток в зеленых насаждениях. С весны 1905 г. в традицию вошла практика древонасаждения. Посадка деревьев превращалась в праздник, который охватывал различные уголки заводского поселка. С целью сохранения деревьев на улицах устанавливались специальные оградки. Но в дальнейшем это не нашло в Ижевске широкого распространения²⁶.

Построенная на территории заводов водонапорная башня обеспечивала водой не только оружейное производство, но и близлежащие улицы. Однако большая часть жителей продолжала пить ключевую и колодезную воду. Между тем качество питьевой воды различных источников, в том числе пруда и р. Иж, не соответствовало санитарно-гигиеническим нормам и служило причиной инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний²⁷.

В начале XX в. на улицах Ижевска появились первые автомобили, положившие начало городскому транспорту. Но долгое время его развитию мешала непроходимая грязь на улицах, ухабы, промоины и ямы, зимой – огромные сугробы снега. Осушение болотистых переулков заречной и южной части не производилось. Деревянное покрытие тротуаров в основном центра поселка было временным и часто выходило из строя. Даже в 1923 г. отмечалось: «Ижевск

представляет собой почти непроезжее болото... Всякое грузовое движение становится невозможным... Без дорог Ижевск обречен на дальнейшее разрушение»²⁸. Возникло емкое понятие «ижгрязь». К концу 1930 г. город имел 18,2 км замощенных улиц, что составляло только 8,3 % их общей протяженности²⁹.

Однако передовые достижения науки не обходили стороной и заводские поселения. 18 ноября 1871 г. в Ижевске открылась телеграфная станция. В 1894 г. началась телефонизация поселка, связавшая все стратегически важные его объекты. В апреле 1907 г. в Ижевском заводе появился первый и единственный долгое время граммофон. С этого момента по воскресеньям и церковным праздникам летом народ собирался под балконом дома начальника заводов – владельца чудо-техники – послушать музыку. В 1927 г. жители города получили возможность созерцать первый фонограф³⁰.

В 1894 г. в мастерских Ижевских заводов появилось пробное электрическое освещение, использовавшееся в исключительно производственных целях. И только в 1913 г. смонтированная фабрикантом Н.И. Березиным электростанция дала ток первому кинематографу «Ли́ра». Весной 1914 г. было создано «Организационное бюро учредителей товарищества электрического освещения в Ижевском заводе». Однако в повседневном быту электричество было доступно немногим. И даже в 1923 г. только третья часть жилой площади Ижевска освещалась электричеством. Но ввиду отдаленности городских зданий от электростанции и недостаточной оборудованности электрических сетей, освещение в домах получалось очень слабым. На окраинах при таком освещении невозможно было даже читать. Большинство населения продолжало пользоваться керосиновыми лампами. Фонарные столбы были установлены только на въезде в поселок. Первые уличные фонари появились лишь в 1927 году³¹.

В условиях удаленности от университетских центров основными очагами образования и культуры в поселках становились различные заводские учреждения: заводской театр, музей, имевший первоначально чисто техническую направленность и практическое применение, школы (профессиональные, общеобразовательные и музыкальные), библиотеки и читальни для рабочих, попечителями которых, как правило, являлись начальники заводов. Актерами заводского театра, режиссерами и постановщиками спектаклей были мастера и служащие. С 1900 по 1913 г. 70000 зрителям было показано 120 спектаклей³². Большой популярностью у ижевского зрителя пользовались также объединенные домашние любительские театры.

Заводская библиотека в начале 1900-х гг. насчитывала около 450 читателей, ее книжный фонд составлял 470 томов, выписывалось одиннадцать как технических, так и гуманитарных периодических изданий. Наибольшей популярностью пользовались беллетристика, специальная техническая, а в дальнейшем – и общественно-политическая литература³³. Все заводские

учреждения культуры, многие из которых существовали на пожертвования рабочих, стали прообразами Народных домов и клубов, появившихся в поселке позднее и привлекавшие внимание в основном пролетарскую молодежь.

Общественная и творческая деятельность заводской интеллигенции сосредотачивалась в Офицерском собрании, где проходили танцевальные, музыкальные, литературные вечера, спектакли и праздники, камерные концерты, устраивались научные лекции и доклады. Эта изолированность и закрытость свидетельствует о наличии цивилизационной границы между заводским населением и городской элитой.

Таким образом, заложенная основателями заводского поселения и проявившаяся позднее самобытная культура города, его зданий и сооружений со временем была утрачена. Поставленное на поток производство оружия и металла, окончательное оформление к началу XX в. военно-промышленного комплекса в границах уезда (затем – области и республики) привели к нивелированию культурного ландшафта и облика города, стандартизации труда и быта, исчезновению огромных лесных массивов, загрязнению водоемов и как следствие – обострению экологических проблем, появлению безликих индустриальных и жилых построек, в которых их обитатели чувствовали себя лишь простым приложением (придатком) к заводским механизмам. Вся городская инфраструктура была поставлена в зависимость от производства. Все развивалось в его угоду. Это определило формирование особой, промежуточной культуры (город – село), которая до сих пор находит выражение в городском индустриальном и социальном пространстве, отношении местной власти к мало и плохо сохранившимся памятникам культуры, образованию и науке в целом как второстепенных и производных от «оборонки», менталитете населения, отразившего его неоднородный и переменный состав.

¹ Шумилов Е.Ф. Город оружейников. 1807–1917. Ижевск, 2002. С. 131, 252, 452; Александров А.А. Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 110; Новиков А.В. Золотой ларец. Ижевск, 1999. С. 366.

² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 9. Д. 186. Л. 235; Вотская автономная область. Природа. – Культура. – Хозяйство. 1921–1926. Ижевск, 1926. С. 9.

³ Наградной кафтан у мастеровых, подобный ижевскому, ориентировочно до 1894 г. существовал и на других заводах Урала, принадлежавших горному ведомству.

⁴ Шумилов Е. Ф. Город оружейников. 1807–1917. С. 166.

⁵ Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы. Ижевск, 1999. С. 88.

- ⁶ *Шумилов Е.Ф.* Указ. соч. С. 170.
- ⁷ *Там же.* С. 126.
- ⁸ Цит. по: *Шумилов Е.Ф.* Указ. соч. С. 348.
- ⁹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р–131. Оп. 1. Д. 194. Л. 20.
- ¹⁰ *Русанов В.И.* Энтузиасты первой пятилетки. Ижевск, 1979. С. 20.
- ¹¹ *Бехтерева Л.Н.* Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы. С. 21.
- ¹² *Шумилов Е.Ф.* Указ. соч. С. 52, 192.
- ¹³ *Стрельцов Ф.В.* Ижевск и его промышленность за 170 лет. Т. 2. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (НОА УИИЯЛ УрО РАН). РФ. Оп. 2Н. Д. 22. Л. 48.
- ¹⁴ Рабочий класс Удмуртии. 1861–1986. Ижевск, 1987. С. 17; *Русанов В.И.* Указ. соч. С. 20.
- ¹⁵ *Стрельцов Ф.В.* Ижевск и его промышленность за 170 лет. Т. 1. НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2Н. Д. 22. Л. 98; 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921–1931. Ижевск, 1931. С. 134.
- ¹⁶ Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск, 1927. С. 407; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 9. Д. 459. Л. 45; Д. 479. Л. 182.
- ¹⁷ *Андржеевский И. И.* Болотные болезни на севере. Медикотопографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 38–39, 40.
- ¹⁸ *Там же.* С. 38.
- ¹⁹ *Прокуровская Н.А.* Город в зеркале своего языка. Ижевск, 1996. С. 67.
- ²⁰ Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск, 1927. С. 338–339.
- ²¹ *Фельдман М.А.* Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа // Отечественная история. 2003. № 5. С. 21.
- ²² ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 9. Д. 459. Л. 100.
- ²³ *Севрюков О.В.* Ижевск. Ижевск, 1969. С. 42; *Бехтерева Л.Н.* Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов // Отечественная история. 2000. № 2. С. 173; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 9. Д. 459. Л. 89.
- ²⁴ *Стрельцов Ф.В.* Указ. соч. Т. 2. Л. 32.
- ²⁵ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 514. Л. 27; *Севрюков О.В.* Указ. соч. С. 37.
- ²⁶ *Стрельцов Ф.В.* Указ. соч. Т. 1. Л. 144.
- ²⁷ *Андржеевский И.И.* Указ. соч. С. 26–29; Ижевск. Документы и материалы. Ижевск, 1984. С. 26–27.
- ²⁸ *Шумилов Е.Ф.* Город на Иже. Ижевск, 1998. С. 276.
- ²⁹ *Стрельцов Ф.В.* Указ. соч. Т. 1. Л. 116.
- ³⁰ *Шумилов Е. Ф.* Город на Иже. С. 89–90; *Новиков А.В.* Указ. соч. С. 373.

³¹ 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921–1931. Ижевск, 1931. С. 126.

³² Шумилов Е. Ф. История искусства Удмуртии. Устинов, 1986. С. 26.

³³ Там же. С. 365.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ИЖЕВСКОМ ЗАВОДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ (ПОХОРОННАЯ КАССА)

Н.С. Копинова (г. Ижевск)

Великие реформы Александра II создали благоприятные условия для развития общественной инициативы. К концу XIX в. численность общественных организаций в России достигла нескольких тысяч¹. Общественная самодельность постепенно проникала во все сферы жизни, образуя основу гражданского общества. Процессы самоорганизации затронули досуг, культуру, науку, спорт, благотворительность и т.д. Общественная инициатива имела место не только в центре – Москве и Петербурге, – но и на периферии. Причем, общественные институты, развивающиеся в провинции, носили общие черты столичных общественных организаций².

Некоторые общества Москвы и Петербурга, стремились вовлечь в число своих членов провинциалов, охватить несколько городов России, открыв в них филиалы своей организации. Например, в 1902 г. чиновникам Ижевских заводов было предложено стать членами Общества взаимопомощи классных чинов, служащих в артиллерийском ведомстве³. Руководящий орган общества находился в Петербурге⁴.

Согласно определению, предложенному А.С. Тумановой, под общественными организациями понимают «добровольные, самоуправляющиеся и надлежательным образом оформленные объединения, создающиеся на постоянной основе для решения насущных проблем непроизводственного и некоммерческого характера»⁵.

Одним из наиболее распространенных типов общественных организаций были общества социальной защиты, к которым можно отнести общества взаимопомощи. А.С. Туманова отмечала: «Главным направлением обществ взаимопомощи была материальная поддержка входивших в них членов, которая оказывалась в форме денежных пособий, пенсионного и медицинского

обеспечения. К началу XX в. подобного рода объединения существовали практически у всех социально-профессиональных групп. Свои «вспомоществовательные» организации имели представители творческой интеллигенции (ученые, писатели, артисты, художники), учительство, учащиеся низшей, средней и высшей школы, врачи и средний медицинский персонал (фельдшера, акушеры, дантисты), купцы и приказчики, ремесленники, портные, булочники и др.»⁶.

В начале XX в. на Ижевских заводах было образовано общество взаимопомощи на случай смерти – Похоронная касса. Еще в марте 1899 г. исправляющий должность начальника Ижевских заводов полковник Н.Г. Дмитриев-Байцуров⁷ в рапорте Вятскому губернатору сообщил о желании служащих, мастеровых и рабочих организовать Похоронную кассу. Примером послужила Похоронная касса, открытая в Императорском Тульском Оружейном заводе. Очевидно, и ее устав был взят за основу устава для такой кассы в Ижевских заводах, представленной на утверждение Н.Г. Дмитриевым-Байцуровым. Было собрано около 1200 подписей рабочих, мастеровых и служащих Ижевских заводов, поддерживающих открытие общества взаимопомощи на случай смерти⁸. Несмотря на это, процедура оформления документов заняла продолжительный отрезок времени. Только 27 июля 1900 г. проект устава похоронной кассы был утвержден министром внутренних дел⁹.

Целью организации Похоронной кассы была выдача единовременных пособий на погребение ее членов¹⁰. Номинально членами организации могли стать «совершеннолетние рабочие и все служащие в Ижевских заводах и Приемной Комиссии при них находящейся, а также жены их»¹¹. Однако, существовали некоторые ограничения, например, лица, достигшие 60 лет и «лица явно болезненные»¹² могли стать участниками кассы, только получив согласие 2/3 членов организации. В организацию не допускались военнослужащие и чиновники Ижевских заводов, а также, лица, подвергшиеся ограничению прав по суду и учащиеся в учебных заведениях¹³. Желая стать членом общества должен был подать заявление в правление организации, и если окажется необходимым, представить свидетельство о возрасте и справку о состоянии здоровья¹⁴. Получивший отказ, в приеме в состав членов организации, имел возможность подать жалобу общему собранию похоронной кассы¹⁵.

Число участников похоронной кассы ограничивалось 350 членами, остальные желающие зачислялись кандидатами¹⁶. После вступления в организацию каждый член Похоронной кассы единовременно уплачивал 50 коп. за внесение в список, и первый взнос, равнявшийся 30 копейкам. Член кассы, в своем письменном заявлении, уведомлял правление организации кому после его смерти следует выплатить похоронное пособие¹⁷.

Похоронное пособие складывалось из взносов всех участников организации, которые должны были уплатить 30 коп. в течение двух недель, после уведомле-

ния о смерти одного из членов. На членов общества, не выплативших указанную сумму в срок, налагались штрафы. Участники, не заплатившие штраф, исключались из числа членов Похоронной кассы. Однако, правление могло сделать исключение для членов, имевших уважительную причину, как-то продолжительная болезнь или крайняя бедность. В этом случае, сумма взноса, по особому решению правления организации, выплачивалась из основного фонда кассы, который составляли первоначальные взносы участников в 50 коп. и деньги, оставшиеся после затрат на погребение ее членов. Решения такого рода немедленно доводились до сведения всех членов организации на общем собрании¹⁸.

Размер похоронного пособия зависел от количества членов, состоящих в организации. При максимальном числе (350 человек) похоронное пособие составляло 90 рублей. Платеж производился не позже 24 часов после получения уведомления о смерти члена¹⁹.

Устав организации содержал оговорку, касающуюся траты пособий: «На выдаваемые из сумм кассы похоронные пособия не могут быть обращаемы никакие посторонние, не относящиеся к целям кассы, взыскания»²⁰. Однако, это положение неоднократно нарушалось. Например, второй член похоронной кассы А.К. Мальцев, рабочий мастерской магазинной коробки, завещал после своей смерти похоронное пособие разделить между женой и несовершеннолетней дочерью. Таким образом, после его кончины, часть пособия, причитавшегося его дочери, не могла быть потрачена на похороны, ведь эта сумма предоставлялась в распоряжение П.А. Мальцевой только после достижения совершеннолетия²¹. Подобным образом поступил и рабочий механической мастерской П.А. Мартьянов, распорядившись выдать похоронное пособие его несовершеннолетнему сыну²². М.П. Мартьяновой пришлось самой оплачивать похороны мужа²³. В обоих случаях похоронное пособие превращалось в некое подобие наследства и не могло быть истрачено по назначению.

Функции руководства и управления организацией принимало на себя правление похоронной кассы. Правление состояло из трех человек, ежегодно выбираемых большинством голосов из всех членов общества. Председателем правления становился тот член организации, который получал наибольшее количество голосов. Помимо этого, учитывая непредвиденные обстоятельства, на общем собрании, избирались еще три кандидата, которые, в случае необходимости, смогли бы заменить членов правления в их отсутствие²⁴.

В ведении правления находились все финансовые дела организации, в том числе, оно следило за своевременной выплатой членских взносов, контролировало выдачу похоронных пособий, а также заботилось об интересах общества по правилам устава и утвержденным общим собранием инструкциям²⁵.

В конце каждого года члены правления представляли годовой отчет о действиях кассы общему собранию. Ревизию книг, документов и отчета осу-

ществляла ревизионная комиссия, состоявшая из трех членов организации, избираемых общим собранием. Должности членов правления, кандидатов и членов ревизионной комиссии не оплачивались. Хотя такая возможность не исключалась, решение принималось на общем собрании членов организации²⁶. Например, в 1903 г. члены второй похоронной кассы единогласно приняли решение назначить денежное вознаграждение в размере 15 руб. председателю правления кассы В.П. Коровкину «за его труды по ведению делопроизводства кассы»²⁷.

Общее собрание членов организации собиралось по особо важным причинам, не реже одного раза в год в феврале, проходившие в помещении Народного театра²⁸ или в четырехэтажном заводском корпусе Оружейного завода²⁹. Незапланированные общие собрания созывались правлением или по требованию ревизионной комиссии, или по заявлению десятой части всех членов организации. О дне и месте общих собраний, а также, о предметах обсуждения, правление должно было оповестить не только членов организации, но и начальника местной полиции. Обсуждать вопросы, не имеющие непосредственного отношения к определенной уставом деятельности кассы, о которых не доводилось до сведения начальника полиции, запрещалось³⁰. Параграфы устава похоронной кассы могли быть изменены или дополнены. Все предложения о внесении каких-либо изменений обсуждались общим собранием³¹. Как правило, решения принимались большинством голосов³².

Годовой отчет похоронной кассы и семь экземпляров устава через посредство Вятского губернатора представлялись в хозяйственный департамент министерства внутренних дел. По постановлению общего собрания похоронная касса могла прекратить свою деятельность, если организация не набирала достаточное количество членов (350 человек)³³.

Для того, чтобы удовлетворить потребность всех желающих стать членами общества взаимопомощи на случай смерти, было открыто три отдела Похоронной кассы, как и планировалось ранее³⁴. В конце ноября 1900 г. образовались первые два отдела кассы, включившие по 350 членов³⁵, а затем, в январе 1901 г. открылся третий отдел, в котором состояли 319 членов³⁶.

В первую кассу вошли мастеровые и рабочие из четырех мастерских Ижевского завода: ствольной, замочной, ствольно-коробочной, приборной, а во вторую – рабочие из кузнечной, штыковой, ложевой, магазинной коробки, инструментальной, механической, чугунолитейной мастерских и центральной электрической станции³⁷.

В состав правления первой похоронной кассы в 1900 г. вошли: И.Я. Кайгородов (председатель правления), Д.Ф. Андреев, Н.Г. Русинов (члены правления), С.И. Чистов, Ф.А. Емельянов, С.Г. Сморкалов (кандидаты членов

правления), М.Т. Устюжанин, Н.И. Колпаков, А.Я. Осипов (члены ревизионной комиссии). Членами правления второго отдела похоронной кассы стали – Г.И. Кожевников (председатель правления), В.К. Попов, С.П. Казаков (члены правления), И.Т. Леушин, И.М. Пузанов, И.Л. Клепов (кандидаты членов правления), Д.П. Козырев, Н.М. Аввакумов, Л.И. Серебров (члены ревизионной комиссии)³⁸. Правление третьей кассы в 1900 г. составили: А. Гребенщиков (председатель правления), В. Григоровский, Д. Замаараев (члены правления), Тунгузсков, Лямин, Бармин* (кандидаты в члены правления), Я. Корабейников, И. Осинцев, И. Короваев (члены ревизионной комиссии)³⁹.

Примечательно, что членами похоронной кассы становились люди разных возрастных категорий. Например, в общество вступали как молодые люди с 17 лет⁴⁰, так и члены более зрелого возраста до 67 лет⁴¹. Вероятно, это можно объяснить неблагоприятными условиями жизни и работы сельских обывателей Ижевска. В частности, особое внимание этой проблеме уделил И.И. Андржеевский, старший врач лазарета Ижевского оружейного завода. В своей научной работе, он пишет о чрезвычайно высокой смертности на Ижевском заводе. Автор отмечает следующие факторы, оказывающие непосредственное влияние на здоровье ижевцев: суровый, непредсказуемый климат, тяжелые условия работы на заводе, пьянство, распространенное во всех возрастных категориях. Доктор Андржеевский определил среднюю продолжительность жизни ижевца в 17,6 лет⁴².

За два года существования организации количество человек, состоящих в обществе взаимопомощи, резко сократилось, что было связано, однако, отнюдь не с частыми смертными случаями среди членов общества. Возможно, выплата членских взносов для мастеровых и рабочих оказалась слишком обременительной. Так, в первой кассе к началу 1902 г. было 239 членов, а к началу 1903 г. четыре человека умерли, 70 человек покинули организацию по собственному желанию⁴³. Во второй кассе – в 1902 г. состояли 303 члена, к 1903 г. выбыли 116, из которых умерло только 7⁴⁴. Членами третьей кассы в 1902 г. были 345 человек, несмотря на то, что в организацию вступило 22 новых члена, к 1903 г. осталось только 197 человек, причем умерших членов было шесть⁴⁵.

Это вызвало необходимость изменить или дополнить устав похоронной кассы, рассмотреть возможность объединения трех отделов касс в один⁴⁶. Однако, окончательное решение не было принято, и в течение 1903 г. три кассы продолжали руководствоваться прежним уставом. К началу 1904 г. количество членов в них было практически одинаковым: в первой кассе – 152 человека⁴⁷, во второй кассе – 140⁴⁸, в третьей – 156 членов⁴⁹.

* Инициалы в документе отсутствуют.

В феврале 1904 г. на общем собрании члены третьей кассы приняли решение внести изменения в устав общества. Изменения касались уменьшения размера членских взносов, которые, по желанию рабочих, не должны были превышать 3 руб. в год. Также, предполагалось ввести новый порядок выплаты похоронных пособий, начав с небольшой суммы, а затем, постепенно увеличивать пособие каждые пять лет – от 20 до 25 лет. Таким образом, постоянные члены организации, после 20–25 летнего пребывания освобождались бы от дальнейших взносов и имели право на полное похоронное пособие⁵⁰. Также, в 1907 г. предпринималась еще одна попытка объединения двух отделов касс⁵¹.

Не смотря на попытки преобразований для сохранения общества взаимопомощи, практически в одно время, все три отдела организации были закрыты. В феврале 1906 г. была закрыта вторая касса⁵², в 1907 г. прекратили существование первый⁵³ и третий отделы⁵⁴. По всей видимости, причины, послужившие закрытию всех трех касс, были одинаковы: малое количество членов и отсутствие желающих вступить в общество. Так, незадолго до закрытия, во втором отделе кассы было всего 111 членов⁵⁵, в первой кассе, к моменту закрытия оставалось 116 членов⁵⁶, в третьем отделе организации состояли 107 участников⁵⁷. Это неизбежно сокращало сумму похоронного пособия, и цель организации не могла быть реализована⁵⁸.

Тем не менее, общество взаимопомощи на случай смерти, просуществовавшее в течение довольно долгого времени, сыграло немаловажную роль в жизни рабочих, а так же их семей. Организация оказывала значительную материальную поддержку в один из самых тяжелых периодов жизни – смерть одного из членов семьи, зачастую кормильца. Причем, похоронное пособие выдавалось родственникам умершего практически сразу же после смерти члена организации, что позволяло предоставить необходимую сумму для погребения в срок. Несмотря на то, что организация имела простую структуру: у нее было только одно направление деятельности – выдача пособия родственникам умершего члена, это напротив упрощало доступ в общество и делало его более привлекательным, так как большее количество функций потребовало бы больших затрат, что увеличивало сумму членского взноса. Система взимания членских взносов была чрезвычайно удобной: взносы выплачивались не регулярно, через определенные промежутки времени, а только по причине смерти одного из членов похоронной кассы, что было менее обременительно. В целом, похоронная касса на Ижевских заводах отражала общие тенденции развития общественных институций подобного типа: объединение по профессиональному признаку, самофинансирование, самоуправление.

- ¹ Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века // Отечественная история. 2007. № 6. С. 51.
- ² Там же. С. 56.
- ³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3619. Л. 198–198 об., 213.
- ⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3619. Л. 203.
- ⁵ Туманова А.С. Указ. соч. С. 23.
- ⁶ Там же. С. 90.
- ⁷ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3444. Л. 12
- ⁸ Там же. Л. 1, 1 об., 8, 8 об.
- ⁹ Там же. Л. 12, 12 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 46.
- ¹¹ Там же. Л. 46, 46 об.
- ¹² Там же. Л. 46 об.
- ¹³ Там же. Л. 46 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 46 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 47.
- ¹⁶ Там же. Л. 47.
- ¹⁷ Там же. Л. 47 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 47 об.–48 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 48 об.
- ²⁰ Там же. Л. 49.
- ²¹ Там же. Д. 3496. Л. 176–178.
- ²² Там же. Л. 195, 195 об., 198, 198 об.
- ²³ Там же. Л. 199, 199 об.
- ²⁴ Там же. Д. 3444. Л. 49, 49 об.
- ²⁵ Там же. Л. 49 об., 50.
- ²⁶ Там же. Л. 51–52.
- ²⁷ Там же. Д. 3735. Л. 9, 9 об.
- ²⁸ Там же. Д. 3736. Л. 84а, 84а об., 121, 147–148, 179–182; Д. 4077. Л. 9, 9 об.
- ²⁹ Там же. Д. 3735. Л. 2, 113, 113 об.
- ³⁰ Там же. Д. 3444. Л. 52, 52 об.
- ³¹ Там же. Л. 53.
- ³² Там же. Л. 53 об., 54.
- ³³ Там же. Л. 54 об., 55.
- ³⁴ Там же. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Л. 21, 21 об.
- ³⁶ Там же. Л. 26, 26 об.; Д. 3498. Л. 66.; Д. 3552, Л. 3.
- ³⁷ Там же. Д. 3525. Л. 8, 8 об.
- ³⁸ Там же. Д. 3444. Л. 22–23.
- ³⁹ Там же. Д. 3552. Л. 1.

- ⁴⁰ Там же. Д. 3495. Л. 22.
- ⁴¹ Там же. Д. 3497. Л. 45.
- ⁴² Андржеевский И.И. Болотные болезни на севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. Дис. док. медицины. СПб., 1880. С. 60.
- ⁴³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3444. Л. 58.
- ⁴⁴ Там же. Л. 60.
- ⁴⁵ Там же. Л. 62.
- ⁴⁶ Там же. Л. 56–57, 64.
- ⁴⁷ Там же. Л. 74; Д. 3613. Л. 11.
- ⁴⁸ Там же. Л. 76.
- ⁴⁹ Там же. Л. 80.
- ⁵⁰ Там же. Л. 82–83.
- ⁵¹ Там же. Д. 3736. Л. 179–182.
- ⁵² Там же. Д. 3735. Л. 125, 125 об.; Д. 4077. Л. 7–8 об., 25–26.
- ⁵³ Там же. Д. 3613. Л. 32, 32 об.; Д. 4077. Л. 10, 10 об., 25–26.
- ⁵⁴ Там же. Д. 3736. Л. 183–184 об.; Д. 4077. Л. 24–26.
- ⁵⁵ Там же. Д. 3735. Л. 123.
- ⁵⁶ Там же. Д. 3613. Л. 32, 32 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 4077. Л. 27.
- ⁵⁸ Там же. Д. 3735. Л. 125, 125 об.; Д. 3613. Л. 32, 32 об.; Д. 4077. Л. 7–8 об.; Д. 4077. Л. 10, 10 об., 24–26, 31, 31 об.

ИЖЕВСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ БОДЕ ИЗ НЕМЕЦКОГО ГОРОДА ХЕРЦБЕРГА*

А.Б. Туркевич (г. Ижевск)

На крайнем юго-востоке Федеральной земли Нижняя Саксония, в живописной долине южных отрогов горного массива Гарц у истока р. Зибер, в 90 км юго-восточнее г. Ганновера уютно расположился небольшой городок Херцберг (Herzberg am Harz). Из достопримечательностей этого городка с населением 14 тысяч человек, о котором не все знают даже в Германии, известны бывший княжеский замок, развалины крепости, разрушенной во время

* Автор выражает искреннюю благодарность жителю г. Ахима (Германия) Петеру Фидлеру и студентке Берлинского университета Рагне Фогель за предоставленную информацию о семье братьев Бодe.

Семилетней войны, и церковь Св. Николая. В окрестностях города в пещерах попадаются находки эпохи палеолита. Определенному кругу лиц Херцберг известен как международный центр эсперантистов. Для нас же этот малопримечательный, на первый взгляд, городок представляет интерес совсем по другой причине.

Первое упоминание о замке Херцберг – в дарственной грамоте Генриха Льва – относится к 1154 году. Под 1337 г. в документах появляются свидетельства о существовании небольшого селения с одноименным названием у подножия горы, на которой был воздвигнут замок. В средние века поселение носило названия Хирцесберг (Hircsesberg), Хирцберх (Hirzberch), Хертсберг (Hertsberg). Предполагается, что первая часть названия города происходит от Hirsch – олень. Олень и по сей день является частью городского герба.

До конца первой трети XVIII в. Херцберг вел жизнь обычного провинциального городка, главными отраслями хозяйства которого были производство сукна и льняных тканей, а также пивоварение, земледелие, деревообработка. В 1732 г. власти княжества Ганновер, на территории которого находился Херцберг, распорядились об учреждении в нем оружейной мануфактуры. Первая продукция нового для города предприятия была выпущена в 1738 г. Событие это стало значимым не только для самого Херцберга, но и сыграло определенную роль в судьбе другого города, находящегося в тысячах километрах, на восточной окраине Европы.

До основания оружейной мануфактуры в Херцберге ганноверская армия оснащалась привозным стрелковым оружием, главным образом, из Бельгии и Тюрингии. Своих оружейных кадров в Херцберге не было, поэтому пришлось приглашать рабочих из-за рубежа. Возможно, в числе приглашенных оказался кузнечных и слесарных дел мастер Иоганн Фридрих Вильгельм Боде. Он был женат на Иоганне Розине Хедвиг Барстенхорст. 7 марта 1752 г. у них родился сын Иоганн Антон Фридрих. Сын пошел по стопам отца и устроился учеником (Geselle) слесаря на оружейной фабрике в Херцберге. 30 июня 1776 г. он женился на Иоганне Софии Христине Хедвиг Бойсхаузен, приемной дочери (падчерице?) отставного капрала Иоганна Генриха Бойсхаузена, служившего в полку генерал-лейтенанта фон Вальдхаузена. Иоганн Антон Фридрих умер в Херцберге 10 мая 1804 г., а его жена – тоже в Херцберге – 6 мая 1817 г. У супружеской четы Боде было шестеро детей – 5 сыновей и дочь. Дочь Регина Фридерика – младшая в семье – родилась 4 сентября 1793 г. и умерла 15 декабря 1839 г. Ее братьям суждено было прожить более долгую жизнь. Старший, Иоганн Фридрих, родился 11 сентября 1776 года. Работал на оружейной фабрике. 19 июля 1801 г. женился на Доротее Луизе Боде. Возможно, они были дальними родственниками, но, может быть, и просто однофамильцами – фамилия Боде в Германии весьма распространена. Умер Иоганн Фри-

дрых 11 июля 1842 г. Третий брат, Иоганн Август Генрих, родился 21 июня 1782 г. Как и старший брат, был оружейным мастером. Женился 21 апреля 1808 г. на Марии Иоганне Элеоноре Гейланд (Heiland). Умер 9 декабря 1844 г. Самый младший из братьев, Иоганн Генрих Георг, родился 10 ноября 1790 г. и умер 11 июня 1848 г. В отличие от отца и старших братьев работал в бумагоделательной мастерской. В жизни же второго и четвертого из братьев Боде произошел крутой поворот, связавший их судьбы с судьбами другой страны, России, в которой они оставили след бескорыстным служением новому Отечеству, и добрую о себе память.

Иоганн Филипп Эрнст родился 26 октября 1779 года. 16 октября 1803 г. он в последний раз упоминается в архивных документах г. Херцберга как крестный отец Августа Дитриха Филиппа Боде, сына своего брата Иоганна Фридриха.

Фридрих Вильгельм родился 30 июня 1788 г. Как и его брат, в последний раз отмечен в архивных источниках в качестве крестного отца своего племянника – Готтлиба Фридриха Вильгельма, сына брата Иоганна Августа Генриха – 1 июня 1811 г. Даты смерти обоих братьев отсутствуют, что и не удивительно – свой жизненный путь они окончили вдали от родины.

Иоганн Филипп Эрнст Боде прибыл в Россию в составе первой группы иностранных специалистов, приглашенных русским правительством на только что основанный Ижевский оружейный завод весной 1807 года. В архивных документах он теперь фигурирует как Филипп Антон Эрнест Боде или Филипп Антонов Боде. С 20 августа 1815 г. и до самой смерти в 1841 г. Ф.А. Боде занимал должность Главного мастера Ижевского оружейного завода. Находясь в этой должности, прошел пять ступеней Табели о рангах, дослужившись в 1829 г. до чиновника 9-го класса, что соответствовало гражданскому чину титулярного советника¹. Боде был в числе лиц, представленных императору Александру I во время посещения им Ижевского оружейного завода 4–5 октября 1824 г. Во время этой встречи он получил из рук монаршей особы подарок – золотые часы с цепью². «Главный мастер по всему оружейному заводу Боде» принимал участие и во встрече с наследником престола цесаревичем Александром Николаевичем (Будущим императором Александром II) 21 мая 1837 года.

Но не только участием в церемониальных мероприятиях, полагававшихся ему по должности, отмечен в источниках Ф.А. Боде. В отчете об инспекторском осмотре Ижевских заводов 30 октября 1833 – 2 июня 1834 гг., составленном генерал-майором Бонтаном и полковником Бакуниным, дается лестный отзыв о работе немецких специалистов: «Глядя на работу здешних оружейников нельзя не отдать справедливости немецким мастерам, положившим корень сему заведению и смело можно сказать что пока из них которые еще живы и в силах служить кого бы не назначить командиром завода, ижевское оружие будет все хорошо выделано»³. Не обделен вниманием в этом отзыве и Главный

мастер, на просьбу которого об увеличении штатов последовал следующий комментарий: «...Если верить просьбе поданной мне по сему предмету Главным мастером Бодe, в усердии коего по блестящему состоянию до которого доведена здесь выделка оружия и по долговременной его службе, почти сомневаться нельзя, тем более, что судя по летам его он недолго уже на службе оставаться может и следственно большой личной выгоды для него при сем нет»⁴.

Был в биографии Главного мастера Бодe и малоприятный эпизод, не сказавшийся, впрочем, на его репутации как человека порядочного, не преследующего корыстных целей. Речь идет о пропаже образцового пистолета, переданного на завод в феврале 1833 г. «...в чем имеется росписка главного мастера 10-го (?-очевидно в документе ошибка. – Л.Т.) класса Бодe»⁵. За утерянный пистолет «удержано ...с г. Бодe 7 рублей 32 ½ копейки»⁶. Филипп Бодe не стал, выражаясь современным языком, использовать свое служебное положение для того, чтобы выгородить себя в этой странной истории, возложив вину на своего подчиненного, младшего смотрителя 12-го класса Михайлова. Но последнему все же пришлось выложить из своего кармана 1 рубль 45 ¾ копейки.

Приехав на Ижевский завод холостяком в возрасте 27 лет, Филипп Бодe здесь женился, 27 февраля 1826 г. у него родился сын Александр⁷. Последние годы жизни Ф.А. Бодe часто болел и закончил свой земной путь 21 августа 1841 г.⁸

1. В конце 1960-х гг. во время земляных работ при строительстве Ледового дворца в Ижевске на месте Нагорного кладбища у Троицкой церкви была найдена медная табличка с надгробия Ф.А. Бодe. На табличке выгравирована короткая, но выразительная надпись : «Г-нь 9-го класса Филипъ Антоновъ Бодe родился 1779 декабря 14-го А скончался 1841-го года августа 22 дня. Служил Отечеству въ Ижевскомъ Оружейномъ заводе 34 года четыре месяца и 17 дней». Обращает на себя внимание незначительное – на один день – расхождение в дате смерти с записью в метрической книге. Впрочем, эту разницу можно считать не столь существенной. Гораздо больше вопросов вызывает расхождение в дате рождения Ф.А. Бодe. По сравнению с записью в архивных документах г. Херцберга разница составляет 49 дней. Возможно, автор текста на табличке просто перепутал месяцы – декабрь вместо октября, а число – 14-е вместо 26-го – появилось при переводе даты с григорианского календаря на юлианский. Как бы то ни было, память о Филиппе Антоновиче Бодe оказалась увековеченной в истории Ижевска. А найденная в земле табличка попала в руки доктора исторических наук Е.Ф. Шумилова, который в 2007 г., в год 200-летия Ижевского оружейного завода, передал ее в дар Национальному музею Удмуртской Республики имени К. Герда (36956–УРМ).

Если вехи жизненного пути Ф.А. Бодe отложились только в архивных источниках, то имя Фридриха Вильгельма Бодe осталось в созданных им произ-

ведениях, которые стали настоящими памятниками оружейного мастерства. Четвертый из братьев Боде появился на Ижевском заводе, вероятно, около 1818 г. И с этого времени он проходит в наших письменных источниках как Вильгельм Антонов Боде или Василий Антонов Боде. Возможно, Вильгельм Боде был приглашен на Ижевский завод по рекомендации старшего брата и уже имел репутацию оружейного мастера высокой квалификации. Не случайно он сразу же был определен на должность приладного мастера и помощника главного мастера, т.е., своего брата. Согласно заключенному в Артиллерийском департаменте контракту от 14 мая 1818 г. В. Боде «обязан был в течение двух лет сверх собственных работ обучить совершенно приладному искусству русских мастеровых... десять человек...»⁹. О том, насколько ценен для руководства завода был приладный мастер Боде, свидетельствуют некоторые статьи заключенного с ним контракта. Ему было определено годовое жалование в размере 2000 рублей в год с предоставлением от завода казенной квартиры. В случае болезни «Боде пользоваться ему медикаментами из заводской аптеки с отпуском по примеру прочих иностранцев безденежно, а с вычетом на счет того из его жалованья по две копейки с половиною из рубля»¹⁰. Судя по всему, В. Боде полностью выполнил взятые на себя обязательства, доказав свой высокий профессионализм, что подтверждают документы, из которых явствует, что объясняя свое решение продлить с ним контракт «оружейная контора находит полезным оставить на службе иностранца Боде для руководства приладным мастерством и для усовершенствования в оном учеников, так и потому что он исправляет должность помощника Главного мастера»¹¹. Мнение оружейной конторы подтверждает и инспектор заводов генерал-майор Грен, который 31 июля 1820 г. уведомляет начальника заводов, что «приладной мастер Боде при занимаемой им должности необходимо нужен, и заключенный с артиллерийским департаментом контракт в рассуждении обучения сему мастерству учеников совершенно оправдан. А потому на заключение с ним нового условия на двухгодичное время на прежних условиях я вынуждаюсь согласиться»¹². Как и его брат, Вильгельм Боде обзавелся семьей уже в Ижевске. В 1822 г. у него родился сын Август, который умер в возрасте трех лет 11 ноября 1825 г.¹³ А восемь месяцами раньше – 3 марта – у него родилась дочь Анетереза¹⁴.

2. Из известных нам источников не совсем ясно, что скрывалось за понятием «приладное мастерство», но не слишком рискуя ошибиться, можно предположить, что оно включало в себя все виды ручной работы оружейного мастера: граверное искусство, инкрустация, резьба по дереву, изготовление ложи и замков, подгонка и отладка узлов и деталей. Гость из Херцберга, надо полагать, в совершенстве владел этими тонкостями и обучал им своих русских учеников. Примерами его высочайшего мастерства могут служить

произведения, которые в настоящее время входят в состав коллекций ведущих музеев страны. В собрании Государственного Эрмитажа хранятся два кремневых гравированных золотом пистолета, изготовленных В. Боде и подаренных Александру I во время посещения им Ижевского оружейного завода в 1824 г. (В некоторых публикациях авторство этих пистолетов ошибочно приписывается Филиппу Боде). Государственный Исторический музей располагает кремневым штуцером его работы. Еще одно ружье В. Боде хранится в Ростово-Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Но подлинным шедевром, созданным руками мастера, является двуствольное охотничье казнозарядное ружье, которое с 1997 г. является гордостью Национального музея УР (27219–УРМ). В свое время появление этого ружья в Ижевске (а, точнее, его возвращение на историческую родину) вызвало немалый резонанс, оно освещалось в средствах массовой информации, неоднократно экспонировалось на выставках. Не вдаваясь в технические характеристики этого памятника, отметим лишь, что при его создании автор продемонстрировал и свои незаурядные конструкторские способности. Во всяком случае, к настоящему времени охотничьих ружей аналогичной конструкции среди произведений отечественных мастеров не известно ни в музейных собраниях, ни в частных коллекциях, и в этом плане ружье Боде может считаться уникальным.

К сожалению, памятник дошел до нас в искаженном виде. Подлинная ложа не сохранилась и мы не знаем, как она выглядела. Но художественное оформление металлических частей – стволов, колодки, затвора – служит подтверждением высокого мастерства его автора. Некоторую пикантность ружью придает всецелая серебряной проволокой на соединительной планке надпись на русском языке: «Ижъ Василій Антоновъ Боде», выполненная готическим шрифтом. В таком же стиле нанесена фамилия автора на затворе ружья.

Архивных источников, которые прямо бы указывали на время его изготовления пока не найдено. Ряд конструктивных и художественных особенностей наталкивают на мысль, что это могло произойти в 1833–1843 гг., а цифра «4», всецелая серебром на затворе, позволяет предположить, что ружье было частью некоего набора (или, по-другому говоря, гарнитура), создание которого было приурочено к какому-то важному событию в истории завода. В одной из публикаций несколько лет назад автором было высказано предположение, что таким событием могло быть посещение завода наследником престола 21 мая 1837 г.¹⁵ Но, в дальнейшем, знакомство с документами Государственного архива Кировской области заставило несколько скорректировать это мнение. В архивных источниках речь идет об участии завода в Вятской губернской выставке в мае-июне 1837 г. В донесении чиновника особых поручений от 27 апреля 1837 г. сообщается, что рабочие завода в связи с занятостью казен-

ными работами не успеют приготовить свои изделия для показа на выставке. В отличие от них, у находящегося в отставке мастера «изъ немцовъ» Вильгельма Боде автор послания видел «весьма красивой отделки ружья, штуцера, карабины и пистолеты всех не менее двадцати». Правда, на момент отправки донесения, Боде, судя по его тексту, еще не решил для себя вопрос об участии в выставке «...под предложениями, или что работа его не так хороша чтоб быть на выставке, или что он подумает и отправит прямо от себя в Вятку...»¹⁶. Видимо, вопрос о показе на выставке изделий мастера Боде был решен, в конечном итоге, при участии первых заинтересованных лиц. В письме командира Ижевского оружейного завода генерал-лейтенанта Нератова на имя Вятского гражданского губернатора Тюфяева от 16 мая 1837 г. говорится о 4-х ружьях, «взятых от иностранца Боде для представления их на Губернской выставке»¹⁷. Надо полагать, В. Боде из всех имеющихся у него изделий выбрал для выставки самые лучшие. И если предположить, что каждое из отобранных четырех ружей он пронумеровал, то наше ружье и могло быть отправлено на выставку под номером «4». Из дальнейшей переписки командира завода с Вятским гражданским губернатором явствует, что три ружья из четырех были на выставке проданы. Было ли ружье под номером «4» в числе трех проданных или благополучно вернулось к своему хозяину, мы пока не знаем. Но, так или иначе, ему было суждено проделать тысячекилометровый путь на север Восточной Сибири, чтобы затем, в конце XX в. вернуться на свою родину.

Вильгельм Боде не только сам изготовлял первоклассные ружья, но и, как мы знаем, обучал «приладному» мастерству ижевских мастеровых. Это не могло не сказаться на манере и технике художественного оформления оружия его учеников. Государственный Исторический музей располагает промысловой винтовкой 1820–1830-х гг. ижевского мастера А.В. Быкова. Замок винтовки кремневый, аналогичный замку на штуцере Боде. Более того, форма шомпольных трубок одинакова с таковыми же на штуцере¹⁸. Это является свидетельством единого стиля украшений для ижевских ружей того времени. И, думается, В. Боде сыграл не последнюю роль в формировании этого стиля.

Вильгельм (Василий) Антонович Боде почти на двадцать лет пережил брата и умер в глубокой старости. Оба они обрели в России вторую родину, пустили здесь корни и дали начало поколениям уже ижевских Боде.

Между тем, судьба оружейного производства на их первой родине сложилась не очень счастливо. В 1866 г. Ганновер был аннексирован Пруссией и оружейной фабрике в Херцберге оказалось не под силу конкурировать с прусскими гигантами оружейной индустрии. Постепенно она перешла на производство боеприпасов и взрывчатых веществ. 4 апреля 1945 г. в результате детонации на фабрике произошел взрыв, приведший практически к ее уничтожению.

Пути Херцберга и Ижевска, как мы видим, диаметрально разошлись. Первый превратился в тихий провинциальный городок, один из многочисленных в Германии центров городского туризма. Второй стал одним из крупнейших в мире центров по производству стрелкового оружия. И свою лепту в это внесли братья Боде, уроженцы ганноверского города Херцберга.

¹ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 175. Л. 8–13.

² Там же. Т. 1. Д. 249. Л. 54.

³ Там же. Д. 204. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 35 об.

⁵ Там же. Д. 202. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 43.

⁷ Там же. Д. 136. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 434. Л. 31 об.

⁹ Там же. Оп. 1. Т. 1. Д. 75. Л. 37.

¹⁰ Там же. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 46.

¹² Там же. Л. 47.

¹³ Там же. Д. 119. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Охота и рыбалка. XXI век. 2006. № 3.

¹⁶ Государственный архив Кировской области. Ф. 582. Оп. 81. Д. 1167. Л. 114.

¹⁷ Там же. Л. 101.

¹⁸ Шокарев Ю.В. Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. М., 2005. С. 95.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ ИЖЕВСКА В НАЧАЛЕ XX В.

А.А. Машковцев (г. Киров)

Определение точной даты появления евангельских христиан на территории Удмуртии в значительной мере затруднено ограниченностью источников, относящихся к дореволюционному этапу их истории. Первое официальное обращение представителей рассматриваемой конфессии к местным властям датируется 1914 г. 22 ноября 26 жителей Ижевска обратились к сарапульско-

му уездному исправнику с просьбой разрешить им проведение молитвенных собраний в доме М.Д. Самоделкина¹. Однако, несомненно, что евангелизм в Ижевске возник несколькими годами раньше. Вятский епархиальный миссионер Иоанн Маракулин в работе «Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г.» указывает, что «евангельские христиане появились в Малмыжском уезде с 1905 г., а на Ижевском заводе с 1911 г.»². К сожалению, в статье И. Маракулина, насыщенной интересными фактами и глубокими выводами, отсутствуют ссылки на первоисточники, что заметно снижает ее репрезентативность. Однако у нас нет причин не доверять ему в этом вопросе, поскольку он касается лишь датировки появления евангельских христиан в Удмуртии, а не анализа их догматики или проповеднической деятельности. Стоит подчеркнуть, что в этом плане Маракулин является достаточно надежным источником, так как в силу своих должностных обязанностей (губернский антисектантский и противораскольнический миссионер) он получал точную и объективную информацию о любых инославных христианских исповеданиях края. Но даже если усомниться в достоверности приводимых им сведений, то из контекста статьи видно, что евангельские христиане появились в крае раньше 1914 г., поскольку к этому времени они представляли собой сплоченную и организованную религиозную группу, обладавшую солидными финансовыми ресурсами и проводившую активную проповедническую работу.

По словам Иоанна Маракулина, в Ижевске «секта евангельских христиан насаждена заводскими обывателями Самоделкиным и Игошиным, заразившимися сектантством на военной службе. Большое влияние на появившихся сектантов оказал заводской обыватель Иоанн Андреевич Храмов, 18 лет проживший в Петрограде, и, будто бы... уехавший учиться на сектантских богословских курсах»³. В Ижевске евангелистские проповедники добились больших успехов, чем в других городах Вятской губернии. Так, уже осенью 1914 г. ижевская община насчитывало около 30 человек, при этом 18 верующих на основе нового религиозного законодательства официально перешли из православия в евангелизм⁴.

Стоит отметить, что после издания манифеста от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и до начала Первой мировой войны российское правительство не предпринимало против евангельского движения каких-то жестких репрессивных акций. Региональные власти по инерции продолжили относительно либеральный курс и первые месяцы после начала боевых действий. Так, в июле 1915 г. они дали согласие на открытие в Ижевске евангелистской молельни⁵. Однако после резкого ухудшения ситуации на фронте в 1915 г. происходит ужесточение вероисповедной политики государства, что проявилось во введении новых дискриминационных санкций против

ряда неправославных христианских конфессий, в том числе и евангельских христиан. По мнению известного советского религиоведа А.И. Клибанова, такая смена курса была вызвана тем, что «деятели православной церкви и черной сотни, воспользовавшись разгулом шовинистических настроений... представили баптистов, адвентистов и евангельских христиан как немецких агентов, изменников и... без особого труда добились закрытия общин и судебно-полицейских репрессий против инаковерующих»⁶. При некоторой жесткости формулировки утверждение А.И. Клибанова вполне справедливо. Действительно, многие деятели РПЦ (как в центре, так и на местах) воспользовались благоприятной возможностью для нанесения удара по протестантам, занимавшимся прозелитизмом среди православных верующих.

2 марта 1916 г. состоялось заседание Сарапульского духовного правления, на котором был заслушан доклад уже известного нам миссионера Иоанна Макарулина. Священник обвинил евангельских христиан и баптистов в бойкоте воинской повинности, а также в прогерманских настроениях. «Не случайно, что евангельские христиане появились в Ижевске перед войной с немцами. В Вятской губернии немало заводов, но оружейный Ижевский завод – единственный. В нем-то и появились сектанты, отрицавшие войну. Собрания этих сектантов посещаются мобилизованными или состоящими на учете, и конечно эти люди не услышат здесь патриотических речей, но вдоволь наслушаются речей гнилых... Евангельские христиане, разъезжая в конце 1915 г. по Малмыжскому уезду, говорили, что проповедуемая ими вера – единственно истинная и что ее следует принять как можно скорее. Принятие ее неизбежно, так как настоящая война все равно кончится победой Германии и немцы, исповедующие эту веру, будут принуждать принять ее, а упорных будут мучить и казнить»⁷.

Насколько были справедливы обвинения в пацифизме и бойкоте мобилизации? Вероучение евангельских христиан вовсе не запрещало верующим исполнять свой воинский долг. «Мы считаем себя обязанными, когда потребует начальство, нести повинности военной службы», – отмечалось в одном из их доктринальных положений⁸. В 1915 г. лидер евангелистов И.С. Проханов представил правительству записку «О преследованиях евангельских христиан и сродных им христиан во время войны», в которой, по словам А.И. Клибанова, «опроверг церковно-черносотенные инсинуации и убедительно показал равное со всеми другими российскими гражданами участие своих последователей в мировой войне»⁹. Наконец, даже представители правоохранительных органов, внимательно следившие за деятельностью протестантов, отвергали обвинения в тотальном бойкоте воинской повинности или в прогерманских настроениях. «Как докладывает мне полицейский пристав Ижевского завода... вредных результатов баптизма в селении при заводе и на нем самом не наблюдается: нет ни распространения революционных идей, ни отрицатель-

ного отношения к воинской повинности, ни неповиновения властям, ни приверженности к германизму», — писал сарапульский уездный исправник¹⁰.

Конечно, случаи отказа евангельских христиан от исполнения воинского долга имели место, однако это явление не носило массового характера. По данным Департамента духовных дел иностранных исповеданий, за период с августа 1914 г. по февраль 1917 г. от военной службы уклонилось всего 240 верующих этой конфессии, при том что их общая численность в стране равнялась примерно 50 тысячам человек¹¹. В этом отношении евангельские христиане мало чем отличались от адептов других конфессий, среди которых также встречались уклонисты.

Случаи отказничества среди ижевских евангельских христиан также имели место, но являлись скорее исключением из правил. Они происходили, главным образом, в 1916–1917 гг., то есть в период угасания патриотических настроений и начала постепенного разложения армии. Так, в июне 1916 г. был арестован евангелист Василий Русанов, являвшийся уроженцем г. Оса Пермской губернии. В 1914 г. он переехал в Ижевск, рассчитывая избежать призыва в армию (некоторые категории рабочих Ижевского оружейного завода получали бронь). Работая в прокатной и магазинно-коробочной мастерских названного предприятия, Русанов познакомился с несколькими евангельскими христианами, которые вовлекли его в свою общину. В течение второй половины 1914 г. — начала 1915 г. Русанов регулярно посещал их молитвенные собрания, проходившие в доме уже упомянутого М.Д. Самоделкина. По всей видимости, Русанов так и не смог получить отсрочки от призыва, поскольку 23 апреля 1915 г. отправился обратно на родину для отбытия воинской повинности¹². Уже находясь в действующей армии, он отказался принимать участие в боевых действиях, мотивируя это своими религиозными убеждениями. На наш взгляд, причиной его отказа воевать послужили вовсе не христианские заповеди, а элементарный страх за свою жизнь. Это косвенно подтверждает и тот факт, что другие члены той же ижевской евангелистской общины мужественно сражались на фронтах войны.

Наконец, еще один случай привлечения местного евангельского христианина к уголовной ответственности за отказ воевать произошел незадолго до Февральской революции. В январе 1917 г. военным судом был осужден солдат Степан Акимов, призванный из деревни Верх. Лудзи Сарапульского уезда. Хотя в данной деревне не было зафиксировано случаев деятельности евангелистских проповедников, Акимов вполне мог столкнуться с ними в других населенных пунктах уезда или даже в армии. А.И. Клибанов указывает, что вскоре после начала войны евангельскими христианами была создана «специальная солдатская миссия, пропагандировавшая «евангельскую весть» среди нижних чинов армии и флота»¹³.

Таким образом, хотя среди ижевских евангельских христиан имели место единичные случаи отказа от участия в боевых действиях, однако нет никаких оснований говорить о тотальном бойкоте ими воинской повинности, а тем более обвинять их в предательстве и пособничестве немцам. Тем не менее, такие обвинения неоднократно звучали и, в первую очередь, из уст православного духовенства, обеспокоенного быстрым распространением баптизма среди адептов РПЦ. Главным итогом упомянутого совещания Сарапульского духовного правления, состоявшегося 2 марта 1916 г., стало предложение викарного епископа Амвросия «возбудить ходатайство перед вятским губернатором о закрытии сектантского молитвенного собрания в Ижевске в виду доказанного уже дружественного согласия этих сектантов с нашими врагами – немцами»¹⁴.

Конечно, руководство края прекрасно понимало подоплеку подобных измышлений, тем не менее оно не могло не учитывать интересов православного духовенства. 5 июля 1916 г. Вятское губернское правление запретило проведение молитвенных собраний евангельских христиан в Ижевске¹⁵. Через месяц ижевские протестанты ходатайствовали о возобновлении богослужений, но получили отказ, который мотивировался тем, что «Ижевский завод производит вооружение для нужд России, участвующей в войне против Германии, а евангельские христиане были объявлены пособниками последней»¹⁶.

Впрочем, вятское православное духовенство старалось предотвратить распространение протестантизма не только с помощью карательных акций светских властей, но и посредством собственной миссионерской деятельности. К примеру, на Ижевском заводе была создана специальная антисектантская миссия, которую возглавил священник Стефан Тронин, имевший большой опыт проповеднической деятельности¹⁷. Миссия практиковала самые разнообразные методы просветительской работы. В частности, она организовала бесплатные лекционные курсы, призванные содействовать «изобличению» евангельских христиан как «врагов Отечества» и «смутьянов». Лекторами являлись священники Стефан Тронин, Иосиф Пинегин и Александр Васнецов¹⁸. Епархиальное начальство поддержало инициативу ижевского духовенства, выделив на проведение лекционных занятий 100 рублей.

Кроме того, миссия издала несколько антисектантских брошюр, которые распространялись между жителями Ижевска, преимущественно теми, кто считался неустойчивым в вере и склонным к переходу в другую конфессию. Обычно в подобных изданиях содержался подробный разбор вероучения евангельских христиан, точнее, его критика, подкреплённая ссылками из Библии.

Наконец, православные миссионеры достаточно широко практиковали публичные беседы с лицами, перешедшими в евангелизм. Беседы проводились достаточно часто, по 3–6 раз в месяц. Обычно они велись в домах самих евангельских христиан, причем последние были обязаны впустить православного

миссионера и выслушать его наставления. Видимо, это предписание было вызвано инцидентом, произошедшим еще до закрытия ижевской молельни. 26 ноября 1915 г. православные священники пришли на собрание евангельских христиан, проходившее в доме Самоделкина, но были достаточно грубо выставлены, после чего обратились за содействием к уездным властям¹⁹.

Нельзя сказать, что работа ижевской миссии не дала никаких результатов. Священник одной из местных церквей о. Александр (Васнецов) писал в послании миссионеру М. Валькову: «Плод Ваших бесед налицо – присоединение семьи Мамаевых. 5 января мной торжественно присоединены к Св. Церкви уклонившиеся год тому назад в секту евангельских христиан... Федор Мамаев (54 года), его жена Матрона Мамаева (53 года) и их дети – Елизавета Окулова (23 года) и Николай Мамаев (15 лет)»²⁰. Однако подобные случаи были единичными и происходили крайне редко. Как правило, духовного воздействия оказывалось недостаточно, поэтому клирикам вновь приходилось обращаться за помощью к властным структурам.

Таким образом, евангельские христиане, появившиеся в Ижевске вскоре после окончания революции 1905–1907 гг., достаточно быстро создали заметную и устойчивую общину. Они активно занимались прозелитизмом среди адептов Русской православной церкви, что не могло не вызвать негативной реакции местного духовенства. Воспользовавшись началом Первой мировой войны, руководство Вятской епархии потребовало от губернских властей ликвидировать ижевскую общину евангельских христиан, обвиняя последних в пацифизме и в прогерманских настроениях. Однако ни административный произвол властей, ни миссионерское воздействие со стороны РПЦ не дали заметных результатов.

¹ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 1–2.

² *Маракулин И.* Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1915. № 44. С. 1291.

³ Там же.

⁴ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 1.

⁵ ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3293. Л. 2.

⁶ *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1965. С. 273–274.

⁷ ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3293. Л. 5.

⁸ *Андреев И.Д.* Баптисты // Христианство: энциклопедический словарь / гл. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993. Т. 1. С. 163.

⁹ *Клибанов А.И.* Указ. соч. С. 274.

- ¹⁰ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 25.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 102.
- ¹² Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 326. Л. 106.
- ¹³ Клибанов А.И. Указ. соч. С. 274–275.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3293. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 46.
- ¹⁶ Ярыгин Н.Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. М., 2004. С. 47.
- ¹⁷ Маракулин И. Указ. соч. С. 1292.
- ¹⁸ Там же. С. 1293.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3293. Л. 2 об.
- ²⁰ Маракулин И. Указ. соч. С. 1293.

ОПЫТ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИЖЕВСКЕ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ.

Ю.С. Зайнуллина (г. Воткинск)

В условиях перехода к рыночной экономике необходимо определить механизм функционирования учебных заведений, перехода на частичную самокупаемость, а также подготовки специалистов нового профиля, которые были бы востребованы в новых экономических условиях.

Высокий уровень физического и морального износа оборудования, материально-технической базы и отсутствие возможности ее обновления силами учебных заведений, осуществляющих подготовку рабочих кадров для современной промышленности, низкая оплата труда инженерно-педагогических кадров начально-профессионального образования осложняет подготовку высококвалифицированных кадров.

Многие из вышеперечисленных проблем были актуальны и в исследуемый период.

В 1960–1970-е гг. наблюдался повышенный интерес отечественных историков к истории рабочего класса, внимание исследователей было направлено преимущественно на изучение количественных и качественных характеристик, социальной структуры рабочего класса, повышение общеобразовательного и культурно-технического уровня рабочих¹. Изучением отдельных аспектов

истории рабочего класса в регионе занимались А.И. Суханов, А.С. Пономарев, Н.А. Родионов². Крупным исследованием по истории рабочего класса Удмуртии является изданная в 1979 г. коллективная монография «Рабочий класс Удмуртии» под ред. А.И. Суханова, в которой был изучен целый комплекс проблем: изменение состава рабочих кадров республики, повышение его общеобразовательного и культурно-технического уровня, внедрение достижений науки в производство, условиям труда и материального положения и др³.

Вопросы изучения истории рабочего класса нашли отражение в ряде разделов капитального коллективного труда «История Удмуртии: XX век»⁴. Авторы попытались обобщить накопленный историографический материал, переосмыслить события и процессы, происходившие в истории рабочего класса в регионе.

Историография проблемы профессионально-технического образования России подробно рассмотрена в статье С.С. Балдина⁵.

Среди современных работ исследователей Удмуртии, посвященных профессионально-техническому образованию, необходимо отметить диссертационную работу С.В. Чучалова. «Развитие профессионально-технического образования в Удмуртии в 40–80-е гг. XX века», в которой проанализирована динамика развития профессионально-технических училищ, выявлены этапы развития профессионально-технического образования, изучены формы и методы учебно-воспитательной работы, дана оценка материально-технической базы ПТУ.

Данная тема в региональном аспекте не потеряла своей актуальности, поэтому представляется существенным расширить базу архивных материалов, привлечь новый массив неопубликованных источников, в также изучить роль промышленных предприятий в системе подготовки специалистов.

Развитие системы профессионально-технического образования происходило под влиянием объективных экономических и внешнеполитических факторов.

В июле 1955 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором обсуждались вопросы дальнейшего развития страны. В докладе Н.А. Булганина впервые прозвучало: «Мы стоим на пороге новой научно-технической и промышленной революции, далеко превосходящей по своему значению промышленные революции, связанные с появлением пара и электричества»⁶. Однако мнения правящей элиты, партийных руководителей, ученых по данному вопросу оказались не столь однозначны⁷. Поскольку в результате революции осуществляется смена одной общественно-экономической формации другой⁸, понятие «научно-техническая революция» в официальных публикациях, освещающих решения июльского пленума ЦК КПСС, было заменено на менее противоречивый термин «научно-технический прогресс». На внеочередном XXI съезде КПСС в 1959 г. Н.С. Хрущев в докладе «о контрольных цифрах разви-

тия народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» отметил, что «огромные масштабы промышленного производства, его высокие темпы достигнуты на основе широкого использования новейших достижений науки и техники. Непрерывный технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства обеспечивается прежде всего развитием электрификации и машиностроения, особенно станкостроения и приборостроения, средств комплексной механизации и автоматизации производства, радиоэлектроники, электротехники. Только за последние три года создано и освоено свыше 4 500 новейших типов машин, механизмов и аппаратов»⁹.

Преобразование всей системы образования в исследуемый период связывалось с идеей «политехнического обучения». Мнения специалистов разделились. Было предложено несколько проектов развития советской системы образования¹⁰.

Советским руководством была принята модель политехнической школы, основанной на принципах взаимосвязи производства с образованием. Она окончательно оформилась в 1958 г. в «Законе об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР»¹¹. В Законе основной задачей профессионально-технического образования определялась «подготовка для всех отраслей народного хозяйства культурных и технически образованных квалифицированных рабочих», подчеркивалось, что «недостаточный профессионально-технический уровень части рабочих уже сейчас в некоторых случаях сдерживает рост производства. Поэтому важное значение приобретает развитие профессионально-технического обучения молодежи и улучшение качества подготовки рабочих кадров»¹².

Предполагалось преобразовать школы фабрично-заводского обучения, ремесленные, железнодорожные, горнопромышленные, строительные училища и училища механизации сельского хозяйства трудовых резервов, профтехшколы, школы фабрично-заводского ученичества и другие профессиональные учебные заведения совнархозов и ведомств в единый тип – дневные и вечерние городские профессионально-технические училища (далее – ГПТУ) со сроком обучения от одного года до трех лет и в сельские профессионально-технические училища (далее – СПТУ) со сроком обучения один-два года. Реорганизацию предполагалось провести в течение трех-пяти лет.

Итак, преобразование учебных заведений было вызвано несколькими причинами. Во-первых, окончание Великой Отечественной войны, позволило перейти на выпуск гражданской продукции. Увеличилась потребность в подготовке рабочих широкого профиля, способных выполнять разные виды смежных работ.

Во-вторых, в условиях постепенного технического и технологического перевооружения ведущих отраслей народного хозяйства (машиностроение,

металлообработка), необходимо было решить вопрос подготовки высококвалифицированных специалистов, способных решать сложные технические задачи, умеющих обращаться с современной техникой и оборудованием.

В-третьих, изменения в хозяйственной жизни страны, развитие новых отраслей промышленности повлекли за собой потребность в специалистах новых профессий, таких как наладчики автоматических линий, операторы счетно-аналитических машин и т.д.

С целью расширения перечня подготавливаемых профессий Главному управлению трудовых резервов СССР было поручено разработать новый тарифно-квалификационный справочник. Согласно перечню, сроки обучения предусматривались с учетом объема знаний и навыков. Годичный срок обучения устанавливался по профессиям и специальностям, связанным с обслуживанием оборудования, по несложным профессиям (токари, фрезеровщики и т.д.). Двухгодичный срок обучения предусматривался по совмещенным профессиям (токари-универсалы, электромонтеры по обслуживанию и ремонту оборудования и т.д.). Трехгодичный срок обучения намечался по универсальным профессиям (наладчики автоматических линий, аппаратчики по обслуживанию сложных машин и т.д.)¹³.

Согласно решениям XXI съезда КПСС, «каждому учебному заведению трудовых резервов необходимо приступить к разработке проекта плана своего развития на 1959–1965 гг. При разработке этих планов необходимо исходить, прежде всего, из планов развития базовых предприятий, их потребности в новых рабочих кадрах»¹⁴.

В 1961 г. Удмуртским республиканским управлением образования были введены новые планы и программы для городских профессионально-технических училищ.

Изменения коснулись некоторых основополагающих образовательных аспектов: увеличилось количество времени на производственную практику (от 55 до 68 % времени), изменилась структура учебного года, который стал делиться не на четверти, как раньше, а на I и II полугодие, предусматривались зимние каникулы. В зависимости от сложности профессий установлены сроки обучения от 1 до 3 лет. Предусматривалось расширение знаний учащихся в области современной техники, с этой целью в учебные планы введены новые предметы: «Основы механизации и автоматизации производства» (освещались сведения о приборах, установках, механизмах, применяемых для механизации производственных процессах, их устройства и применения, современных достижениях, перспективах развития), «Электротехника с основами промышленной электроники» (на изучение курса отводилось 60, 76 и 126 часов в зависимости от сроков обучения), «Основы организации производства. Экономика производства» (для профессий с трехлетним сроком обучения эти

вопросы выделены в самостоятельный предмет). На политзанятия отводилось 110 часов (знакомили с текущими политическими процессами, с решениями Пленумов). Введен факультатив (ФТД) по эстетическому воспитанию (освещались сведения по вопросам искусства – театр, живопись, архитектура). В новых планах был расширен перечень лабораторно-практических работ в курсах по специальной технологии, технической механике, электротехнике и др. Новые учебные планы были разработаны с учетом знаний учащихся, полученных в 8-летней общеобразовательной школе¹⁵.

Другим важным направлением в политике развития системы профессионально-технического обучения (ПТО) была попытка перевода ПТУ на частичную самокупаемость. Таким образом, государство пыталось сократить затраты на обучение специалистов.

Производственное обучение учащиеся проходили в мастерских и в цехах базовых предприятий Удмуртии. В процессе участия в производственном процессе учебные заведения имели возможность производить и реализовывать продукцию, полученную сверх установленной нормы, обеспечив себе дополнительный источник финансирования.

В ходе производственной практики в мастерских училища учащиеся выполняли различные задания базовых предприятий. Например, обработка деталей станка 2118 А, катков и крышек по заказу завода Строммашина в техническом училище (ТУ) № 8 города Ижевска. Доходы по мастерским ТУ № 8 за 6 месяцев в 1961 г. составили 18565 руб. Доходы от производственной деятельности в цехах предприятий составили 26420 руб.¹⁶

Учащиеся училищ города Ижевска проходили производственную практику в цехах базовых предприятий, таких как Ижевский машиностроительный, Ижевский электро-механический, Ижевский подшипниковый заводы, заводе Строммашина и др.

Стоимость обучения снижается и за счет заработной платы учащихся на предприятии. Средний годовой заработок на одного учащегося по первому году составляло примерно 390 рублей, по второму году – 710 рублей¹⁷.

Для достижения частичной самокупаемости и повышения качества учебно-воспитательного процесса были приняты меры по расширению самообслуживания. Нередко силами работников и учащихся изготавливались наглядные пособия для проведения лабораторно-практических занятий. Так в ГПТУ № 3 (Ижевск) в 1962 г. изготовлено около 500 штук различных наглядных пособий, в ГПТУ № 7 (Ижевск) – 180 штук, в ГПТУ № 2 (Воткинск) – 400 и т.д.

Другим источником дополнительного дохода стало активное привлечение учащихся профессионально-технических училищ к исследовательской работе. В период проведения в 1961 г. первого общественного смотра учебных заведений профессионально-технического образования Российской Федерации

по развитию массовой рационализации и изобретательства среди учащихся и работников школ, училищ и техникумов было внесено «5006 рационализаторских предложений, из которых 3213 внедрено в учебно-производственный процесс с экономическим эффектом в 149612 рублей»¹⁸. В рамках развернутого пол всей стране социалистического соревнования рационализаторов и изобретателей, в Удмуртии проводились конкурсы: «Лучший коллектив рационализаторов», «Лучшее общественное конструкторское бюро» и т.д. Победители награждались премиями в размере от 150 до 500 рублей и почетными грамотами.

Например, в 1963 г. из 614 учащихся в ГПТУ № 3 г. Ижевска, участие в смотре приняли 450 человек. Из предложенных 53 рационализаторских предложений, все были внедрены в производство¹⁹. По итогам всероссийского смотра, Постановлением Президиума ЦС ВОИР и коллегией Главного Управления профтехобразования при Совете Министров РСФСР Городское профессионально-техническое училище № 3 города Ижевска награждено почетной грамотой и премией в размере 300 рублей²⁰.

В целом по стране динамику расходов на подготовку рабочих в системе профтехобразования можно проследить из следующей таблицы:

Годы	Затраты на обучение (млн. руб.)	Кол-во выпускников (тыс. чел.)	Затраты на обучение 1-го специалиста (тыс. руб.)	Изменение в % к прошлому периоду
1950-е гг.	551	493	1,118	
1960-е гг.	600	741	0,81	72,45
1970-е гг.	1313	1637	0,802	99,01

* По данным Госпрофобра СССР. Приведены цифры по дневным профессионально-техническим учебным заведениям.

Мероприятия по привлечению дополнительных источников финансирования позволили снизить затраты на обучение одного рабочего к 1980-му году на 26,5 %.

В то же время инспекторские проверки учебных заведений, проведенные республиканским управлением, выявили ряд существенных недостатков в системе профессионального образования. Прежде всего, они имели место в обеспечении учебного процесса инженерно-педагогическими кадрами. Так, согласно требованиям, преподаватели должны были иметь высшее или среднетехническое образование, а мастера производственного обучения – среднее образование и повышенный рабочий разряд²¹. В то же время, как отмечалось на заседании учебно-методического совета, проходившего в Ижевске в 1961 г., поч-

ти половина работников не имели необходимого технического образования, а среди мастеров 69 % не имели среднетехнического образования. Не имели законченного высшего и среднего специального образования и 8 руководящих работников учебных заведений²². Такое положение было в целом по стране, не только в Удмуртии. Ситуация объяснялась большой текучестью кадров вследствие низкой оплаты труда. Размер окладов инженерно-техническим работникам устанавливался в зависимости от численности учащихся. Например, оклад старшего мастера при количестве учащихся до 250 человек составлял 950–1150 руб., при количестве учащихся 251–500 человек – 1000–1200 руб., свыше 500 человек – 1100–1250 руб. Установленный оклад мастера производственного обучения составлял от 850 руб. до 1100 руб.²³. Надо отметить, что ставки заработной платы определялись также в зависимости от занимаемой должности, стажа работы и образования.

Для привлечения инженерно-педагогических кадров в систему профтехобразования необходимо было обеспечить специалистам определенные жилищные условия. Жилищный вопрос решался постепенно. Так, например, в 1961 г. училища от базовых предприятий получили 6 квартир, в 1962 г. – 5 квартир²⁴. Конечно, кардинально данное мероприятие ситуацию не изменило, но помогло привлечь молодых специалистов из других регионов.

Преподавателей для училищ помогали готовить техникумы. Практиковались заочные и вечерние курсы повышения квалификации в высших и специальных учебных заведениях. В 1963 г. были проведены курсы повышения квалификации директоров, зам. директоров и старших мастеров²⁵. Ежегодно директорам и их заместителям предлагали заканчивать центральные курсы повышения квалификации Министерства трудовых резервов в Ленинграде и его филиалах (г. Волгоград)²⁶.

В качестве положительного момента можно отметить стажировку мастеров на базовых предприятиях Удмуртии, где они имели возможность познакомиться с новой техникой и технологиями. Мастера, которые не имели среднего образования, направлялись на учебу в школы рабочей молодежи.

Для повышения квалификации и уровня мастерства работников профессиональных учебных заведений организовывались межобластные семинары в Свердловске, Куйбышеве, Ленинграде, Москве, Туле и Горьком с целью обмена опытом²⁷. Консультации проводили и сотрудники учебно-методического кабинета Республиканского Управления.

Для распространения достижений лучших учебных заведений и отдельных работников публиковались статьи в ежемесячном массовом журнале «Профессионально-техническое образование», издаваемым Государственным комитетом Советов Министров СССР. Так, опытом работы по проведению лабораторных работ по технике измерения, общей технологии металлов

и электротехнике поделились заместитель директора технического училища № 8 (Ижевск) М. Ефремов и преподаватель Г. Устинов²⁸. Удмуртское управление трудовых резервов одобрило работу и рекомендовало учебным заведениям республики внедрить предложенную методику.

Восстановление народного хозяйства позволили более внимательно отнестись к вопросам укрепления материально-технической базы училищ, обеспечения учебного процесса наглядными материалами, методическими пособиями, техническими средствами обучения.

В соответствии с Законом 1958 г., «от работников требуется умение обращаться с совершенными станками, точнейшими измерительными, контролирующими приборами и аппаратами, знание сложных технических расчетов и чертежей»²⁹. В то же время в ПТУ ощущалась острая нехватка станков специального назначения, например, зубодолбежных, протяжных и др. Вместо них использовались станки иностранного производства – «Гринвуд», «Бетли», «Шухард-Шютте», «Баркан-Марр», находившиеся в эксплуатации больше 50 лет³⁰.

Большую помощь в оснащении учебных мастерских и лабораторий для ПТУ оказали базовые предприятия Удмуртии. На Металлургическом заводе для ГПТУ № 3 (Ижевск) была построена мастерская для подготовки электрогазосварщиков, выделено все необходимое оборудование. Кроме того завод выделил отдельный участок для обучения формовщиков, помогал училищу ремонтировать оборудование, приобретать необходимые материалы для учебных нужд. Завод «Строммашина» передал ГПТУ № 3 токарно-винторезный станок, 5 пневмоприспособлений, обеспечил оснащение двух учебных кабинетов на сумму около 5 тыс. руб. Необходимые условия для работы были созданы в ГПТУ № 5 г. Сарапула. Например, в 1962–1963 гг. училищу передано 42 единицы металлорежущих станков и т.д.³¹.

В начале 1960-х гг. в учебный процесс активно внедряются технические средства обучения: диапроекторы, киноустановки, диафильмы³². Учебные фильмы в образовательном процессе использовались в ГПТУ № 8, ГПТУ № 11, ГПТУ № 12 г. Ижевска и других учебных заведениях³³. Технические средства позволили разнообразить формы уроков, активизировать интерес учащихся к предметам.

Таким образом, в 1950–1960-е гг. происходит перестройка профессионально-технического образования, продиктованная как условиями, связанными с окончанием Великой Отечественной войны, так и изменениями в хозяйственной жизни страны, повышенной потребностью в увеличении численности высококвалифицированных рабочих кадров на предприятиях.

В государственной политике советского государства того периода в области профтехобразования можно выявить разноплановые тенденции. Положительным моментом была забота о повышении престижности технических специальностей, учащимся предоставлялись оплачиваемые рабочие места

на период практики, гарантировалось трудоустройство. В то же время имели место трудности в обеспечении учебного процесса квалифицированными инженерно-педагогическими кадрами, новейшими станками и измерительными приборами, учебными пособиями и демонстрационными материалами. В целом же проводимая государством политика позволила расширить сеть учебных заведений, создать единую государственную систему профессионального образования, оптимизировать затраты на обучение.

- ¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 672–686; История советского рабочего класса. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. М., 1987; История советского рабочего класса. Т. 5. Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества 1961–1970 гг. М., 1987.
- ² Суханов А.И. Труд и талант (К некоторым вопросам истории рабочего класса Удмуртии). Ижевск, 1973; *Его же*. Развитие экономики Удмуртской АССР в 1945–1960 гг. // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX–XX веках. Ижевск, 1989; Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.). Ижевск, 2009.
- ³ Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970): формирование и развитие промышленных рабочих. Ижевск, 1979.
- ⁴ История Удмуртии: XX век / Под ред. К.И. Куликова. Ижевск, 2005.
- ⁵ Балдин С.С. Профессионально-техническое образование в России: историография проблемы // Россия и АПР. 2006. № 1.
- ⁶ Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 117.
- ⁷ Хачатуров Т. О перспективах технического прогресса // Вопросы экономики. 1958. № 8. С. 30; Марков Н.В. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия: 2-е изд. М., 1973; Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., 1987. С. 22 и др.
- ⁸ Краткий философский словарь. М., 1952. С. 435.
- ⁹ Хрущев Н.С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. М., 1959. С. 8.
- ¹⁰ Пыжиков А.В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 96–99.
- ¹¹ Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 5
- ¹² Там же.
- ¹³ Профессионально-техническое образование. 1959. № 2. С. 4–5.

- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р-1273. Оп. 1. Д. 309. Л. 29–35.
- ¹⁶ Там же. Д. 225. Л. 105–107.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 167. Л. 266.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-1273. Оп. 1. Д. 243. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-1273. Оп. 1. Д. 262. Л. 30.
- ²⁰ Там же. Л. 41.
- ²¹ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 190. Л. 292.
- ²² Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 302. Л. 30.
- ²³ Там же. Ф. Р-1273. Оп. 1. Д. 190. Л. 264.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-1273. Оп. 1. Д. 309. Л. 28
- ²⁵ Там же. Л. 40.
- ²⁶ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 35. Л. 36.
- ²⁷ Профессионально-техническое образование. 1958. № 5. С. 6; Там же. 1959. № 6. С. 27.
- ²⁸ Там же. 1959. № 7. С. 18–19.
- ²⁹ Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 5.
- ³⁰ ЦГА УР. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
- ³¹ Там же. Д. 312. Л. 38.
- ³² Центр документации новейшей истории УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7662. Л. 14.
- ³³ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 7362. Л. 23.

ПРОГРАММНАЯ ПОЛИТИКА ИЖЕВСКОЙ СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ: НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ (1956–1960-Е ГГ.)

Н.Ю. Степанова (г. Ижевск)

Общество всегда нуждалось в телеинформации разных уровней: это и глобальные новости, представляющие всеобщий интерес, и местные, адресованные отдельным группам телеаудитории. Поскольку одним из основных признаков аудиторной дифференциации всегда будет ее территориальная принадлежность, постольку всегда будет существовать потребность в центральных и местных телепрограммах. Становление регионального телевидения внесло определенный вклад в процесс развития системы советского телевидения.

Региональное телевидение является активным участником всех событий местного масштаба, информирует своих зрителей о том, что выходит за рам-

ки возможностей и интересов центральных каналов. В целом, оно привлекает аудиторию к проблемам управления регионом, областью. Ценность подобного вклада местного телевидения для упрочения общесоюзной телевизионной системы очень точно отметил В. Цвик: «Как бы далеко ни шагнуло развитие каскадного ТВ и непосредственного (спутникового) телевизионного вещания, какие бы заманчивые аудиовизуальные новинки ни сулило нам время, для региональной аудитории у актуальной и интересной тематики в хорошей местной телепрограмме нет конкурентов»¹.

Свою деятельность Ижевская студия телевидения начала 4 ноября 1956 г. После выступления секретаря Ижевского горкома КПСС Ктитарева, поздравившего трудящихся республики с началом работы Ижевского телецентра² была показана первая передача Ижевской студии телевидения, посвященная его строителям³. Ее авторами были: редактор А. Изергина, режиссер А. Соломонов, звукорежиссер А. Гасников, операторы В. Шапоровский и Н. Иванов, ассистент режиссера Инна Лель, смена инженера А. Аргамачова.

Пробные передачи длились до 1 января 1957 г.⁴ Программы первых передач были немудреными: в них выступали специалисты по промышленным и сельскохозяйственным вопросам, писатели, артисты, показывались кинофильмы, давались консультации, как пользоваться телевизором⁵.

Первые передачи не лишены были недостатков. Так, например, 8 ноября 1956 г. во время демонстрации фильма «Бессмертный гарнизон» в самом конце картины раздался треск, и все исчезло. Перерыв по «техническим причинам» длился минут 25–30. За это время было 53 телефонных звонка. Потом исправили все, и концерт уже шел хорошо⁶.

Из-за крупных недоделок, имевшихся в аппаратуре телецентра, вещание было прекращено. Телецентр был остановлен на демонтаж и настройку оборудования. В мае 1957 г. пробные передачи были возобновлены.

В июле 1957 г. государственная комиссия подписала акт о приемке Ижевского телецентра. Студия приступила к ведению регулярных передач: 3 раза в неделю. Был определен объем вещания – 289 часов, из них – 19 собственное и 270 – кинофильмы. В 1958 г. объем вещания составлял уже 650 часов, выход в эфир осуществлялся 4 раза в неделю. За 1958 г. студия провела 315 передач (программ), куда вошли 217 студийных передач.

С каждым годом происходил рост объемов вещания собственных передач. В 1959 г. он составлял 10 часов с выходом в эфир 5 раз в неделю, в 1960 г. – 190 часов с выходом в эфир 6 раз в неделю.

Первые годы работы ИСТ были отмечены трансляцией телевизионных спектаклей, художественных и документальных фильмов, показами выступлений партийных работников, передовиков сельского хозяйства и промышленности, встреч известных представителей литературы и искусства Удмур-

тии. Наряду с широким показом в передачах политической и культурной жизни республики внимание уделялось пропаганде решений коммунистической партии и Советского правительства⁷.

Тележурналисты своей главной задачей считали заботу по воспитанию трудящихся на революционных, боевых и трудовых традициях. Постепенно стали готовить собственные студийные передачи и телевизионные новости, спектакли на русском и удмуртском языках. С 1991 г. можно говорить о начале вещания и на татарском языке⁸. Таким образом, авторитет телевидения со временем рос.

Несмотря на то, что на этапе становления ИСТ большой объем вещания занимали трансляция фильмов, спектаклей и концертов, основой являлись информационные программы. По ним хорошо прослеживаются поиск и совершенствование средств телевизионных форм и жанров. Первой информационной программой ИСТ в 1958 г. стал еженедельный журнал «Удмуртия», в котором отражались наиболее важные события в жизни трудящихся (редактор А. Изергина)⁹. Его составными элементами являлись киноплёнки, студийные передачи, наглядный материал – макеты, модели и т.д. Работу журнала телезрители республики оценивали положительно¹⁰. Последних известий на ИСТ тогда еще не было, организовать их планировалось с мая 1959 г.¹¹.

1 июля 1959 г. состоялась первая передача «Последние известия». Она выходила в эфир три раза в неделю. Передача иллюстрировалась не полностью – не успевали, поскольку на всю студию был только один кинооператор и один фотограф¹². Позже, учитывая запросы телезрителей, периодичность выпусков увеличилась до 5 раз в неделю, а продолжительность с 5 до 10 минут¹³. В справке о работе редакции «Последних известий» подчеркивалось, что она регулярно передает кинопортажи о важнейших событиях, происходящих в стране, и оперативно отзывается на все события, происходящие в республике¹⁴. Постепенно росло и число авторов программы, ежемесячно в выпусках принимали участие от 40 до 50 человек¹⁵. В 1960-е гг. появились «Теленовости» – ежедневный выпуск информации о событиях, трудовых буднях и культурной жизни республики¹⁶.

С первых дней работы ИСТ внимание к ней было повышенным. Это можно проследить по письмам, приходящим на телестудию. В целом, телезрители положительно оценивали работу журналистов, писали письма с благодарностью и пожеланиями¹⁷. Как правило, в то время самые распространенные просьбы – это желание посмотреть какой-либо художественный фильм, спектакли местных театров и концерты мастеров искусств.

В то же время работа телевизионных журналистов подвергалась и критике. Особенно это характерно для 1960-х гг. Говорилось о необходимости повышения идейно-художественного уровня телепередач, регулярно отме-

чались недостатки: подчеркивалась недостаточная оперативность и занимательность, посредственность, незнание материала, сухой язык, отсутствие наступательного характера и т.д.¹⁸

В замечаниях Главной редакции местного РВ и ТВ на общественно-политические передачи ИСТ за 1962 – 1963 гг. отмечались плюсы, минусы и рекомендации¹⁹. За подбор тем и их решение давалась положительная оценка. Ее заслужили передачи «Вступая в 5-й», «Сварщики», «Сорок трудовых лет», «Великие дни», «Деньги на ветер». Отмечалось использование в этих программах различных телевизионных приемов, грамотно выстроенный зрительный ряд, оперирование конкретными цифрами и фактами, умение придать передачам живой и увлекательный характер²⁰. Недостатки были выявлены в передаче «Доверие достойным», посвященной выборам в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные Советы: однообразность сюжетов, шаблонные тексты²¹. Также студии телевидения рекомендовалось сократить количество передач на международные темы, которые на более высоком уровне освещались ЦТ, быть более внимательными к работе редакторов, чтобы исключить использование бессмысленных фраз, отказаться от шаблонных сценариев²².

Среди наиболее частых недостатков, присущих передачам ИСТ, партийные органы отмечали нехватку содержательности, оперативности, боевого, наступательного характера, знания материала, невысокий идейно-политический уровень и, самое главное, умения убеждать человека²³. Подобные недостатки в своей работе осознавали и сами журналисты, и работники Комитета по ТВ и РВ²⁴. Недовольство работой телестудии отмечалось на Пленумах Ижевского горкома КПСС и собраниях партактива городской парторганизации. Говорилось о том, что народ выражает возмущение работой ИСТ, поскольку она показывает старые кинокартины и заграничные фильмы, которые ничего не дают подрастающему поколению. Делался акцент на необходимости показывать новые советские фильмы²⁵.

Начиная с 1958 г. в передачах ИСТ стали практиковаться выпуски различных телевизионных журналов, ориентированных на разную аудиторию – «По городам и селам республики», «Здоровье», «Моя милиция», «Под звуки горна» для детей, спортивный журнал «Сила в движении», тележурнал «Искусство» и другие.

Необходимо отметить, что студии телевидения, открывшиеся во второй половине 1950-х гг. включали в свои программы не менее двух-трех ежемесячных телевизионных журналов. Несмотря на то, что их названия часто совпадали с названиями тележурналов ЦСТ – «Искусство», «Для вас, женщины» – строились они на местном материале, и каждый из них содержал информацию по какому-либо направлению. Как правило, это были

общественно-политические, научно-популярные, детские, молодежные и другие тележурналы.

В ноябре 1959 г. состоялся первый выход ИСТ на ЦТ. Были показаны два фильма «Наша Удмуртия» и «Ижевские оружейники».

В июне 1963 г. ЦТ показало передачу ИСТ «Мир твоих увлечений» (редактор Г. Морозова, режиссер Э. Иванов). С декабря 1963 г. ИСТ начала принимать участие в «Телевизионных новостях» ЦТ. Так наше телевидение впервые вышло на союзный экран, появилась обратная связь с Москвой. Первым сюжетом, показанным из Ижевска, стал рассказ о трудовых успехах ижевских металлургов.

Выступление местных студий, в том числе и ИСТ, по ЦТ способствовало улучшению качества их работы, позволило значительно расширить географию передач ЦТ. Успешные выступления местных студий по ЦТ показывали, что они росли творчески и могли создавать телевизионные программы на высоком идейно-художественном уровне. Транслируемые по ЦТ передачи ИСТ, получали положительную оценку в Москве – отмечался высокий творческий и технический уровень²⁶.

Говоря о развитии регионального телевидения, особое внимание необходимо уделить программам на родном языке, отражающим национальный колорит и культуру. Но с начала работы телестудии передачи на удмуртском языке не велись, поэтому коренное население республики было лишено возможности смотреть программы на родном языке. По мере развития удмуртского телевидения объем передач на национальном языке стал составлять около 30 %.

История передач ИСТ на удмуртском языке начинается с 1959 г. В справке о работе общественно-политической редакции ИСТ за 1959 г. отмечалось, что телезрители просят передачи на удмуртском языке²⁷. Проблема подготовки подобных передач была осложнена нехваткой специалистов: редакторская и режиссерская группы не были укомплектованы национальными кадрами. Поэтому передачи на удмуртском языке выходили редко. Из воспоминаний первого редактора удмуртских передач К.Н. Михайлова: «Шел 1959 год. Меня, работника книжного издательства, пригласили на телевидение. Встретил директор телевидения Н.И. Петров. – Думаем готовить передачи на удмуртском языке, – сказал Н.И. Петров, – нет кадров. Предлагаю вам работу в качестве редактора-сценариста удмуртских передач. ...На работу я вышел четвертого февраля. Началось знакомство с сотрудниками телевидения. Николай Иванович провел по кабинетам. ...Так я стал первым редактором удмуртских передач. Однажды Виталий Ильич показал мне сценарий, часть которого написана по-русски, а часть – по-удмуртски. Это были первые шаги будущих наших писателей, членов литературного кружка удмуртского пединститута Г. Перевощикова, С. Михайлова, Р. Валишина. Я не увидел в этих ра-

ботах ничего особенного. Только после работы с режиссером Р. Куниной дело пошло на лад. Только во время передачи я понял, что мне необходимо сидеть возле режиссера и водить пальцем по тексту, ибо режиссер то опаздывал, то включал раньше телевизионную камеру. Сказывалось незнание удмуртского языка, а других режиссеров, владеющих удмуртским языком, не было»²⁸.

В справке о работе ИСТ за 1959 г. говорилось о постепенном увеличении количества передач на удмуртском языке. В феврале подобная передача была одна (по редакции литературно-драматических передач), в марте – ни одной, в апреле – уже четыре крупных передачи: «О новых книгах», «Ленин с нами», «Ф.Г. Кедров – поэт и патриот» и спектакль «Улэм потэ»²⁹.

В феврале 1959 г. в эфир вышла первая передача на удмуртском языке «Литературные кружки УГПИ» (автор К. Михайлов, режиссер А. Сергеев).

Первые годы становления ИСТ характеризовались, прежде всего, трансляцией таких программ, рассчитанных на удмуртскую аудиторию, как спектакли в постановке Удмуртского музыкально-драматического театра, очерки о жизни и труде советских людей и передачи, посвященные знакомству с творчеством удмуртских писателей, художников, композиторов³⁰. Так, в 1959 г. были показаны спектакли: драма М. Петрова «Вуж Мултан», раскрывающая тяжелую жизнь удмуртов в царской России, и «Чук лисвуос» («Утренние росы»), пьеса Т. Архипова и В. Садовникова. Весной 1960 г. в эфир была выдана первая телевизионная постановка на удмуртском языке «Дусым» («Невеста»), инсценированная по одноименному рассказу удмуртского писателя Г. Красильникова, редактор К. Михайлов, режиссеры Б. Саушкин и А. Сергеев).

В 1960-е гг. ИСТ начала выдавать в эфир «Дуне та нунальёсы» («Мир в эти дни») – ежемесячное международное обозрение на удмуртском языке, пропаганда социалистического образа жизни, а также ответы на вопросы телезрителей³¹.

В поле зрения руководства ИСТ были и вопросы трудового, атеистического, интернационального воспитания трудящихся республики. Это и постоянные рубрики, и временные, и разовые, приуроченные к важным событиям союзного или регионального масштаба. Программная политика ориентировалась, прежде всего, на освещение проблем коммунистического воспитания, социалистического соревнования в промышленности и сельском хозяйстве. Вопросы культуры занимали последнее место в очередности сюжетов. Таким образом, информационное поле Удмуртской Республики формировалось, в основном, вокруг таких основных тем, как промышленность, сельское хозяйство, строительство, социальная политика и культура.

Таким образом, в 1950–1960-е гг. на телевидении шел процесс становления программ, интенсивный поиск форм и тем телевизионного вещания. Это время также отмечено повышением интереса к новому виду средств

массовой информации. Становление местного телевидения было важной предпосылкой для упрочения общесоюзной телевизионной системы. Накопленные находки и достижения региональных телестудий выступили в качестве основы в последующей программной и организационной политике телевидения.

- ¹ Цвик В. Парадоксы развития местного вещания // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М., 1989. С. 72.
- ² Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 533. Л. 8–9.
- ³ Там же. Л. 10–20.
- ⁴ Там же. Д. 756. Л. 6.
- ⁵ Там же. Д. 533. Л. 1–24, 32, 36–40, 51, 59, 63–64, 67–70, 82–89, 92–93, 107–110, 122–125; Д. 534. Л. 2 4, 25, 41–42, 62–63, 74, 92–93, 102–103, 112–113, 122–123, 124, 126–131, 134–135, 148–151, 159–162, 172, 174, 176, 178, 180–181; Д. 3901. Л. 29.
- ⁶ Петров Н.И. Как молоды мы были // Телевидение Удмуртии. Страницы истории. Ижевск, 1996. С. 51.
- ⁷ ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 756. Л. 8–20, 27–33, 52–60, 74–75, 85–88, 91–93, 96–98, 103–108, 113–114, 117–126, 146 149, 152–154, 164–165, 171–177, 182–195, 199–205, 207–212; Д. 759. Л. 15–16.
- ⁸ Шаритов И.И. Говорит Ижевск! Сегодня на татарском // Телевидение Удмуртии. С. 208–210.
- ⁹ ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 756. Л. 13–14, 30–32, 74, 123–125.
- ¹⁰ Там же. Л. 32, 74, 125.
- ¹¹ Там же. Л. 30, 123.
- ¹² Там же. Л. 20.
- ¹³ Там же. Л. 105.
- ¹⁴ Там же. Л. 162, 203.
- ¹⁵ Там же. Л. 162.
- ¹⁶ Центр документации новейшей истории УР (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 10381. Л. 42, 208; Д. 10526. Л. 175; Д. 10679. Л. 153; Д. 10703. Л. 103; Д. 10893. Л. 102, 107; Д. 11103. Л. 52.
- ¹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-546. Оп. 2. Д. 756. Л. 89–92, 115–118; Д. 759. Л. 14–15, 17; Д. 1066. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Д. 589. Л. 46; Д. 756. Л. 21, 32–33, 60, 81, 86, 110, 125–126, 149, 186–187, 205–206; Д. 1170. Л. 15–22. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8231. Л. 11–12; Д. 8233. Л. 90–95; Д. 8366. Л. 10; Д. 8425. Л. 15; Д. 8468. Л. 4–6; Д. 8610. Л. 45; Д. 8737. Л. 21; Д. 8739. Л. 53; Д. 8957. Л. 40–41; Д. 9093. Л. 6; Д. 9094. Л. 26–29; Д. 9104. Л. 5–6; Д. 9105. Л. 15, 36,

- 78–80; Д. 9140. Л. 6; Д. 9441. Л. 10, 14; Д. 9442. Л. 43; Д. 9454. Л. 6–7; Д. 9455. Л. 20–22, 106–107; Д. 9673. Л. 5; Д. 9784. Л. 36; Д. 10030. Л. 11–14; Д. 10506. Л. 42; Д. 10580. Л. 2; Д. 10679. Л. 80; Д. 10674. Л. 4; Д. 10676. Л. 22, 45, 54; Д. 11076. Л. 36; Д. 11168. Л. 60–61; Д. 11539. Л. 24–25, 64; Д. 11651. Л. 36, 187; Д. 12003. Л. 44; Д. 12406. Л. 24–25; Д. 12599. Л. 68; Д. 12773. Л. 29, 155; Д. 13917. Л. 21, 54.
- ¹⁹ ЦГА УР. Ф. Р–546. Оп. 2. Д. 1170. Л. 8, 14–22.
- ²⁰ Там же. Л. 14–15.
- ²¹ Там же. Л. 16–17.
- ²² Там же. Л. 17–22.
- ²³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8231. Л. 11–12; Д. 8233. Л. 90–95; Д. 8366. Л. 10; Д. 8425. Л. 15; Д. 8468. Л. 4–6; Д. 8610. Л. 45; Д. 8737. Л. 21; Д. 8739. Л. 53; Д. 8957. Л. 40–41; Д. 9093. Л. 6; Д. 9094. Л. 26–29; Д. 9104. Л. 5–6; Д. 9105. Л. 15, 36, 78–80; Д. 9140. Л. 6; Д. 9441. Л. 10, 14; Д. 9442. Л. 43; Д. 9454. Л. 6–7; Д. 9455. Л. 20–22, 106–107; Д. 9673. Л. 5; Д. 9784. Л. 36; Д. 10030. Л. 11; Д. 10506. Л. 42; Д. 10580. Л. 2; Д. 10679. Л. 80; Д. 10674. Л. 4; Д. 10676. Л. 22, 45, 54; Д. 11076. Л. 36; Д. 11168. Л. 60–61; Д. 11539. Л. 24–25, 64; Д. 11651. Л. 36, 187; Д. 12003. Л. 44; Д. 12406. Л. 24–25; Д. 12599. Л. 68; Д. 12773. Л. 29, 155; Д. 13917. Л. 21, 54; Ф. 54. Оп. 1. Д. 1065. Л. 29; Д. 1131. Л. 30; Д. 1269. Л. 21. ЦГА УР. Ф. Р–546. Оп. 2. 546. Оп. 2. Д. 589. Л. 46.
- ²⁴ ЦДНИ УР. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1290. Л. 67; Д. 1667. Л. 124–125.
- ²⁵ Там же. Д. 1131. Л. 71; Д. 1248. Л. 63, 216.
- ²⁶ Сергеев А.М. «...Наши года – наше богатство...» // Телевидение Удмуртии. С. 101, 113.
- ²⁷ ЦГА УР. Ф. Р–546. Оп. 2. Д. 756. Л. 32–33; 125–126.
- ²⁸ Михайлов К.Н. Нырысетй вамышъёс // Телевидение Удмуртии. С. 163–164.
- ²⁹ ЦГА УР. Ф. Р–546. Оп. 2. Д. 756. Л. 154.
- ³⁰ Там же. Д. 756. Л. 107, 154, 184–186, 194, 200.
- ³¹ Там же. Д. 1945. Л. 27, 49–50; Д. 2118. Л. 32; Д. 2440. Л. 154; Д. 3086. Л. 19, 43, 98, 136; Д. 3249. Л. 35, 165, 178, 183; Д. 3407. Л. 33, 64, 147, 174; Д. 3559. Л. 37; Д. 3560. Л. 26; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9920. Л. 25; Д. 10125. Л. 31; Д. 10172. Л. 74; Д. 10211. Л. 17; Д. 10233. Л. 44; Д. 10255. Л. 47; Д. 10391. Л. 111; Д. 10526. Л. 51, 175; Д. 10549. Л. 32; Д. 10679. Л. 34; Д. 10703. Л. 103, 227; Д. 10867. Л. 36, 269; Д. 10893. Л. 103; Д. 11103. Л. 52, 203; Д. 11129. Л. 72; Д. 11259. Л. 32, 195; Д. 11314. Л. 121; Д. 11326. Л. 63; Д. 11480. Л. 74; Д. 11491. Л. 42; Д. 11507. Л. 35; Д. 11523. Л. 25; Д. 11671. Л. 26; Д. 11691. Л. 26; Д. 11700. Л. 67; Д. 11713. Л. 27; Д. 11834. Л. 27; Д. 11852. Л. 67; Д. 11862. Л. 54; Д. 11868. Л. 20; Д. 12026. Л. 45; Д. 12037. Л. 33; Д. 12206. Л. 24; Д. 12225. Л. 15.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ГОРОДСКИХ УДМУРТОВ

И.А. Поздеев (г. Ижевск)

Современные социально-экономические трансформации, проходящие в российском обществе, вынуждают население искать новые способы адаптации. Смена общественно-политической формации привела к тому, что большинство родившихся и воспитывавшихся при Советском Союзе были вынуждены заново приспосабливаться к изменившимся условиям. Выбор стратегий и практик адаптивного поведения, эмоциональная реакция на проблемные ситуации во многом зависит от того социокультурного окружения, в котором находится индивид, в том числе и от его этнической принадлежности. Следует отметить, что опыт адаптации селян (прежде всего удмуртов) Удмуртской Республики достаточно давно является предметом научного исследования¹, в отличие от городского населения. В этой связи особенно актуальным является анализ основных факторов, определяющих выбор удмуртами-горожанами путей адаптации к меняющимся условиям социально-экономической среды.

В основу данной работы легли результаты социологического опроса, выполненного Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН в рамках программы Президиума РАН «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций» при содействии специалистов комитета по делам семьи, женщин и детей при администрации г. Ижевска. В качестве метода сбора информации было использовано анкетирование. Этносоциологическое исследование осуществлялось в течение 2007–2008 гг. Объектом исследования выступили удмурты, проживающие в крупных городах Удмуртской Республики (Ижевске, Глазове, Сарапуле). Анкетирование охватило 600 человек разных возрастных категорий (от 18 до 60 лет и старше), что позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ ценностных установок и моделей поведения людей с различным адаптационным опытом.

Понятие «адаптация» широко употребляемо и имеет большое количество значений. В данном случае автор придерживается распространенного определения, рассматривающего «адаптацию» как «процесс поведенческого освоения резко меняющейся среды... деятельность по “выживанию” в ней»². Стремление к адаптации бывает вызвано необходимостью достижения/поддержания определенного уровня материального благосостояния, удовлетворения социальных и физиологических потребностей через реализацию определенной адаптационной стратегии, основанной на индивидуальных и семейных ресурсах³.

Среди опрошенных удмуртов наибольшее число составляют представители рабочих профессий (24 %) и так называемых «бюджетников» – людей,

занятых в системе образования, науки, культуры, здравоохранения, МВД и пр. (суммарно их доля составляет 42 %).

Небольшую долю составляют высокооплачиваемые инженерно-технические работники (6 %), представители органов государственного, муниципального управления (3 %) и предприниматели (1 %). Как видим, большинство представителей городских удмуртов не относится к социальным группам, обладающими высоким экономическим статусом⁴. Конечно, выводы достаточно относительны, поскольку и рабочие, и бюджетники могут иметь различные размеры заработка, а также вполне допускается, что среди респондентов не оказалось равного представительства тех или иных профессий, однако данная картина в общих чертах характеризует сложившуюся социально-экономическую структуру городских удмуртов.

Обращает на себя внимание незначительное количество нигде не работающих людей, прежде всего безработных и домохозяек, на которых приходится по 1 % от числа опрошенных. Большинство домохозяек назвали свое материальное положение неудовлетворительным, следовательно, занятие только домашним хозяйством для них – мера вынужденная. К данной группе следовало бы отнести еще студентов и пенсионеров (по 8 %), но с оговоркой, поскольку значительная часть их старается находить возможности для заработка. Так, среди опрошенных студентов многие, помимо учебы, заняты в сфере обслуживания (участвуют в промо-акциях, работают в казино, кафе), подрабатывают в учебных заведениях (например, лаборантами), также приобретают трудовой опыт в рамках будущей профессии. Пенсионеры большей частью заняты в тех областях, где отсутствуют жесткие требования к физическому здоровью и возрасту работника, или первостепенное значение имеет опыт работы: творческие виды деятельности – корреспондент, научный работник, преподаватель, руководящие должности, ИТР, а также вахтеры, гардеробщики и т.д.

По уровню образования было выделено 6 категорий респондентов, соответствующих основным ступеням системы советского/российского образования: 1) неполное среднее (4 %), 2) среднее (21 %), 3) среднее специальное (30 %), 4) незаконченное высшее (9 %), 5) высшее образование (32 %) и 6) наличие ученой степени (3 %). В целом среди горожан-удмуртов наблюдается тенденция к превалированию среднего и высшего профессионального образования, наличие которого влияет на социальный статус. Замечено, что полученное образования сказывается и на семейно-брачных отношениях: образовательный уровень супруга/супруги респондентов в большинстве своем соответствует образовательному уровню опрошенных. К примеру, если у человека неполное среднее образование, то и у мужа/жены оно будет неполным средним, максимум – среднее специальное. И подобное соотношение прослеживается у всех групп опрошенных: при выборе спутника жизни пред-

почтение обычно отдается в пользу человека с таким же образовательным статусом. Думается, что во многом это связано с большей интеллектуальной, психологической совместимостью между такими людьми, совпадением социального уровня.

Этнический состав семей анкетированных и этническая самоидентификация их детей представлены в таблице 1.

Таблица 1

Национальный состав семей опрошенных удмуртов

№ пп	Национальный состав	Кол- во, %	Национальность детей в семьях (в % от состава семей)			
			удмурты	русские	татары	затр-сь
1	Моноэтнические (оба родителя удмурты)	44	71	14	–	15
2	Смешанные	26				
	в т.ч. удмуртско-русские	21	18	63	–	19
	удмуртско-татарские	2	22	11	33	34
	другие	3				
3	Затруднились с ответом	30	23	12	–	65

По данным таблицы видно, что большинство опрошенных удмуртов даже в условиях полиэтнической городской среды в поиске спутника жизни предпочтение отдают представителям своего этноса. Интересным образом распределились ответы по национальной принадлежности детей: в моноэтнических удмуртских семьях только 71 % детей, как отметили родители, считают себя удмуртами, остальные отнесли их к русским, либо затруднились с ответом. В смешанных семьях дети чаще всего предпочитают идентифицировать себя с иной национальностью. Видимо, подобная ситуация является отражением ассимиляционных процессов, идущих в удмуртском обществе⁵, когда сами родители зачастую не считают обязательным передачу этнической культуры детям. При этом видно, что, для вступивших в брак с представителем другой национальности родная культура уже в меньшей степени воспринимается как ценность (см. табл. 2).

В смешанных семьях количество стремящихся передать этническую культуру отличается от вариантов ответов в моноэтнических удмуртских семьях. Обращает внимание количество выбравших вариант «не обязательно», резко возрастающих в смешанных семьях. Возможно, цифры свидетельствуют о том, что удмуртский язык и культура в качестве ресурса адаптации на данный момент воспринимаются слабо. Не зря при ответе на вопрос «Считаете ли Вы необходи-

мым изучение удмуртского языка в школе?» только 6 % опрошенных отметили, что языке пригодиться для общения и общего развития, гораздо больше людей предлагали следующие ответы – это государственный язык (12 %), это язык предков (18 %), через сохранение культуры сохранится народ (16 %).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что дети должны перенимать национальную культуру родителей?»

№ пп	Варианты ответов	Национальный состав семей опрошенных*			
		удмуртские	удмуртско- русские	удмуртско- татарские	затрудни- вшиеся
1	Да, надо передавать	79	53	45	56
2	Нет, не надо	1	4	11	6
3	Не обязательно	16	32	33	26
4	Затруднились ответить	4	11	11	12

* В процентах от количества опрошенных в отдельных группах семей.

Другой спектр вопросов, предложенных респондентам, освещает материальное положение удмуртского городского населения: источники и уровень дохода, личностные оценки материального положения, удовлетворенность профессией. Основные источники формирования семейного бюджета респондентов иллюстрирует таблица 3.

Таблица 3

Источники формирования семейного бюджета

№ пп	Варианты вопросов	Кол-во, %
1	Заработная плата с основного места работы	83
2	Подработка в других местах	21
3	Разведение скота на личном подворье	6
4	Садоводство, огородничество	15
5	Наличие собственного дела (предпринимательство)	5
6	Пенсия	24
7	Стипендия	8
8	Промыслы, ремесло, увлечения	3
9	Собираительство (грибы, ягоды)	4
10	Помощь родителей	1

Суммарный показатель выше 100 %, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Основным источником материального обеспечения служит заработная плата с основного места работы, а также подработка в других местах и пенсионные выплаты. Значительную роль даже в условиях города продолжает играть садоводство, огородничество и разведение скота. Думается, что здесь сказываются, прежде всего, сельские корни удмуртов-горожан, большинство из которых являются горожанами в первом либо втором поколении, а также широко распространенной в 90-е гг. XX в. практикой выращивания продукции на садово-огородных участках. Думается, что в данном случае говорить об этнической специфике не стоит, поскольку это достаточно распространенное общероссийское явление, не зря практически любой город окружает целое «кольцо» из садово-огородных участков. Предпринимательская активность городских удмуртов достаточно низка – лишь 5 % респондентов указали ее в качестве одного из источников семейного бюджета.

Рассмотрим более подробно такой источник, как дополнительный заработок. Согласно данным опроса, 12 % «имеют вторую работу постоянно», 24 % работают «от случая к случаю», для 2 % она «сезонна», 50 % «такой работы не имеют», а 12 % затруднились ответить на данный вопрос. При этом примерно половина респондентов, не имеющих вспомогательной работы, отнесла себя к малообеспеченным слоям населения. Можно высказать предположение, что дополнительный заработок увеличивает материальную стабильность индивидов, однако желание респондентов иметь дополнительный доход превышает их возможности.

Исследования социальной структуры удмуртов-горожан внушают осторожный оптимизм: не было обнаружено глубокого имущественного расслоения среди респондентов (см. табл. 4).

Таблица 4

Оценка респондентами своего уровня материальной обеспеченности

№ пп	Варианты ответов респондентов	Кол-во, %	Степень удовлетворенности материальным положением (в % от кол-ва ответивших)			
			Не удовле- творены	Скорее нет, чем да	Скорее удовле- творены	Полно- стью удовлет- ворены
1	Богатые	–	–	–	–	–
2	Обеспечены почти полностью	2	–	12,5	62,5	25
3	Среднеобеспеченные	50	21	48	30	1
4	Малообеспеченные	47	67	30	3	–
5	Бедственное положение	1	100	–	–	–

Согласно данным таблицы, половина опрошенных по уровню благосостояния отнесла себя к среднеобеспеченным слоям населения. Чуть меньшую долю составляют малообеспеченные категории. Крайние варианты ответов встречаются очень редко: считают себя «обеспеченными почти полностью» только 2 % и бедными – 1 % удмуртов (ответ «богатые» не выбрал никто). В то же время, в каждой из этих групп удовлетворенность материальным положением оценивается по-разному. Среди «почти полностью обеспеченных» основная масса положительно охарактеризовала собственное имущественное положение. Объяснимо и то, что малообеспеченные и бедные слои недовольны своим существующим статусом. Но категория среднеобеспеченных отличается значительной дифференциацией личностных оценок: только треть удовлетворена своим материальным положением (полностью или частично), но заметная доля (69 %) дала отрицательную характеристику. В целом, внутри изучаемой этносоциальной группы большинство респондентов довольно негативно отметило уровень своего материального благополучия. Это может свидетельствовать о том, что существует разрыв между стремлением положительной оценки респондентами своего материального положения и реальной ситуацией. Подобное несоответствие между «желаемым» и «действительным» может вызывать социальную фрустрацию – психологическое состояние, сопровождаемое различными отрицательными переживаниями: разочарованием, раздражением, тревогой и отчаянием. Частые фрустрации ведут к формированию отрицательных черт поведения, агрессивности, а также комплексу неполноценности⁶.

Вопросы анкеты позволяют проследить динамику материального положения горожан-удмуртов за последние пять лет: какие изменения произошли в благосостоянии представителей коренного этноса, сумели ли они приспособиться к современным рыночным условиям, и какие адаптационные практики наиболее распространены в данной этносоциальной среде. Большинство респондентов считают, что их материальное состояние за последние 5 лет несколько улучшилось (см. табл. 5).

Таблица 5

**Изменение материального положения респондентов
за последние 5 лет**

№ пп	Варианты ответов	Кол-во, %
1	Существенно улучшилось	6
2	Несколько улучшилось	40
3	Осталось без изменений	28
4	Несколько ухудшилось	13
5	Существенно ухудшилось	4
6	Затруднились ответить	9

На существенное улучшение указали всего 6 % опрошенных. У значительной доли горожан материальное положение осталось без изменений; 17 % респондентов отметила незначительное или серьезное ухудшение ситуации. В то же время основная масса анкетированных пыталась внести коррективы в свое материальное положение. Наиболее распространенными шагами стали (по степени популярности ответов): поиск работы по совместительству (24 %), поиск другой постоянной работы (18 %) и повышение квалификации (10 %). Радикальные меры в виде смены профессии или открытия собственного дела наблюдаются в меньшей степени: 4 и 3 % соответственно. Почти треть опрошенных (27 %) не предпринимала никаких попыток изменить ситуацию (что приблизительно совпадает с процентом людей, материальное положение которых за последние 5 лет оставалось неизменным), и еще 12 % считают, что в этом не было необходимости. Тем не менее, до 85 % респондентов готовы предпринять дополнительные шаги для улучшения своего материального положения, стараясь, в первую очередь, больше работать, либо сменить работу, или наняться еще на вторую работу, а также сменить профессию и заняться предпринимательством. Менее популярными мерами стали (в порядке убывания) смена места проживания, помощь органов власти, помощь родственников и возможность криминальным способом улучшения материального положения.

Рассмотрим значение социальных связей в удмуртской городской среде, могущих компенсировать недостаток других ресурсов. Чем больше связей и взаимозависимости между индивидами, включенными в эти сетевые взаимодействия, то тем большим капиталом они и обладают, увеличивая доступ человека к товарам и информации (см. табл. 6).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«Кто помогает Вам в решении таких проблем,
как устройство на работу, лечение, образование, жилищный вопрос?»**

№ пп	Варианты ответов	Кол-во, %
1	Родители	14
2	Родственники	11
3	Друзья, знакомые	11
4	Муниципальные и государственные органы власти	4
5	Профсоюз	1
6	Никто не помогает, рассчитываю только на свои силы	59
7	Затрудняюсь ответить	10

Суммарный показатель выше 100 %, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

В-целом, в решении наиболее значимых жизненных проблем (устройство на работу, лечение, образование, жилье и т.д.) большинство респондентов (59 %) привыкло рассчитывать только на свои силы, а также на близких людей: на помощь родителей и других родственников надеются 25 %, друзей и знакомых – 11 %. Интересно, что граждане практически не воспринимают муниципальные и государственные структуры в качестве органов, осуществляющих поддержку и защиту.

Таким образом, проведенное исследование наглядно демонстрирует, что в качестве основной модели адаптационного поведения анкетизируемые выбрали труд, который, по определению Г.А. Никитиной, является для коренного населения региона «испытанным, привычным и надежным ресурсом»⁷. Поэтому и приоритет в выборе адаптационных стратегий отдается традиционным сферам деятельности. В качестве наиболее распространенной модели поведения здесь выступает труд в различных его проявлениях (прежде всего занятость на основном месте работы, дополняемая подработкой), а крайние меры в виде смены места проживания или профессии менее популярны (в том числе достаточно низка и предпринимательская активность). Анализ материального состояния опрошенных удмуртов показал, что подавляющая часть респондентов негативно оценивает уровень своего благополучия, несмотря на то, что к среднеобеспеченным слоям населения относит себя половина опрошенных. Подобные факты указывают на то, что значительная доля горожан-удмуртов не смогла полностью адаптироваться к существующим в стране условиям, многие из них продолжают испытывать финансовые трудности. Вероятно, это косвенным образом влияет на оценку удмуртской культуры, которая признается по-своему ценной, но неадаптивной. К сожалению, подобное отношение к культуре приводит к сбоям в межпоколенной передаче национально-культурной традиции.

¹ См. напр.: *Никитина Г.А.* Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra / разделы «Демографический ресурс сельской Удмуртии», «Игроки на поле сельской экономики» // *Наука Удмуртии*. 2006. № 5, 6; *Поздеев И.Л.* Особенности этнической социализации и адаптации сельских удмуртов // *Этнография восточно-финских народов: история и современность: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И.Н. Смирнова*. Ижевск, 2007. С. 135–140; *Он же*. Современные адаптационные стратегии сельского населения Удмуртии // *VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления*. Саранск, 2007. С. 52.

- ² *Готлиб А.С.* Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // *Социология*. 2000. № 12. С. 11.
- ³ *Аврамова Е.М., Логинов Д.М.* Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность (ОНС)*. 2002. № 5. С. 24.
- ⁴ *Силласте Г.* Стратификация российского общества – вызов времени // *Обозреватель*. 2001. № 12. С. 48–51.
- ⁵ См. подробно: *Лаллукка С.* Динамика изменения численности финно-угорских народов России после 1959 г. // *Финно-угорский вестник: информационный бюллетень*. 2004. № 4 (35). С. 5–21.
- ⁶ Социальное и экономическое положение финно-угорских народов РФ // *Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра*. Сыктывкар, 2008. С. 55.
- ⁷ *Никитина Г.А.* О соответствии этнической ментальности сельских удмуртов российским социальным трансформациям // *Идентичность и изменяющийся мир (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Россия, г. Ханты-Мансийск, 2008)*. Сыктывкар, 2008. С. 112.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОРИЯ ИЖЕВСКА (ОБЗОР РЕСУРСОВ)

Н.В. Халявин (г. Ижевск)

История Ижевска в Интернет-пространстве – один из мало исследованных секторов источников знаний о прошлом нашего города. Абсолютная свобода размещения информации и неограниченный доступ любого человека к вывешенным в сети материалам формируют специфику их использования, ставят вопросы авторства, объективности, научности получаемых сведений. Безграничность Интернет-пространства формирует сложности выявления страниц, посвященных ижевской истории, виртуальность, невещественность найденных источников диктует проблемы обращения к ним, как объективным поставщикам информации, ставит вопросы сохранности полученных данных.

Поисковые системы выдают обширный список ссылок на запрос «история Ижевска». Отнюдь не все они представляют реальный интерес для того, кто решил ознакомиться с историей города-завода с помощью Интернета. Анализ выявленных ссылок позволяет провести их сортировку, каталогизировать полученные сведения по отдельным категориям.

Прежде всего, можно выделить специальные сайты, ориентированные на историю Ижевска, либо странички на сайтах, не имеющих конкретной исторической направленности, но размещающих у себя сведения по истории города. При этом название Интернет-страницы вовсе не обязательно отвечает за содержание, и зачастую более качественная историческая информация кроется вовсе не там, где ее ожидаешь.

Так сайт «История города Ижевска», судя по его заглавию, претендующий на роль главного электронного ресурса по истории Ижевска – <http://izhevsk-history.ru/>, на самом деле дает простой пересказ книги Е.Ф. Шумилова «Город на Иже», причем без всякой ссылки на автора и какого-либо указания, откуда взята информация. Рубрикатор сайта фактически полностью совпадает с оглавлением известной работы историка-краеведа. Некоторый интерес представляет собой разве что подборка ижевских фотографий.

Популярная виртуальная энциклопедия Википедия содержит в себе не слишком качественную неоконченную статью под названием «История Ижевска» (<http://ru.wikipedia.org/>), которая включена и в пост «Ижевск» этой же энциклопедии.

Очень незамысловатый ресурс представляет из себя сайт «Улицы Ижевска» (<http://www.izhstreet.ru/>). Здесь содержится алфавитный список городских улиц, иногда сопровождающийся краткой информацией о том, в честь кого или чего они названы.

Авторы «Ижевского городского сайта» уместили всю историю столицы Удмуртии в несколько строк (<http://www.izh2.ru/izhevsk/istoriya.php>), отметив лишь основные вехи в развитии Ижевска, правда, справедливости ради стоит сказать, что они и не претендовали на создание специальной страницы с исторической информацией.

Очевидно, совсем другую задачу видели перед собой авторы сайта «Ижевский блог», которые сходу заявляют, что «История Ижевска должна быть известна каждому его жителю!», но дальше следует лишь краткое описание основных событий из городского прошлого, в котором упомянуты время основания железоделательного и оружейного заводов, организация в Ижевске сталелитейного производства, антибольшевистское восстание 1918 г. и переименование Ижевска в Устинов в 1984 году. Авторство текста не указано, хотя сами разработчики сайта требуют, чтобы на них обязательно ссылались при использовании материалов «Ижевского блога» (<http://izhblog.ru/istoriya-izhevskia.html>).

Сайт Информационно-аналитического управления муниципального образования «город Ижевск» дает краткий исторический очерк по истории «оружейной столицы России», без указания на авторство текста. На сайте содержится краткая информация по истории основных ижевских заводов, приводятся исторические справки типа: «Из истории ижевского цирка», «Ижевский

троллейбус», «Из истории Городской клинической больницы № 7», присутствует здесь и календарь знаменательных дат из городской истории (<http://www.izh.ru/izh/info/i22678.html>). Основная проблема вполне традиционна – неуказанное авторство и отсутствие ссылок на источники информации.

Видимо, чтобы избежать укора в плагиате, но с другой стороны, стремясь не допустить превращения своего сайта в подобие академического издания, авторы-организаторы информационно-поисковой системы «Мой Ижевск» указали источники информации в специальной ссылке, перечислив здесь основные исторические труды, которые легли в основу представленной на Интернет-странице исторической справки (http://www.myizh.ru/cache/history_izh.php). Особо удачным все же стоит назвать не столько исторический обзор ижевского прошлого, сколько подробно составленный календарь памятных дат и ижевских событий, представленный на сайте.

Отдельно стоит упомянуть странички с информацией об ижевской истории, представленные на сайтах городских библиотек. Для примера можно привести сайт Центральной муниципальной библиотеки им. Н.А. Некрасова. Здесь есть краткая история города с указанием списка использованной литературы и источников, к 250-летию Ижевска создана страница виртуальной экскурсии по столице Удмуртии, есть страница о городских мифах, календарь знаменательных дат. Везде указаны источники информации, приводится масса ссылок на материалы СМИ (<http://www.nekrilib.udm.ru/index.htm>).

Другой пример – сайт Центральной муниципальной детской библиотеки им. М. Горького, который также содержит информацию об истории Ижевска, взятую из опубликованной краеведческой литературы, ссылки на которую имеются на самом сайте. Навигация сайта довольно удобна для пользователей, а рубрика «Наш Ижевск» подразделена на категории «Ижевск сейчас», «Географическое положение», «История», «Религия», «Памятники», «Природные ресурсы», «Культура и искусство», «Ижевское оружие», «Промышленность» (<http://www.gorlib.ru/izhevsk/hist.php>).

Есть несколько примеров дублированных Интернет-источников, когда информация публикуется как в виртуальном виде, так и в виде печатного издания. Наиболее крупный и интересный проект такого рода, касающийся ижевской истории – электронный журнал «Иднакар»: (<http://idnakar.ru/>). Как позиционирует себя сам источник, он является «Научно-практическим журналом «Иднакар»: методы историко-культурной реконструкции», продолжающимся общедоступным изданием. В журнале публикуются статьи и сообщения, отражающие результаты работ в области исторической (социально-исторической, историко-политической, историко-культурной и т.д.) реконструкции, реконструкции материальной и духовной культуры, а также реконструкции языковых состояний; рецензии, книжные обзоры, программы учебных курсов, информация о меро-

приятиях, посвященных историко-культурной и языковой реконструкции (конференциях, семинарах, выставках и др.). Журнал выдержан в традиционном для печатных изданий академическом формате и «предназначен для историков, археологов, лингвистов, культурологов и представителей других специальностей, интересующихся вопросами историко-культурной реконструкции, аспирантов и студентов, музейных работников». Издателем журнала является частное лицо – А. Коробейников, однако научную солидность изданию придает наличие в его редколлегии известных в Удмуртии историков-профессионалов, среди которых доктора наук – С. Бехтерев (главный редактор), Р. Насибуллин, И. Жеребцов, профессор А. Тронин.

В сети представлено 8 номеров журнала за 2007–2010 гг. Ижевску в них посвящено несколько статей в последних номерах издания. Разброс тем достаточно велик – от описания морских и речных судов, носивших имя «Ижевска» (Н.В. Митюков, к.т.н., доц. ИжГТУ), до целого номера, вышедшего под редакцией Д.М. Сахарных и посвященного «Ментальным картам Ижевска» (№ 2(6) 2009), в котором представлена и интереснейшая подборка фотографий С.Н. Селивановского «Город Ижевск вчера и сегодня». Полностью истории Ижевска посвящен № 1(8) за 2010 г.

Информация по истории Ижевска имеется фактически на всех сайтах печатных изданий, и, как правило, хранится в виде виртуальных архивов. Для примера можно привести уникальные авторские очерки по истории ижевских улиц, которые представлены С. Жилиным на электронной странице газеты «Автотренинг Ижевска»: (<http://avi.udm.ru/>). К подобным проектам можно отнести опыт газеты «Успех каждому» – «Путешествие во времени: история городских кварталов» (<http://uspeh.udm.ru/gallery/archive/>). Источником информации для газетных публикаций стали материалы книги И. Кобзева «Ижевские картины», статьи С. Жилина, книга О. Севрюкова «Ижевск» и работы Е. Шумилова.

Отдельный сектор Интернет-пространства, представляющий особый интерес при обращении к истории Ижевска, содержит в себе крайне изменчивую, «подвижную» информацию, дает возможность немедленно реагировать на то или иное известие, непосредственно и оперативно включаться в обсуждение проблемы. Речь идет о страничках пользователей на сайтах социальных сетей, специализированных форумах, так называемых «Живых журналах», блогах и виртуальных дневниках.

Точное определение количества таких страниц вряд ли возможно, их выявление нередко объясняется случайными обстоятельствами. Однако, зачастую, они могут содержать в себе весьма ценную информацию и даже служить источником уникальных сведений по истории города.

Для иллюстрации высказанного утверждения можно обратиться к одному из самых интересных проектов, обнаруженных на Интернет-просторах –

путеводителю по Ижевску (<http://izh-putevoditel.livejournal.com>). Авторы ЖЖ (живых журналов) зачастую пишут под сетевыми псевдонимами, не торопясь раскрывать собственного имени. Проблема виртуального авторства вообще весьма актуальна при использовании информации из ЖЖ, ее цитировании в печатных изданиях, поскольку в этом случае сталкиваются разные типы информационных культур – то, что естественно и органично выглядит в Интернете, совершенно нелепо смотрится в печатном варианте (согласитесь, странно будет увидеть в опубликованных на бумажном носителе материалах конференции ссылку на источник вполне серьезной информации за подписью kot_behemoth). Наличие среди авторов путеводителя по Ижевску недавних выпускники истфака УдГУ объясняет вполне профессиональный подход к делу и качество текстов. Тематика заметок, размещенных по указанному адресу весьма разнообразна, страничка наполнена информацией, касающейся ижевского прошлого, городских легенд, истории улиц и отдельных мест. Особый интерес вызывает обращение к истории повседневности, фиксация авторами проекта уходящих или трудноуловимых явлений городской истории.

Социальные сети типа vkontakte.ru дают пользователям возможность создавать группы по интересам. Среди таких групп есть, например, «История города Ижевска» – сама страница пока бедна информацией и интерес на ней представляют разве что вывешенные старые фото Ижевска (http://vkontakte.ru/album-3441218_30106597), но через список участников группы можно выйти на частные страницы, которые содержат редкие сведения по ижевской истории – к их числу можно отнести, например, комментарии В. Безымянного к фотографиям памятника Анатолию Дурову (http://vkontakte.ru/album44258400_113975304), интереснейшими снимками старого Ижевска и комментариями к ним наполнены альбомы на странице С. Жилина (http://vkontakte.ru/album16273298_98834227).

Отдельного разговора заслуживают материалы Интернет форумов. Бессмысленно пытаться перечислить тематику страничек, посвященных истории Ижевска, поскольку вынесенный в название форумской ветки заголовок часто весьма далек от реального содержания разговора участников форума, который идет подчиняясь своей внутренней логике. Однако, форумские разговоры содержат массу интересной и зачастую уникальной информации, служат местом оперативного обмена мнениями, являются индикаторами общественного интереса к тем или иным событиям, касающимся городского прошлого и настоящего Ижевска. Так, например, заметный резонанс в Интернет-среде вызвали действия властей Удмуртии, направленные на снос исторических памятников архитектуры Ижевска. Тема «Они сносят все!», появившаяся на форуме компании Mark ITT (<http://talks.mark-itt.ru/forummessage/50/862508.html>) стала одной из самых посещаемых, что отразило равнодушие ижевчан к истори-

ческому наследию родного города. Оживленный разговор вызвало появление темы «Главный корпус Оружейного Завода. Состояние на сегодняшний день», где были представлены фото разрушающегося символа Ижевска. Гораздо более спокойную реакцию, но не менее эмоциональное обсуждение вызвала тема «Старый Ижевск» (<http://talks.mark-itt.ru/forummessage/23/063449-4.html>), связанная с обсуждением старинных фотографий города. Кстати говоря, одним из участников форума – Б. Бусоргиным созданы бесценные запасники фотоизображений Ижевска, настоящие сокровищницы визуальных источников для изучения облика Ижевска и быта его горожан (<http://borbus.gallery.ru>).

АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ НА УЛИЦАХ ИЖЕВСКА: ПРИЗРАК БРОДИТ ИЗ ЕВРОПЫ...

Н.Ю. Старкова (г. Ижевск)

У большинства современных российских городов есть общая черта – советское наследие в городской топонимике. Центральные улицы гордо именуются проспектами и улицами Маркса, Ленина, Октябрьской революции, Кирова, Гагарина и т.п. Не меньшей популярностью пользовались в те годы названия улиц в честь великих деятелей русской культуры – Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского.

Постсоветское пространство городов менялось на глазах, становясь более оригинальным, интернациональным и фантазийным. Ижевск в этом отношении не стал исключением. Относительно переименования советских улиц обществом в наши дни ведется серьезная дискуссия, однозначного мнения на этот счет нет, да и быть не может. Ведутся споры и о том, должна ли иметь место в Ижевске улица Русская, наряду с Удмуртской.

В данной статье хотелось бы обратить внимание на «малую топонимику» – названия магазинов, кафе, предприятий сферы обслуживания, которые оказались тем реальным мерилom, свидетельствующим об изменении настроения и в целом менталитета современных ижевчан. Для определения объекта исследования в современной лингвистике применяются также термины «микротопонимы», «эргонимы», «урбанонимы», «региональная ономастика» и т.д. Вся эта совокупность явлений стала изучаться лишь в последние десятилетия, что свидетельствует об особенной актуальности избранной темы. Весьма ценные наблюдения об Ижевске сделала в свое время Н.А. Прокуровская в исследовании «Город в зеркале своего языка»¹.

Мысль провести анализ на тему об античном наследии в нашей городской повседневности пришла в голову совершенно случайно. В одной из командировок в г. Чайковский с образовательной миссией от исторического факультета мы с коллегой прогуливались прекрасным зимним вечером по освещенным огнями рекламы и запорошенным снегом улицам. А.А. Зорина изучает рубеж античности и средневековья, мой же удел – особенности общественного и государственного устройства одного из самых загадочных древних полисов – Спарты. В центре Чайковского мы обнаружили магазин спортивных товаров «Спарта», а чуть позже торговую фирму «Византия». Посмеялись, что в один день совершили столь увлекательное путешествие из Спарты в Византию...

Проблематика этой статьи может быть обозначена традиционным сочетанием – «Античность и современность». Именно так когда-то назвал свое сочинение выдающийся российский антиковед и историограф В.П. Бузескул. В советской системе координат античные образы имели право на существование, но в урезанном, идеологическом варианте. Особой популярностью пользовался Спартак, как раб, восставший против системы. В наши дни у людей иной менталитет и иные приоритеты. Обращение к опыту и наследию классических культур древности происходит как осознанно, так и интуитивно.

Термин «рецепция» (осознанное воспроизведение) в современном общественном сознании встречается в различных областях – от физиологии до астрологии, от теории информационных систем до теории культуры. Категория «рецепция» («рецептивная эстетика») появилась как центральный термин Ханса Роберта Яussa, используется в теории наук о коммуникации, в социологии литературы и искусства².

Рецепция античного наследия означает включение в интеллектуальные и культурные практики в качестве неотъемлемой части (присвоение) социально-политических, исторических и культурных явлений античности.

Ижевские эргонимы – собственные наименования деловых объединений людей, предприятий, фирм и других организаций. С переходом российской экономики на рыночные рельсы возникла масса новых коммерческих предприятий, магазинов, туристических агентств и страховых кампаний. Многообразные городские объекты получают индивидуальные собственные имена. Создатели фирм стараются использовать любой конструктивный элемент, ресурсы побудительности и убедительности в подтекстовых значениях, в тех смыслах, которые рождаются благодаря культурной памяти, историческим и психологическим ассоциациям. Основателем в 2002 г. фирмы «Оптим» стал историк по образованию С. Кудров, выбранное название поспособствовало коммерческому успеху. В Риме оптимальное предназначалось для высших слоев общества, находясь в контрасте с популярным. В наши дни «Оптим» – одна из самых демократичных и востребованных фирм, представляющая собой сеть

современных удобных и доступных каждому магазинов в формате «дрогери», то есть «магазин самообслуживания у дома», где представлены непродовольственные товары повседневного спроса. Работая под девизом «Делать мир красивее, ярче, лучше», фирма вносит свою лепту и в имидж города.

В Ижевске ведут свою деятельность группа компаний «Титан», автосалон «Атлант», торговые центры «Омега» и «Аврора-парк». Плодотворно трудится на ниве организации досуга населения фирма «Овация», организуя гастрели в нашем городе звезд отечественной и зарубежной сцены. Часто они заканчиваются в буквальном смысле этого слова не только овацией, а самым настоящим триумфом (в древнем Риме «овация» – пеший триумф...). Такое обращение к прошлому есть попытка создания образа этого прошлого, то есть некого идеального отражения мира в сознании человека, и включения этого образа в ткань современной культуры. Более всего исследуемая тематика характерна для названий магазинов. В 2006 г. специальное исследование на эту тему предприняла филолог А.Ю. Долганова. Она заметила, что в постсоветское время отмечено появлением огромного количества теонимических названий и мифонимов. Но в ономастическом пространстве Ижевска таких наименований мало. Все эти названия имеют условную мотивированность (Венера – ткани и Венера – бытовая техника, Ника – одежда и Ника – книги), то есть выбор теонима никак не связан со специализацией римского или греческого бога. Исключением является фирменный магазин базы хлебопродуктов, которому дано имя богини плодородия Деметры³.

За прошедшие пять лет ситуация значительно изменилась. Для реализации рекламной функции используется целый набор различных средств: яркие античные названия предназначены для самых широких слоев населения, причем ассортимент торговли косвенно отражается в названиях. Спортивные товары и инвентарь предлагают покупателям магазины «Олимп» и «Атлетик», качественную сантехнику – магазин «Аква», кожу, меха и дубленки – «Босфор», «Золотое руно» и «Артемиды» (богиня-охотница, которая ассоциируется с этим древнейшим занятием, позволявшим людям одеваться и выживать), а книгами торгует, естественно, «Логос». Можно сделать предварительный вывод о том, что информативность для потребителя – приоритетный компонент. Именно рациональная информативность прежде всего играет главную роль при продаже товара.

Соответственно этой логике свои услуги потребителю предлагают салон красоты «Клеопатра» и салон свадебных услуг «Юнона», которая в античной мифологии была супругой Юпитера и покровительствовала женским судьбам и семье. Адвокатская контора носит гордое имя «Фемида». Памятуя о плавании аргонавтов за золотым руном к берегам Колхиды, владельцы ювелирного салона и мастерской назвали свое детище «Арго». Действительно, одним из способов добычи драгоценного металла у греков, был сбор его на бараньей шкуре в водах реки Меандр.

Среди названий торговых точек встречаются яркие и запоминающиеся, нацеливающие покупателя на успех – магазины одежды «Триумф», «Персона Грата», «Эврика». Особой популярностью, как представляется, пользуется в Ижевске бог торговли Меркурий, чьим именем названы и магазин одежды и рыночный торговый павильон. Большое влияние оказывают и графические средства оформления вывесок, включающие в себя элементы античной символики: от пяти олимпийских колец до узора под названием «меандр».

Устойчивым стереотипом общественного сознания о дешевой торговле по оптовым ценам в Ижевске является фирма «Атлантида», которая уже много лет выдерживает конкуренцию на рынке продовольственных товаров. Именно в Ижевске «Атлантида» удостоилась подстрочника – «Народный магазин». О здоровом консерватизме ижевчан говорит тот факт, что на месте фирменного магазина мотоциклетного производства «Юпитер», поставлявшего свою продукцию по всему СССР, работает многопрофильный торговый центр, который ради традиции именует себя «Старый Юпитер».

Массовые исторические представления, в том числе и об античности, практически полностью зависят не столько от интеллектуального, сколько от социокультурного опыта индивида, группы, общества в целом. Именно общество присваивает и само различными методами адаптирует рациональное знание для выполнения разных функций – образовательной, воспитательной, эстетической, развлекательной. Развлекаясь, увлекай – такой логике, по-видимому, следовали владельцы сети «Афродита», предлагающей продукты питания по доступным ценам. Какая тут связь с богиней любви и красоты? Ко всему добавим, что фирма «Афродита» специализируется на торговле пивом и снеками (закусками к нему), что вряд ли поспособствует идеальным параметрам фигуры 90-60-90... В этом смысле торговая сеть «Бахус» честно заявляет о своих намерениях, предлагая вино-водочную продукцию.

Определенно, человек с тонким чувством юмора создал ряд магазинов одежды и присвоил им названия месяцев юлианского календаря – «Март», «Апрель» и т.д. С фантазией подошли к делу и авторы оформления магазина ультрамодной одежды «Амазонка», предлагая широкий выбор своих товаров современным представительницам слабого пола, который в древних мифах иногда считался самым сильным и дал название не только древнегреческому феминизму, но и великой латиноамериканской реке. Владелец магазина, торгующего фурнитурой для дверей под названием «Аякс» имел ввиду, скорее всего, не античного героя, а Амстердамский футбольный клуб. К слову сказать, «черный юмор» всегда был в цене у жителей нашего города.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам – греческая античность в Ижевске пользуется большей популярностью, чем римская. Античные мотивы присутствуют в названиях банков, магазинов, салонов, игро-

вых центров, боулинг-клубов, кинотеатров и т.п., придавая улицам Ижевска своеобразный культурный колорит и вневременной исторический контекст.

В XX в. в условиях господства массовой коммуникации и массовой культуры любое обращение к античности приобретает общественно значимый характер, доступно каждому члену сообщества. Результатом рецепции античности становятся социальные представления, которые включают античные процессы, явления и персонажи в социокультурную практику нового и новейшего времени. В условиях массовой коммуникации любое индивидуальное обращение к античности социально обусловлено и обязательно имеет социальные последствия в виде распространения этих представлений в обществе.

Хотя статистически определить процент интересующихся античностью в те или иные периоды нового и новейшего времени не представляется возможным, социокультурные условия конца XIX, всего XX и начала XXI вв. позволяют предположить, что индивидуальное творчество в сфере академической культуры, производство медийной продукции в сфере культуры массовой, воспроизводство античных образов и идей в повседневной жизни имеют своей целью и результатом доведение представлений об античности до самого широкого круга потребителей, а значит – формирование античного субстрата социального сознания.

В заключении хотелось бы выразить благодарность студентам исторического факультета А.В. Ашихминой и В.В. Якореву, обеспечившим источниками в виде фотодокументов эту статью.

¹ Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска. Ижевск, 1996. С. 11.

² Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в культуре конца XX – начала XXI вв. Казань, 2009. С. 7.

³ Долганова А.Ю. Процессы трансоимизации в эргонимии (на материалах названий магазинов Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Филологические науки. 2006. № 5(2). С. 29.

ИЖЕВСКИЙ АЛФАВИТ

С.В. Пахомов (г. Ижевск)

В конце мая 1993 г. на здании Ижевской филармонии (бывшего Дома политпросвещения) появилась большая надпись на непонятном языке: ΟΗΘΕΡΙΟΣ

В ту пору бурных дебатов по самым разным вопросам нового устройства общества различные собрания были обычным явлением. Поэтому некоторые прохожие полагали, что это некий лозунг общества еврейской культуры, заседавшего как раз в этом здании. Однако знатоки еврейской письменности понимали, что вывешенный текст никакого отношения к идишу не имеет.

Все прояснилось 27 мая в 18.00, когда в подвальном помещении филармонии в отделе иностранной литературы Национальной библиотеки Удмуртии открылся научно-практический семинар, посвященный 1130-летию возникновения славянской письменности. Надпись оказалась на русском языке, вот только сам алфавит был новым – *Ижевским*. Алфавит был разработан творческим объединением «Семинар ВТ» (С.В. Пахомов, Г.С. Касимова).

Исторические предпосылки

С распадом в декабре 1991 г. Советского Союза национальные элиты бывших союзных республик активизировали процессы обособления, проявившиеся, в частности, в массовом отказе от кириллицы в письменности национальных языков. Возникло повальное увлечение латиницей, как будто простая смена начертания букв способна перенести народ с бескрайних руин Союза прямо в центр цивилизованного Запада. Не избежали такого соблазна и некоторые представители удмуртской элиты, – латинские буквы казались им верительными грамотами для предъявления благополучным финнам и венграм.

Но ведь можно было бы создать совершенно новый, разработанный на основе самых последних научных достижений алфавит, максимально адекватный удмуртскому языку.

Весной 1993 г. у Удмуртии еще не было ни герба, ни флага, ни гимна. Появление новой адекватной графики удмуртского алфавита могло бы дать импульс к творческому обновлению нации.

К сожалению, знакомство с местными инициаторами латинизации вызвало разочарование, – реальные проблемы удмуртского языка их волновали в последнюю очередь. Что ж, мне, как техническому специалисту славянского происхождения в чужой монастырь со своим уставом не ходить. Но не пропадать же самой идее! Создадим новый алфавит для русского языка. Пусть свой алфавит будет у города – алфавит Ижевский!

Сюрпризы фоносемантики

В качестве научной основы для создания алфавита была выбрана фоносемантика. Наиболее значимые результаты для русского языка в этой новой науке были получены советским ученым, доктором филологических наук А.П. Журавлевым из Ленинградского государственного университета¹.

Мы понимаем речь только при условии, что за каждым словом закреплён вполне определённый смысл. При этом, казалось бы, само звучание слова принципиального значения не имеет. Между тем исследования показали, что каждый звук имеет вполне определённое воздействие, которое можно разложить по трём шкалам, условно названным: **сила, подвижность, оценка**. Получается, что помимо явной информации, которую мы заключаем в самом смысле слов, при произношении мы передаём по скрытому каналу в подсознание совсем другую информацию, связанную с характеристиками звуков.

К чему это приводит? Если в языке имеются синонимы, то с течением времени наиболее употребляемым становится то слово, у которого характеристики звучания коррелируют со смыслом слова. Например, маленького пушистого рыжего зверька мы называем «белкой», хотя его древнее название «векша». Именно из-за «негативного» и «медленного» звучания старое название сменилось на новое, которым изначально называли только белых представителей этого семейства. Возможна и обратная ситуация, когда меняется смысл слова из-за влияния звучания. Сейчас мало кто помнит, что цветок «лютик» (характеристики звучания: слабый, хороший) происходит от слова «лютый», поскольку содержит ядовитый для скота сок. А названия летательных аппаратов «аэроплан», «самолет», «лайнер» расположены в порядке возрастания «скорости» их звучания.

Принципы построения Ижевского алфавита

Точно так же, как все звуки несут дополнительную побочную информацию в подсознание, начертание любых знаков производит вполне определённое самостоятельное воздействие помимо передачи смысла слова. Эту эстетическую составляющую абстрактных графических объектов досконально исследовали теоретики дизайна². Разработан детальный категориальный аппарат, позволяющий выявлять обобщённые характеристики (статика – динамика, симметрия – асимметрия, моноблочность – сложность). А это уже основа для того, чтобы каждому звуку подобрать соответствующий знак.

Идея создания Ижевского алфавита состоит в такой гармонизации звукового и графического представления языка. Для этого графемы (сущностные элементы букв, которые остаются неизменными при любом типе шрифта) должны визуально производить такое же воздействие, как звуки соответствующих букв.

Забавный виток эволюции. Развитие письма шло от картинок к абстрактным символам (пиктограммы – иероглифы – алфавит). А теперь оказалось возможным на основании количественно измеренных характеристик воздействия абстрактных звуков и знаков добиться целостной гармонизации языка.

Необходимость соответствия графики содержанию текстов художниками осознавалось всегда. Именно это породило такое огромное количество шрифтов в истории книгопечатания. Но никто ещё для этого не менял сам алфавит.

Алфавит как игра

Выполнение заявленной программы в полном объеме потребовало бы привлечения огромных ресурсов. Противоречие между желанием реализовать красивую идею и отсутствием средств приводит в масштабах государства к сворачиванию научных программ, «замораживанию» социальных проектов. Но есть игра, позволяющая легко обходить любые препятствия реальной жизни. Сколько раз объявлялись и бесславно закрывались национальные программы пилотируемых полетов на Марс! А пятилетние дети легко и непринужденно играют в звездные войны. Поэтому было решено придумать Ижевский алфавит в игровой форме силами творческого объединения «Семинар ВТ»³.

В начале 1990-х гг. деятельность «Семинара ВТ» проходила в тесном дружеском контакте с авангардными объединениями «Лодка», «Ижевский клуб», «Студия Малевич». Отличительной чертой семинара было соединение художественного и научно-просветительского подхода. Галина Станиславовна Касимова (профессиональный педагог изобразительного искусства) работает с группами учеников разных возрастов, но больше всего ее привлекают игровые методы освоения художественной композиции с самыми маленькими детьми. Поэтому ее опыт как нельзя лучше подходил для работы над Ижевским алфавитом. Вместе с ней мы нарисовали алфавит за несколько дней.

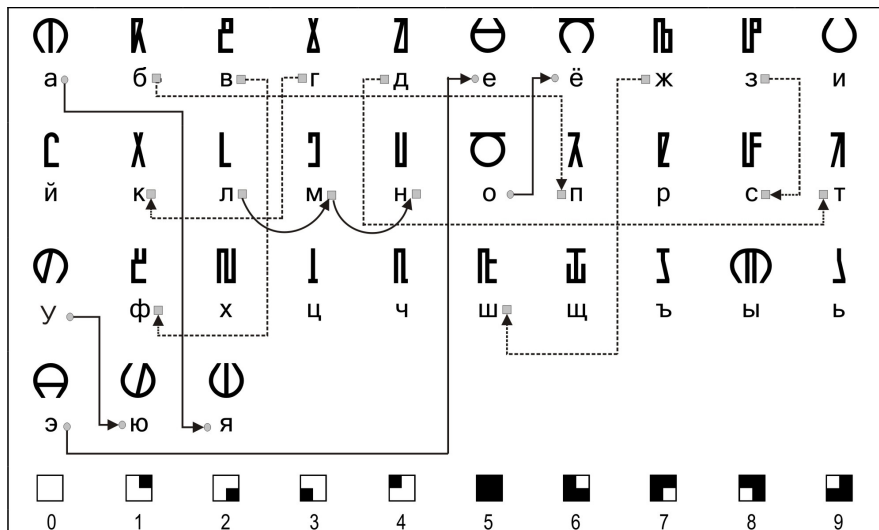

Рис. 1. Алфавит Ижевский.

Стрелками указаны схожие по звучанию и начертанию буквы

Гласные буквы в Ижевском алфавите имеют округлую форму, согласные – прямоугольную. Йотированные гласные получаются из исходных гласных поворотом на 180 градусов вокруг центра буквы. Буквы, которым соответствуют звуки «быстрые» (по шкале фоносемантики «подвижность») имеют динамичный наклонный элемент (Я, Ё, Ъ). Звонкие согласные отличаются от глухих наличием замкнутого элемента, который символизирует напряжение при произношении (сравн. целый надутый воздушный шарик с лопнувшим). Сонорные согласные Л, М, Н, Р выделены в отдельную группу с общим нижним горизонтальным элементом. Шкале фоносемантики «оценка» соответствует степень сложности графемы: самые «тяжелые», «плохие» звуки Ы и Щ имеют самые перегруженные графемы (Щ, Ы (как впрочем, и в кириллице)). Алфавит не имеет специального начертания строчных букв и построен по модульной сетке с минимальным количеством составных элементов.

Позже Ижевский алфавит был дополнен цифрами, знаки которых приспособлены к эффективному считыванию автоматами (не отставать же от Рима!).

Графемы – это всего лишь скелет алфавита. Для того, чтобы выросла плоть букв, необходим шрифт. В разное время в разработке шрифтов для Ижевского алфавита принимали участие самые разные, но неизменно одаренные профессионалы: Л.И. Первина (1993), А.Н. Шихирин (1993), Э.В. Касимов (1994), А.В. Корсаков (2000), В.П. Чувашев (2006). Шрифты Ижевского алфавита можно скачать с официальной страницы Исторического факультета УдГУ (<http://v4.udsu.ru/default/lf>).

Практика применения

Ижевский алфавит используется для концептуальных текстов художников, выполняет представительскую функцию в акциях за рубежом, является инструментом для анализа поэтических текстов. Появившись в лихие 90-е, новый алфавит был востребован художниками для дистанцирования от суровой прозы жизни (карточек на продукты, распада Союза, безработицы). Если искусствоведы в попытках перевести внимание публики от обыденного к празднику абстрактной живописи порой прибегали к терминологической зауми, то Ижевский алфавит позволял сделать «сакральным» даже простой и понятный текст. Непривычная графика букв была тем провокационным барьером для непосвященных, легкое преодоление которого, порождало надежду на возможность альтернативного, более радостного существования в то же время и в том же пространстве.

Творческое объединение «Семинар ВТ» использовало Ижевский алфавит для формирования положительного имиджа Ижевска в своих акциях за рубежом (например, на «Венецианском бьеннале» в 1995 г.⁴). Помимо текстов, набранных алфавитом, названным в честь Ижевска, у семинара есть и собствен-

ный герб города. Напомним, что нынешний герб Ижевска появился только в 1997-м г. и не отличается особой образностью (клещи с рябиной). К тому же весьма нетривиальная задача возникает всякий раз перед любым скульптором, которому приходится лепить герб Ижевска (попробуйте в рельефе изобразить тонкую вертикальную *двухцветную* стрелу вдоль границы полей!). Между тем известно, что лучше всего запоминаются и легко обыгрываются в символике животные. В древности были тотемы, нынче – широко распространены талисманы спортивных состязаний (первым таким талисманом стал львенок Вилли на чемпионате мира по футболу в Англии в 1966 г.). Городские гербы с животными также особенно многочисленны. Проект такого герба для Ижевска был зарегистрирован в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург) задолго до объявления муниципального конкурса. Авторы проекта (И.И. Кобзев, Э.В. Касимов, С.В. Пахомов) изобразили на красном поле зеленого крокодила. В то время этот проект не вызвал симпатий у местных официальных властей, но спустя годы (в 2005 г.) эта тема с успехом реализовалась в городской скульптуре крокодила у 24-й гимназии. А «Семинар ВТ» еще с тех времен использует свой вариант «крокодильского» герба, у которого сверху сделана надпись на Ижевском алфавите.

Зримая поэзия

Поскольку Ижевский алфавит разрабатывался для адекватного отображения в графике звучания текста, то особый интерес представляет использование алфавита для написания стихов. Широкие круглые гласные буквы как бы задают ритм и метр стиха, а схожесть начертания фонем, имеющих одинаковое произношение, делают рифму наглядной.

звонкие	К	Е	Х	Л	Ь	Р
глухие	λ	е	х	л	ѣ	ѣ
гласные	Ф	Ф	Ө	О		
йотированные	Ф	Ф	Ө	О		
ТЁМА ДОМА	КОСЯК КОЗАК	ГОД КОТ	ПУД БЬЮТ	ПОТ МЁД	ЗУБ СУП	
λФλФ λФλФ	λФФλ λФФλ	λФ λФ	λФ λФ	λФ λФ	ѣФ ѣФ	
пУСК обрЮЗГ	каЮК испУГ	БЕЗдНА ПЕСНЯ	бУРЯ нЮРА	анаБЭНА* ПЕНА	ГвОЗДЬ КОСТЬ	
λФѣλ ОλѣФλ	λФФλ ФѣλФλ	ѣФФλ λФѣФ	ѣФФ ѣФФ	ФѣФѣФ ѣФФ	ѣФФλ λФѣλ	

* Анабэна – один из видов сине-зеленых водорослей, цветущих в Ижевском пруду.

Удмуртский поэт Виктор Шибанов с помощью Ижевского алфавита анализирует структуру своих стихов: схожие по начертанию буквы выявляют звукопись (запись звука).

[illegible]

раСкололаСь ЧаШка Сине-Чёрная,
порожденье глины и огня.

В русском двустийше автор передает процесс раскалывания посуды, символизирующий разрушение всего создаваемого (в первом стихе доминируют глухие звуки). Второй стих явно вступает в контраст, где звуков «разрушений» фактически нет, преобладают звонкие и сонорные звуки, намекающие на то, что созданный предмет когда-то был прочным, пластичным, гармоничным. Автор эту особенность заметил именно благодаря написанию Ижевским алфавитом, ибо, по его словам, ранее эту особенность сам он не осознавал.

Виктор Шибанов пошел дальше: стал записывать на Ижевском алфавите и удмуртские стихи.

IF $\omega \in \mathcal{X}$ THEN $\omega \in \mathcal{Y}$ — IF $\omega \in \mathcal{Y}$ THEN $\omega \in \mathcal{X}$?
 IF $\omega \in \mathcal{X}$ THEN $\omega \in \mathcal{Y}$ — IF $\omega \in \mathcal{Y}$ THEN $\omega \in \mathcal{X}$?

На кириллице это выглядит так:

сюрес кУзя – ез ЮбООс
кОшкО – сООс яке бертО?

Перевод на русский следующий:

вдОль дОрОги – стОлбЫ с прОвОдами
уХОдят Они или вОзвращаются?

Это стихотворение В. Шибанова, посвященное проселочным столбам, вроде бы должно было актуализировать традиционные звуки У, ассоциирующиеся с гулом, гудением ветра (вьюги). На самом деле они присутствуют, но звуковую картину стиха неожиданно формирует звук О. Автор сам задумался, что стоит за этим, случайно это или же подсознание хотело сказать нечто иное? И более склонен ко второму. Но когда в подстрочном переводе на русский язык эти стихи выдали подобную же звуковую картину, он был еще более удивлен... (дело в том, что в русских текстах по данным статистики буква О используется наиболее часто).

В 1995 г. малым, эксклюзивным тиражом была выпущена первая книга на Ижевском алфавите «Первый звук». Автором стал младенец Сергей Морозов.

На момент презентации тиража ему исполнилось 14 дней. К этому моменту автор вполне уверенно произносил протяжное «А-а-а!», что и составило содержание книги. Хотя основной текст состоит из одной буквы (П), развернутое предисловие, профессиональные иллюстрации и ручной переплет сделали это издание находкой для коллекционеров. Добавим, что под стать содержанию и размер книги, – она самая маленькая из книг, напечатанных в Удмуртии.

Создание алфавитов

Хотя на сегодняшний день в мире насчитывается 6 тысяч действующих языков, принципиально различных алфавитов существенно меньше. Даже новые искусственные языки (а их уже более тысячи) предпочитают использовать старые, проверенные временем знаки. На большей территории Земли распространен латинский алфавит, в сотне языков используется кириллица.

Довольно забавная история случилась с названием нашего современного алфавита. Кириллица создана не Кириллом, а в его честь. С течением времени она вытеснила из употребления более вычурную азбуку, придуманную собственно Кириллом, глаголицу. А свое имя Кирилл, создатель первой славянской азбуки, получил при пострижении в схиму за 50 дней до своей смерти в Риме. Всю жизнь он прожил с именем Константин, за большой ум имел прозвище Философ.

Любопытно и другое: долгое время две славянские азбуки существовали параллельно, и никого это не удивляло. Считают, что глаголицу использовали как тайнопись, в текстах, предназначенных для посвященных. Мы с вами тоже пользуемся двойной записью одной и той же информации, но только в цифрах. В особо торжественных случаях мы предпочитаем арабским цифрам римские. А ведь наша жизнь намного богаче и разнообразнее простого деления на обыденное и торжественное. Когда в 2006 г. в Ижевске создавался памятник космической собачке Звездочке (ул. Молодежная, сквер Звездочка), возникла проблема отделения имен покорителей космоса (СПИСОК ЗВЕЗДОЧКИ) от вспомогательной информации о технике и биологических объектах на борту космического корабля. Для того, чтобы начертания имен академиков и космонавтов на поверхности памятника визуально не смешивались с перечнем всех мышей и микробов, летавших в космос, последние были начертаны на Ижевском алфавите. Для этого была специально разработана новая версия шрифта.

Величие просветителей Кирилла и Мефодия выходит далеко за рамки дизайнерской разработки оригинальных букв. Они положили начало письменности всем славянским народам. Сделали первые переводы с греческого языка христианских текстов. А на какой из славянских языков? С детства братья знали древнеболгарский. Это позволило Константину (Кириллу) при разработке алфавита выделить в звучании славянской речи отдельные фонемы и поставить им в соответствие отдельные буквы. Древнеболгарский язык стал основой для общего

старославянского языка, специально созданного для переводной греческой и собственной славянской религиозной литературы. Он отличался от разговорного языка славян IX века, но был понятен всем, кто говорил на разных славянских языках. Получается, что наши предки имели не только две азбуки, но и два языка.

Примечательно, что появление письменности фиксирует язык, не дает ему расплываться на множество наречий. Устная речь без письменности подвержена многочисленным случайным влияниям, что приводит к стремительному расхождению языков изолированных племен, изначально имевших общий язык. Известны случаи, когда исследователи африканских языков, досконально изучив язык людей одного из племен, не могли понять ни одного их слова, когда вернулись к ним через 20 лет.

Меняются во времени и наши представления о нормах функционирования языка. Не исключено, что в будущем не только выяснятся новые факты истории становления письменности, но возникнут и новые, самые неожиданные функции языка и его алфавитов. Имея в виду эту гипотетическую возможность, ТО «Семинар ВТ» проводил акции на тему межвременного контакта. Были закопаны послания в будущее⁵. При этом учитывался опыт прекрасной сохранности новгородских берестяных грамот. Только в нашем случае на березовой коре тексты были написаны Ижевским алфавитом. Археологов будущего ждут сюрпризы. И не только на территории Удмуртии.

Погожим сентябрьским днем 1993 г. научные сотрудники Херсонесского государственного историко-археологического заповедника вместо раскопок занялись обратным занятием. В купальне, где крестился князь Владимир, в скальном грунте они закопали капсулу с берестяной грамотой на Ижевском алфавите. Руководителя заповедника, археолога с именем, под контролем которого находятся все раскопки древней Таврии, О.Я. Савелю трудно упрекнуть в легкомыслии. Напротив, прекрасно понимая значимость возвращения к жизни памятников истории не только в научном, но и в общекультурном смысле, Олег Яковлевич ратует за то, чтобы в археологическом памятнике проходили фестивали, в подлинном амфитеатре разыгрывались древнегреческие трагедии, а весной тысячи людей приходили в Херсонес на праздник славянской письменности памяти Кирилла и Мефодия (ведь именно здесь, в Херсонесе, братьям пришла идея создания единой славянской азбуки). Поэтому, выслушав предложение семинара закопать послание в самом надежном месте Херсонеса, он первым взялся за кайло⁶.

Ижевск удален от Херсонеса на расстояние в две тысячи километров, но не менее далек Ижевск, в сравнении с древними городами, и от своего становления как исторического центра. Как-то не везет ему в этом. Если взглянуть на крепостную стену того же Херсонеса, то можно легко различить полосы регулярной кладки греков и нагромождения каменных глыб варваров. Были войны, город

переходил из рук в руки, но каждый раз новые отцы города бережно восстанавливали то, что было до них. У нас же предпочитают начинать с «чистого листа», убирая все «лишнее». В этом проявляется рудиментарное сознание заводского поселения. Из отмечаемых 250 лет лишь малую часть Ижевск имеет статус города. А у завода диаметрально противоположная функция: не накапливать, а быстро и решительно перестраивать цеха, безжалостно избавляться от старого оборудования, чтобы на новом производить самую современную продукцию.

Когда семинар закапывал свою капсулу в Ижевске, выбрали аллею Памяти у монумента «Дружбы народов». Две лиственницы в начале аллеи засохли, мы посадили на их местах новые, а под одной из них закопали капсулу с посланием. Дереву без капсулы не повезло, – его сразу же сломали (3 раза еще мы сажали на этом месте саженцы, но результат был всегда один. Причиной тому – народная тропа во время гуляний). А вот лиственница над капсулой за 15 лет практически догнала по размерам своих старших соседок. Эту аллею с большим трудом (с третьей попытки) посадили почетные представители всех 25-ти районов республики в честь 400-летия присоединения Удмуртии к России. Казалось, что это почти священное пространство, но вот в 2007 г. к 450-летию того же самого исторического события начало аллеи вырубают и закатывают асфальтом автостоянки. А в этом 2010 г. 250-летие Ижевска «отмечено» сносом исторического здания заводууправления на набережной.

Поневоле закрадывается подозрение, что Ижевску уготовано судьбой накапливать свою самобытность и историчность в каких-то иных, не материальных формах, не доступных внешнему уничтожению. В таком антивандальном формате могут быть мифы, музыка, поэзия, опять же – алфавиты...

Буквенная среда обитания

Сегодня (июнь 2010 г.) на главной улице Ижевска – Пушкинской на протяжении всей ее длины (4,75 км) выставлено порядка тысячи вывесок, достаточно крупных, чтобы активно воздействовать на пешеходов. Человек постоянно находится в окружении надписей, при этом каждая пятая из них (20 %) содержит элементы латиницы. Представлены все возможные формы графической интервенции: надписи целиком на английском языке, отдельные английские слова в русском тексте, транслитерация (запись английских слов кириллицей), внедрение латинских букв в русские слова. Влиянием английской свободной пунктуации (это в лучшем случае) можно объяснить отсутствие запятых при обращении даже в официальных транспарантах к юбилеям.

Перевод названия японского ресторана с иероглифов производится не на русский язык (и уж тем более не на удмуртский), а на английский. Идентифицировать национальную принадлежность города невозможно. Главная надпись на Центральной площади столицы Удмуртской Республики – английское назва-

ние гостиницы. Всех, кто приезжает на площадь на общественном транспорте и выходит на остановке без названия, встречает вывеска на фоне Государственного театра оперы и балета «Burger Star». На протяжении всей улицы Пушкинской надпись на удмуртском языке встречается только один раз.

Те, кто мечтал о переводе удмуртского языка на латиницу, сегодня, находясь в окружении английских слов, могут только с ностальгией вспоминать время, когда практически все жители Ижевска видели и хорошо понимали удмуртские слова **нянь** (хлеб), **йёл** (молоко), **дйськут** (одежда)... Диакритические знаки (двоеточия над буквами), которые, вроде бы, свидетельствуют о перегруженности алфавита, при творческом отношении могли бы стать самобытным украшением.

Ижевский алфавит, конечно, игра, забавный казус... Впрочем, из таких милых пустячков, пожалуй, и сплетается неповторимый венок жизни.

Ойеёёёёё ойеёёёё, ойеёёёё, ойеё, ойеёёёёё ойеёёё... Ёйеёёёё, ой ойеёё ойеёёё ойеёёёёё, ойеёёёё, ой ойеёёёёё ойеёёёёёёёёёёёёё ойеёё ойеёёё.

¹ Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.

² См., напр.: Сомов Ю.С. Композиция в технике. М., 1987.

³ Сергеев А. Давайте поиграем // АИФ Удмуртии. 1994. 9 февраля.

⁴ См.: Наговицина Н. «...В Венецию с любовью» // АИФ Удмуртии. 1995. 4 авг.; Лукинская О. Самый авангардный форум // Известия Удмуртской Республики. 1995. 25 июля.

⁵ Гладыш Н. «В землю закопал, надпись написал...» // АИФ Удмуртии. 1993. 21 июля.

⁶ Савеля Д. Послание в третье тысячелетие // Слава Севастополя. 1993. 14 октября.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ: ЭРГОНИМИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ КОММЕРЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ Г. ИЖЕВСКА)

Т.И. Зеленина, Д.Г. Полянцева (г. Ижевск)

Названия предприятий и учреждений различного профиля составляют значительную часть лингвистического пространства современного города. В результате многократного повторения в рекламных текстах они быстро входят в язык, становятся словами повседневного языкового окружения, проделывая

иногда за несколько месяцев путь, на который обычным словам требуются десятилетия.

Названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, союзов, деловых объектов выделяют в лингвистике в отдельную группу, называемую эргонимической лексикой, или эргонимами – искусственно созданными словами. Эргонимы могут многое рассказать об истории и культуре страны или города, коллективных стереотипах, а также о состоянии общества в тот или иной период. Эти языковые единицы относятся к классу имен собственных и являются очень чувствительными к внешним факторам, т.е. отражают различные социокультурные изменения.

В России после 90-х гг. XX в. произошла стремительная трансформация эргонимической лексики, которая связана с переходом от советского строя к рыночной экономике¹. С переходом российской экономики к рыночному типу возникла масса новых коммерческих предприятий.

Особенное развитие во многих городах России, в том числе в Ижевске, получила сфера обслуживания. В настоящее время, как показало наше исследование, лексический пласт эргонимов динамично развивается, постоянно изменяясь. Материалом для анализа послужили 300 наименований предприятий сферы обслуживания г. Ижевска (салонов красоты, парикмахерских, спортивных клубов, туристических агентств, кафе, баров, ресторанов). Изученные эргонимы с учетом тематических групп и их подсчеты показали следующее:

- Кафе, бары, рестораны – 104 (34 %),
- Туристические агентства – 90 (30 %),
- Салоны красоты – 63 (21 %),
- Спортивные клубы – 32 (11 %),
- Развлекательные клубы – 11 (4 %).

На наш взгляд, эти лингвистические данные могут служить показателем социальной жизни современного города. Языковой материал распределен неравномерно. Значительную долю в названиях сферы обслуживания занимают туристические агентства (30 %). Всплеск их создания начался в начале 90-х гг., до этого времени Удмуртия была одним из самых закрытых регионов России (г. Ижевск официально был открыт в 1991 г.).

Салоны красоты до недавнего времени были редкостью. Однако примерно с 2000 г. создавать салоны красоты стало крайне модно. Сейчас данная сфера в Ижевске представлена достаточно широко (21 %). Росту числа салонов красоты способствует то обстоятельство, что люди стали больше уделять внимание своему внешнему виду, причёске, макияжу. И хотя эта сфера считается традиционно «женской», до четверти сегодняшних клиентов салонов красоты составляют непривычные ранее посетители – мужчины.

Наиболее развитой, а значит наиболее востребованной, оказалась сфера общественного питания: кафе, бары, рестораны (34 %). К сожалению, спортивные клубы занимают предпоследнюю позицию среди объектов сферы обслуживания (11 %).

Таким образом, лингвистическое исследование коммерческих названий сферы обслуживания дает представление о социальных процессах, о формировании предпочтений жителей города.

Для позиционирования на рынке новых коммерческих предприятий появилась потребность в новых коммерческих именах. Многочисленные городские объекты получили индивидуальные собственные имена. Старые названия, связанные с другой формой собственности, были заменены новыми, соответствующими текущим потребностям.

В современном российском обществе названия коммерческих предприятий становятся средствами рекламы. Следовательно, эргоним, помимо номинативной и информативной функции, свойственной всем именам собственным, приобретает функцию специфическую, рекламную, предназначенную для сферы реализации товаров и услуг². И теперь номинатор (автор эргонима) пытается не только проинформировать потенциальных клиентов о конкретном виде товара или услуги, но и сделать название ярким, запоминающимся, используя эмоциональный и стилистический компоненты слова. Названия, основанные на ассоциативных представлениях, по-разному воспринимаются потребителями, в том числе они могут быть поняты и неправильно. При этом они часто импонируют ему своей благозвучностью, яркостью, загадочностью и подобными качествами. В целом, информацию, заключенную в эргониме, потребитель воспринимает намного более обобщенно и огрубленно, чем представляют себе номинаторы.

Поскольку наименование предприятия является одним из важнейших факторов привлечения клиентов и средством его выделения из ряда подобных, номинатор проявляет личностное, творческое начало. Создавая название для предприятия, его автор вступает с потенциальными клиентами в опосредованную речевую коммуникацию, а значит, ориентируется на общее языковое сознание, пытается учесть культурный и ситуативный контекст.

Для создания удачного эргонима, выполняющего рекламную функцию, используется ряд средств: структурно-образовательные, графические, а также лексические средства других языков.

Так, например, в Ижевске можно встретить названия с различными словообразовательными компонентами «престижности», которые символизируют высокое качество предлагаемой продукции: *Евростиль*, *Система Плюс*, *Евроклуб*.

Актуальными являются игровые способы словообразования. Они, безусловно, нацелены на реализацию рекламной функции эргонима, на привле-

чение внимания потребителя. Например, берется слово, обозначающее некую характеристику товара, и на его основе создается антропоним – условная фамилия, которая задает персонифицированное восприятие товара: классическая русская блинная *Блинофф*. Прием игрового словообразования иногда сопровождается использованием нестандартной орфографии: *ОстровОК*.

Весьма популярно особое графическое оформление эргонима: *Angel b.a.r.*, *Куда. ru*, *Путешественникъ*, *Сарафанъ* (в двух последних примерах присутствует архаический элемент кириллического алфавита).

При этом различные словообразовательные компоненты могут выполнять и информативную функцию. Яркими примерами служат названия многих туристических фирм: *Капитан-тур*, *Корона-Тур*, *Нео-тур*, *СТС-тур*, *Natali-тур*. Семантика слова *тур* – фр. *tour* (поездка, путешествие) четко определяет специализацию учреждения.

Также для эргонимов характерен еще один путь создания – трансонимизация, т.е. переход собственных имен из одного разряда в другой. Чаще всего трансонимизации подвергаются личные имена. При анализе языкового материала мы выявили, что абсолютное большинство производящих личных имен являются женскими именами. При свободном выборе имени номинаторы учитывают его красоту (*Линда*, *Нелли*), этимологический смысл или наличие прозрачной внутренней формы (*Любавушка*).

Номинации создаются и на базе имен известных личностей. Богатая энциклопедическая информация имени собственного позволяет использовать имя в качестве символа. Так салон красоты получает имя *Клеопатра*, ставшей символом совершенной красоты, туристическое агентство *Колумб* носит имя великого мореплавателя, а название кафе *Пикассо* ассоциативно указывает на шедевры кулинарного искусства.

Подвергаются трансонимизации и топонимы (географические названия). Созданные на их основе эргонимы содержат информацию о местонахождении именуемого объекта, т.е. являются координатными. Таковы названия *У Невского* (имеется в виду собор Александра Невского, напротив которого расположено кафе), *У лося* (кафе, расположенное около памятника лосю).

На улицах Ижевска часто можно встретить названия, основанные на известных в социокультурном пространстве топонимах. Информация о топониме в этом случае редуцируется до самого общего значения «европейский город», «столица», «привлекательный район» и т.п. Таковы названия *Техас* (штат на юге США), *Прага* (столица Чехии), *Saint-Tropez* (известный город-курорт на юге Франции), *«Moskva»*. Мы видим, что графическое оформление названия может быть представлено кириллицей или латиницей.

Встречаются названия коммерческих организаций, созданные на основе идеонимов – собственных имен произведений духовной деятельности челове-

ка. Все они связаны с явлениями массовой культуры, так как их адресат – широкая потребительская аудитория. Вызывая воспоминания об объекте, носящем первичное имя, такие названия влияют на предпочтения потребителя, успешно выполняя аттрактивную, т.е. притягательную, функцию: *Айвенго, 12 стульев, Мадам Баттерфляй, Мимино, Шахерезада*. Также можно отметить теонемические и мифонимические названия: *Адам, Ариадна, Орфей, Эол*.

Последнее время, несомненно, заметна актуализация еще одного, весьма продуктивного, способа коммерческого наименования – использование лексических средств иностранного языка. Русский язык всегда был открыт для пополнения лексики из иноязычных источников. Заимствования из древних языков (греческого, латинского), тюркизмы, слова из немецкого, французского, английского и др. осваивались русским языком в разные исторические эпохи³.

В истории русского языка известны периоды интенсивного иноязычного влияния и широкого употребления иноязычной лексики, к таковым относятся XVIII (особенно эпоха Петра I) и XIX вв. Таким периодом стал для России и рубеж XX–XXI вв. Приток иноязычной лексики в русский язык начал значительно увеличиваться в 90-е гг. XX в. в связи с изменениями в сфере политической жизни, экономики, культуры и нравственной ориентации общества.

Помимо таких очевидных причин для заимствований, как тесные политические и торгово-экономические связи между народами-носителями языков, существуют также социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью иноязычного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия⁴.

В советский период Ижевск был закрытым городом-заводом, и какие-либо иноязычные влияния были здесь просто невозможны. Распад Советского Союза означал разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Именно из-за полной закрытости, изолированности города в прошлом активное использование заимствований в эргонимии испытывает сегодня наивысший подъем. Время, когда иноязычное слово ассоциировалось с чем-то духовно чуждым уже в силу своей иноязычности, сменилось временем, когда для большинства носителей русского языка внешние влияния стали привычным явлением.

Заимствования в эргонимии в большинстве случаев продиктованы языковой модой, нежели необходимостью. Западная культура в сознании россиян ассоциируется с привлекательными техническими новшествами, образцами общественного порядка и экономического процветания, стандартами жизненного уровня, эталонами культуры, вкуса, моды, идеальным стилем жизни. А потому в эргониме-заимствовании уже как бы зашифрованы целые пласты различных характеристик: престижность, элитарность, качество, надежность.

Эта установка широко применяется в рекламе, где заимствования употребляются с целью актуализации позитивных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в родном языке. Например, *паб* – англ. *pub* (пивная, рюмочная). Продуктивность заимствования как способа номинации поддерживается ситуацией культивирования иноязычного знака, сопровождаемой снижением уровня привлекательности собственной этнической группы, что ведет к использованию иноязычных слов и предпочтению их исконным⁵.

Среди 300 эргонимов, анализируемых в данной статье, 28 % являются заимствованиями. Более половины из них (54 %) – заимствования из английского языка, который является в настоящее время международным языком общения. Вторую позицию (28 %) в эргонимической лексике г. Ижевска занимают французские заимствования (галлицизмы). Слова французского происхождения прагматически значимы для носителя русского языка, поэтому они активно используются как эргонимы и маркировки. Многие из галлицизмов относятся к категории «модных», престижных, «статусных» слов.

Нами выявлены также заимствования из древних языков (латинского, греческого). Единичны заимствования из испанского, итальянского, немецкого, японского языков.

Выбирая в качестве коммерческого названия антропоним, номинатор часто делает выбор в пользу иностранного имени. Так среди проанализированных эргонимов мы встретили лишь 2 исконно русских женских имени: *Любавушка*, *Светлана*. Принимая во внимание, что большинство личных имен в современном русском языке являясь интернациональными, воспринимаются как русские (*Валерий*, *Екатерина*, *Наталья*, *Нина* и мн. др.), отметим, что антропонимы, выбранные для коммерческого названия, свидетельствуют зачастую об иноязычной принадлежности. Предпочтение было отдано таким именам, как *Алиса*, *Василиса*, *Доминика*, *Кармэль*, *Катрин*, *Корнелия*, *Линда*, *Нелли*, *Эллис*, *Natali*, *Nicole*, *Ninel*, *Valeri*.

Среди иноязычных названий выделяются две группы:

а) заимствованные слова в *графике языка-оригинала*:

1) англ.: *Angel b.a.r.* (ангельский бар), *Atlantic group* (атлантическая группа), *Aviator* (пилот), *Beauty Line* (линия красоты), *Beautiful people* (красивые люди), *Blue sky* (синее небо), *CANDY* (леденец, сладость), *Coffee Black* (черный кофе), *Enigma* (загадка), *Eve Line* (перен. женская линия), *Fashion Club* (модный клуб), *4 Friends* (четыре друга), *Glamour* (многозн. привлекательность, эффектность, романтический ореол, обаяние), *Just Dance* (просто танцуй), *Light Zone* (зона света), *Meet&Wine* (вино и мясо), *Next* (следующий), *Reader's pub* (читательский паб), *Sky Travel* (небесное путешествие), *Smile* (улыбка), *Sun Town* (Солнечный город), *The Taste* (вкус), *U-Dance (You-Danc*,

букв. ты танцуешь), *V.I.P.18* (Very Important Person – особо важная персона), *Virgin Café* (девичье кафе);

2) фр.: *Barbarelle* (Барбарелла, имя собств.), *Belle* (красавица), *Nicole* (Николь, имя собств.), *Ninel* (Нинель, имя собств.), *Saint-Tropez* (Сэн-Тропэ, город на юге Франции);

3) ит.: *Dolce Vita* (сладкая жизнь), *Il Patio* (внутренний дворик), *Ruso Touristo* (русский турист);

4) исп.: *Todo Cabe* (возможно все);

5) нем.: *Welten* (мир, вселенная);

6) др. языки: *Nirvana* (санскр. безмятежный покой), *Lithos* (др.-греч. λίθος камень), *Ozon* (др.-греч. ὄζω пахнущий).

б) иноязычные слова, передающиеся *средствами русской графики*. При этом осуществляется транскрипция или транслитерация иноязычного образца. Транскрипция – запись иноязычных слов средствами национального алфавита, например *Трэвэл Клуб* – англ. Travel Club (клуб путешествий). Транслитерация – побуквенная передача слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы, например *Велл* – англ. Well (хорошо). При транскрипции название выглядело бы как *Уэл*.

1) англ.: *Велл* – *Well* (хорошо), *Голдбим* – *Gold beam* (золотой луч), *Лайф* – *Life* (жизнь), *Мадам Баттерфляй* – *Madame Butterfly* (госпожа Бабочка), *Скайлайн Трэвэл* – *Skyline Travel* (путешествие за горизонт), *Трэвэл Клуб* – *Travel Club* (клуб путешествий), *Фитнес Лайн* – *Fitness Line* (фитнес линия), *Холидей* – *Holiday* (отпуск);

2) фр.: *Авеню 18* – *Avenue 18* (проспект 18, престижный квартал Парижа), *Бон Вояж* – *Bon voyage* (счастливого пути), *Бон-жур* – *Bon jour* (добрый день), *Гала* – *Gala* (торжество), *Дилижанс* – *Diligence* (проворство), *Кармэль* – *Carmel* (имя собств.), *Катрин* – *Katrine* (имя собств.), *Комильфо* – *Comme il faut* (как следует), *Мулен Руж* – *Moulin Rouge* (красная мельница), *Нелли* – *Nellie* (имя собств.), *Оранж* – *Orange* (апельсин, оранжевый), *Премьер* – *Premier* (первый), *Рандеву* – *Rendez-vous* (свидание), *Саквояж* – *Sac de voyage* (дорожная сумка), *Турист* – *Touriste*;

3) ит.: *Браво* – *Bravo* (отлично, хорошо), *Вико* – *Vico* (местечко, деревня);

4) др. языки: *Вита* – лат. *Vita* (жизнь), *Вита Гран* – лат. *Vita Gran* (зерно жизни), *Дельта* – др.-греч. δέλτα (4-я буква греческого алфавита), *Кредо* – лат. *credo* (я верю), *Омега* – др.-греч. ω Ω ὀμέγα (последняя, 24-я, буква греч. алфавита);

5) японск.: *Окинава* (веревка на взморье), *Такай* (высокий).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди заимствований из английского языка преобладают слова, переданные с помощью графики языка оригинала. В то время как заимствования из французского языка в большинстве случаев передаются средствами русской графики. Это свидетельствует о

широком распространении английского языка. По-видимому, для носителей русского языка «иностранный облик» английского заимствования более привычен, чем французского.

Отметим, что многие эргонимы-заимствования не осознаются носителями русского языка как заимствованные, иноязычность такой лексики устанавливается только путем этимологического анализа, например: *Турист* – фр. *touriste* < *tour* (прогулка, поездка), *Браво* – ит. *bravo* (молодец, первонач. означало возглас одобрения в ит. опере), *Премьер* – фр. *premier* (первый), *Экспресс* – англ. *express* (скорый).

Представляют интерес для исследования варианты смешанных эргонимов с двойной графикой: *Мечта Beauty* (англ. мечта о красоте), *Кофе-Art* (англ. искусство кофе), *Бон-jour* (фр. добрый день).

Присутствуют также случаи использования латинской графики, обновляющей привычный облик слова, и, тем самым, реализующей рекламную функцию эргонима: *Moskva*, *Sistema*, *Shaman*.

Иноязычные названия также могут сопровождаться нестандартной орфографией: *U-Dance* (при прочтении *You dance*, англ. ты танцуешь), *4 Friends* (в цифре «4» отражено явление омонимии (звучание одно, а значения разные: *Four friends* (четыре друга) либо *For friends* (для друзей)).

Значение некоторых иноязычных названий непонятно большей части потребителей, например: *Todo cabe* (исп. возможно все), *Buma* (лат. *Vita* жизнь), *Sun Town* (англ. солнечный город). Подобные эргонимы-заимствования воспринимаются как неинформативные названия.

Однако при условии билингвизма потребителя, его способности переключаться с одного языка на другой, эргонимы могут реализовывать не только рекламную, но и информативную функцию: ресторан *Meet&Wine* (англ. вино и мясо), салон красоты *Belle* (фр. красивая), салон красоты *Beauty Line* (англ. линия красоты), туристическое агентство *Трэвел клуб* (англ. клуб путешественников), спортивно-танцевальная студия *Just Dance* (англ. просто танцуй).

Итак, развитие сферы обслуживания г. Ижевска повлекло за собой появление большого количества развлекательных и спортивных комплексов, салонов красоты и, особенно, кафе, баров и ресторанов. Это позволило номинаторам раскрыть свой творческий потенциал и начать создавать не просто информативные, но и экспрессивные названия. Экспрессивную и аттрактивную функцию стали успешно выполнять эргонимы-заимствования. Они помогают, по мнению номинаторов, придать подобного рода заведениям необходимый им статус «престижности», сообщить адресатам о качестве мирового уровня. Так салон красоты с итальянским названием *Dolce Vita* или французским названием *Бон-jour* ассоциируются в сознании адресатов с эталонами вкуса и красоты.

Поступательный процесс осознания страной себя как части цивилизованного мира, преобладание интегративных, объединительных тенденций способствует принятию иноязычных средств коммуникации. После разрушения преград, стоявших на пути общения с западным миром, процесс интеграции, глобализации в полной мере отразился на эргонимии г. Ижевска. В целом языковой материал свидетельствует о стремлении к интернационализации эргонимической лексики.

Имея коммуникативную природу, эргонимы активно учитывают фактор адресата и соответствуют потребностям общества. И если на улицах г. Ижевска так часто встречаются эргонимы-заимствования, значит, жители города готовы их воспринимать.

Современные защитники русского языка правомерно выступают против засилия иностранных слов, что уже неоднократно встречалось в истории русского языка. Думается, что сегодняшний «бум» использования иностранных заимствований в качестве эргонимов обусловлен крайне отрицательным отношением и даже запретом на все иностранное в советский период. Как следствие, эргонимы-заимствования буквально «хлынули» в лексическую сферу русского языка. Как будет развиваться этот пласт русской лексики, покажет время.

¹ *Кара-Мурза Е.С.* Новые времена – новые имена // Коммерческое имя как риторическая и маркетинговая проблема: сб. ст. / науч. ред. И.Б. Александрова, В.В. Славкин. М., 2008. С. 300.

² *Михайловская Л.Г.* Три аспекта проблемы названий // Ономастика Поволжья: материалы II Поволж. конф. по ономастике. Горький, 1971. С. 252–253.

³ *Суперанская А.В.* Имя – через века и страны. М., 1990. С. 46.

⁴ *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 132.

⁵ *Копачева В.В.* Психологические факторы иноязычного заимствования // Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы: матер. Всерос. науч.-практ. конф., 7–11 апреля 2003 г. / под ред. А.А. Чувакина, И.Ю. Качесовой. Барнаул, 2003. С. 198.

Список словарей

Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: РИПОЛ классик, 2008.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
Французско-русский словарь активного типа / В.Г. Гак, Ж. Триомф, Г.Г. Соколова; под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. 6-е изд. М.: Рус. яз.; Медиа, 2005.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА ИЖЕВСКА: ИТОГИ, УТРАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Д. Макаров (г. Ижевск)

Ижевску исполнилась четверть тысячелетия! Столь знаковая дата требует подведения определенных итогов в историческом развитии столицы Удмуртской Республики. Возникновение ее связано с основанием в 1760 г. на р. Иж железоделательного завода, принадлежавшего фавориту императрицы Елизаветы Петровны П.И. Шувалову. Строительство плотины пруда, заводских помещений, административных зданий, объектов религиозного культа, жилых кварталов Ижевска шло довольно быстро. По имеющимся данным, в 1764 г. здесь насчитывалось 56 изб, а в 1766 г. уже насчитывался 91 мастеровой (в основном приезжие из других заводов), в 1768 г. – 311, а в 1770 – 2,3 тыс., в числе которых уже были выходцы из местных крепостных крестьян¹. К середине 1807 г. в заводском поселении проживало около 4 тыс. жителей, а после закладки оружейного завода, к концу 1808 г., более 6 тысяч². В середине XIX в. (1854 г.) число жителей достигло 21539 человек³, а к концу века (1897 г.) – 41 тыс. человек⁴. Прирост населения и территории поселка, в сравнении с городами Вятской губернии, феноменальный⁵.

Изначально в Ижевске абсолютно преобладало православное русское население. Этнический состав раннего поселения формировался и за счет приезжих с Урала (преимущественно русских), и в результате подбора рабочих людей из приписных крестьян. Последние происходили в основном из окрестных русских деревень, таких как Ключи и Карлутка, возникших еще до основания завода, а также из более отдаленных поселений. Представителей других этносов в составе мастеровых (удмуртов, марийцев, татар и др.) было немного, при этом они привлекались обычно лишь на подсобные работы⁶. Во всяком случае, в середине XIX в. (1854 г.) из общего числа жителей (21539 чел.) в Ижевске проживало 20554 русских (95,4 %), 456 татар (2,1 %), 424 удмурта (2 %), 37 евреев (0,2 %) и 68 иностранцев (0,3 %)⁷.

Культурные остатки, отложившиеся за начальные 1,5 столетия существования Ижевска, и составили его историческую часть, приблизительно совпадающую с границами поселения в 1890 г. Оставленные населением культурные напластования, православные сооружения и кладбища стали объектами научного наблюдения лишь в последнюю четверть века. До этого археологические изыскания в г. Ижевске поначалу касались лишь более ранних памятников – объектов мазунинского типа (III–V вв.) и ограничились раскопками Ижевского могильника В.Ф. Генингом в 1957 г., Р.Д. Голдиной и Т.И. Останиной в 1975 г., а также регулярным разведочным изучением Карлудских I и II городищ. Вообще же какой-то строгой системы охраны памятников города долгое время не существовало.

Проект зон охраны памятников г. Ижевска был разработан в 1987 г. Лениногорском и утвержден постановлением Совета Министров Удмуртской Республики от 16 марта 1992 г. Границы зон определялись в основном по присутствию памятников архитектуры. Наличие и состояние культурного слоя во внимание при этом не принималось, поскольку какого-либо его анализа (археологических наблюдений) к тому времени попросту не проводилось. Последнее объясняется тем, что исследовать объекты нового времени, то есть возникшие после XVI в., тогда не было принято: считалось, что какой-то новой существенной информации к уже имеющейся в письменных источниках, археология дать не может. Однако жизнь показала ошибочность этого суждения, и раскопки памятников XVI–XIX вв. стали успешно осуществляться.

Наконец, летом 1998 г. было создано Управление по охране и использованию памятников истории и культуры (УОПИК) при Министерстве культуры Удмуртской Республики (начальник – Н.П. Девятова). С самого начала Управление взяло курс на сбор информации обо всех памятниках, в т.ч. археологических, их постановке на учет и проведение охранных мероприятий. Впервые под охрану был поставлен исторический центр г.Ижевска. Начальные попытки проконтролировать земляные работы в границах этой зоны натолкнулись, правда, на непонимание работников городской коммунальной сферы. К сожалению, и в дальнейшем стремление добиться выполнения законности в сфере охраны объектов культурного наследия (ОКН) города не находили отклика в душах даже не хозяйственников (с ними можно было бы найти разумный компромисс), а в кабинетах чиновников. Включение УОПИК в структуру Министерства культуры поставило охранный подразделение, которое по определению должно обеспечивать независимую экспертизу ОКН, в заведомо подчиненное руководству министерства положение. В результате решения об охране ОКН на деле принимало не УОПИК, а чиновники министерства. Опыт показал, что большей частью эти решения проводились в жизнь вопреки законным требованиям Управления в угоду интересам заказчиков. Причинами

такой практики обычно выступают просьбы (или приказы, или откровенное давление, или все вместе) коллег или вышестоящих начальников. Результат известен – уничтожение или непоправимое искажение ОКН (при том, что они, как правило, находились под охраной государства!). Примеров такого отношения к национальному достоянию страны по Ижевску накопилось уже достаточно хотя бы по архитектурным памятникам. Наконец, по охранному органу в 2009 г. был нанесен сокрушительный удар: через десятилетие своего существования УОПИК было ликвидировано! Итак, надоедливая структура, хоть как-то пытающаяся навести порядок в деле охраны ОКН почил в бозе. Возникший на месте Управления Центр по эксплуатации и реставрации объектов культурного наследия лишен свойственных УОПИК полномочий и может лишь рекомендовать, советовать, экспертировать действия относительно ОКН, а решения принимают чиновники того же министерства. А какие они принимают решения мы хорошо знаем хотя бы по событиям вокруг сноса здания старого заводууправления Ижевского оружейного завода, предварительно лишенного, наряду с еще 15 архитектурными объектами статуса исторического памятника⁸.

Однако вернемся к археологии Ижевска. Положение здесь также крайне неудовлетворительное. Дело в том, что, как уже выше отмечалось, в постановлении СМ УР от 16 марта 1992 г., не нашлось места для включения в охранные зоны культурных напластований города. Все последующие попытки, в т.ч. и по линии ВООПИиК, определить границы охраняемого культурного слоя, неизменно сводились к вопросам, которые власти никак не могли (а скорее всего, не хотели) решить по вполне понятным причинам. Земля в исторической части города имеет весьма высокую стоимость, поэтому лишаться столь лакомого куска собственности не хотят ни предприниматели, ни хозяйственники, ни чиновники. А коль скоро границы культурного слоя не определены в законодательном порядке, значит и его (культурного слоя) как бы и нет, и нечего поднимать из-за этого шум. Между тем, культурный слой – это тоже памятник нашей с вами истории, который точно также требует охраны и исследования. Но поскольку город – это живой развивающийся организм и весь объем культурного слоя сохранить невозможно, постольку практикуется исследование этого слоя археологами прежде, чем территория, на которой данный слой отложился, будет использована под застройку, коммуникации и другие цели, уничтожающие древние напластования, захоронения, а порой и существующие старые строения. Таким образом, археологи, разрушая культурные слои и погребения, спасают для исторической науки их содержимое (находки вещей, кости, зерна и т.п.) и фиксируют древние объекты, описывая, зарисовывая, фотографируя их остатки. В этом отличие археологов от мародеров, которые безвозвратно уничтожают напластования и могилы для получения

прибыли от продажи вещей из ограбленных ими археологических памятников. Поэтому называть этих грабителей «археологами», хотя бы и «черными», безнравственно и по существу неверно. И демонстрация ими находок через Интернет – это, по существу, предпродажная реклама награбленного, хотя и используемая иногда археологами для восполнения недостающих деталей прошлого. Однако древняя вещь, вырванная из контекста памятника, обычно теряет свою источниковую ценность и становится объектом изучения разве что искусствоведа. Действия же чиновников, хозяйственников, предпринимателей, пользующихся несовершенством законов об охране городского культурного наследия и особенно заведомо знающих о ценности культурного слоя и захоронений и не выполняющих эти законы, в общем-то сродни действиям средневековых вандалов, не оставлявших после себя ничего, кроме разрушений. Справедливости ради надо отметить, что после них (вандалов) остались (хотя и не всегда) развалины, остатки которых археологи успешно изучают. После же деятельности современных разрушителей не сохраняется практически ничего. Имеются в виду уничтоженные ими слои или объекты, потенциально содержавшие историческую информацию. А такой результат безусловно хуже деятельности мародеров, после которых хоть какая-то часть находок все же попадает в научный оборот.

Несмотря на объективные трудности и субъективные препятствия археологические исследования исторической части г. Ижевска проводились, начиная с 1980-х гг. на 5 объектах: у Александро-Невского собора (могильные склепы); Михайловский комплекс (Троицкие кладбище, часовня и церковь, Михайловские часовня и собор); Троицкое кладбище (второй некрополь Ижевска); поселение Ижевский завод (культурные напластования, отдельные находки); ОАО «Ижмаш» (раскопки на месте расположения построек и коммуникаций железоделательного и оружейного производств). Приведем краткие результаты этих исследований (более подробные итоги автор уже публиковал⁹).

1. *Александро-Невский собор и кладбище (1816–1929)*¹⁰ (Т.И. Останина, 1983; Л.Д. Макаров, 2001)¹¹. В 1983 г. при прокладке водопровода в собор Александра Невского (в то время кинотеатр «Колосс») были обнаружены фрагменты двух склепов с двумя гробовищами. Находку обследовали Т.И. Останина и группа студентов-археологов УдГУ.

Осенью 2001 г. во время проведения земляных работ были нарушены три ряда могильных склепов, сооруженных в специально вырытых для этой цели траншеях. Судя по вскрывшимся остаткам (работы проводились автором), ряды располагались в широтном направлении в метре друг от друга и имели длину 9–10 м. Внутри рядов склепы примыкали торцами друг к другу и были разделены вертикальными кирпичными перегородками, всего же их было по

5–6 в ряду. При ведении кладки каменщики использовали известковый раствор и дощатую опалубку.

Склепы имели выложенные из кирпича полы, вертикальные стенки и сводчатый полукруглый потолок. Внутренняя высота склепов – 78–115 см, ширина – 43–82 см, длина – 75–240 см. Глубина склепов от материка – 170–198 см, от современной поверхности – 230–260 см. К сожалению, первоначальное состояние содержимого трех склепов не известно – кости скелетов служители храма забрали для перезахоронения. Найдены лишь разрозненные кости скелетов, фрагменты гробовищ, железные ручки от гробов, железные пластины, кожа с медной заклепкой, фрагмент бронзовой вещи, бронзовая пуговица. В западном котловане экскаватор слегка разрушил перекрытие западного склепа среднего ряда. Внутри находилось детское гробовище, лежавшее кверху дном – на нем было 4 круглых отверстия от ножек, вероятно, достаточно высоких, что предопределил их гниение и последующее падение и переворачивание гроба.

Александро-Невский собор строился С.Е. Дудиным по проекту его учителя А.Д. Захарова в 1816–1823 гг. Поэтому упомянутые склепы в целом датируются периодом от начала функционирования собора до его закрытия в 1929 г.¹²

2. *Михайловский комплекс (1760–1937)* (Л.Д. Макаров, И.Ю. Пастушенко, Т.А. Медведева (Цыгвинцева))¹³.

Первые рекогносцировочные раскопки в 1996 г. провел отряд КВАЭ под руководством автора. Исследование проводилось в ЗСЗ секторе сквера, разбитого на месте снесенного в 1937–1947/48 гг. собора. Вдоль аллей были заложены две метровые траншеи, длиной 15,5 и 16 м, соединенных экскаваторами в единый раскоп (общая площадь 63 кв. м). Под слоем дерна выявлено скопление строительных остатков разрушенного храма, мощностью более 1 м, заполнявшее и фундаментные траншеи, глубиной более 2 м. На дне траншеи, совпадающей с внешним восьмиугольным контуром собора, зафиксирована фундаментная плита, толщиной 27–30 см, сложенная из монолитных тесаных каменных глыб, соединенных на стыках цементным раствором. Лишь в одном месте сохранился слой кладки из кирпича, в основном же она разобрана полностью. Выявлен край дренажного котлована под крыльцом главного (западного) входа в храм, укрепленный вертикальными бревнами с дощатой облицовкой. В результате раскопок местоположение собора было уточнено: сдвинуто на 5 м к ЮВ от ранее предполагавшегося. В скоплении строительного мусора найдены многочисленные архитектурные и строительные детали, бытовые находки, винтовочные гильзы, в т.ч. в обоймах.

В восточной части траншеи под остатками разрушенного собора выявлены тонкие напластования от постройки в 1855 г. Михайловской часовни (архитектор И.Т. Коковихин), разобранной перед возведением собора в 1896 г.

Ниже были остатки поселения и погребений православного кладбища (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Культурный слой (10–13 см) содержал кости животных и птиц, шлак, обломки железных предметов, фрагменты фарфоровых, стеклянных и керамических сосудов – следы поселения при Троицкой кладбищенской часовне и возведенной на ее месте в 1782–1784 гг. церкви. Оно существовало с начала возникновения ижевского некрополя и постепенно было занято могилами. Позднее, когда холмики сравнялись, этот участок вновь использовался под хозяйственные нужды, что подтверждается наличием двух мусорных ям, нарушивших захоронения. На кладбище исследовано 8 погребений.

В 2001 г. исследования ограничились закладкой 8 траншей по периметру собора общей площадью 47,2 кв. м. При этом удалось зафиксировать некоторые новые конструктивные элементы. Поселенческих слоев второй половины XVIII – начала XIX в. не выявлено, но зафиксированы прослойки от строительства Михайловской часовни. Исследованы 4 православных погребения.

В 2003 г. проведены работы на месте западной части Михайловского собора. Вскрытие котлована (около 400 кв. м) производилось с помощью экскаватора, при этом обнажилась значительная часть западного крыла фундаментов. Исследованы 4 захоронения.

Исследования сезона 2004 г. обуславливались земляными работами по воссозданию Свято-Михайловского собора на прежнем месте. Общая площадь только вскрытой экскаватором поверхности (котлован 8-угольной конфигурации, глубиной 4 м) составила 1800 кв. м. По мере вскрытия котлована проводилась графическая фиксация его стенок, составившая 14 разрезов общей длиной 300,4 м. Их суммарная стратиграфия: под дерново-почвенным слоем отложился слой строительного мусора, ниже фиксировались тонкие прослойки мусора от строительства Михайловской часовни, а еще ниже – слой погребенного дерна, нарушенный 30 могилами. Определена конфигурация фундаментов собора, на которых кое-где сохранилось от 1 до 7 слоев кирпичной кладки (остальные разобраны в 1947–1948 гг.).

Воссоздание церкви в облике, близком первоначальному, завершилось к лету 2007 г., а 2 августа состоялось освящение новостройки Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. За это время (2006, 2007 гг.) удалось обследовать 4 траншеи для коммуникаций, в которых изучены фрагменты 16 православных погребений.

Особый интерес вызывает погребальный обряд первых ижевчан. За весь период исследования некрополя (1996–2007 гг.), существовавшего со времени возникновения поселения Ижевский завод в 1760 г. и до пожара 1810 г., изучено 58 православных захоронений, составляющих около 20 рядов могил. Могильные ямы имеют широтную ориентацию, подпрямоугольные очертания

с отвесными стенками и ровным дном, глубину от 70 до 180 см. Выявлены 4 разновидности погребальных конструкций: 1) дощатые гробовища, сколоченные железными гвоздями, иногда с дополнительными скобами и оковками; 2) гробовища, скрепленные деревянными деталями – гвоздями, шипами или лыковыми (черемуховыми) веревками (не сохранились, но используются старообрядцами и поныне); 3) колоды, выдолбленные из цельных стволов дерева; 4) коконы из коры и бересты, в которые заворачивали покойных. Зафиксированы единичные следы дощатых перекрытий – полатей, в одном случае – перекрытие из плиток песчаника. Абсолютно преобладали домовины 1-го вида с «никонианскими» чертами. Умершие располагались вытянуто на спине, головой на З, ЗЮЗ или ЮЗ, руки чаще согнуты в локтях и положены на грудь либо на пояс или таз. На костях грудной клетки или у черепа найдены медные или бронзовые кресты-тельники. В отдельных захоронениях обнаружены украшения. Разнообразие православного обряда свидетельствует о захоронении на могильнике представителей различных конфессий и этнических групп – «никониан», старообрядцев, новокрещенных (см. выше статистические данные состава населения).

3. *Троицкое кладбище – второй некрополь Ижевска (1810–1939)* (И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевошиков, Л.Д. Макаров и др., 1987, 1995, 2001, 2007–2009)¹⁴. Возникло после пожара 1810 г., когда сгорела деревянная кладбищенская Троицкая церковь, вновь выстроенная в 1814 г. по проекту С.Е. Дудина уже на новом месте, где дважды перестроенная, находится и поныне. Исследование отдельных могил проводили в 1987, 1995 и 2001 гг. И.Ю. Пастушенко и С.Е. Перевошиков, а в последние три года, во время охранных раскопок, к ним присоединились другие сотрудники КВАЭ (В.А. Бернц, О.А. Карпушкина, Л.И. Липина, С.А. Первозчикова, А.М. Вязников, А.В. Богданов, Т.Р. Сабиров, М.А. Пахомов и др.). В 2001 г. строители передали автору плиту с могилы начала XX в.

В 2007 г. были проведены охранные раскопки на месте новой ледовой площадки, при этом вскрыто 1883 кв.м площади, на которой исследовано 504 погребения с останками 533-х покойных. В 2008 г. работы продолжены, изучено еще 199 могил, а в 2009 г. – 37. В 2010 г. нами осмотрены траншеи и котлованы для коммуникаций к западу от Троицкого собора, но там следов могил не обнаружено. Таким образом, всего удалось зафиксировать 739 погребений. Некрополь существовал с 1810 по 1939 г. (по другим сведениям – до 1932 г.). В сравнении с первым (Михайловским) могильником, сильно уступающем по числу вскрытых захоронений, здесь выявлены и новые детали: положение в могилы стеклянной посуды, образков, лучшая сохранность органики (кафтаны оружейников, обувь), гробовища со стеклянными окнами, лютеранские могилы, усложнившиеся конструкции домовин, в т.ч. дополнительные детали – ручки от гробов, опорные ножки и др.

4. *Поселение Ижевский завод (с 1760 г.)* (Л.Д. Макаров, 1998, 2005; Т.А. Медведева (Цыгвинцева), 1999, 2002, 2003; И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевошиков, 2003, 2006)¹⁵. Впервые старейший центр г.Ижевска был поставлен под охрану в 1998 г. после создания УОПИК, и в этом же году проведены первые наблюдения. Так, 1 октября 1998 г. автором была осмотрена траншея по ул.Сивкова (между улицами Советская и Ленина) длиной более 100 м. Удалось выяснить, что мощность дорожного покрытия и балласта, состоящего из смеси песка, гравия и строительного мусора, составляет от 90 см в южном конце траншеи до 130 см в северном. Ниже шел культурный слой толщиной 5–10 см с находками фрагментов керамики, фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды, костей животных, железных изделий. Зафиксированы также углистый слой, видимый на протяжении 5–6 м (вероятно, след пожара 1810 г.), слой древесного тлена над материком (возможные остатки дощатых тротуаров или замощения улицы). Общий облик находок характерен для второй половины XVIII – первой половины XIX в.

В 1999 г. описанная выше стратиграфия подтверждена Т.А. Медведевой (Цыгвинцевой) по ул. Советской (3 траншеи, 30,6 кв.м) между ул. Сивкова и К. Маркса. Траншея, заложенная во дворе дома № 208 по ул.К. Маркса (44,2х2,2 м) полностью легла в границы старого перекопа. Надзор за строительством гаража на территории подземного резервуара питьевой воды (ул. Красногеройская, 21) дал лишь позднейшие строительные остатки. На недатированном плане (очевидно, конца XVIII в.) улицы Церковной (по-другому – Зеленая, Пятая, Троицкая, ныне В. Сивкова) еще нет. Она имеется на плане «города Ижа», вычерченном в 1807 г. С.Е. Дудиным, как крайняя восточная. Таким образом, культурные остатки, выявленные на ул. Сивкова и на прилегающей части ул. Советской, успели отложиться довольно мощными (до 40 см) напластованиями, перекрытыми углистыми слоями пожара 1810 г.

15 июля 2002 г. Т.А. Цыгвинцева нашла в выбросе из траншеи у перекрестка улиц Удмуртская и Пастухова железный топор архаичного облика, вероятно, XIX в. В 2003 г. ею же проведены охранные наблюдения на месте закладки мечети по ул. К. Маркса, где выявлены напластования второй половины XIX–XX вв. В этом же году И.Ю. Пастушенко обследовал территорию города между ул. Ленина – Либкнехта и Пушкинская – Удмуртская; 3 траншеи, 2 котлована и берег реки были зачищены, выявлен материал не ранее начала XX в. (керамика, монеты, строительный мусор).

В конце 2004 – начале 2005 г. к ЮВ от здания Национальной библиотеки Удмуртской Республики (у перекрестка ул. Советская и Красноармейская) были выкопаны две взаимоперпендикулярные траншеи длиной до 10–15 м. Осмотр автора показал, что под современными пластами идут культурные слои незначительной толщины, отложившиеся после пожара 1810 г. (углистый слой в стенках не усматривался).

В 2006 г. провел охранные обследования И.Ю. Пастушенко. В двух шурфах (2х2 м) по ул. Красной обнаружены 8 хозяйственных и 6 столбовых ям, толщина напластований достигала в них 1,15–2 м, обнаруженные находки относятся к XVIII – началу XX в. В шурфе (2х2 м) и зачистке траншеи у кафе «Акватория» (ул. Милиционная) найдены материалы XIX – первой половины XX в.

К сожалению, власти никак не привлекли археологов к охранным мероприятиям на месте реконструкции набережной пруда, проводимой в рамках подготовки к юбилейным торжествам. Между тем, именно эта часть города должна была быть наиболее потенциально богатой древностями. Это показала и находка в районе Индустриального техникума в 2009 г. Ижевского монетного клада. По сообщениям СМИ, 10 августа в процессе земляных работ бульдозер вывернул сундук (по другим сообщениям – боченок) с монетами царской чеканки, причем сам бульдозерист этого не заметил. Число монет в разных сообщениях различается от 150 до 2000 штук. Сообщение очевидцев о предотвращении хищения монет сотрудниками милиции не подтвердилось. Зато слухи о кладе мгновенно привлекли мародеров, в руки которых, надо полагать, и попали практически все монеты (в Национальный музей не была передана ни одна находка)¹⁶. В скором времени, по сведениям пользователей Интернета, на сайтах кладоискателей появилась информация с предложением о возможной продаже монет. Таким образом, в отсутствие специалистов-археологов, которые бы, находясь там, совершенно точно предотвратили хищение монет, история Ижевска в очередной раз лишилась ценнейшего и крайне редкого в нашем регионе исторического источника – монетного клада, очевидно конца XIX – начала XX в. Особенно печально, что вместо археологов, которые должны были находиться там по закону, со строителями стали работать мародеры-грабители. Между прочим, любой клад, обнаруженный в процессе хозяйственной деятельности, по закону является достоянием государства и не может быть присвоен кем-либо. И закон этот никто не отменял. Поэтому органы правопорядка имели все основания возбуждать уголовное дело по факту незаконного присвоения государственной собственности.

5. *ОАО «Ижмаш» (1760–XX в.)* (И.Ю. Пастушенко, Л.Д. Макаров, З.Ш. Нагиев, 2007)¹⁷.

Охранные археологические раскопки 2007 г. были вызваны предстоящими работами по реконструкции исторической территории ОАО «Ижмаш» и приурочены к 200-летию ижевского оружия и 250-летию Ижевского железоделательного завода. Исследования проводились сотрудниками КВАЭ УдГУ Л.Д. Макаровым, И.Ю. Пастушенко и З.Ш. Нагиевым на раскопе (48 кв. м) и 4-х шурфах (12,5 кв. м). Раскоп заложен в 34 м к югу от главного корпуса и в 15 м к западу от кирпичной фабрики.

В западной половине раскопа выявлен котлован, на дне которого зафиксированы фрагменты деревянного настила шириной до 5 м, состоящего из длинных досок и расположенного на основании из 6 поперечных бревен – слег диаметром 25–28 см.

В восточной половине раскопа располагались два уровня железной дороги, от которых сохранились фрагменты деревянных шпал. Верхний путь функционировал до середины XX в., нижний, судя по плану завода 1890 г., с конца XIX в. К востоку от полотна железной дороги, вплотную примыкая к ней, располагались три слоя асфальтового покрытия середины – второй половины XX в.

В западной половине раскопа на уровне 144–240 см расчищена кладка стены высотой в 12–13 слоев большемерного кирпича на известковом растворе шириной в 6 кирпичей (150 см), составлявшая, очевидно, северо-восточный выступ корпуса оружейной кузницы (1809 г.). У юго-восточного угла постройки обнаружено скопление свинцовой картечи (около 100), более 10 медных монет (1812–1915 гг.), а также бронзовый колокольчик и другие вещи. Вдоль стены предыдущей постройки шла дренажная система в виде лотков из скрепленных кольями и гвоздями досок, которые обновлялись не менее 3 раз.

Фрагмент другой постройки размером 4,5х3,0 м обнаружен в северо-восточной части раскопа. Он имел углубленный на 40 см в грунт пол, покрытый настилом из плах, опиравшимся у западной стенки на бревенчатую слегу. Сохранилось основание южной стенки высотой в 2, толщиной в 1 кирпич. По несколько кирпичей сохранилось от западной и восточной стенок. Кладка стен состояла из большемерных изделий на глиняном растворе. В пределах постройки обнаружены отходы металлургического производства (шлаки, куски древесного угля, железная болванка с 2 углублениями в виде лунок). Судя по всему, это пристрой к корпусу кричной фабрики железнотопильного завода, основанного в 1760 г., сооруженный во второй половине XVIII в. Начиная с глубины 250 см в котлован активно поступала смесь воды и технического масла, что не позволило исследовать культурные слои до материка.

Во всех шурфах все слои насыпные, в двух из них (№ 2 и 3) их мощность достигла глубины 225 и 275 см, после чего стала просачиваться вода из близлежащего водоема, а материк выявлен лишь в СВ углу шурфа 2. Два шурфа не были докопаны из-за крупногабаритных препятствий – трубы водопровода (№ 1) и неподъемного мусора (№ 4).

Всего коллекция находок, собранных с поверхности, из раскопа и в шурфах, не считая выброса, представлена более чем 650 предметами. Они составляют несколько категорий, различающихся по функциональному назначению. Преобладает категория предметов вооружения, и, в меньшей степени,

боеприпасов. В их числе заготовки, детали и фрагменты боевого (винтовки, автоматы, пистолеты, пулеметы, пушки, картечь, пули, гильзы), охотничьего (ружья, гильзы, дробь) и спортивного (винтовки, пистолеты) оружия. Немало найдено также деталей станков и механизмов, разнообразных инструментов, отходов производства, средств передвижения (детали автомобилей и мотоциклов, принадлежности гужевого транспорта), строительных принадлежностей (кирпичи различного формата, в т.ч. с клеймами, счетными метками и знаками, фрагменты металлических узлов, печное, сантехническое и электротехническое оборудование), бытовые предметы (детали костюма, оправы очков, пищевые отходы, отдельные украшения, товарная пломба, монеты).

Таковы краткие итоги археологического исследования г. Ижевска, которые были получены в ряде случаев исключительно благодаря энтузиазму проводивших их специалистов и в обстановке противостояния с представителями властных и хозяйствующих структур.

Возникают закономерные вопросы: как преодолеть сложившуюся ситуацию? Как нам сохранить для потомков то немногое, что еще существует, но требует срочных мер для предотвращения разрушения исторических памятников? Разрушение и гибель этих объектов происходит, как известно, и по естественным причинам (когда строения ветшают, например, в результате воздействия микроорганизмов, насекомых, агрессивной воздушной и водной среды), и этот процесс приостановить практически невозможно. Возможны гибель или разной степени порча памятников также вследствие стихийных бедствий и несчастных случаев (ураганов, наводнений, оползней, пожаров), и в этом случае трудно что-либо сделать даже при наличии необходимых средств. Остается или построить на этом месте новодел, стилизованный под старину, или восстановить его по чертежам погибшего строения (как это было с Михайловским собором), или хотя бы пометить это место мемориальным памятником (доской) с подробным описанием разрушенного объекта и краткой исторической справкой.

Другое дело – бездействие властей, спокойно взирающих на разрушающийся по естественным причинам памятник, на реставрацию которого не находится средств, а отсутствие финансирования для поддержания объектов в порядке – обычная история в нашем городе. Примеров того, как от нехватки средств (читай: от нежелания чиновников, которые ссылаются на эту нехватку) постепенно превращаются в руины находящиеся под охраной государства исторические памятники, которые потом приходится сносить, немало (Я не буду здесь ссылаться на старое здание ижевского цирка, трагическая судьба которого пришлась на действительно тяжелые в политике и экономике страны годы. Если бы на ремонт и реставрацию его своевременно нашлись прословутые средства, можно было бы спасти это уникальное здание, по-

строенное в годы войны, и в перспективе превратить его, например, в музей циркового искусства. А новый цирк лучше было построить в другом, более просторном месте, чтобы не тесниться на весьма маленькой площадке. Но что случилось – то случилось). Однако, как оказалось, эта порочная практика повсюду используется и в настоящее время. Причем, как обычно, ссылаются на нехватку средств. В неприглядном состоянии сейчас находятся, например, такие объекты как Главный корпус Оружейного завода, Индустриальный техникум, многие здания вдоль набережной пруда, часть которых приговорена к сносу. Еще один возможный способ спасения памятников архитектуры – восстановление их предпринимателями с последующей эксплуатацией, но и строгой обязанностью сохранить внешний облик зданий. Во что на деле превращается такая инициатива хорошо видно на примере разрушавшегося, по вине властей, дома Килина по ул. Советской, отданного по решению Министерства культуры предприимчивому частнику для его восстановления. От бывшего 2-х этажного сооружения осталась разве что часть стены, сложенной из кирпича, стилизованного под конец XIX в., а воздвигнутый выше второго этажа комплекс помещений полностью изуродовал облик здания, бывшего когда-то красивым и гармонично сложенным жилым домом семьи состоятельного ижевца. Так, благодаря сначала равнодушию и бездействию чиновников, а затем их же бездарной активности исчез еще один памятник прошлого. На словах некоторые исторические здания реконструируются, на деле же идет их постепенное обветшание (Главный корпус Оружейного завода, дом Захария Лятушевича и др.).

В последние два года наблюдается настоящая эпидемия по уничтожению памятников, связанная с лихорадочной деятельностью властей по подготовке к значимым юбилеям: 200-летие оружейного завода, 450-летие присоединения Удмуртии к Русскому государству, а теперь и 250-летие г. Ижевска. Стремление подать город взору высоких гостей в выгодном свете в историческом плане понятно – суть «потемкинских деревень» хорошо известна всем в России, осведомлены об этом неплохо и ижевчане (вспомните благоустройство домов по ул. Лихвинцева напротив Президентского дворца или по ул. Орджоникидзе у Дома Дружбы – и это можно только приветствовать). Но одно дело, когда косметическому обновлению подвергаются дома 40–50-летнего возраста, и совершенно другое, когда речь идет о сооружениях вдоль набережной Ижевского пруда, вдвое-втрое более древних, удручающее состояние которых «косметикой» не замазать, а на ремонт и реставрацию нет ни денег, ни времени, а сроки поджимают! Что делать? Правильно – их дешевле снести, как было заявлено на сессии Городской Думы. Это и пытается на практике совершить наша исполнительная власть. Причем эта попытка предпринимается в нарушение всякой законности, в

условиях, когда надзирающий орган в лице УОПИК ликвидирован, решения судов положены, очевидно, под сукно, предупреждения представителя Росохранкультуры в ПФО откровенно игнорируются, от мнения большинства специалистов по исторической застройке Ижевска – архитекторов, искусствоведов, историков, археологов, я уже не говорю – рядовых горожан – просто отмахнулись.

Отметим, что общественное движение в защиту памятников истории и культуры никогда не было в городе особенно активным. Хотя можно, пожалуй, отметить как весьма знаковые, три события. Во-первых, протестное движение против переименования города в 1984 г. в основном силами студентов-гуманитариев и некоторых представителей интеллигенции, что вызвало негативную реакцию руководства. Во-вторых, властями была предпринята попытка в 2004–2007 гг., в ходе воссоздания Михайловского собора, перенести памятник – усыпальницу большевистского руководства Ижевска (арх. Г.Ф. Сенатов, 1922), находившийся под охраной государства. Это намерение вызвало резкое возмущение общественности вплоть до организации пикетирования. В результате памятник хотя и удалось отстоять, но в изуродованном виде – без нарядных решеток ограждения, лестничных маршей и окружавших некрополь зеленых насаждений. В-третьих, закладка в 2007 г. крытой ледовой площадки на месте Троицкого (Нагорного) кладбища, уже в значительной степени разрушенного в 1960–1970-х гг. спортивными объектами, могла нанести очередной удар по второму по времени ижевскому погосту, где покоится прах славных поколений оружейников за почти 130 лет. К счастью, от варварского уничтожения этот фрагмент кладбища удалось отстоять благодаря активным действиям археологов, церкви и общественности. Впрочем, драма с этим некрополем еще не завершена: на его территории опять спланировано строительство очередных спортивных и увеселительных объектов¹⁸. Так постепенно накапливался гнев жителей города (не чиновников!) против преступной деятельности властной верхушки по уничтожению исторического прошлого Ижевска.

Но окончательно терпение горожан лопнуло, очевидно, после сноса здания заводууправления, и на волне возмущения этим беспределом возникло «Движение в защиту Ижевска», направленное, для начала, на спасение Индустриального техникума и завода Бодалева, но способное перерасти в более действенную общественную организацию.

21 июня 2010 г. в адрес властей и общественности было направлено «Открытое письмо профессиональных историков Удмуртии», в котором обрисовано безобразное состояние историко-культурных памятников Ижевска и нависшая над ними угроза уничтожения или невосполнимых утрат и искажений. Историки потребовали от властей отказаться от намерений снести здания

Индустриального техникума и завода Бодалева, принять все меры к защите и сохранению всех выявленных объектов культурного наследия, учесть мнение экспертного сообщества – историков, археологов, искусствоведов, культурологов, краеведов, архитекторов при определении судьбы таких объектов и проведении на них реконструкционных работ. Историки призвали также всех жителей Ижевска выразить солидарность с их позицией, подписавшись под этим Обращением в защиту истории Ижевска.

29 июня 2010 г. по инициативе «Движения в защиту Ижевска» и научной общественности в Доме ученых г. Ижевска состоялся научный семинар «Критерии ценности объектов культурного наследия», посвященный сохранению объектов культурного наследия г. Ижевска. После выступления членов экспертной группы и их обсуждения были одобрены экспертные заключения Е.Ф. Шумилова относительно корпуса «пивзавода И.И. Бодалева», «общественной насосной» и здания Индустриального техникума.

В адрес министра культуры, печати и информации Удмуртской Республики Д.Е. Иванова направлено письмо с ходатайством о сохранении корпуса завода Бодалева, постановке на учет здания Индустриального техникума и наложения моратория на разрушительные действия по отношению к другим объектам культурного наследия. Решения научного семинара доведены до руководителя Росохранкультуры по Приволжскому федеральному округу Д.А. Мусина с целью усиления надзора за соблюдением законодательства по отношению к данным объектам культурного наследия Ижевска¹⁹. Отрицательное отношение было высказано специалистами и рядовыми ижевчанами относительно проводимой столь безжалостными способами реконструкции набережной, под предлогом которой планируется снос (который уже осуществляется) старых зданий. Особенно резко выступают они против строительства вдоль берега пруда автодороги, что приведет к неизбежному обострению и без того уже неблагоприятной ситуации с экологией Ижевского пруда²⁰.

Думается, что более значимую роль в вопросах ОКН должно играть Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), Удмуртское отделение которого, после ликвидации УОПИК, несмотря на общественный его характер, становится лидирующей охранной организацией. Подспорьем для этого является весьма высокопрофессиональный состав экспертов – историков, искусствоведов, архитекторов, археологов. На заседании Президиума ВООПИиК 6 апреля 2010 г., посвященному в основном вопросам подготовки к празднованию трех юбилеев (65-летию победы в Великой Отечественной войне, 90-летию автономии Удмуртии и 250-летию Ижевска), были подняты и вопросы состояния памятников истории и культуры для рассмотрения их на Пленуме ВООПИиК.

Последний состоялся 16 апреля 2010 г. Наряду с вопросами состояния и реставрации памятников, посвященных Победе в Великой Отечественной войне (доклад С.А. Макарова), были озвучены и две других острых проблемы. Одну озвучил Е.Ф. Шумилов (экспертный совет по архитектурным памятникам), перечисливший ОКН, над которыми нависла угроза уничтожения, в т.ч. и заводууправление (через полтора месяца оно было снесено). Со второй проблемой, связанной с состоянием археологических памятников Ижевска, выступил автор данной статьи. Я подвел итоги археологического изучения города и охарактеризовал состояние ископаемых ОКН, выразив тревогу проведением бесконтрольных земляных работ в исторической части Ижевска. Перед Министерством культуры, печати и информации, которое и курирует дело охраны памятников истории и культуры, были поставлены конкретные вопросы и выдвинуты отдельные предложения. Во-первых, до каких пор будет тянуться волокита по утверждению Генплана города, не позволяющая поставить под охрану культурные напластования в исторической части Ижевска? Эта, явно намеренно инспирированная заинтересованными лицами, многолетняя тянучка уже привела к невосполнимым разрушениям культурного слоя в древнейшей части города – по набережной пруда и реки Иж. Во-вторых, когда будет решен вопрос либо по воссозданию УОПИК, либо (а это было бы гораздо эффективнее) по созданию новой, действительно независимой от местных властей, охранной структуры, которая позволила бы прекратить незаконные бесконтрольные разрушения древнейших напластований. В-третьих, предложено создать должность Главного археолога Ижевска, аналогичную таковой в ряде городов страны (например, в Москве), а в некоторых странах предусмотренную законом (например, в Швеции).

Данные предложения нашли отражение в проекте постановления Пленума ВООПИиК. Однако, как показывают последние события, какой-либо положительной реакции властей на это постановление пока не чувствуется. Более того, ощущается полное игнорирование решений и этой солидной общественной организации. Похоже, что власти решили окончательно похоронить законы, касающиеся охраны объектов культурного наследия, а заодно успокоить свою совесть строительством на их месте новых грандиозных новоделов. Можно, конечно, вообще снести все старье (по терминологии наших начальников – «сарай»), заменив его новыми красивыми зданиями, и, конечно, это будет дешевле («легче снести, чем ремонтировать»). Но тогда уже точно никакие туристы к нам не поедут, никакие иностранные и даже российские делегации не захотят посещать наш город, ибо смотреть здесь скоро будет просто нечего. Новоделов же и у них хватает с лихвой.

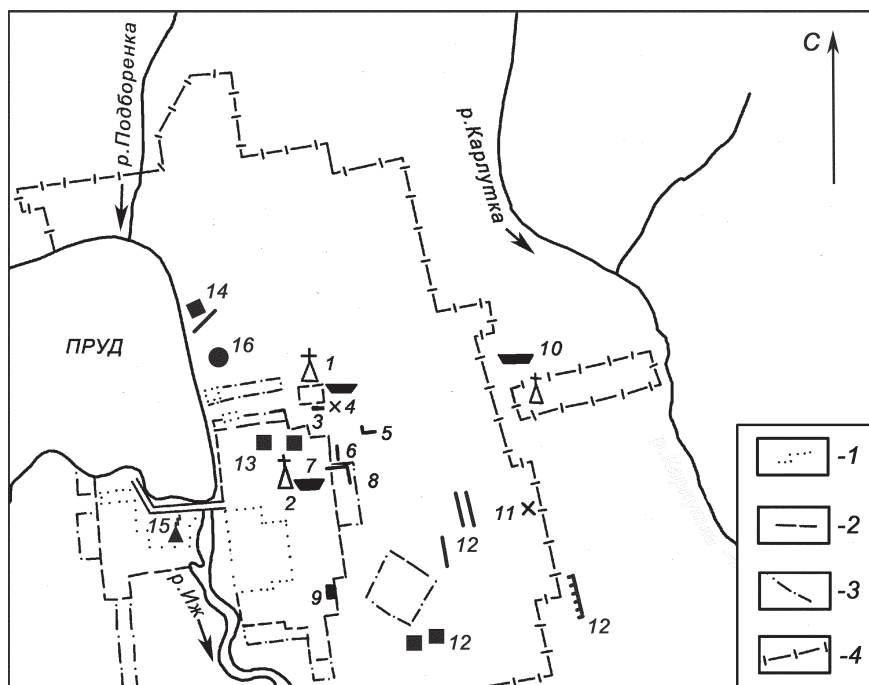

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников Ижевска XVIII – начала XX в. Границы Ижевска во времени (по планам поселения: 1 – 1764 г.; 2 – рубеж XVII–XIX вв.; 3 – 1807; 4 – 1890):

- 1 – Михайловский комплекс, 1996, 2001, 2003, 2004, 2006, 2007 (могильник, поселение, часовня, собор); 2 – Александро-Невский собор, 1983, 2001 (могильные склепы); 3 – «Ижводоканал», 1990 (котлован для гаража); 4 – находка А.П. Сухоплюева в траншее на ул. В. Сивкова, вторая половина 1980-х гг. (крестик, кости); 5 – 2 траншеи у здания НБУР, конец 2004 – начало 2005 гг.; 6 – траншея во дворе домов № 208 (ул. К. Маркса) и № 7 (ул. Советская), 1999; 7 – траншеи-шурфы на ул. Советской, 1999; 8 – траншея на ул. В. Сивкова, 1998; 9 – ул. К. Маркса, 2003 (котлован под мечеть); 10 – Троицкое кладбище, 1997, 1999, 2001 (погребения, надмогильная плита), 2007–2009 (раскопки); 11 – перекресток улиц Удмуртская и Пастухова, 2002 (топор в выбросе из траншеи); 12 – Первомайский р-н, 2003 (3 траншеи, 2 котлована, зачистка обрыва); 13 – ул. Красная, 2006 (2 шурфа); 14 – ул. Милиционная, к северу от монумента Дружбы, 2006 (траншея и шурф у кафе «Акватория»); 15 – ОАО «Ижмаш», 2007 (раскоп и 4 шурфа); 16 – Ижевский клад, 2009

- ¹ *Северюков О.В.* Ижевск: Краеведческий очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск, 1972. С. 8–9; *Перевоицков А.П.* Ижевск: Экономико-географический и социальный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. Ижевск, 1995. С. 61–62.
- ² *Северюков О.В.* Указ. соч. С. 21.
- ³ *Васина Т.А.* Культура и быт населения Камских заводов в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2005. С. 20.
- ⁴ *Перевоицков А.П.* Устинов: Экономико-географический очерк. Устинов, 1986. С.32; *Его же.* Ижевск... С. 62.
- ⁵ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С. 167–170.
- ⁶ *Перевоицков А.П.* Ижевск... С. 32–34, 60–62.
- ⁷ *Васина Т.А.* Указ. соч. С.20.
- ⁸ *Орлова М.* Бывшее здание заводоуправления на набережной Ижевского пруда снесут // Комсомольская правда. 2010. 5 июня. № 81. С. 10; Мусин пообещал спасти культурные ценности Удмуртии из рук республиканских властей // День. 2010. 17 июня. № 23. С. 1–2; *Петров А.* Ижевск принимает вызов: столица Удмуртии готовится дать отпор чиновникам-вандалам // Там же. С. 16; *Кобзев И.* Здание, которое мы потеряли // Там же. С. 17; *Панкратов А.* Снесли память // Московский комсомолец. Ижевск. 2010. № 24. 9–16 июня. С. 2–3; *Городилова Е.* «Хлам» или памятник истории? // Московский комсомолец. Ижевск. 2010. № 25. 16–23 июня. С. 14; *Панкратов А., Городилова Е.* Дмитрий Мусин: «Это – преступление!» // Московский комсомолец. Ижевск. 2010. № 26. 23–30 июня. С. 2.
- ⁹ *Макаров Л.Д.* Итоги археологических исследований Ижевска (1983–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 58–71; *Его же.* Проблемы городской, индустриальной, церковной и «чердачной» археологии на территории Удмуртии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008. С. 205–213; *Его же.* Исследования памятников городской, промышленной и церковной археологии в Удмуртии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 5. Университет и историко-культурное наследие региона. Пермь, 2008. С. 179–184.
- ¹⁰ После названия объекта в скобках отмечен период его существования до закрытия или разрушения. Далее, также в скобках, указаны исследователи и годы изучения ими памятника.
- ¹¹ *Макаров Л.Д.* Ижевск во второй половине XVIII – начале XIX в. (по археологическим данным) // Интеграция археологических и этнографических

- исследований. Нальчик-Омск, 2001. С. 213; *Его же*. Археологические исследования православных памятников Ижевска в 2001 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 213; *Его же*. Церковная археология Вятского края на современном этапе // V конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Омск, 9–12 июня 2003 г. М., 2003. С. 237; *Его же*. Итоги археологических... С. 59, 65, 66; *Его же*. Проблемы городской... С. 205–206; *Его же*. Исследования памятников... С. 179–180; *Макаров Л.Д., Медведева Т.А.* Первые охраняемые наблюдения остатков нового времени в Ижевске // Пермский регион: История, современность, перспективы. Березники, 2001. С. 96.
- ¹² Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 124–125.
- ¹³ *Макаров Л.Д.* Археологические исследования Михайловского комплекса в г. Ижевске // Тез. докл. 3-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 1. Ижевск, 1997. С. 3–4; *Его же*. Материальная культура и погребальный обряд ижевчан второй половины XVIII – начала XIX в. (по археологическим данным) // Там же. С. 4–5; *Его же*. Ижевск во второй половине... С. 213–214; *Его же*. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 6. Новосибирск, 2003. С. 192–222. Рис. 3; *Его же*. Михайловский могильник в Ижевске (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2005. С. 192–195; *Его же*. Михайловский могильник как источник по этноконфессиональной истории второй половины XVIII – начала XIX в. // VI Конгресс этнографов и антропологов России. СПб., 2005. С. 108; *Его же*. Итоги археологических... С. 60–62, 64–65, 67–71; *Его же*. Михайловский комплекс памятников нового времени в г. Ижевске // Удмуртия: история и современность: Материалы Междунар. конф. Секция VII. Ижевск, 2005. С. 58–71; *Его же*. Археологические исследования на месте Михайловского собора в г. Ижевске // Наука Удмуртии. № 4. 2006. С. 111–118; *Его же*. Ижевск как объект археологического исследования и проблемы музеефикации его культурных остатков // Музей и социум: Материалы науч.-практ. конф. Сарапул, 2006. С. 29–33; *Его же*. Проблемы городской... С. 206–209; *Его же*. Исследования памятников... С. 180–181; *Макаров Л.Д., Медведева Т.А.* Первые охраняемые... С. 97–98; *Макаров Л.Д., Цыгвинцева Т.А., Пастушенко И.Ю.* Исследование Михайловского комплекса памятников в Ижевске // АО 2004 г. М., 2005. С. 355–356; *Пастушенко И.Ю., Макаров Л.Д.* Исследования на территории Ижевска // АО 2006 г. М., 2009. С. 479.
- ¹⁴ *Макаров Л.Д.* Ижевск во второй половине... С. 213; *Его же*. Итоги археологических... С. 60; *Его же*. Ижевск как объект... С. 29; *Его же*. Про-

- блемы городской... С. 209–210; *Его же*. Исследование памятников... С. 181–182; *Макаров Л.Д., Медведева Т.А.* Первые охранные... С. 96–97.
- ¹⁵ *Макаров Л.Д.* Ижевск во второй половине... С. 214–215; *Его же*. Итоги археологических... С. 62–64, 66, 68, 71; *Его же*. Ижевск как объект... С. 33–35; *Его же*. Проблемы городской... С. 210–211; *Его же*. Исследование памятников... С. 182–183; *Макаров Л.Д., Медведева Т.А.* Первые охранные... С. 98–100; *Пастушенко И.Ю., Макаров Л.Д.* Исследования на территории... С. 479–480.
- ¹⁶ 1) В Ижевске найден клад старинных монет. 2) Видеорепортаж о драгоценной находке на набережной Ижевского пруда // [Электронный ресурс] URL: <http://susanin.udm.ru/news/2009/08/16/173565>
- ¹⁷ *Макаров Л.Д.* Первые археологические исследования на территории ОАО «Ижмаш» // «Во славу Отечества Российского...»: Материалы Архивных чтений, посвященных 200-летию ижевского оружия. Ижевск, 2008. С. 3–11; *Его же*. Первые исследования памятников промышленной археологии на территории Ижевска // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск, 2008. С. 129–132; *Его же*. Проблемы городской... С. 212–213; *Его же*. Исследование памятников... С. 183–184; *Его же*. Археологическое исследование городов Удмуртии // Девятая Российская университетско-академическая науч.-практ. конф.: Материалы конференции / УдГУ. Ижевск, 2008. С. 4.
- ¹⁸ *Чазов С.* Протест с благословения // День. 2009. 25 июня. № 24. С. 6; *Петров А.* Пляски на костях // День. 2009. 19 ноября. № 45. С. 14, 16.
- ¹⁹ [Электронный ресурс] URL: <http://x.udm.ru>
- ²⁰ *Ямалетдинова Г.* Пруд в дорожной петле: Ижевчане против строительства автодороги вдоль набережной пруда // Успех каждому. Ижевск, 2010. 5–11 июля. № 26. С. 1, 4.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА (XIX–XX ВВ.)

Э.Д. Соловьева (г. Ижевск)

Погребальные памятники поздних периодов истории (нового и новейшего времени) являются наименее изученными в отечественной археологии. Существующих сведений письменных источников недостаточно для полного представления и понимания погребального обряда данного времени. Также сказывается нехватка археологического материала по этому кругу памятников. В связи с этим исследо-

вания Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска – уникального памятника археологии для изучения городской среды, духовной и материальной культуры населения Удмуртии в новое и новейшее время – представляют большой интерес.

Кладбище начало функционировать в 1810 г., когда приказом главного архитектора Камских заводов С.Е. Дудина был закрыт некрополь на Красной (Михайловской) горке, так как к нему вплотную подошла застройка заводского поселка. Каменное здание Свято-Троицкой церкви было построено в 1814 г. В конце XIX в. площадь некрополя увеличили, она превысила 18 десятин. Закрыли Троицкое (Нагорное) кладбище в 1930-х гг. Здесь были похоронены ижевчане и жители соседних селений Нагорной волости Сарапульского уезда, среди которых были такие выдающиеся личности, как С.Е. Дудин, Филипп Боде, И.Д. Пастухов и многие другие.

В 1960–1990-х гг. значительная часть могильника была уничтожена при реконструкции ул. Удмуртской, строительстве вдоль нее жилых домов и общежитий, корпусов университета, плавательного бассейна, стадиона «Газовик-Газпром» и Ледового Дворца, а также строительных работ на территории Свято-Троицкого храма.

В течение трех полевых сезонов (2007–2009 гг.) Ижевским отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета под руководством И.Ю. Пастушенко на Троицком (Нагорном) кладбище производились охранные исследования, вызванные строительством крытого катка на территории памятника¹. На площади свыше 2,5 тыс. кв. м изучены остатки 739 погребений.

14 июня 2008 г. в Троицкую родительскую субботу останки 530 ижевцев были перезахоронены возле храма Царственных великомучеников на Северном кладбище. Земельный участок и средства на их перезахоронение выделила Администрация г. Ижевска. Организовала торжественное перезахоронение Удмуртская региональная общественная организация «Увековечивание памяти Ижевско-Воткинского восстания «Ижевский завод». 16 декабря 2009 г. к первому четырехметровому кресту добавился второй. В этот раз было перезахоронено свыше 100 человек.

В ходе охранных исследований были получены уникальные данные по деревянным погребальным конструкциям, остатки которых были зафиксированы в подавляющем большинстве погребений. Их анализ показал, что традиционное представление о захоронении умерших в этот период времени в «гробах» в современном представлении, не соответствует действительности.

Все конструкции сделаны из досок (толщиной 1,5–3,0 см), что позволяет объединить их в единую категорию – досчатые. Отделы выделены по конструкции «основного объема», той части, в которую и помещалось тело умершего, внутри них по форме в плане выделены группы:

Отдел А – ящики-конструкции с четырьмя вертикальными стенками (группа I – прямоугольные, группа II – трапециевидные);

Отдел Б – ящик-гроб – конструкция с рядом (2–3) наклонных стенок, он также разделен на две группы прямоугольных (I) и трапециевидных (II) конструкций, но в нем выделены подотделы, в зависимости от того какие стенки являются наклонными: 1 – с наклонными продольными стенками, 2 – наклонными торцевыми стенками, 3 – с наклонными продольными и торцевой в изголовье стенками, 4 – с наклонными продольными и торцевой в ногах стенками;

Отдел В – гроб-конструкция со всеми четырьмя наклонными стенками, также двух групп.

На данный момент времени при анализе деревянных погребальных конструкций использованы материалы 589 погребений, остальным еще только предстоит пройти камеральную обработку. В итоге было установлено, что преобладающим типом является А II – ящик трапециевидной формы. Этот тип представлен 107 гробами (18,2 % от кол-ва обработанных погребений). Чуть менее многочисленными являются тип А I – ящик прямоугольной формы (73–12,4 %) и В II – гроб трапециевидной формы (71–12,1 %). Также встречаются типы Б II 1 – ящик-гроб трапециевидной формы (24–4,1 %) и В I – гроб прямоугольной формы (17–2,9 %). Остальные типы довольно редко встречаемы (от 0,2 до 0,8 %). Большинство типов погребальной конструкции определить не удалось (279–47,3 %).

При сборке основы предпочтение отдавалось двум принципам – продольные доски пришивались к торцевым, а днище крепилось к коробке основы сверху внахлест (172–29,2 %); гораздо реже встречается технологическая схема, когда торцы пришиваются к продольным стенкам, а днище вставляется в короб основы (13–2,2 %). В половине случаев принцип соединения днища с коробом основы определить не удалось (270–45,8 %). Использовались железные кованые и тянущие гвозди, причем набор гвоздей порой носил случайный сборный характер, то есть в работу пошло то, что нашлось дома, хотя порой весь набор идентичен. Иногда железные гвозди отсутствуют (за исключением 1–2, которыми приколочена крышка), возможно, доски собирались по столбному в шип или при помощи деревянных гвоздей (134–22,8 %).

Значительная часть конструкций имеет железные ручки. Их число колеблется от 1 до 5 штук, при этом симметрия или четкая закономерность в их размещении фиксируются не всегда.

На данном этапе форма крышки не учитывается, хотя заметны определенные закономерности. Так плоские крышки (иногда с двумя-тремя поперечными планками, скрепляющими доски) присущи всем типам конструкций, хотя наиболее типичны для первых двух отделов, изредка встречаются и у собственно гробов, хотя для последних более характерны классические

трапезиевидные в сечении. В единичном случае для прямоугольного ящика отмечена крышка домиком (треугольная в сечении). Дважды найдены крышки со стеклянными окнами (погр. 62В, 201).

В отдельных случаях удастся проследить дополнительные конструкции на днище гроба: ножки (круглые в сечении, высотой 3–4 см, по 3–4 штуки на гроб), преимущественно встречаются у детских гробов (погр. 64Д, 667А, 684, 687А); поперечные бруски (2–4 штуки); отмечены и продольные бруски – «полозья» у одного из детских ящиков (погр. 687Б).

Таким образом, видно, что деревянные погребальные сооружения Троицкого кладбища г. Ижевска весьма разнообразны. Вероятно, в этом нашел отражение процесс перехода от более ранних форм конструкции в виде простого ящика к современному типу гроба через целую серию промежуточных («экспериментальных») конструкций.

Еще одним интересным аспектом является наличие языческих пережитков в погребальном обряде, обнаруженных в ходе изучения данного памятника. По всей видимости, кладбище было всесловным, полиэтничным и много конфессиональным. По данным метрических книг Свято-Троицкого храма, на кладбище были захоронены не только представители православного вероисповедания, но также и католики. Последние в основном были представлены австрийскими военнопленными. Однако по археологическим данным в большей степени прослеживаются православные захоронения. Наряду с простыми сельскими обывателями, крестьянами, мещанами были захоронены люди знатного происхождения, почетные граждане заводского поселка.

Для православной обрядности характерны погребения в грунтовой яме в гробу, без инвентаря. Размещение умерших вытянуто на спине, головой на запад и руками, сложенными в области грудной клетки. Традиционно хоронили человека в специально сшитой одежде – саване. Он шился из домотканого полотна. Полотнище перегибали пополам, сверху прошивался швом «стежок». Конструктивно он напоминал плащ с капюшоном, длиною до колен. Саваном закрывали лицо и руки умершего². По православному обряду погребения, в могилу умершего клали нательный крест, как правило, который принадлежал человеку при жизни. Что мы имеем и на Троицком кладбище. На памятнике обнаружено 253 нательных креста (36 %): медных, серебряных и даже деревянных и каменных. Также встречаются медные образки и медальоны. В одном погребении найдено католическое распятие.

Однако на данном памятнике в обряде захоронения сохраняются и элементы «языческих традиций». В данном случае язычество проявляется не в полном своем значении, а лишь в качестве пережитков дохристианской религии. В 37 погребениях (5,3 %) были найдены 43 бронзовые и серебряные монеты, как отдельно, так и в составе украшений одежды. Сопровождение умершего мо-

нетами в этнографической литературе имеет несколько толкований. Во-первых, самым распространенным является представление, по которому деньги нужны, чтобы купить место, землю для жилья на том свете. Перед тем как опустить гроб в могильную яму, туда бросали монетку, чтобы «откупить место». Во-вторых, деньги нужны якобы для того, чтобы умерший жил благополучно. В Уржумском уезде родные и близкие бросают деньги в гроб, говоря: «Живи мирно на том свете и не нуждайся ни в чем». В-третьих, деньги дают для того, чтобы покойный мог откупиться от шайтана, который будет мучить его за то, что он долго жил на земле. В-четвертых, у закамских удмуртов молодым, неженатым парням в руки давали серебряные монеты, чтобы он смог жениться и справить себе свадьбу, а девушкам для этих целей привязывали деньги к фартуку. В-пятых, серебряную монету бросали в могилу взамен снятых с умершего металлических украшений, т.к. считалось, что с ними «на том свете будет тяжело»³.

На памятнике были обнаружены два захоронения с «окошками» на крышке гроба: погребение 62В (ребенок в возрасте 6–13 лет) и погребение 201 (женщина 30–40 лет). О гробе существовало представление, как о жилище покойного. На гробах делали окошко и кое-где даже вставляли в него стекло, иногда эти окошки были символическими – обозначали их на гробе чем-нибудь острым. Информация о преднамеренном изготовлении «окна в доме» встречается в этнографической литературе. Например, А.И. Емельянов сообщает: «В крышке, которая прибивается к гробу деревянными гвоздями, с правой стороны проделывается четырехугольное маленькое отверстие, для того, чтобы душа умершего «урт» могла по мере надобности выходить на свободу. С.К. Кузнецов, описывая погребальный обряд марийцев, говорит о том, что «через окошечко покойник мог бы иметь сообщение со здешним миром»⁴.

Одно погребение имеет северную ориентировку. По данным этнографов, в конце XIX – начале XX вв. Она имела место у некрещеных удмуртов Закамья. Ориентировали покойника головой на север для того, чтобы он мог смотреть на юг, на солнце. По поверьям удмуртов, на солнце живет Инмар – верховный бог и Шундымумы (Матерь солнца). Север считался краем тьмы и холода, местом обитания умерших предков. Также существует поверье, что положение праха самоубийц могло быть ориентировано в противоположную сторону⁵.

В 49 погребениях (7 %) были найдены бронзовые, пластмассовые, роговые и стеклянные пуговицы. Вероятно, это означало, что человек был похоронен не в саване, а в повседневной одежде. Этот факт можно рассматривать с двух сторон: либо как элемент язычества, либо как эволюция в сторону современного похоронного обряда. То же касается и обуви. Фрагменты обуви были найдены в 20 погребениях (2,8 %), из них 14 – кожаная обувь (2 %), 6 – лапти (0,8 %).

Также в некоторых погребениях были найдены украшения: бронзовые кольца, бусы, серебряные серьги, костяной гребень, железная пряжка. В 10-ти

погребениях (1,4 %) найдены стеклянные бутылочки с лампадным маслом, в одном случае стеклянный стаканчик.

Таким образом, на данном кладбище были прослежены нетрадиционные для христиан черты погребальной обрядности: отголоски языческих верований удмуртов в силу их поздней христианизации (монеты, окна, северная ориентация) и элементы «неоязычества» – отступление от погребальной традиции (одежда, обувь, инвентарь). Наблюдается переплетение «языческих» и христианских элементов похоронных ритуалов. Данные «языческие» элементы обрядности, до сих пор окончательно не исчезли из жизни общества.

Не менее интересным и неординарным является наличие на данном памятнике «коллективных» (совместных, неодинокных) захоронений. В ходе раскопок было обнаружено 17 таких погребений (2,4 %). Из них можно выделить одновременные захоронения и более поздние подзахоронения к ранее совершенному погребению. В 11-ти погребениях (1,6 %) на одном уровне фиксируются два-три гроба. Вероятно, такие захоронения являются одновременными. В 5-ти случаях (0,7 %) детский гроб был уложен поверх взрослого. В суровые зимние месяцы было проще выкопать общую глубокую могилу и установить гробы друг на друга, чем делать в мерзлом грунте несколько одиночных⁶. Такие захоронения могли быть как едино-, так и разновременными. Так как детский гроб всегда располагается сверху, складывается впечатление, что подзахоронением является именно он. Но существует информация, что иногда при подзахоронении взрослого к ребенку, детский гроб доставали и клали поверх взрослого. Скорее всего, такой вариант практиковался в том случае, если промежуток времени между смертью родственников был невелик. В одном случае (0,1 %) наблюдается погребение с подбоем в нише. В основной части расположен гроб взрослого человека, а рядом, в нише, детское подзахоронение. Погребение является единовременным.

Также массовые находки остатков человеческих скелетов известны при строительстве перехода между 4-м и 6-м корпусами УдГУ, где в котловане под фундаментом сооружения была обнаружена могильная яма с двухъярусным захоронением 8 человек (вероятнее всего, в гробах), у части погребенных отмечено наличие пулевых отверстий в костях черепа.

Неординарность подобного рода захоронений вынуждает искать возможные объяснения этому явлению. Скорее всего, таким способом могли быть погребены супруги, родители с детьми, а также люди, связанные другими родственными отношениями⁷. Вероятно, коллективные погребения возникают в результате единовременного, либо отдаленного во времени непродолжительного периода наступления смерти погребенных. Единовременное наступление смерти в данный период времени могло возникнуть в результате следующих событий:

1. Инфекционные заболевания (холера, тиф, испанский грипп («испанка») и т.д.)

2. От чрезвычайных происшествий, например пожар (частое явление и теперь).

3. Тысячи горожан погибли в результате ижевско-воткинского мятежа, гражданской войны, террора, репрессий, голода.

Совместные захоронения можно связывать не только с одновременной смертью родственников, но также с определенными религиозными верованиями. Среди исследователей существует мнение о том, что загробный мир представлялся зеркальным отражением мира земного. Кладбище являлось общим местом жительства для всех умерших предков, а могилы – отдельными помещениями, жилищами для каждого из них. Существует представление о том, что умершие одной и той же семьи живут в загробном мире вместе⁸. Так как гроб, могила были прообразом дома, возможно именно поэтому некоторые старались хоронить родственников вместе. Иногда после смерти одного из родственников старались оставить для другого свободное место⁹. Таким образом, коллективные погребения могут являться источником по реконструкции мировоззрения общества, а также по истории города Ижевска.

Полученные в ходе работ материалы позволяют отнести данный памятник к объектам историко-культурного наследия, подлежащего изучению и охране. Археологические исследования кладбища помогли раскрыть новые малоизвестные страницы истории города XIX–XX вв.

¹ См.: *Пастушенко И.Ю.* Отчет об археологических исследованиях Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске Удмуртской Республики, проведенных в 2007 г. // Архив Института истории и культуры народов Поволжья Удмуртского государственного университета (далее – Архив ИИКНП). Ф. 2. Д. 519; *Его же.* Отчет об археологических исследованиях Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске Удмуртской Республики, проведенных в 2008 г. // *Там же.* Ф. 2. Д. 520; *Его же.* Отчет об археологических исследованиях Троицкого (Нагорного) кладбища в г. Ижевске Удмуртской Республики, проведенных в 2009 г. // *Там же.* Ф. 2. Д. 521.

² *Татаурова Л.В.* Погребальный обряд русских среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I (рукопись)

³ *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001. С. 14.

⁴ *Николаева А.А.* Представления о загробной жизни в удмуртской религиозной традиции: археолого-этнографическое описание. Дипломная работа. Ижевск 2008 // Архив ИИКНП. Ф. 1. Д. 863. С. 13.

⁵ *Шутова Н.И.* Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1991. С. 65.

⁶ *Татаурова Л.В.* Указ. соч.

⁷ *Шутова Н.И.* Материалы по погребальному обряду удмуртов. С. 63.

⁸ *Ее же.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. С. 210.

⁹ *Атаманов М.Г., Владыкин В.Е.* Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX вв.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985. С. 142.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ТРОИЦКОГО КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА

Н.И. Зайцев (г. Ижевск)

До недавнего времени археология не уделяла особого внимания памятникам XVIII–XIX вв. И действительно, что нового можно узнать, раскапывая памятники этого времени? Но интенсивная застройка последних лет вынудила археологов обратиться и к этому периоду. И оказалось, что, изучая материальные остатки недавних времен, можно узнать много нового о казавшейся бы давно изученных и описанных периодах истории. Одним из таких памятников находящихся на территории г. Ижевска является Троицкое (Нагорное) кладбище. Оно стационарно изучалось Камско-Вятской археологической экспедицией (КВАЭ) УдГУ в 2007–2008 гг. Работы были вызваны строительством на его территории крытого ледового катка. Место кладбища на генплане города как исторического объекта отмечено не было, поэтому и препятствий к тому, чтобы построить здесь каток, не возникло. Начав работу, строители наткнулись на захоронения, после чего к работе были привлечены археологи.

Троицкое кладбище – это второе кладбище г. Ижевска, возникшее в 1810 г., когда приказом начальника Камских заводов А.Ф. Дерябина был закрыт старый некрополь на Красной (Михайловской) горке, так как к нему вплотную подходили частные дома рабочих Ижевского завода. Располагалось Троицкое кладбище на участке ограниченном современными улицами Советская, Красногеройская, Ломоносова и рекой Карлуткой.

В 1928 г. на кладбище проведены последние захоронения, а в 1932 г. оно было закрыто, площадку разровняли по факту «принадлежности похороненных к классовым врагам». В 1938 г. постановлением Ижевского Горсовета от 24 января 1938 г. территорию бывшего Нагорного кладбища решено было отвести под постройку стадиона «Зенит».

В 1960–1990-х гг. значительная часть некрополя была уничтожена при реконструкции ул. Удмуртской, строительстве жилых домов, корпусов университета, республиканского стадиона «Газовик-Газпром» (ранее «Зенит») и Ледового дворца, открытого ледового катка (ныне снесенного), площадки для игры в городки, трансформаторной подстанции, бассейна для охлаждения воды, МУДО Плавательного бассейна – Школы олимпийского резерва, а также строительных работ на территории Троицкого храма.

К осени 2008 г. на месте новой ледовой площадки было исследовано около 802 погребений (504 погребения в 2007 г. и 298 могил в 2008 г.)¹.

Одна из особенностей некрополя – сравнительно большое, для православного кладбища, количество нумизматического материала, датируемого, по предварительной оценке, XVIII – началом XX вв. Этому материалу и посвящена данная работа.

Всего в коллекции присутствуют 43 монеты (33 монеты найдены в 2007 г. и 10 монет в 2008 г.): 22 медных, 16 серебряных, 1 из желтого сплава, 1 из никелевого сплава, 1 из алюминиевой бронзы и 2 монеты из белого сплава. Из них: однокопеечных монет – 18, пятикопеечных – 4, пятнадцатикопеечных – 3, десятикопеечных – 9, двухкопеечных – 5, двадцатикопеечных – 3, а также 2 монеты неизвестных номиналов. Монет дореволюционного периода было найдено – 36, советского – 7. Не весь нумизматический материал имеет хорошую сохранность. Лишь благодаря деталям монет (изображениям на аверсе и реверсе, знакам минцмейстеров (начальников монетных дворов)) удалось выяснить, уточнить их примерную датировку и номинал.

Среди 36 монет дореволюционного периода 6 монет имеют знаки минцмейстера: 2 имеют знак «НГ» (Николай Грачев), 1 – «НМ» (Николай Мундт), 1 – «ПД» (Павел Данилов), 1 – «НІ» (Николай Иосса), 1 – «ФГ» (Франц Герман). На части монет читаются знаки монетного двора: Санкт-Петербургского м.д. – 17 (СПБ – 16 и СПМ (Санкт-Петербургская монета)), Екатеринбургского м.д. – 10, Колыванского м.д. – 1.

Весь нумизматический материал дореволюционного и частично советского периодов можно разделить на три группы: первая – монеты-украшения, вторая – монеты «оболы мертвых», а также личные вещи погребенного (кошелек из погребения № 289, об этом ниже). В древнегреческой мифологии умерших через реки подземного царства до врат Аида перевозил Харон. Для оплаты за провоз в рот покойного клали мелкую монету – обол (1/6 драхмы). Обычай класть монету или монеты в могилу существовал многие века у многих народов. В частности, он существовал и у русского этноса.

Отличительная особенность первой группы (в нее входят все серебряные монеты) – наличие на монете ушка или отверстия для подвешивания. Вероятно, использовались в монисто – украшение из монет в националь-

ном костюме народов Поволжья. Это позволяет говорить, что хотя кладбище и православное, но в погребальном обряде сохраняются элементы язычества.

На монетах «оболах мертвых» отсутствуют приспособления для подвешивания. Обычное местоположение «оболов Харона»: во рту, в районе черепа, в районе рук, на груди, фиксируются случаи положения монеты на дно и в засыпи могильной ямы.

Одной из особенностей монет могильника – их низкий номинал. Вероятно, не принято было кидать монеты крупных номиналов в могилы.

Среди изученной коллекции интересны 7 монет различного номинала, отчеканенных в период с 1822 по 1883 гг. Все они происходят из погребения № 289. Время чеканки пяти из них – 1822, 1863, 1869, 1878, 1883 гг. На двух прочесть датировки не удалось. Хотя возможно одна монета, исходя из ее внешнего вида, чеканилась с 1867 г. По половозрастному анализу в могиле был похоронен мужчина старше 55 лет. Все монеты находились в кошельке, найденном при покойном. Вследствие этого возникли некоторые предположения. А именно:

Первое. Напрощается само собой. Накопленный капитал. Но маловероятно. Считать монеты, найденные в кошельке, свидетельством накопления, на мой взгляд, не представляется возможным, так как большинство из них уже не являлось ходячей монетой. Да и накопление капитала в столь мелком номинале более чем сомнительно. Есть конечно исключения, но в этих случаях медные монеты находят в гораздо больших количествах.

Второе. Вполне вероятное. Соотношение дат чеканки монет с важнейшими событиями в жизни покойного. Между крайними датами чеканки укладывается 61 год, возраст погребенного определяется как старше 55 лет. То есть перед нами, как бы летопись его жизни.

Третье. Фантастическое. Какая-либо связь погребенного с антиправительственными движениями XIX в. Так, 1822 г. – указ Александра I о запрете масонства в Российской империи, также год образования декабристского Северного общества в Петербурге во главе с Н.М. Муравьевым и Н.И. Тургеневым; 1863 г. – начало Польского восстания 1863–1864 гг.; 1869 г. – создание Нечаевым тайного общества «Народная расправа»; 1878 г. – дело Веры Засулич, а также окончание Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; 1883 г. – коронация Александра III и возникновение марксистских кружков – группы «Освобождение труда» Г.В. Плеханова в Женеве и «Партии русских социал-демократов» Димитра Благоева в Петербурге.

Из всего вышесказанного видно, что вторая гипотеза – наиболее правдоподобна. А возможно, перед нами просто случайный набор монет или пережиток не выясненного обряда.

Также интересны 5 серебряных монет из погребения № 281 (женщина, старше 55 лет), найденные на костях черепа, которые могут быть соотнесены с элементами головного убора. Даты чеканки монет – 1758, 1759, 1825, 1847, 1861 гг. Найти какую-либо связь между датировкой всех монет невозможно. Скорее всего, перед нами головной убор, передававшийся по наследству. Обычай передачи подобных изделий от матери к дочери и далее известен. В данном случае, возможно, передавать оказалось некому, и головной убор был уложен в могилу вместе с последней владелицей. Но, во всяком случае, эта находка позволяет с уверенностью говорить о проживании в поселке представителей коренного населения.

Уникальной находкой является и монета из погребения № 329. Это пробитая серебряная «проволочная» копейка или «чешуйка» весом 0,24780 мг неправильной формы. Аверс монеты стерт, на реверсе видны лишь некоторые буквы «О И Е Т И Н». Выпуск таких денег закончился в начале XVIII в. при Петре I. Судя по весу, найденная монета и была отчеканена в это время. Вероятно, она была нашита на какой-то предмет одежды, передававшийся из поколения в поколение, и в конце концов попала в погребение.

Среди 7 монет советского времени выделяются 2 серебряные: 15 копеек 1924 г. и 10 копеек 1929 г. Первая была найдена в погребении, вторая – в межмогильном пространстве (скорее всего, она из выбитого строителями погребения). Официально известно, что последние захоронения на Нагорном кладбище проходили в 1928 г., закрыли же его в 1932 г. Судя по нашей монете, захоронения на данном некрополе продолжались и после официального закрытия. Подобное происходит и в наши дни. На закрытом кладбище происходят захоронения рядом с родственниками или по каким-то другим, не менее важным причинам.

Остальные монеты советского периода были найдены на поверхности.

Почему же на православном кладбище, погребальный обряд которого не предусматривает захоронение вместе с покойным каких-либо вещей, обнаружено достаточно большое количество монет? Ответ на этот вопрос можно найти в этнографии. В литературе сопровождение умершего монетами имеет несколько толкований. Во-первых, самым распространенным является представление, по которому деньги нужны, чтобы купить место, землю для жилья на том свете. Перед тем как опустить гроб в могильную яму, туда бросали монетку, чтобы «откупить место». Во-вторых, деньги нужны якобы для того, чтобы умерший жил благополучно. В-третьих, деньги дают для того, чтобы покойный мог откупиться от шайтана, который будет мучить его за то, что он долго жил на земле. В-четвертых, у удмуртов молодым, неженатым парням в руки давали серебряные монеты, чтобы он смог жениться и справить себе свадьбу, а девушкам для этих целей привязывали деньги к фартуку. В-пятых, серебряную монету бросали в могилу взамен снятых с умершего металлических украшений, так как

считалось, что с ними «на том свете будет тяжело»². И сейчас можно говорить, что население поселка Ижевский завод было не однородным. В нем помимо русских проживало и довольно много представителей и других народов, у которых еще сильны были языческие представления о загробном мире.

Таким образом, в комплексе с другими находками на данном кладбище (крестики, медальоны, образки, иконы, свечи, фрагменты тканей и обуви, пуговицы, бусы и т.д.) нумизматический материал может дать немало фактов для более полного написания истории нашего города.

¹ Макаров Л.Д. Проблемы городской, индустриальной, церковной и «чердачной» археологии на территории Удмуртии // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008. С. 209–210.

² Шутова Н.И. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов: Сб. науч. трудов. Ижевск, 1991. С. 4–35.

ИЖЕВСК: В ПОИСКАХ СВОЕГО «ЛИЦА»

И.И. Кобзев (г. Ижевск)

В соответствии с социологическими исследованиями, Ижевск, как огромный *город вчерне* (промышленный гигант и культурный карлик), в целом не обладает положительными характеристиками. Это место негативной идентичности даже для его собственных жителей¹.

Ижевск до сих пор продолжают воспринимать в первую очередь как *город-завод*, то есть как ненастоящий город. В этом двойном определении неприятие Ижевска связано в основном с *заводом* (то есть с историческим и географическим ядром Ижевска, занятым промзоной). А принятие связано с *городом* (то есть с тем, что как бы налепилось на завод и что еще не сложилось в полном – культурном и гуманитарном – смысле).

Центр города, как правило, ассоциируется не с заводами, а с другими представительными объектами. В соответствии с широко распространенными воззрениями, исторической и культурной ценностью являются не *заводское* (то есть *окраинное*), а *городское* (то есть *центральное*).

В городах Европы, да и всего мира, заводы строились на окраинах старых городов. Но Россия в этом процессе имела отличие. Здесь с XVIII по XX в. города в значительной массе создавались вокруг заводов.

В XVIII – начале XIX вв. только на Урале появилось *около 260* городов-заводов. А в XX в. в нашей стране возникло *более 600* новых городов, главным образом вокруг промышленных предприятий. Советская урбанизация – исключительное явление. Новые города создавались в разных странах, но не в таких масштабах, как в России.

Новые города рождались преимущественно на волне индустриализации и возникали при промышленных предприятиях как их придаток. Строились города-заводы поспешно и лихорадочно, не успевая стать *истинными городами, городами-личностями*. Размах их строительства поражает, но унылое однообразие жилых кварталов и шаблонность планировки удручает.

Это были скорее черновые наброски, которые, может быть, еще сложатся в города. О таких крупных и многонаселенных промышленных центрах писатель-одессит и потомок династии вятских священников В.П. Катаев, родственники которого служили в ижевской церкви, в своем произведении *«Время, вперед!»* сказал: *«Что это было? Село? Конечно, нет. Местечко? Нет. Лагерь, рабочий поселок, станция? Нет. Официально этот громадный населенный пункт назывался город. Но был ли он городом? Вряд ли! Во всяком случае, в нем отсутствовало то неуловимое, без чего невозможно ощущение города»*.

Ненастоящий город

Ижевск имеет несколько дат рождения его как города: 1 февраля и 10 апреля 1760 года, 10 июня 1807 года, 1 января и 21 февраля 1918 года и 6 июля 1925 года.

Обычно такой датой считают 1760 г. – год основания завода. Можно взять и вторую точку отсчета – 1807 г., когда в деловых бумагах, отсылаемых в Петербург, заводское село впервые называется горным городом, а именно – *«городом Ижа»*. Действительно, в начале девятнадцатого столетия *«Завод»* (так коротко называют Ижевск старожилы до сих пор) напоминал город и численностью населения, и петербургской архитектурой и ратушным зданием оружейной конторы *«городом Ижа»* на манер европейских бергштадтов. Однако в крепостническое время местное подобие бергштадта, живущее на принудительном труде, городом стать не могло. В следующем веке появляются третья и четвертая даты рождения Ижевска как города – 1918² и 1925³. С 1921 г. Ижевск считался столицей Вотобласти, но официального постановления о своем городском статусе не имел. Узаконен городской статус Ижевска государством был только 6 июля 1925 года в Кремле М.И. Калининым.

И все же 1760 г. упорно отмечается в Ижевске как год основания города, хотя статуса города «*Завод*» тогда не имел. Но при этом *День города* празднуется не 1 февраля (1 февраля 1760 г. в Сенате у стрелки Васильевского острова подписан указ Берг-Коллегии о строительстве завода на реке Иж)⁴. И не 10 апреля – в день начала строительства плотины в том же 1760 году. А в ближайший к 10 июня выходной: 10 июня 1807 г. состоялось открытие оружейной конторы, построенной зодчим Дудиным из дерева, декорированного под камень, в ратушных формах ренессансного Палаццо Сенатори римского Капитолия – «*европейской ратуши*» промышленного «*города Ижа*». Но и тогда городом «*Завод*» тоже не стал, а символ городской независимости – «*Капитолий-ратуша*» со стройным портиком и башней-звонницей – быстро исчез из силуэта крепостного завода.

После отмены крепостного права Ижевск опять не получил статуса города, хотя продолжал оставаться самым крупным населенным пунктом губернии. *Село Ижево* было больше губернской *Вятки* в 2 раза, *Глазова* – в 9 раз, *Царевосанчурска*, самого маленького города Вятской губернии – в 30 раз. В 1864 г. *село Ижево* по численности населения превосходило такие портовые или губернские города, как *Кронштадт*, *Баку*, *Владивосток*, *Пермь*, *Симбирск*, *Царицын*, *Псков*, *Новгород*, *Вологда*, *Кострома* и многие другие.

Приблизительное равенство в народонаселении Ижевска и столицы Финляндии *Гельсингфорса* (Хельсинки), а также Ижевска и *Екатеринбурга* можно проследить на протяжении всего «*золотого века*» русской культуры – XIX столетия.

Ижевск, даже будучи заводским селом, по численности населения почти равнялся заводской столице Урала. Резко отличаться по народонаселению Ижевск и Екатеринбург стали только с середины XX в., когда Екатеринбург превратился в крупный железнодорожный узел, а Ижевск оказался в стороне от транссибирских магистралей:

<i>Екатеринбург</i>	<i>Ижевск</i>
1807 г. – 10 000 чел.	1807 г. – 4 000 чел.
1857 – 13 000	1840 – 16 000
1860 – 20 000	1862 – 23 000
1890 – 36 000	1897 – 41 000
1913 – 79 000	1914 – 44 000
1917 – 150 000	1917 – 150 000
1920 – 91 000	1923 – 52 000
1937 – 400 000	1939 – 175 000

Развитие Ижевск получил однобокое. Рабочие в нем преобладали над остальными слоями населения, в том числе над интеллигенцией, *катастрофически*. Например, в университетском *Харькове* в начале XX в. из 205 тыс.

жителей 15 тыс. были рабочие, а в Ижевске в конце 1916 г. проживало 150 тыс. человек⁵, подавляющее количество которых были рабочие. То есть рабочих в Ижевске было в несколько раз больше, чем в Харькове. А между тем Харьков занимал 7-е место в России по численности населения, уступая только Петербургу, Москве, Варшаве, Одессе, Киеву, польской Лодзи и прибалтийской Риге.

Любопытно проследить на протяжении XIX и XX веков сходство и различие двух городов «петербургской ориентации» – Хельсинки (Гельсингфорса) и Ижевска («города Ижа»), которые начали развиваться и получили «петербургский» облик в первой половине XIX столетия.

Численность населения двух финно-угорских столиц, начиная с «золотого века» русской культуры и до сего времени была приблизительно равна:

Хельсинки	Ижевск
1809 г. – 4 000 чел.	1807 г. – 4 000 чел.
1849 – 16 000	1840 – 16 000
1900 – 93 500	1917 – 150 000
1945 – 300 000	1959 – 285 000
1967 – 516 000	1974 – 500 000

Композиционной целостности Хельсинки способствовало то, что столица Финляндии создавалась почти заново. Регулярность ампириной ансамблевой планировки помогла сделать центр Хельсинки парадным, представительным. Первые Генеральные планы «города Ижа» (1807) и Хельсинки (1817) разрабатывали зодчие-ровесники – С.Е. Дудин (1779–1825) и К.-Л. Энгель (1778–1840), которые активно строили и за пределами этих городов. Судьба зодчих различна. Дудин Ижевску очень быстро стал «не надобен», завод убил художника, могила его потерялась, а Энгель успел сделать гораздо больше: его талант финская столица приняла с благодарностью и почетом. И все же сделанное двумя зодчими в различных городах и в различных условиях сопоставимо.

Указами Александра I был основан Ижевский оружейный завод (1807), а Хельсинки становится столицей Финляндии (1812). В эти детища Александра I и отправляются для разработки градостроительных планов два современника, получившие неограниченное поле деятельности и редкую удачу: иметь возможность построить целый город, свой город, с современной европейской архитектурой. Резкое прекращение строительства «города Ижа», разрушившее надежды Дудина, вызвало его нервную болезнь и раннюю смерть от нервного горячки. А размах работ Энгеля продолжался.

За время существования Ижевска как заводского села было два всплеска урбанизации по-русски. Первый всплеск его не затронул. В 1780 г. Екатерина II,

задумавшая сравняться с Европой, огромное количество деревень преобразовала в уездные города, освободив их жителей от крепостной зависимости. На территории Удмуртии тогда получили городскую вольность деревня Синьгурт (Глазов) и село Вознесенское (Сарапул).

Это было время *«городов-деревень»*, которые отличались от европейских городов *«многими чисто русскими чертами переходного состояния от деревни к городу»*⁶. Живописные *«города-деревни»*, неразрывно связанные с окружающей природой, любили изображать русские художники – Левитан, Саврасов, Поленов, Кустодиев.

В советское время наступила эпоха новых городов – с индустриальным обликом. *«Нету лучшего сроду, чем под небом большим дым советских заводов, нашей Родины дым»*, – говорится в стихах одного хорошего советского поэта. Именно тогда и был востребован прежний тип *городов-заводов*, точнее – *деревень-заводов*, к которым с рождения принадлежал Ижевск.

Строились новые города поспешно и лихорадочно, не успевая стать *истинными городами, городами-личностями*. Размах их строительства поражает, но унылое однообразие жилых кварталов и шаблонность планировки удручает. Это были, скорее, черновые наброски городов.

В поисках идеального города

Феноменом России является то, что в ней насчитывается несколько сот городов, формировавшихся на базе заводов. В этом феномене есть не только недостатки, но и своего рода авангардные преимущества.

В Европе заводы появлялись на окраинах старинных городов и не являлись градообразующим ядром. Одним из редких для Европы исключений является город-завод Шо во Франции, который в век Просвещения и в соответствии с ее идеями поклонения не сверхъестественному, а естественному вырос из завода и благодаря такой необычности для европейских городов превращен в музей под открытым небом и взят под охрану ЮНЕСКО.

Идеальный город-завод Шо, центрируемый не храмом, как это было принято в прежние *«темные»* времена, а заводом, что являлось революционным и идеальным в век Просвещения, расположен в юго-восточной части Франции, близ границы с Италией. В ней в начале XIX в. учился посланный в Рим из Петербурга золотой медалист Академии Художеств и будущий архитектор Ижевского завода С.Е. Дудин.

В 2000 г. в городе Шо открылась выставка *«В поисках идеального города»*, инициатором которой стал Институт настоящего, прошлого и будущего архитектуры и градостроительства. Это своеобразный европейский центр, разрабатывающий названные проблемы под эгидой ЮНЕСКО и при поддержке французского правительства. В числе 12 идеальных городов мира

(Нью-Йорк, Токио, Барселона, Венеция и другие) в экспозиции французского Института уральские города-заводы представил Екатеринбург.

Институт, о котором идет речь, располагается в памятнике архитектуры середины XVIII в. – королевской солеварне. Именно в этом месте один из основоположников французского ампира, который распространился через Петербург на уральские города-заводы, выдающийся архитектор Клод Николя Леду решил построить идеальный город Шо. Он спроектировал и выстроил город-завод, в котором жилые и общественные дома располагались вокруг завода. А нереализованный проект пушечного завода в городе Шо лег в основу реализованных и родственных проектов в Петербурге (Сальный буян) и Ижевске (Арсенал). Дело в том, что свою книгу с нереализованными проектами города Шо, написанную во время революции в тюрьме, королевский архитектор Леду посвятил после своего освобождения русскому императору Александру I, передавшему эту книгу в 1804 г. в библиотеку Академии Художеств. При Александре I, освободившем Европу от Наполеона, и был основан Ижевский оружейный завод.

До французской выставки 2000 г. в специальной литературе утверждалось, что Шо – это первый город-завод (раньше городская застройка группировалась вокруг крепости, монастыря, собора и ратуши). О том, что Екатеринбург на полвека опередил город-завод Шо, французы узнали случайно. Еще более поразились французы, когда узнали, что на Урале таких потенциальных городов-заводов было построено в XVIII в. около двухсот. Причем самым крупным из городов-заводов, за редким исключением не имеющих статуса города (как Екатеринбург), являлся в XIX в. Ижевск. Следом за ним (по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.) шли Воткинск, затем Нижний Тагил, потом другие города-заводы Урала.

В настоящее время Ижевск является самым крупным городом России, а возможно и мира, возникшим из заводского центра, но до сих пор не освободившим свое историческое ядро от промышленного производства. Это в 1844 г. сделали в Петербурге (Адмиралтейство с этого времени не промышленное здание), а в начале 1960-х – в Екатеринбурге (Исторический сквер). Сейчас это делается в Нижнем Тагиле и Невьянске, планируется в городе-заводе графа Шувалова Лысьве. Это необходимо сделать и в центре Ижевска и Воткинска: архитектура их старых заводов гораздо ценнее, чем остатки заводской архитектуры в Историческом сквере Екатеринбурга. Заурядный, неинтересный для местных жителей и приезжих облик сегодняшнего Ижевска сразу же преобразится, если извилистая река Иж и историческая купель города-завода вдоль шлюза будет открыта как экологический водно-индустриальный ландшафтный парк.

Первый ректор архитектурного института в Екатеринбурге и один из авторов идеи Исторического сквера в столице Урала Н.С. Алферов, сопоставляя

два города-завода, примерно равные по численности населения на протяжении всего XIX в., в своей книге *«Зодчие Урала»* (1960), предпочтение отдавал не столице Урала, а Ижевску. Основатель второго после Москвы архитектурного института в СССР писал: *«Ижевск по сравнению с Екатеринбургом был более живописным городом. Особую красоту его создавали огромный пруд, выразительный архитектурный центр и выгодный рельеф местности. Екатеринбург имел сравнительно небольшой пруд, слабо выраженный в архитектурном отношении центр города»*.

В Екатеринбурге довольно монотонная сетка улиц приобрела своеобразие и неповторимость только после появления в его историческом ядре, освобожденном от промышленного производства, Исторического сквера. Исторический сквер был открыт в 1973 г. в день 250-летнего юбилея Екатеринбурга на территории первого в городе железоделательного завода, расположенного на пересечении Главного проспекта Екатеринбурга (аналога Александровского проспекта Ижевска) с набережной реки Исеть. Только тогда оба берега стали центрировать весь город. С появлением Исторического сквера Екатеринбург сразу же приобрел индивидуальный, неповторимый характер очень компактного водного города-парка. Без каскада прудов, садов и парков вдоль небольшой заводской реки теперь невозможно представить индивидуальный образ Екатеринбурга.

При создании водно-исторического парка необходимо учесть, что Ижевск обладает более характерными и показательными чертами старых уральских заводов, чем даже Екатеринбург. Вот что об этом говорит Алферов: *«Планировка Ижевска более характерна для уральских городов-заводов, чем планировка Екатеринбурга. По расположению, плану города и даже рельефу Ижевску подобны такие города-заводы, но они имели очень скромную застройку»*.

Далее ученый пишет об ижевском *деревянном ампире* – многоэтажном (дудинском) и одноэтажном (брыкинском), который в таких широких и ансамблевых, можно сказать, петербургских масштабах, пожалуй, не имелся ни в старом Екатеринбурге, ни в других городах-заводах Урала.

«Дворцовые» по виду двухэтажные ампирные здания, входящие в ансамбль главного корпуса оружейного завода, не сохранились. Но их хорошо бы восстановить вдоль набережной зодчего Дудина, как часть ансамбля сохранившегося подлинника. А упрощенный одноэтажный деревянный ампир архитектора Брыкина можно поместить в индустриально-ландшафтном *Арсенал-парке*. Деревянный ампир А.Д. Брыкина (выпускника петербургской Академии Художеств 1810 г.) по своей простоте напоминает провинциальный деревянный ампир в Финляндии, например, в городе Порвоо под Хельсинки. Влияние Петербурга на финский столичный и провинциальный ампир – несомненно.

Ижевск в контексте уральской геоэтики

Географически город-завод Ижевск, как и Удмуртия в целом (из 6 ее городов 4 возникли как города-заводы), расположен на стыке двух экономико-географических областей, чем объясняется разнородность в определениях пограничного региона и его столицы. Ижевск и республику относят либо к пропелтербургскому, графическо-рациональному, чугунно-седому, депрессивно-глубинному Уралу. Либо к промосковскому, восточно-сумбурному, деревянно-пестрому, жизнерадостно-возвышенному Поволжью.

Это заметно по архитектурно-топографическим доминантам Ижевска, совмещающего в сценографии своего центра доминантные образы двух столиц.

С одной стороны, столичный город-завод, расположенный между «*московской*» Казанью и «*петербургским*» Екатеринбургом, является классической столицей национальной республики Поволжья. С другой стороны, он классический город-завод Урала. Чрезмерно утилитарный, чрезмерно насыщенный промышленностью. И чрезмерно уязвимый в современном мире в гуманитарном отношении. Ищущий в прошлом смыслы, родственные двум пограничным территориям.

Стойкая тема «*деревенского*» Ижевска в его истории и культуре отчасти связана с тем, что это *заводское поселение* является *столицей удмуртов* – крестьянского народа. Ижевск, как *военный завод*, с одной стороны, выступает в роли железного поработителя окружающей природы и покорителя архаической культуры удмуртов (смотрите герб Ижевска в виде символического надругательства завода над природой). С другой стороны, в железном *заводе-загоне*, *заводе-клетке*, *заводе-ловушке* (перевод удмуртского по происхождению топонима деревянной слободы *Колтомы*, расположенной против шлюзовой пасты завода) проглядывают черты глубокой первобытности («*ижевский Крокодил*»).

Будущее заводской столицы сурового «*чухонского края*», которой до отмены крепостного права командовали не укорененные здесь петербургские генералы, не подчинявшиеся местной губернской и уездной власти, связано с поисками смыслов и перспектив промышленной цивилизации Урала. Вот каким образом ее характеризует пермский писатель Алексей Иванов: «*“Торнозаводская цивилизация” – обобщенное название уральского образа жизни. Урал существовал обособленно от России: здесь была индустриальная “империя”, которой управляли горные генералы, а губернаторы не имели власти. Здесь были своя форма крепостного права, свое войско, свое административное деление и т.д. Здесь развивались свои формы “промышленного искусства”... Была своя мифология, отраженная в “зверином стиле” и сказках Бажова. Было свое представление о ценностях жизни – например, работа считалась важнее слободы. Самое главное – здесь был свой тип поселения: город-завод*».

Горнозаводскую цивилизацию Урала называют первым ВПК России, она сформировалась по приказу из петровской «военной столицы» по петербургским рационально-линейным матрицам в XVIII столетии, пережила век XIX и трансформировалась в советскую индустриальную цивилизацию, сохранившую многие черты старой Горнозаводской. Но в конце XX в. стал очевиден кризис великой Горнозаводской цивилизации, исчерпанность традиционной – исключительно индустриальной – модели развития этих территорий⁷.

Цивилизация городов-заводов катком прокатилась по землям почти полностью исчезнувших на Урале «чухонских народов». В этой связи параллель возникшего почти на пустом месте («приюте бедного чухонца») Петербурга и Горнозаводской цивилизации Урала, очевидна. Однако предзнаменования исследователей XIX в. о том, что под катком заводов вот-вот обрусееют и удмурты, до сих пор не свершилось. Железный загон и деревянная архаика, индустриальное и живое могут породить некий слитно-несоединимый феномен.

Филологи Удмуртского университета, читая вместе с литературным текстом и «текст» заводской столицы крестьянского народа, подводят такой итог своему исследованию, тесно связанному с философским анализом поразительного феномена удмуртского суицида («творчества творцов, очутившихся в нетворческих обстоятельствах»⁸), феномена, с одной стороны, *внеисторизма* крестьянской культуры удмуртов, с другой, *внеисторизма* промзоны: «Ситуация парадоксальна. Для удмуртов современность в силу присутствия “чужого” рассматривается как ЕЩЕ не историческая (подавленная креативность). Для русских современность предстает как УЖЕ нетворческая. (...) Таким образом, культурная ситуация в республике сегодня характеризуется и со стороны русских и со стороны удмуртов, как деградация, отход в сторону от магистрального развития цивилизации, как тупик, болото, куда “съехала” и где “завязла” вся культура Удмуртии. Однако не будем забывать, что подобные ситуации в истории культуры приводили и к формированию культурных феноменов»⁹.

Каждая территория России пребывает сегодня в поисках «своего лица». Гуманитарные исследования образа места и основ региональной идентичности оказываются востребованными. Исследования ученых-семиотиков (Ю.М. Лотман и другие), в частности, работа В.Н. Топорова о «петербургском тексте», опирающиеся на отечественную традицию изучения связей места и культуры (петербургские геокультурологи 1910–1920-х гг. И.М. Гревс, Н.М. Анциферов), инициировали в 1990–2000-е гг. обширную и продолжающуюся серию региональных исследований и создание моделей «локальных текстов» – городов и регионов. Особенно активно этот процесс развивается на депрессивном, чрезмерно промышленном и милитаризованном Урале: «пермский текст» (В.В. Абашеев), «челябинский текст» (Е.В. Милюкова), «екатеринбургский текст» (Ю.В. Ключкова, М.А. Литовская и другие), «ураль-

ский текст» (А.С. Подлесных). Неожиданный всплеск уральского регионализма стал предметом исследования западных историков¹⁰.

Изучение региональной геопоэтической рефлексии (метафизического краеведения, мифогеографии, геокультурологии)¹¹ включается в рамки так называемого спатального анализа (*spatial analysis*). Он объединяет исследования того, как культурные и социальные практики влияют на пространство и, наоборот, как пространство, место влияют на человека, его самосознание, сферу символических представлений, мотивацию, поведение, деятельность.

Предвосхитил геопоэтическую рефлексия Урала Д.Н. Мамин-Сибиряк. Он еще в конце XIX в. увидел уральского человека онтологически, в его неразрывной связи с ландшафтом и специфически местным укладом жизни, определенным тем же ландшафтом. В описании уральских людей писатель подчеркивает их геологическую, горнозаводскую (*угловатую психологию*), сращенность с подземными пластами, рудниками, доменными печами. У Мамин-Сибиряка уже встречаются вкрапления хтонических образов в описание уральских недр.

В 1910-е гг. в Петербурге формируется отечественная школа геокультурологии. Из ее среды возникла знаменитая книга Н.П. Анциферова *«Душа Петербурга»*. Приблизительно в то время на Урал приезжает столичный писатель Б.Л. Пастернак. Его пребывание на Урале с 1916 года, в частности, метельная поездка в Ижевск в 1917 г., дала впечатляющие художественные результаты. Они позволили М. Цветаевой констатировать, что *«нет Урала кроме пастернаковского Урала, как он и есть. Ссылаюсь на всех читавших “Уральские стихи” и “Детство Люверс”»*. Урал у Пастернака увиден в космогоническом ракурсе, во многом под влиянием *«петербургского текста»* русской культуры и московско-петербургской градооппозиции, наделенной правами универсалий.

Однако канонический мифологизированный образ Урала, определивший широкое восприятие региона, создал П.П. Бажов. Его горнозаводской Урал расположен под землей. На Урале *«спуститься под землю»* (о горнорабочем) означает *«находиться внутри горы»*. В сказах Бажова персонажи-горняки одновременно оказываются в двух мирах: на заводской работе и в потустороннем, загробном мире. Оказывающийся внутри горы мастеровой становится связанным с нечистой силой, с царством мертвых. Такой персонаж становится как неживой (сказ *«Две ящерицы»*). В сказах Бажова проводником героя в царство мертвых становится Хозяйка Медной горы. Уральские горы, разрушаясь, уходят в недра земли – туда, откуда они вышли миллионы лет назад – в эпоху динозавров. В сказах Бажова горы становятся местом обитания хтонических существ (Великий Полоз, голубая змейка, земляная кошка с огненными ушами, медянка, ящерица), признаком которых является тесный контакт с землей и миром мертвых (их функция – сопровождение людей в под-

земное царство Хозяйки). Геопозитическая модель Урала в творчестве Бажова может быть описана такими понятиями, как «*мистическое*», «*рубежное*», «*хранящее сокровище*». Или «*двойственное*», божественно-демоническое (семантика горы). Это место двойного бытия, сродни подводно-небесному «*петербургскому тексту*».

Основные черты уральской геопозитики проецируются на городское пространство. Это вектор «*петербургской*» глубины, а не «*московской*» высоты. Это змеино-земляной хтонизм. Это рубежность жизни и смерти, нового и древнего, языческой первозданной стихии и мира цивилизации. Подобные черты сродни и геопозитике Ижевска.

Future in the past

Главным *градо-культуро-образующим* фактором Ижевска суждено было стать заводу. Но завод же является и главным *градо-культуро-разрушающим* фактором. Как и положено механизму, завод существует последним временным срезом *культуры*, иначе говоря, – *исторической памяти*. Ее напластования накапливаются долго, уничтожаются же они мгновенно¹².

Так стоит ли учить ижевского Крокодила игре на скрипке? Стоит ли проявлять и акцентировать в пространстве нашего хвостатого обиталища петербургские матрицы графической двойственности казармы и карнавала, нормативности и иррациональности, парадного фасада и пугающей физиологии?

Теме заводской Атлантиды посвящены градостроительно-культурологические проекты¹³. В них я исхожу, прежде всего, из того, чем уникален наш «*тяжелый город*» и что может принести для него прибыль, исходя из опыта новой раскрутки промышленных городов Европы (индустриальные экологические парки). Причем, быстрыми и доступными для недостаточно богатого города средствами (в первую очередь, восстановлением на набережной зодчего Дудина деревянного ампира и гуманитарным использованием сохранившейся в историческом ядре города-завода «*индустриальной археологии*»). Дело лишь за толковым менеджером и учетом ныне доступного зарубежного опыта по туристической раскрутке исторического ядра двух старинных Камских городов-заводов. Мы называем их по аналогии с западными образцами так: *Чайковский-парк* в Воткинске и *Арсенал-парк* в Ижевске. И тогда преисподняя вдруг обернется раем.

Если Ижевск стремится не пугать, а все же привлекать, то для его инвестиционной привлекательности обязательно нужна идея *культурного квартала (или комплекса)*. А его лучше всего создать в старом заводском ядре города, которое покидает промышленное производство и возле старинных заводов (набережные заводского пруда и шлюза). Для создания культурного квартала необходима оригинальная идея, то, чего нет нигде.

Появление культурных кварталов (культурных улиц и даже креативных деревень в городах, вроде архитектурно-этнографического и природно-зоологического парка-деревни Скансен в центре Стокгольма) становится возможным лишь в том случае, если придумана какая-то очень важная культурная функция. Должно возникнуть нечто, вписывающееся в рамки глобальной культурной индустрии, но имеющее местную неповторимость. Для городских проектов важна величина приращения в связке различных капиталов: символическом, инвестиционном, социальном. Если в городе нет новых идей, не открываются новые точки роста. Скорее всего, считают специалисты в области стратегического планирования развития городов, такой город ожидает отток активного населения, для которого при выборе места жительства важен горизонт возможностей.

В ситуации растущей конкуренции регионов поможет выжить разработка оригинальных ключевых проектов, связанных с культурным наследием города. Это важно для Ижевска, из историко-гидравлического ядра которого все более очевидно и неуклонно уходит промышленное производство. Эта низинная нежилая территория привлекательна и тем, что представляет собой широкую пойму ниже плотины, где можно не только восстановить старые каналы, шлюзы, заваленный шлаком у Долгого моста большой шлюзовой залив с несколькими островами, но и построить новые небольшие и проточные улицы-каналы с миниатюрными мостиками, водяными колесами, безнасосными и недорогими фонтанами. Своеобразный заводской Петергоф или индустриальный Версаль.

¹ Яковлева М.В. Особенности восприятия символической среды Ижевска его жителями (по материалам социологического исследования) // Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции. 2010. № 1. С. 71–84.

² Постановление Ижевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о преобразовании Ижевского завода в город подписано незаконно, без согласования с вышестоящими правительственными органами столичного Петрограда, губернской Вятки и уездного Сарапула иногородними рабочими. Питерским коммунистом В.С. Жечевым, высланным в «Завод» после забастовки в начале 1917 г. и членом эстонской секции Ижевской организации большевиков Э. Дишлером. Подписано самовольное, не утвержденное государством и незаконное постановление о преобразовании Ижевска в город с 1 января 1918 г. задним числом 21 февраля того же года.

³ Последняя дата рождения Ижевска как города – 6 июля 1925 г. Документ гласит: «Президиум ВЦИК постановляет: 1. Утвердить городскими поселениями Автономной Вотской Области населенные пункты

- Ижевск (...) Председатель ВЦИК: М.И. Калинин. Москва. Кремль. 6 июля 1925»* (Центральный государственный архив УР (ЦГА УР). Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 154. Л. 47).
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Д. 2180. Л. 568.
- ⁵ Вятская речь. 1916. 9 ноября.
- ⁶ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 45.
- ⁷ Гаревская Е. Охота за смыслами // Культура. 2009. 8–14 октября.
- ⁸ Смирнов И.П. Бытие и творчество. Марбург, 1990. С. 52.
- ⁹ Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Под тенью Зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Т. 1. Ижевск, 1997. С. 235.
- ¹⁰ James R. Harris. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca and London: Cornell University Press, 1999.
- ¹¹ В исследованиях этого рода нет внятно отрефлексированной единой понятийной и терминологической системы. Поэтому встречается множественность самоопределений направления. См.: Подлесных А.С. Геопозитика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2008. С. 8.
- ¹² Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры (Труды по знаковым системам. Т. XVIII. Вып. 664). Петербург; Тарту, 1984. С. 36.
- ¹³ Подробнее: Кобзев И.И. Деревенский Петербург. О сходстве несходного (Книга подготовлена к печати).

СВЯТО-МИХАЙЛОВСКИЙ СОБОР Г. ИЖЕВСКА: ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ*

А.Ю. Юрпалов (г. Ижевск)

Свято-Михайловский собор был главным сооружением Ижевска. Храм возводился в течение 1897–1907 гг. по решению собрания рабочих завода, постановивших отчислять на строительство храма по одной копейке с каждого заработанного рубля. За работой следил специальный строительный комитет из числа рабочих, духовенства и интеллигенции, возглавлявшийся полковни-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-80107a/У.

ком К. Соколовым. Спроектировал собор по просьбе строительного комитета талантливый зодчий – вятский губернский архитектор И.А. Чарушин.

Собор поражал современников величием и размерами. Он выдержан в «византийском» («русском») стиле и отчасти напоминал храм Василия Блаженного в Москве. Этот стиль характеризует белокаменная отделка на фоне узорной красной кирпичной кладки, многоугольность планировки. Серо-голубые шатры венчали золотые маковки с крестами. Лестницы были выложены белым мрамором, полы – оранжевой метлахской плитки. Стены украшали лепные медальоны. Высота Михайловского собора была около 70 метров, диаметр основания – 43 метра. Собор имел форму креста с 9 главами и 8 башнями, в 4 из которых находились 11 колоколов, общий вес которых составил 808 пудов. Главный из них весил более 2,5 тонн. Собор имел три придела и вмещал до полутора тысяч человек.

Территория собора и сам храм считались одним из излюбленных мест отдыха местных жителей. Здесь устраивались народные гулянья, катания с горок на санях и другие праздничные мероприятия.

Свято-Михайловский собор в культовом, в эстетическом, и градостроительном отношении имел непреходящее значение, символизируя покой и достаток ижевцев, в этом, очевидно, и была его проблема с точки зрения новой власти.

Судьба собора сложилась трагично. Эпоха революционных преобразований с настоятельной необходимостью требовала уничтожения символов прошлого¹.

В феврале-марте 1929 г. было проведено 70 собраний по всем профсоюзам Ижевска и основным цехам завода, а также 26 избирательным участкам. В связи с выборами депутатов Горсовета под ожесточенным давлением большевиков на собраниях заявлялось о «добровольном» отказе горожан от Михайловского собора и других храмов. В наказах депутатам требовалось приспособить эти здания под культурно-просветительские нужды.

Пропагандистская группа ЦК ВКП(б), изучив положение в г. Ижевске, 8 марта 1929 г. рекомендовала закрыть Михайловский собор и усилить деятельность Союза воинствующих безбожников в Вотской автономной области (далее – ВАО). Его председатель П.Д. Бумин являлся инициатором и организатором кампании по закрытию Михайловского собора и других храмов ВАО.

В соответствии с 69 «добровольными» наказами и под давлением партийных органов первый пленум Ижевского городского совета рабочих и красноармейских депутатов 14-го созыва принял постановление: «Идя навстречу ярко выраженному всеобщему желанию трудящихся Ижевска, расторгнуть договоры с религиозными общинами Михайловского, Александро-Невского соборов и Покровской церкви на аренду этих зданий...»².

Но были и те, кто встал на защиту памятников архитектуры...

В феврале 1929 г. ученый секретарь Научного общества по изучению Вотского края (далее – НОИВК)³, доктор Ф.В. Стрельцов совместно с заведующим Областным музеем М.И. Ильиным⁴ обратились с отношением в Главнауку, в котором говорилось: «...В виду выявившейся возможности разрушения одного из замечательных памятников искусства г. Ижевска Михайло-Архангельского собора, построенного в 1907 г., мы нижеподписавшиеся, на основании п. 7 постановления Президиума ВЦИКа о музейном строительстве от 20 августа 1928 г. и циркуляра Главнауки от 9-го ноября того же года за №50/001/7, опубликованного в № 9 «Известий ЦБК» за 1928 г., о представлении на утверждение СНК списка различных памятников, обращаемся к Главнауке взять на учет пока следующее:

1. Упомянутый выше Михайловский собор...

<...>

Мы бы не возражали, если бы Главнаука нашла нужным командировать специалиста для более детального изучения упомянутых памятников...»⁵.

Чтобы придать делу огласку Ф.В. Стрельцов опубликовал статью в газете «Ижевская правда» под названием: «Дело охраны памятников старины», в ней говорилось: «Дело использования указанных памятников во многих местах нашего Союза уже поставлено высоко. В Вотобласти к нему, за недостатком культурных работников, можно сказать, еще никто не приступал и только за последние дни выявившаяся угроза нарушения целостности одному из замечательных памятников архитектуры, скульптуры и иконописи, Михайловскому собору г. Ижевска, заставила местных краеведов приступить к проведению в жизнь постановления Президиума ВЦИК... Ими берутся через Главнауку на учет некоторые из памятников и приняты меры к их изучению, от населения же пока требуется не спешить с разрушением памятников, которыми и без того небогата наша Область и в частности г. Ижевск...»⁶.

Следующей попыткой было обращение в Центральное бюро краеведения 6 марта 1929 г. с той же просьбой – «...выслать в г. Ижевск в спешном порядке специалиста по охране памятников старины и искусства, согласовав этот вопрос с Главнаукой...»⁷.

Ответ последовал неутешительный. В уведомлении Главнауки от 13 марта 1929 г. говорилось, «Главнаука НКП не считает подлежащим приему на учет Михайло-Архангельский собор, 1907 г. в г. Ижевске, как не представляющий интереса ни по своей архитектуре, являющейся лишь подражанием старорусским формам, и по внутреннему убранству, совершенно ремесленного характера...»⁸. Копия данного уведомления была представлена в ВотОБОНО.

Реакция властей не заставила себя ждать. На страницах газеты «Ижевская правда» 26 марта 1929 г. было опубликовано постановление первого пленума Ижевского городского совета рабочих и красноармейских депутатов 14-го созыва,

в нем говорилось буквально следующее: «Пленум городского совета, идя на встречу ясно выраженному всеобщему желанию трудящихся Ижевска постановил:

Расторгнуть договоры с религиозными общинами Михайловского, Александровско-Невского соборов и Покровской церкви на аренду этих зданий.

Пленум решает использовать здание Михайловского собора под музей или рабочий университет...»⁹.

Судьба собора практически была решена, материалы на защитников архитектурного памятника незамедлительно были переданы в органы НКВД, где был сделан однозначный вывод об «антисоветской деятельности всего НОИВК и Ильина в частности».

В объяснении заведующему Областным отделом народного образования М.И. Ильин писал: «Конец отношения на имя Главнауки Наркомпроса, составленного врачом Стрельцовым от 29 февраля текущего 1929 г. и подписанное мною, оканчивается так: «Мы бы не возражали, если бы Главнаука нашла нужным командировать специалистов для более детального изучения 5-ти упомянутых памятников Проезд и суточные могут быть оплачены из средств церковных советов, которые так же, хотя и по другим мотивам, заинтересованы в сохранении последних в неприкосновенном виде».

Если смотреть на эти выражения с чисто формальной стороны, то я, как подписавший под ним, безусловно, виноват <...>.

До своей подписи, о его содержании (отношения. – А.Ю.) я ничего не знал. До отправки в Главнауку он (Стрельцов. – А.Ю.), будучи в Музее <...>, сказал мне, чтобы я пришел вечером к нему для составления отношения на предмет взятия Михайловского собора Главнаукой на учет. <...> Когда я пришел к нему, он сказал, что отношение уже написано и отпечатано, причем тут же показал его мне, я за неимением с собой очков, сам не мог прочитать, как следует, а поэтому попросил прочитать его самого¹⁰. Когда он прочитал, я будучи обрадованным, что моя дума о переводе Музея в Михайловский собор близка к цели <...>, совершенно упустив из внимания последнее предложение – подписал. <...> В этом моя грубая ошибка. <...> я и в мыслях не имел, что ученый секретарь Научного Общества (Стрельцов. – А.Ю.) позволит себе написать что-либо противозаконное, и тем более предпримет отправки его в Главнауку, зная, что его за это не погладят по головке.

Но, сознавая все это, я все-таки утверждаю, что дружбу с попами и церковными советами я не отстаиваю.

<...>

Но как бы то там ни было, все-таки поставив свою подпись на упомянутом выше отношении, сделал большой промах, и это тем досаднее для меня лично, что он совершен мною после стольких лет непрерывной и беспорочной службы.

Заведующий Музеем М. Ильин.

1929 г. апреля 27-го дня»¹¹.

На этом дело с защитой архитектурного памятника было прекращено, оно стало роковым для Ф.В. Стрельцова, М.И. Ильина и для НОИВК в целом. Ф.В. Стрельцов после заявления М.И. Ильина был полностью «разбит» и оказался под «колпаком» НКВД.

В июне 1929 г. М.И. Ильин вышел из состава членов НОИВК. Также был поставлен вопрос об исключении его из членов Ассоциации революционных писателей¹².

А в конце 1930 начале 1931 г. Научное Общество по изучению Вотского края прекратило свое существование¹³.

Но справедливости ради хочется заметить, что все-таки, дело, ради которого было сломано множество копий, имело свой результат, хоть и недолго.

В начале 1930 г. в области началась подготовка к празднованию 10-летнего юбилея ВАО. Кустарная выставка открылась 5 февраля 1931 г. в здании Александро-Невского собора, уже закрытого в то время для богослужения.

По решению делегатов X съезда Советов ВАО и постановлению Облисполкома юбилейная выставка со всеми экспонатами, оборудованием и даже здание собора были переданы Областному музею краеведения. После постановления Облисполкома о передаче здания Михайловского собора музею экспозиция юбилейной выставки перенесена в собор¹⁴. Сбылась мечта К.П. Герда и М.И. Ильина о новом, просторном здании для музея.

Но в апреле 1937 г. состоялось заседание Совнаркома УАССР. На котором путем опроса всех наркомов принято единогласное решение окончательно утвердить подготовленное неделей раньше постановление о сносе собора. Кирпич предписано использовать для строительства мединститута, метлахскую плитку – для отделки Дома Советов. Музею предписано выехать в 15-дневный срок. Научная, просветительская, собирательская деятельность музея была подорвана на долгие годы.

Уже к январю 1938 г. собор был разобран до основания¹⁵.

¹ Памятник рабства и Дворец труда // Ижевская правда. 1921. 1 мая.

² Достаточно ярко охарактеризовал подобные собрания Ф.В. Стрельцов в своем отношении на имя ОБЛКОМа ВКП(б) и Облисполкома ВАО: «...Из всех этих открытых выступлений и материалов, сданных в «Ижправду», мои доводы в защиту целостности архитектурных памятников, казалось, не давали оснований «Ижправде», в частности ее редактору Лившиц, делать каких-либо непозволительных выводов. Однако в заметке «Номер не прошел», помещенной 8 марта в №56 этой газеты, последняя, давая отчет о выборном собрании медиков, состоявшемся 6 марта, опубликовала ничем не оправдываемое, лживое сообщение: «Большие

дебаты вызвал вопрос об отобрании соборов. Находившийся среди избирателей доктор Стрельцов и до собрания и во время его агитировал за интересы попов». На самом же деле, доктор Стрельцов на этом собрании состоял членом Президиума и находился в силу этого на виду у всех, голосовал за отобрание Михайловского собора из общины верующих и внес только добавление к наказу, чтобы при этом собор оставался в неприкосновенном виде. Эта поправка несмотря на выступление четырех оппонентов, постаравшихся до неузнаваемости искосить доводы Стрельцова, большинством собрания была принята и внесена в наказ...». (Воткинский музей истории и культуры (Далее – ВМИК) Ед. хр. 3962).

³ См. подробнее: *Юрпалов А.Ю.* К истории Научного общества по изучению Вотского края // *Связующая нить этнокультуры*: сб.ст. / отв. ред. А.Е. Загребин. Ижевск, 2009. С. 239–252.

⁴ У М.И. Ильина была мечта перевести в собор фонды и экспозицию Областного краеведческого музея, заведующим которого он являлся, «... в виду положительной негодности здания, занимаемого в настоящее время...». (Рукописный фонд Научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН. Оп 2-Н. Д. 532. Л. 178).

⁵ ВМИК. Ед. хр. 3966.

⁶ ВМИК. Ед. хр. 3964.

⁷ ВМИК. Ед. хр. 3960.

⁸ ВМИК. Ед. хр. 3965.

⁹ Воля избирателей выполнена // *Ижевская правда*. 1929. 26 марта.

¹⁰ И видимо в подтверждение своих слов, чуть позже уже в другом своем заявлении на имя «Ижевского электроотдела» М.И. Ильин писал: «Для более нормального и планомерного ведения своих научно-исследовательских работ по языку, истории и фольклору удмуртов, а так же по составлению учебников в ударном порядке, в виду слабости своего зрения, мне необходим свет в 50 свечей. Заявляя об этом, прошу Электроотдел разрешить мне таковой свет, вместо разрешенных еще в прошлые годы 25 свечей...». (РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 532. Л. 76).

¹¹ РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 532. Л. 178–179 об.

¹² Там же. Л. 77.

¹³ РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 462 «а». Л. 71.

¹⁴ *Лебедева С.Х.* Г.Ф. Сидоров – директор Областного музея краеведения // *Музей и современность*: Сб.ст. / Отв. ред. Т.И. Останина. Ижевск, 2005. С. 105.

¹⁵ *Шуმიлов Е.Ф.* Репрессированный собор. К истории разрушения ижевского храма Михаила Архангела // *Удмуртия: массовые репрессии 1930 – 1950-х годов*. М., 1993. С. 15–18; *Его же*. Тайны Михайловского собора // *Свое дело*. 2004. № 2. С. 31.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОРОДА

СОВРЕМЕННАЯ УРБАНИЗАЦИЯ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Ю.В. Александров (г. Нефтекамск)

Одной из характерных черт периода активного социально-экономического развития СССР во 2-й половине XX в. было возникновение и быстрый рост новых городов. Как и в дореволюционный период, основной причиной их создания являлись освоение и переработка новых природных ресурсов и обустройство территории страны. Так, город Нефтекамск своим появлением на карте страны обязан Арланскому нефтяному месторождению, обнаруженному нефтеразведчиками в 1955 г. на северо-западе Башкирской АССР. Став в 1959 г. рабочим поселком первых нефтяников и строителей, Нефтекамск в 1963 г. был преобразован в город республиканского подчинения.

Развитие социальной сферы Нефтекамска в 1960–1980-е гг. было простым и противоречивым процессом. Несмотря на большие достижения, проблемы в этой области остались. Это относилось к здравоохранению, образованию, жилищному строительству, бытовому обслуживанию. При решении жилищного вопроса социальная инфраструктура новых микрорайонов не всегда соответствовала растущим потребностям горожан (нехватка детских садов, школ, магазинов, предприятий бытового обслуживания и т.д.). Весь комплекс городских проблем властям Нефтекамска необходимо было решать совместно с различными министерствами и ведомствами, чьи предприятия располагались на его территории. А этого в полной мере так и не удалось достичь.

Многоплановость градообразующей базы Нефтекамска помогла ему несколько сгладить те последствия кризиса, в котором оказалась страна в 1990-е годы. Городу, конечно, не удалось избежать тех негативных явлений, кото-

рые сопровождали переход к рыночным отношениям. Трудности, с которыми столкнулись предприятия города, сразу же отразились и на социальной сфере Нефтекамска, так как многие ее объекты (детские сады, медицинские учреждения, дома культуры) находились в ведомственном подчинении.

Современный этап развития Нефтекамска требует решения многих накопившихся проблем. Как и в других городах РФ, особенно остро стоят вопросы реформирования городского жилищно-коммунального хозяйства. Вообще, сфера управления городским хозяйством в стране оказалась в наименьшей степени затронута экономическими реформами при всем том, что города приобрели невиданную при социализме степень автономии в решении собственных вопросов. Весьма шаткое финансовое положение предприятий этой отрасли, износ оборудования, зданий и сооружений оставляют все меньше времени для раздумий. На всем протяжении 90-х гг. у руководства страны отсутствовала сколько-нибудь внятная общегосударственная политика по реформированию жилищно-коммунального комплекса. Создавалось впечатление, что федеральный центр, не знает, как подступиться к этой проблеме. К настоящему времени в этом отношении мало что изменилось. Дело идет к тому, что с планируемым переходом на 100 % оплату коммунальных услуг населением на плечи самих жителей ляжет не только квартплата и оплата коммунальных услуг, но и расходы на ремонт котельных, восстановление теплотрасс и т.д. А острота жилищной проблемы в наших городах лишь усугубляет и без того непростую ситуацию.

Таким образом, совокупность проблем, стоящих перед Нефтекамском, типична для большинства российских городов. От того, удастся ли их решить, во многом зависит дальнейшее развитие России (ее промышленный потенциал, положение населения), само ее существование, если рассматривать этот вопрос в геополитическом аспекте. А решения подобного рода являются более эффективными, будучи принятыми и, самое главное, осуществленными на местах. В демократическом, правовом государстве принцип разделения властей сочетается с принципом местного самоуправления. Оно призвано обеспечить самостоятельное решение населением через свои органы власти социально-экономических задач местного значения, а также владение, пользование и распоряжением муниципальной собственностью. Эффективность функционирования органов местного самоуправления, их реальная власть на местах основывается в первую очередь на финансовой самостоятельности. Только тогда можно говорить о подлинной самостоятельности и дееспособности местного самоуправления.

15 октября 1985 г. Совет Европы принял «Европейскую Хартию о местном самоуправлении». В документе очерчивались общие принципы формирования концепции местного самоуправления, регламентировался ад-

министративный контроль источников финансирования органов местного самоуправления.

В России 1 сентября 1995 г. вступил в силу подписанный Президентом РФ закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В законе были определены сферы компетенции местных органов власти, закреплён принцип невмешательства любых органов власти в деятельность органов местного самоуправления, предусмотрена выборность глав и представительных органов и т.д. Однако после вступления в силу закона выявился ряд проблем, связанных с использованием его положений. Так, нуждался в регламентации процесс перехода от системы назначения глав местного самоуправления к выборности, требовалась детальная проработка системы делегирования полномочий центра властям субъектов Федерации и местным органам власти. Противоречивость развития местного самоуправления подтверждает, например, такой факт. В сентябре 1997 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации», который был призван создать благоприятные условия для становления финансово самостоятельных муниципальных образований. Однако названный закон фактически не применялся, так как меньше чем через год (в июле 1998 г.) была принята первая часть Налогового кодекса Российской Федерации, который был разработан на иной концептуальной основе, вследствие чего произошло существенное сокращение собственной доходной базы местного самоуправления.

В связи с этим еще через год небольшая группа депутатов Государственной Думы (С.С. Митрохин, Л.В. Олейник, А.А. Поляков) подготовила проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации», по которому налог на недвижимость переходил бы из числа региональных в разряд местных налогов. Нефтекамский городской Совет депутатов 23-го созыва на 2-й 26 апреля 1999 г. однозначно высказался в поддержку этого проекта¹. Правда, в итоге изменения в налоговом законодательстве на федеральном уровне не были приняты.

Российские города, получившие максимум самостоятельности в середине 90-х гг., постепенно утрачивали свои позиции, теряя все больше средств из своих бюджетов. Изменение налогового законодательства, появление в доходных частях городских бюджетов новых, «проблемных», с точки зрения сбора налогов (налог с продаж и вмененный совокупный налог), вели к дальнейшему подрыву финансовых основ местного самоуправления. В результате к концу 90-х гг. муниципальные образования оказались в сложном финансовом положении.

Для нормального функционирования системы местного самоуправления средства местного бюджета, несомненно, имеют большое значение. В ст. 112 Конституции Республики Башкортостан закреплено право органов местного самоуправления самостоятельно принимать местные бюджеты. При этом эти же бюджеты несут основную часть расходов в социальной сфере. Финансирование образования, здравоохранения, обеспечение жильем, выплата детских пособий, пособий роженицам и другие социальные функции передаются с федерального уровня на республиканский и далее в ведение местных органов власти. В ст. 114 Конституции Республики Башкортостан говорится о том, что органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Та же идея заложена и в Федеральный Закон № 131 от 6 февраля 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: органы местного самоуправления могут выполнять не только возложенные на них задачи, но и брать на себя полномочия, переданные органами государственной власти местному самоуправлению. В случае передачи подобных полномочий на места целесообразно было бы поступать следующим образом: 1) эти полномочия в расходной части местного бюджета по их выполнению должны быть указаны как целевые; 2) в доходной части должны быть определены источники финансирования государственных полномочий.

Для полноценного функционирования органов местного самоуправления важна реализация принципа «достаточности», закрепленного, к примеру, в ст. 9 той же Европейской хартии о местном самоуправлении: финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны предоставленным им полномочиям. Для этого необходимо четко распределить полномочия между федеральными (республиканскими) органами государственной власти и органами местного самоуправления. При этом нужно учесть важность двух подходов при распределении полномочий: 1) предоставление органам местного самоуправления большей финансовой самостоятельности, что создает стимул для их экономического развития, расширения налогооблагаемой базы и ведет к формированию доходов местных бюджетов, которые не нуждаются в трансфертах; 2) единообразие в установлении разделенных ставок федеральных и республиканских налогов и сборов для зачисления их в местные бюджеты.

Финансовые проблемы органов местного самоуправления не ограничиваются общим недостатком финансовых ресурсов из-за вертикальной несбалансированности бюджетной системы. К этому ведут и принятие законов, снижающих доходы и увеличивающих расходы республиканских и местных бюджетов, слабая инициатива на местах, а также структурное несоответствие

муниципальных доходов и расходов. К примеру, пять основных статей затрат местных органов власти – транспорт, ЖКХ, образование, здравоохранение, социальная защита – составляют, как правило, более 80 % всех расходов муниципальных бюджетов. Так как безусловным приоритетом является социальная направленность бюджетной системы страны, а муниципальные бюджеты являются ее фундаментом, то задача соблюдения социальных гарантий становится невыполнимой без укрепления доходной части местных бюджетов.

Особенностью сегодняшнего развития муниципального хозяйства в стране является то, что оно практически не увязано с местным налогообложением. Вкладывая средства в развитие муниципальных предприятий, муниципалитеты увеличивают налогооблагаемую базу, прежде всего по федеральным налогам, которые по большей части к ним не возвращаются. Поэтому у местных властей, по сути, нет стимула для увеличения налогооблагаемой базы, как по косвенным, так и по прямым налогам. Для увеличения наполняемости местных бюджетов специалисты считают разумным перевести ряд прямых налогов в разряд местных, поступающих соответственно в местные же бюджеты.

В целом налоговый потенциал местных властей зависит не от количества местных налогов и сборов, а от их качества. Известно, что малый бизнес, предпринимательство в современной России процветает зачастую не от эффективной хозяйственной деятельности, а от умения найти «лазейки» в законодательстве для уклонения от уплаты налогов. В свое оправдание предприниматели селят на коррумпированность местного чиновничества, сливающегося в «экономическом экстазе» с различного рода проверяющими органами (пожарные, милиция, санитарные службы и т.д.).

Эффективность и рациональность местного налогообложения во многом зависят от создания современного налогового механизма на местах. В законодательстве должен быть предложен особый порядок местного налогообложения, начиная с установления и заканчивая процедурой сбора налогов. Все расходы местных бюджетов, не подпадающие под предметы ведения местного самоуправления, следует относить к государственным полномочиям, и их финансирование должно осуществляться из федерального или республиканского бюджетов².

Успешное функционирование органов местного самоуправления сегодня также во многом зависит от компетентности местных руководителей, умения эффективно работать в новых социально-экономических условиях. Большинство наших городов сегодня демонстрирует «здоровый» консерватизм в управлении, стремление к тому, чтобы у руководства стояли «хозяйственники». Вместе с тем «городская бюрократия», «демократически избранные мэры» далеко не те эффективные городские главы, что появились в западных странах на рубеже XIX–XX вв. Вслед за обретаемой экономической мощью,

города наследуют авторитаризм управленческих подходов советских времен, передают забвению ростки городских социальных движений и органов коллективного самоуправления. В этой связи остановимся на взаимоотношениях между региональной властью и руководителями городов в Башкортостане, где главы городских администраций утверждаются органами местного самоуправления по представлению президента республики, а не становятся таковыми по итогам выборов. Можно много дискутировать по этому поводу, видя уязвимость практики де-факто назначения мэров городов в том, что в этом случае решающей является политическая лояльность назначенца. С другой стороны, история современной России знает примеры конфликтных взаимоотношений между главами регионов и мэрами городов, в результате чего страдало, прежде всего, население того или иного региона. (Достаточно вспомнить кризис власти в Приморском крае в середине 90-х гг. как итог противостояния между губернатором и мэром Владивостока). Известны и прецеденты, когда, прикрываясь популистскими лозунгами, руководителями городов в ходе выборов становились и люди с криминальным прошлым. На федеральном уровне уже не первый год глав регионов утверждают местные парламента по представлению Президента РФ. Думается, что и на уровне городов определяющими должны стать деловые качества претендента на пост градоначальника, умение успешно решать сложные проблемы, а не его политический «окрас».

Российская урбанистика находится в начале нового этапа своего развития. В этих условиях важно выяснить, что же в российских городах было привнесено искусственно партийными воззрениями и идеологическими установками, а что генетически обусловлено развитием исторического процесса. Что нуждается в безусловном отрицании, а что должно послужить фундаментом дальнейшего развития городов. Внимания исследователей ждет тема влияния зарождающегося российского капитала на развитие городских процессов. В настоящее время администрации большинства крупнейших городов определяют успешность функционирования бизнеса на своей территории, однако есть примеры обратного влияния. К власти в ряде городов фактически пришли представители местного бизнеса, которые могут разрушить хрупкий баланс интересов города и деловой элиты. Тогда города рискуют оказаться во власти одной группы бизнесменов, в первую очередь обеспокоенных собственными интересами.

Облик многих наших городов постепенно меняется под воздействием социально-экономических трансформаций в России последних лет. Утрачивается значение ритуальных городских центров – широких улиц и площадей для демонстраций. У городов появляются новые духовные центры. Так, в современном Нефтекамске одной из достопримечательностей является отреставрированная Петропавловская церковь, где теперь проходят церковные службы. В городе

была построена также мечеть. Современными символами в российских городах становятся офисы банков, крупных фирм, компаний или их филиалов. Нечто подобное, пусть и не в таких масштабах, наблюдается и в Нефтекамске.

Налицо новые черты структурирования городского пространства. Пре-стижность, комфортность жилья определяют его рыночную стоимость. В свою очередь, можно все более уверенно говорить о зонировании проживания отдельных групп горожан по признакам «социально-статусной сегрегации» в крупных городах. Хотя говорить о том, что социальные проблемы населения российских городов становятся все более похожими на проблемы западных городов, было бы преждевременно. В числе российских особенностей следует назвать то, что семьи горожан в непростых условиях переходной экономики и отсутствия адекватной модели жилищной политики государства оптимизируют свое жизнеустройство посредством неформальной экономики, рационализации собственного быта, организации «совокупного жилья», включающего в себя кроме малогабаритной квартиры «второе жилье» за городом, гараж с местом хранения урожая.

Следует обратить также внимание на постепенное все более плотное вхождение России в мировое экономическое пространство, которое усилится после вступления в обозримом будущем нашей страны в ВТО. Интенсивные связи и контакты между бизнесменами разных стран приводят к нарастанию влияния глобальных тенденций на развитие российских городов. Влияние мировой экономики теперь испытывают на себе города, не только приближенные к границам страны, но и удаленные от них на тысячи километров. Наглядным подтверждением этого является мировой экономический кризис 2008–2009 гг. (эпицентром которого стали США), затронувший многие страны, в том числе и Россию. Он негативным образом отразился и на жизни городов нашей страны. Ко многим нерешенным внутренним проблемам добавился внешний негативный фон. Таким образом, требует более пристального внимания динамика развития «глобальных мировых городов» и влияние данного процесса на российскую национальную систему городов. Это всего лишь малая часть тем, требующих своего рассмотрения в рамках целого комплекса общественных наук. Очевидно, что интерес, прежде всего, отечественных исследователей к проблемам развития российских городов будет только нарастать.

¹ Архивный отдел администрации городского округа г. Нефтекамск. Ф. 49. Оп. 1. Д. 749. Л. 138–140.

² Хисамутдинов Х. Проблемы органов местного самоуправления и пути их решения // Ватандаш. 2002. С. 17–20.

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛИЗАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ СЕРЕДИНЫ X – НАЧАЛА XI В.

М.И. Жих (г. С.-Петербург)

В предшествующих работах нами был обоснован вывод, согласно которому значительное число древнерусских городов выросло не непосредственно из древних местных центров, а из опорных пунктов, создававшихся центральной киевской властью для борьбы с местными верхушками и их центрами в ходе так называемой «реформы Ольги» и в дальнейшем¹. Так начали свой путь Смоленск, Ярославль, Новгород и др. Впрочем, ряд городов (например, Ладога или Галич²) развился непосредственно из древних протогородов. Вероятно, в некоторых случаях опорные пункты центральной власти были размещены прямо на них. Эти новые города завершают процесс перестройки общества начавшийся еще в период господства протогородских центров и формируют прилегающую округу – *волость*. Формируется единство города и местных сельских территорий. В итоге этого процесса сформировался тот общественный организм, который древнерусские источники называют *волостью*, а Ю.Г. Алексеев, И.Я. Фроянов и ряд других современных специалистов, на наш взгляд, совершенно справедливо определяют как «город-государство»³. По мнению Ю.Г. Алексеева «древнерусский город представлял собой в сущности территориальную общину с чертами дофеодальной демократии. К числу таких черт относится прежде всего вечевое устройство города и «тянущей» к нему земли»⁴.

Вот в чем был главный итог деятельности княгини Ольги. Проведенная ею реформа оказала судьбоносное влияние на все последующее развитие древнерусского общества. Попадая под все большую власть Киева, старые славянские объединения распадаются, и общество переживает грандиозную перестройку. Развивающиеся из погостов Ольги города структурируют собственные волости. Так со страниц летописи исчезают на рубеже X–XI вв. *поляне, кривичи, словене* и вместо них появляются *кыяне, смоляне, новгородцы* и т.д.⁵ Но, по мере этой трансформации, происходившей на местах, по мере структурирования городских волостей сепаратистские настроения, подавленные на время Киевом переходят на новый виток, что в дальнейшем приведет к распаду Киевской Руси на отдельные «города-государства»⁶.

Местная знать потерпела сокрушительное поражение в борьбе с Киевом и уступила место людям, присланным из Киева, а ее центры уступили место построенным киевской властью городам. Так формировался административно-политический аппарат Древней Руси, из которого позднее вырастает древнерусское боярство.

Новгород тоже первоначально был создан Ольгой в качестве опорного пункта на севере Руси⁷ и противовеса местным политическим центрам, в первую очередь – Городищу. Вся вторая половина X и начало XI в. проходят под знаком их борьбы и соперничества, в результате которых Новгород утверждается в качестве столицы всей Северной Руси, отгесняя на задний план своих соперников. Вскоре Городище превращается в резиденцию новгородских князей, а Ладога – в пригород Новгорода, куда Волховская столица назначала посадников⁸. Другие протогородские центры региона также либо постепенно затухают, либо превращаются в «младшие города» новгородской волости. Что же обеспечило Новгороду такое возвышение и выдвижение его на первый план?

Очевидно, то, что он изначально создавался Ольгой в качестве центра Северной Руси и главной опорной базы Киева в регионе и выдвигался на смену главному местному политическому центру – Городищу. Первые признаки зависимости Северной Руси от Киева фиксируются с середины X в.⁹ Ольга, происходившая из этого региона¹⁰ своей поездкой и «устроительными мероприятиями» закрепила ее¹¹. Собственно, в этом и состоял, по-видимому, основной смысл ее деятельности здесь. В этой связи очень любопытно известие Константина Багрянородного, впервые упоминающего о Новгороде¹²: «Немогарда, в котором сидел Сфендослав (Святослав. – М.Ж.), сын Ингора (Игоря. – М.Ж.), архонта (правителя. – М.Ж.) Руси»¹³. Как видим, здесь уже закладывается традиция, согласно которой в Новгороде княжит старший сын и наследник киевского князя. Это говорит о том, что Новгород изначально создавался киевским правительством в качестве своего главного центра и опорного пункта на севере Руси¹⁴.

Быстрый рост и возвышение Новгорода были обеспечены тем, что Ольга превратила его в главный пункт сбора дани со всего Севера Руси, откуда она затем транспортировалась в Киев¹⁵. В.Л. Янин отмечает, что в результате мероприятий Ольги «податная территория Новгородского государства... была расширена не менее чем вдвое или втрое, что и создало необходимую материальную базу структурного преобразования Новгорода», выразившегося в преобразовании «рыхлого образования» в «городскую структуру»¹⁶ и создании Детинца¹⁷. Любопытно, что именно со второй половины X в. археологам известны в Новгороде специальные деревянные пломбы – «замки», которыми опечатывали мешки с собранной данью¹⁸, что свидетельствует о том, что уже в это время сбор дани со всего Севера Руси оказывался постепенно в руках местной общины¹⁹ и ее лидеров – бояр, что и предопределило стремительный подъем Новгорода во второй половине X – начале XI в.

По мере развития и укрепления Новгорода, по мере упадка конкурирующих с ним центров, по мере структурирования новгородской волости

(«города-государства») он из опорного пункта киевских князей на севере Руси превращается в главный центр сепаратизма в регионе²⁰.

Первые признаки структурирования новгородской городской вечевой общины проявляются в 970–980-х гг.²¹ В 970 г. к Святославу «придоша людье нугородьстии, просящее князя собе: «Аще не поидете к нам, то налезем собе»»²², иначе говоря, найдем себе князя, по всей видимости, вне рода Игоревичей²³. Даже, если этот летописный пассаж и носит на себе черты эпического повествования²⁴, то в целом он все равно верно передает возросшее значение Новгорода и его общины, стремящейся обрести собственного князя и тем самым ослабить свою зависимость от Киева, а в перспективе и ликвидировать ее вовсе²⁵. При этом любопытно, что старшие сыновья Святослава уклонились («отприся») от поездки в далекий северный город, получив соответственно Киев и Древлянскую землю²⁶ и туда поехал младший сын Святослава – «робичич» – Владимир. В дальнейшем именно он, опираясь на новгородскую общину, выиграл борьбу за власть у своего брата Ярополка и захватил Киев, а также завоевал Полоцк²⁷. Однако, «Владимир, став киевским князем, в силу обстоятельств должен был вести политику, отвечающую интересам полянской общины и, следовательно, ущемляющую подчиненные»²⁸ земли, в частности, разумеется, и Новгородскую. В городе был посажен в качестве правителя-посадника Добрыня – дядя («уй») Владимира²⁹, который некогда и посоветовал племяннику отправиться на княжение в Волховскую столицу.

Зависимость Новгорода от Киева при Владимире усилилась³⁰, что выразилось, сначала в распространении на город предпринятой в Киеве «языческой реформы»³¹, которая, по всей видимости, рассматривалась Киевской общиной в качестве действенного средства унификации религиозной жизни Киевской Руси и, как следствие, укрепления ее политического единства под властью Киева³², а затем и в насильственном крещении города «огнем и мечем»³³. Введение христианства, по замыслам киевского правительства, должно было гораздо более чем любая реформа язычества унифицировать религиозную жизнь Древней Руси и тем самым ослабить сепаратистские тенденции в формирующихся городах-государствах, проявившиеся к этому времени уже сполна³⁴. Однако, сдержать процесс формирования самостоятельных городов-государств и распад Киевской Руси не могло уже ничто.

Владимир сажает своих сыновей по всем основным городам Руси. Так в Новгороде князем³⁵ оказывается сначала Вышеслав, а затем и Ярослав³⁶, со временами которого есть основания связывать начало истории «вечевого Новгорода как *территориально-общинного образования* (курсив А.В. Петрова. – М.Ж.)»³⁷, то есть, фактически, рождение новгородской вечевой государственности³⁸. Но эта тема выходит уже за рамки нашей статьи.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что Новгород на рубеже X–XI вв. из опорного пункта киевской власти на берегах Волхова превратился в столицу всей Северной Руси, начавшую активную борьбу с Киевом за независимость своей формирующейся волости.

- ¹ Жих М.И. О некоторых аспектах «переноса» древнерусских городов // Новый взгляд. Лаборатория социальной истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Международный сборник работ молодых историков. Т. 1. Тамбов, 2007; *Его же*. К проблеме происхождения древнерусских городов // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научных конференций 2006–2007 годов / Сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2007; *Его же*. Проблема переноса древнерусского города и вопрос о возникновении городов-государств Киевской Руси // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: Ч. 1. М., 2008. С. 224–237.
- ² О развитии этого города непосредственно из «племенного центра» см.: Жих М.И. Летописная статья 6714 года Ипатьевской летописи и вопрос о возникновении Галича // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2009. № 4 (18). С. 50–56.
- ³ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- ⁴ Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 25.
- ⁵ Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 65–66.
- ⁶ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Указ. соч.
- ⁷ Раннее основание Новгорода киевскими князьями в качестве своего опорного пункта на севере Руси уже предполагал Б.А. Рыбаков (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 293, 309), но ученый связывал его основание с борьбой против экспансии варягов и считал крепостью-заставой, закрывающей им путь вглубь Восточной Европы, а создание его датировал более ранним временем, чем то, которое установлено археологами.
- ⁸ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт – Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000). С. 20, 204.
- ⁹ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 126. Ср.: Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: мате-

риалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / Отв. ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб., 2007. С. 210.

- ¹⁰ Причем, по всей видимости, она принадлежала к «знатному... роду... влияние которого распространялось на Новгород и Псков, то есть вообще на русский Северо-Запад» (*Королев А.С.* Загадки первых русских князей. М., 2002. С. 123). Не исключено, что ее брак с Игорем носил политических характер и был направлен на закрепление союзных отношений между севером и югом Руси. Вероятно, именно эти обстоятельства и привели к тому, что Ольга заметно выделялась среди «других жен Игоря, которые, в традициях того времени, конечно же, у него были» (*Там же*) и после его смерти возглавила страну (*Там же*. С. 147), а наследником власти Игоря стал именно *ее* сын.
- ¹¹ До середины X в. нет достаточных оснований говорить о зависимости Северной Руси от Киева. Любопытно, что она не была охвачена даже полюдьем (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 317 (карта полюдья); *Янин В.Л.* Княгиня Ольга и проблема становления Новгорода // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 128).
- ¹² Версия о том, что под именем «Немогарда» здесь следует понимать не Новгород, а какой-либо другой город в Северной Руси, например, Ладогу – «Невогород» («город на озере Нево (Ладожском. – *М.Ж.*»)) (*Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля в VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 55) лишена оснований. Во-первых, ни в каких древнерусских источниках Ладога не называется «Невогородом». Само существование подобного названия является, таким образом, сугубо гипотетическим. Во-вторых, никогда впоследствии князья-Рюриковичи не имели особого «стола» в Ладоге, которая всегда считалась частью новгородской волости, где, соответственно, правил новгородский князь. В-третьих, по всей видимости, такая иерархия политических центров Северной Руси стала складываться еще в предшествующие времена – уже при Рюрике и Олеге Вещем, «столицей» которых было, по всей видимости, именно Городище (*Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 147–209; *Его же*. К вопросу о социальной типологии древнерусских городов (Ладога – «Рюриково городище» – Новгород) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Тезисы докладов Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня Рождения М.И. Артамонова. СПб., 1998; *Янин В.Л.* О начале Новгорода... С. 208–210), по отношению к которому, таким образом, Ладога занимала подчиненное положение. Новгород унаследовал столичные функции своего предшественника. В т.ч. и его «старейшинство» относительно Ладоги.
- ¹³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 45.

- ¹⁴ При этом любопытно, что Константин Багрянородный ничего не говорит о гибели Игоря. Хотя, заключить из этого единичного упоминания того, что ему о ней *еще* неизвестно (и, следовательно, этот фрагмент написан еще при жизни Игоря и отражает ту ситуацию, которая существовала еще при его правлении) было бы, как нам кажется, излишне смело. Император мог просто не упомянуть об этом факте, или просто не знать о нем. Хотя, если даже допустить, что этот пассаж отражает ситуацию, сложившуюся еще при жизни Игоря, это никак не противоречит нашей гипотезе, так как централизаторская политика Киева, которую мы связываем с «реформой Ольги» вполне могла начаться и при Игоре. Вполне возможно и то, что уже при нем был создан и новый центр политической власти на севере Руси. Деятельность Ольги закрепляла и развивала достигнутые прежде результаты. Катализатором ее повышенной активности в этом направлении стало восстание древлян, ярко продемонстрировавшее все слабые стороны существующего политического устройства Киевской Руси и поставившее под сомнение само ее существование как единого целого.
- ¹⁵ Ср. слова Константина Багрянородного о «моноксилах из Немогарда»: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45.
- ¹⁶ Янин В.Л. Княгиня Ольга... С. 129. См. также: Янин В.Л. О начале Новгорода... С. 211.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31–65; *Его же*. О начале Новгорода... С. 209–210.
- ¹⁹ Точнее – ее структурных подразделений – концов.
- ²⁰ Точно такой же была судьба и остальных созданных Киевом в землях восточнославянских этнополитических объединений опорных пунктов. По мере их роста и развития, по мере упадка тех центров в противовес которым они создавались, по мере складывания их городских общин и структурирования городских *волостей* вокруг них все они начинают проявлять сепаратистские тенденции, которые в итоге погубят единство Киевской Руси и приведут к ее распаду на отдельные города-государства.
- ²¹ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород... С. 130–137.
- ²² Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под реакцией В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. / Подготовка издания и дополнения М.Б. Свердлова. СПб., 2007 (далее – ПВЛ). С. 33.
- ²³ Ср.: Скрынников Р.Г. Русь. IX–XVII вв. СПб., 1999. С. 48.
- ²⁴ Пархоменко В.А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки Ленинградского университета. Серия исторических наук. 1941. Вып. 8. С. 206.
- ²⁵ Ср.: Фроянов И.Я. Мятежный Новгород... С. 131.

- ²⁶ ПВЛ. С. 33.
- ²⁷ ПВЛ. С. 36-37. См. об этих событиях: *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 132–137.
- ²⁸ *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 137.
- ²⁹ ПВЛ. С. 37. Прямо Добрыня не назван «посадником», но из того, что в период киевского княжения Ярополка город управлялся именно посадниками (*Там же.* С. 36), можно сделать вывод, что и Добрыня, управлявший городом в период киевского княжения Владимира (по крайней мере, на первом его этапе – до того, как Владимир стал сажать в Новгород своих сыновей) был именно посадником.
- ³⁰ Парадокс в том, что Новгород, не раз завоевывавший Киев все время оказывался в зависимости от последнего.
- ³¹ ПВЛ. С. 37.
- ³² *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 137–143; *Его же.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 83–84; *Его же.* Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 72–75.
- ³³ *Янин В.Л.* День десятого века // Знание – сила. 1989. № 3; *Его же.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород...; *Его же.* О начале Новгорода... С. 211; *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 255–276; *Фроянов И.Я.* Начало христианства... С. 94–98.
- ³⁴ *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 143; *Его же.* Древняя Русь. Опыт исследования... С. 84 и сл.; *Его же.* Начало христианства... С. 75 и сл.
- ³⁵ А точнее – посадником – наместником Киева и его князя. Для этого времени князья, сажаемые в Новгород из Киева фактически и были его посадниками. Нам неизвестно для времени до 80-х гг. XI в. того, чтобы князь управлял Новгородом одновременно с посадником (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 47–62).
- ³⁶ ПВЛ. С. 54.
- ³⁷ *Петров А.В.* К обсуждению проблем истории вечевого Новгорода // *Ros-sica antiqua: Исследования и материалы.* 2006 / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб, 2006. С. 262.
- ³⁸ *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 63–108; *Его же.* Новгородские усьобицы: Возникновение и разрешение общественных конфликтов в вечевом городе (к изучению древнерусского народоправства). Автореф. дис. ...докт. ист. наук. СПб., 2004. С. 18–26.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ ЛЮДИ

А.В. Скобелев (г. Ижевск)

Людые древнерусских источников в контексте городской жизни Киевской Руси фигурируют гораздо чаще, чем сельской. Это понятно – внимание летописца всегда было сосредоточено на событиях, происходящих в древнерусском городе. Потому абсолютное большинство известий о жизнедеятельности *людей*, так или иначе, можно отнести к явлениям городского быта.

Многочисленные свидетельства письменных источников Киевской эпохи вполне позволяют сделать заключение о том, что *люди* являлись основным элементом городского населения, на что неоднократно указывали уже историки¹. Таким образом, при изучении социального состава древнерусских городов для исследователей на первый план выходит проблема аттестации социальной сущности *людей*.

В дореволюционной и советской историографии была довольно сильна традиция отождествления *людей* с рядовым свободным населением как сел, так и городов. Этой точки зрения придерживалось абсолютное большинство исследователей². Она обладает довольно большой инерционной силой и превалюирует с различными оттенками и в настоящее время³.

Этот взгляд базируется на известных отрывках письменных источников, где слово *люди* обозначает слой рядового мирского населения древнерусского города («вставше людые избиша епископы и попы, и бояры своя»⁴, «и великий князь наш Игорь, и князи и боляри его, и людые вси рустиии послаша ны»⁵ и др.).

Есть, однако, некоторые основания для пересмотра устоявшейся историографической традиции. Еще В.Т. Пашуто предлагал при каждом упоминании слова «люди» делать специальный источниковедческий анализ⁶. Очевидно, что термин «люди» употреблялся и по отношению к знати. В первую очередь это касается тех случаев, когда выделить стоящие за ним различные слои не представляется возможным: «новгородцы ти суть людые»⁷, «людые Киевские»⁸, «и обрадовашася людые въ граде»⁹ и др.

Объем упоминаний о *людях* можно пополнить, добавив к ним словоупотребления таких терминов как «граждане» / «горожане», «кияне», «новгородцы», «полочане» и др. Как и термин «люди» обозначенные слова могли отражать как рядовое население города, так и знать. Например, в 1095 г. пошли новгородцы просить себе князя: «Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича»¹⁰. Трудно представить в качестве «просителей» представителей рядового населения Новгорода. И потому

здесь, скорее всего, речь идет о представителях знати. Есть масса и других подобных примеров¹¹.

Существуют и более четкие указания в источниках, когда видна связь *бояр*, как представителей знати, и *людей*. Так, в «Слове о законе и благодати» Илариона есть такой отрывок: «заповедавъ по всеи земли крѣститься... и всемъ быти христианомъ малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, бояромъ и простымъ, богатымъ и убогимъ»¹². Это важное сообщение позволяет нам «вычислить» *боярина*. Другими словами, *боярин* есть не «простой» *людин*. То же самое можно сказать на основании другого эпизода. Под 1093 г. в Повести временных лет описывается погребение киевского князя Всеволода Ярославича: «собрашеся епископи, и игумени, и черноризци, и попове, и боляре, и прости людье, и взямше тело его со обычными пес[ня]ми, положиша его въ святей Софѣи»¹³. Киево-Печерский патерик в Слове об Иоанне и Сергии говорит об этих главных героях сначала как о *мужах* «от великих», через некоторое время об одном из них отзывается уже как о «Иоанне болярине»¹⁴. На основании приведенных примеров можно заключить понятие «люди» включает в себя и *бояр*.

О *людине* как о представителе знати можно говорить, если его сопровождают качественные характеристики, такие как *свой*, *лучший*, *нарочитый*¹⁵.

Таким образом, во многих случаях можно говорить о *людях* не только как о рядовом населении городов, но и как о представителях знати.

Не секрет, что важнейшей характерной чертой *людей*, как социальной категории, является связь с общиной, о чем свидетельствует как этимология самого слова¹⁶, так и позднейшие письменные памятники, например, Русская Правда¹⁷. Не вызывает сомнений и название этой общины – *вервь*.

Вопрос о *верви* – один из давних вопросов исторической науки и относится к разряду наиболее сложных¹⁸. Больше всего копий исследователей сломано над определением характера внутренних связей *верви*. Наиболее предпочтительна, на наш взгляд, точка зрения на *вервь* Киевской Руси как на кровнородственную организацию *людей* – свободных общинников¹⁹.

Несомненна связь *верви*, равно как и *людей*, с землей. *Вервь* занимала пространную территорию. Это непосредственно вытекает из слов: «виревную платити, в чѣи верви голова лежить»²⁰. По тонкому замечанию И.Я. Фроянова, такая обобщенная формула могла быть пущена при общей собственности членов *верви* на землю. Потому нужно признать за *вервью* существование не только родственных, но и поземельных отношений. Не будем далеки от истины, если землю, закрепленную за *вервью*, назовем «*отчиной*» / «*вотчиной*», «*дединой*». Ее вполне можно сравнить с югославянской «племенщиной». На их типологическую близость неоднократно обращали некоторые ученые²¹.

Более крупной, составной единицей был *мир* – совокупность *вервей*, где уже господствовали соседские отношения (главным образом, между *вервями*)²².

Древнерусский город Киевской эпохи также представлял собой соседскую общину, своего рода укрупненный «огороженный» *мир*, т.е. совокупность кровнородственных общин – *вервей*²³. Однако, городская община отличалась тем, что *верви*, входящие в нее имели более высокий статус (равно как их члены). Об этом можно судить на основании Церковного Устава Ярослава. Например, за бестактное поведение по отношению к женам селян платился штраф в 1 гривну серебром, тогда как за оскорбление горожанина полагалась санкция в 3 гривны серебром²⁴. Хотя этот документ относится к более позднему времени, думается, он отражал все же реальные связи между *людьми* и более раннего периода.

Верви занимали разное положение друг относительно друга и в самом городе. Причин тому было много. Во-первых, естественно, сказывался авторитет старшинства. Во-вторых, социальный статус зависел от ресурсов (материальных, социальных и др.) отдельно взятого кровнородственного коллектива.

Стоящие на верхней ступени городской иерархии родственные коллективы (*верви*) относились к знати и именовались как *нарочитые люди*, *лучшие люди* и т.п. Именно в их среде происходила ротация должностей в любой городской общине, так как изучение политических карьер представителей ряда должностных лиц домонгольской Руси позволяет сделать вывод о том, что случайным людям должности *воеводы*, *тысяцкого* достаться не могли²⁵. Однако, можно говорить о принципиальном сходстве социальных организаций знати и «*простых людей*». Отношения между различного ранга *вервями* строились на основе авторитета, подчинения младших старшим.

Различия заключались в том, что родственные коллективы знати изначально находясь на более высокой ступени иерархии, объединяли в себе гораздо больше членов в количественном отношении. Но не все члены знатных *вервей* являлись родственниками по «крови». Значительная часть представителей такого коллектива была неполноправна. К таковым нужно относить категории, которые привычно называют зависимыми: *закупов*, *холопов*, *челядь* и др., не являющихся кровными родственниками, а оказавшиеся в *верви* знати в силу различных обстоятельств (плена, самопродажи и т.д.).

С течением времени количественные показатели в таких *вервях* неизменно перерастали в качественные. Такого типа *верви* выступали локомотивом новых отношений, основанных на иных (чем родственные) связях. Именно, внутри знатных *вервей* постепенно стали закрадываться клиентские отношения. Отражением названного процесса является и появление новых терминов для обозначения этих категорий населения (*закупы*, *рядовичи*). В летописях и в некоторых других источниках чаще всего их можно

обнаружить, например, под словом «чадь»²⁶. Это объясняется тем, что социальная терминология облекалась в социовозрастные одежды, поскольку восточнославянское общество еще существовало в условиях господства кровнородственных отношений.

Такое положение дел нашло свое отражение в топографическом материале. Одним из наиболее изученных городских поселений в археологическом отношении, является Новгород. Потому обратимся к его материалам.

Принципиальное значение для нас имеет в данном случае вопрос о происхождении Новгорода, поскольку исследователь «должен, прежде всего, определить характер его поселенческой основы, а пытаюсь постичь социальную сущность, – дать четкое представление об основных закономерностях сложения градообразующих структур»²⁷.

Образованию Новгорода, согласно исследованию В.Л. Янина и М.Х. Алешковского, предшествовали «три ядра, три изначальных поселка, политическое объединение которых на определенном этапе сменилось их физическим слиянием. По мере своего роста Новгород не распадался на концы, а образовывался из этих концов»²⁸. Подобные мысли высказали и другие исследователи²⁹. Концы определенно носили общинный характер³⁰. Эти концы – общины, по мнению В.Л. Янина строились на корпоративной общности «боярских патронимий в пределах поселка»³¹. Каждый крупный боярский род, как утверждает В.Л. Янин, «владел не одной городской усадьбой, а целым комплексом дворов, составляющих значительную часть кончанской территории»³².

Пытаясь вскрыть причины формирования этого комплекса усадеб, автор намечал два основных направления. Во-первых, «боярская семья могла расширять свое городское землевладение, постепенно прикупая новые дворы по мере расширения семьи и ее богатств». Во-вторых, «она могла и владеть обширным участком кончанской территории, многими усадьбами, часть которых была заселена зависимыми от нее людьми, и только по мере необходимости осваивать эти усадьбы для личных нужд членов семьи, когда ее состав увеличивался»³³. Сам же исследователь отдавал предпочтение второму пути генезиса усадьбы, признавая недостаток аргументированности первого³⁴. Другими словами, *боярская патронимия* (по терминологии В.Л. Янина) с самого начала владела усадьбой и землей по праву первопоселения. Затем совокупность поселков образовывало конец, который и был объединением *боярских патронимий*. Другими словами, *вервей знатных людей / мужей*.

Новгород и состоял из этих усадеб – «основных структурных ячеек», по образному выражению В.Л. Янина. Размеры их были различны, что отражало различный социальный статус *вервей*, но в целом, можно говорить об их однотипности³⁵. Дифференциация городских усадеб на два³⁶ или на три типа³⁷ говорит о делении новгородского населения соответственно на две или три

группы в социальной структуре *людей*. Полученные выводы вполне применимы и к другим древнерусским городам³⁸.

Каждая *вервь*, как уже говорилось выше, независимо от статуса обладала на коллективных началах определенным земельным массивом – *вотчиной*. Потому *людей*, как составляющих отдельную *вервь*, так и в значительной части население города Киевской Руси, можно аттестовать как земледельцев / землеладельцев, вопреки распространенному взгляду на *людей*, как на торгово-ремесленное население³⁹. Показателем этого факта является и аграрный характер городов⁴⁰. Именно связь с землей позволяла *людину* иметь высокий социальный статус (штраф за жизнь оценивался в 40 гривен), в отличие, например, от ремесленника, штрафные санкции за жизнь которого составляли 12 гривен.

Таким образом, за понятием «люди» эпохи Киевской Руси стояло не только рядовое население, но и знать. Социальная организация и тех и других в целом тождественна, и представляла собой общину, построенную на кровнородственных началах – *вервь*. *Вервь* как коллективный собственник владела определенными земельными участками. Совокупность соподчиненных *вервей* образовывала городскую общину. *Людей*, составлявших основное население городской общины, можно охарактеризовать как *земледельцев / землеладельцев*.

¹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI–XIII вв. М., 1955. С. 66–67; Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси: XI–XIII вв. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 105.

² См., напр.: Ключевский В.О. История сословий в России: Полный курс лекций. Мн., 2004. С. 41; Дьяконов М.А. Очерки общественного государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 70; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 142; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 121 и др.

³ См., напр.: Даркевич В.П. Указ. соч. С. 105; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 38; Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 129 и др.

⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М., 2001. Стб. 151.

⁵ Там же. Стб. 47.

⁶ Пауто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 12.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

⁸ Там же. Стб. 50.

- ⁹ Там же. Стб. 60.
- ¹⁰ Там же. Стб. 230.
- ¹¹ Там же. Стб. 140–141, 142, 146, 229 и др.
- ¹² Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1. СПб., 2004. С. 44.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217.
- ¹⁴ БЛДР. СПб., 2004. Т. 4. С. 312.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55, 121, 126, 128, 140 и др.
- ¹⁶ Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *selovekь* ‘человек’ // Этимология, 1973. М., 1975. С. 18.
- ¹⁷ Российское законодательство. X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 48, 64–65.
- ¹⁸ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 87; Мавродин В.В. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). 1946. С. 108, 111; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 2006. С. 647 – 661; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 31; Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 147–158 и др.
- ¹⁹ Данилова Л.В. Указ. соч. С. 147–158; Васильев С.В. Свободные общинники по восточнославянским и южнославянским памятникам права. Автореф. дисс. ...канд. истор. наук. СПб., 2003. С. 21.
- ²⁰ Российское законодательство... С. 48.
- ²¹ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 655.
- ²² Данилова Л.В. Указ. соч. С. 156–158.
- ²³ Там же. С. 156–159.
- ²⁴ Российское законодательство... С. 169.
- ²⁵ Рукавишников А.В. Древнерусская знать домонгольского периода. Историко-терминологическое исследование. Автореф. дисс. ...канд. истор. наук. М., 2004. С. 90.
- ²⁶ Именно этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие терминов в летописи «закуп», «рядович».
- ²⁷ Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 142.
- ²⁸ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 41–56.
- ²⁹ Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город М. 1976 С. 30; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 228.
- ³⁰ Фадеев Л.А. Указ. соч. С. 26–30.
- ³¹ Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 114.
- ³² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 26.
- ³³ Там же. С. 28.
- ³⁴ Там же. С. 29.

- ³⁵ Ю.Г. Алексеев говорил не о боярских поселках-патронимиях, а об общинах, носивших демократический характер (*Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины). Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 270–272).* Не видим здесь принципиальной разницы.
- ³⁶ *Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет... С. 72.*
- ³⁷ *Петров М.И., Сорокин А.Н. О размерах усадеб Древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. 1997. Вып. 11. С. 54.*
- ³⁸ *Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 227–232; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 30.*
- ³⁹ *Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 142; Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 379; Даркевич В.П. Указ. соч. С. 105.*
- ⁴⁰ *Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 220–231; Толочко П.П. Указ. соч. С. 81.*

«ПРОСТОРЕЧИИ ИМЕНУЕТСЯ ВЯТКОЮ» (К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАЗВАНИИ ГОРОДА КИРОВА)

А.А. Мусихин (г. Нижний Новгород)

В связи с вопросом переименования города Кирова стоит вопрос о его первоначальном названии – Вятка или Хлынов. Одним из основных путей его решения является накопление фактического материала. В данной статье рассматривается случай совместного употребления обоих названий.

В «Звании города (Вятки. – *А.М.*) и географическом оному описании», составленном в 1782 г., когда город уже официально носил имя Вятка (с 1780 г.), и повторенном без изменений в 1784 г., вятский автор писал: «Город Хлынов главной учрежденнаго наместничества Вятского в просторечии именуется по реке Вятке, ...почему и область, принадлежащая к сему городу, называется Вятским наместничеством»¹. Во время написания «Звания города» такая фраза уже являлась анахронизмом и, скорее всего, была заимствована из более раннего источника. Я высказал предположение, что таким источником могло послужить «Географическое методическое описание Российской Империи» (1776) Х.А. Чеботарева², в котором о Хлынове читается: «По просторечию

сей город называется Вяткою по реке Вятке и Вотякам, около нея живущим»³. Описывая р. Вятку, Чеботарев писал: «Вятка, от которой Вятская провинция получила свое название»⁴. Однако источником могла быть и другая книга, которую использовал Чеботарев – «Географический лексикон» (1773) Ф.А. Полунина⁵. Г.Ф. Миллер предупреждал в предисловии к нему, что «некто ...пользовался сим Словарем по печатным листам, еще прежде окончания онаго»⁶. Сам же Чеботарев не скрывал этого: «...получил я другую весьма выгодную помощь от хорошего моего приятеля, ...который ...сообщил мне отпечатанные листы издававшегося тогда его иждивением Российского географического словаря, сочиненного г. коллежским асессором и верейским воеводою Федором Афанасьевичем Полуниным»⁷. Действительно, в словаре Полунина в статье о Хлынове сообщается: «В просторечии именуется по реке Вяткою, по чему слывет и Вятская провинция. ...Имя Вятка есть от живущих по сей реке Вотяков, которые и город и реку так называют»⁸. А в статье о р. Вятке несколько парадоксально и неуклюже написано: «Вятка река. ...На ней город Провинциальной тогоже имени, а собственно Хлынов, от коего и называется Вятская провинция». И ниже еще раз напоминает: «От Москвы до Хлынова, или до Вятки, по почтовой дороге...»⁹

Но и Лексикон Полунина нельзя считать первоисточником данной фразы. С.С. Илизаров отмечает, что большая работа над словарем была проведена Г.Ф. Миллером. «Это прежде всего общая его редакция, а также переработка и создание заново большинства статей»¹⁰. Статья о Хлынове не стала исключением. Для ее написания Миллер, скорее всего, использовал свою раннюю работу «Описание трех языческих народов в Казанской губернии» (1756)¹¹, материалы для которой были собраны и записаны им в пределах Казанской губернии во время академической Второй Камчатской экспедиции в 1733 г.¹² В ней он отмечал, что «многие города несходственными именами называются наипаче у чуваш», и приводил примеры, как то: «Город Хлынов называется у них особым именем, а именно Вятка, по которому имени прозвана и вся провинция»¹³.

Словарь Ф.А. Полунина в свою очередь послужил основой для последующих российских географических словарей. В 1788–1789 гг. был опубликован «Новый и полный географический словарь Российского государства», автором которого, предположительно, является Л.М. Максимович¹⁴. Несмотря на некоторые изменения и дополнения фраза о «просторечии» осталась: «Вятка, губернский город наместничества сего имени, прежде бывший Хлынов, а в просторечии Вятка, по тому что он лежит на реке Вятке»¹⁵. Почти то же самое видим и в следующем «Географическом словаре» А.М. Щекатова 1801–1809 гг.¹⁶: «Вятка, с 1781 года главной город Вятской губернии, прежде бывший Хлынов, а в просторечии Вятка»¹⁷. В этом словаре

наблюдается некоторая инерция мышления автора, когда он, описывая р. Вятку, называет главный вятский город Хлыновым, а следом, как бы вспомнив его новое название, поясняет: «что ныне губернской город Вятка». Далее, не желая расставаться со старым названием, и, поясняя читателям, он упоминает «нынешний город Вятку (Хлынов)», а затем снова «город Хлынов, что ныне Вяткой именуется», и опять «во 180 верстах от (Хлынова) Вятки»¹⁸. Но наиболее сильно инерция мышления проявляется спустя целых 30 лет после переименования города в книге Е.Ф. Зябловского «Землеописание Российской империи» (1810), где он в объемном параграфе о Вятской губернии постоянно путает Вятку и Хлынов¹⁹. Причем, иногда оба топонима находятся в соседних предложениях, так что даже можно подумать, будто речь идет о двух разных городах. «Просторечие» здесь уже отсутствует, однако автор о г. Вятке напоминает: «Имя сему городу есть еще Хлынов»²⁰.

Попала данная фраза и в западноевропейскую литературу. В 1782 г. во Франции вышла книга преподававшего в 1773–1780 гг. в Петербургском Сухопутном шляхетном корпусе историка П.К. Левека «История России», законченная им в 1780 г. В ней он писал: «*Khlynof, qu'on appelle vulgairement Viatka, est le chef-lieu de la province de Viatka*»²¹. В 1780 г. данная информация соответствовала действительности, однако в 1782 г. город уже официально был переименован в Вятку, а провинция преобразована в наместничество. Книга была очень популярна и переиздавалась на французском языке в 1783, 1800 и 1812 гг., четыре раза на итальянском. Но в 1796 г. преподававший в Московском университете И.А. Гейм издал в Германии «Энциклопедию Российской империи», в которой без всяких упоминаний о «просторечии» абсолютно точно писал: «*Wátka, die Hauptstadt der Wátkischen Statthalterschaft, ehemahls Chlúnów genannt, an der Wátka*»²².

Конечно, нельзя думать, что повседневное просторечное название города Хлынова Вяткой в XVIII в. – это открытие или изобретение Г.Ф. Миллера. Кроме того, он, вероятно, неверно понял своего информатора, приписав данное свойство только чувашам, а в «Лексиконе» Полунина исправивший последних на вотяков. Очень полезны и показательны в этом отношении сведения проезжавших через город путешественников. В 1719 г. направлявшийся в Китай Дж. Белл записал: «*We came to a small town called Klinof, or more commonly Viatka, from the river of that name running near it*»²³. Посол в Китай граф С.Л. Владиславич-Рaguзинский в журнале 8 января 1726 г. отмечал: «От Котельничья лесом до села Гостева 8 верст... От Орлова полями 7 верст. Лесом ретким до города Хлынова, он же называется Вятка, 50 верст»²⁴. 14 марта 1740 г. участник академической экспедиции в г. Березов Т. Кенигсфельд в своем дневнике писал: «*Le 14, ils arriverent a Clinow ou Wiatska, Capitale de la Province qu'ils traversoient*»²⁵. Аббат Ж. Шапп д'Отерош по пути в Сибирь

зимой 1761 г. записал: «On the 25th, at three in the afternoon, I came to Chlinow or Wiatka, a small town on a river of the same name, where I stopped only while my sledges were mending»²⁶.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о следующем. На протяжении практически всего XVIII в. использовались оба названия города: *Хлынов* – как официальное название до 1780 г. и позднее по инерции мышления, даже в XIX в.; *Вятка* – как простонародное название и, иногда, как официальное²⁷.

Второе название большинство авторов производит от названия реки. То же можно сказать и о названии области. Мнение о первоначальности названия реки имеет давнюю традицию. Академик Д.С. Лихачев отмечал: «Определение страны по протекающей в ней реке чрезвычайно характерно для летописного изложения»²⁸. Большинство иностранцев, начиная с С. Герберштейна, писавших о Вятке в XVI–XVIII вв., считало, что название области происходит от названия реки²⁹. Ф. Тьеполо (1560) и П. Петрей (1615) прибавляют к этому и название города, Тьеполо: «Вятка с ее городом, того же имени, называется так по реке, пересекающей ее»³⁰; Петрей: «По этой области текут две большие реки: одна называется Вятка, от которой страна и город получили свое имя»³¹. Правда Петрей тут же называет и город Хлынов. О первоначальности названия реки в начале XVIII в. высказывался и автор «Повести о стране Вятской»: «Иже ныне нарицается Никулицыно по реке Никуличанке»; «От Кокшарова городка названом по реке Кокшаре»; «Град устроиша и нарекоша его Хлынов град речки ради Хлыновицы»³². То же самое он считал и в отношении названия жителей Вятской страны: «И прозвашася Вятчане реки ради Вятки»³³.

В то же время некоторые исследователи отмечают, что со второй половины XI в. исторические земли Древней Руси и их жители стали именоваться по названиям стольных городов, политико-административных центров данных территорий. «Это явление характерно для этапа сложения феодальной государственности и классового общества»³⁴. Если главный вятский город назывался Хлыновым, в последнем утверждении наблюдается явное противоречие – тогда и область должна была называться Хлыновской, а все ее жители хлыновцами или хлыновчанами. Но именно это противоречие позволяет понять многовековую путаницу в названии города. Область действительно называлась Вяткой по реке, по реке же ее жители назывались вятчанами. В свою очередь и город Хлынов назвали по реке, но по другой. Когда же административно-территориальное объединение Вятка и вятчане стали известны на Руси и в других странах, там эти названия могли связать уже не с рекой, а с названием главного города, то есть перенесли на него название Вятка. Таким образом, прав, вероятно, В.А. Любимов, когда написал: «Вятка – если “смотреть” извне, из Московии (России); если же “смотреть”

изнутри, с Вятки (Вятской земли), – Вятка-город обращается в Хлынов»³⁵. Но в XVIII в. и для местных жителей, судя по «Званию города» и наблюдениям путешественников, главный город все чаще принимал название Вятка, причем, даже «более обычно».

Поэтому иногда звучащие обвинения в адрес Екатерины II в том, что ее указ о переименовании города был вызван политическими мотивами, на самом деле не имеют под собой никаких оснований. Часто забывают, что основным в этом указе являлось образование Вятского наместничества³⁶. Вполне естественно при этом, что главный город Вятского наместничества должен был называться Вяткой. Екатерина II лишь узаконила и упорядочила то, что уже давно было, по сути, свершившимся фактом – область и главный город были названы по реке.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Город Хлынов называется у них (у чувашей. – А.М.) особым именем, а именно Вятка, по которому имени прозвана и вся провинция. Татары и Черемисы называют помянутой город Наукрад и Науград. Река Вятка по вышепоказанным же причинам так же называется разными именами: Вотяки именуют оную Вятка-Кам, Черемисы Науград-Вич, а Татары Наукрад-Идель. Кам, Вичь или Виц и Идель в моем словаре показаны такими словами, которые на вышепомянутых языках значат вообще реку.

Печатается по изданию: Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы “Отче Наш” на черемисском и чувашском языках, сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, императорской Академии наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции. СПб., 1791. С. 34.

№ 2

Хлынов, провинциальной город Казанской губернии, на правом берегу реки Вятки, при устье речки Хлыновицы. . . В просторечии именуется по реке Вяткою, по чему слывет и Вятская провинция. Татары и Черемисы под именем Наукрад, или Науград, разумеют город Хлынов, чаятельно потому, что жители сюда пере-

селились из Новгорода великого, что учинено по свидетельству летописцев около 1181 году, и так лет за 56 до раззорения Батыева. Имя Вятка есть от живущих по сей реке Вотяков, которые и город и реку так называют. Река Вятка называется у них Вятка Кам, у Черемиссов Наукрад Вич, у Татар Наукрад Идел, потому что слова Кам, Вич и Идел значат на сих языках реку вообще.

Печатается по изданию: Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашины зимовия, рудные заводы, и прочия достопамятные места обширной Российской империи, с объявлением и тех мест, которые в прежнюю и нынешнюю Турецкую войну, а некоторые прежде того и от Персии, российскою храбростию обладаемы были, из достопамятных известий собранный коллежским асессором и города Вереи воеводою Федором Полуниным, а с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный, трудами и с предисловием Государственной иностранных дел коллегии при Московском архиве коллежского советника, императорской Академии наук настоящего, а разных иностранных Академий и ученых собраний в Англии, Швеции, Голландии, Германии почетного члена, и Парижской Академии наук корреспондента Герарда Фридерика Миллера. М., 1773. С. 433.

№ 3

Хлынов, изрядный купеческий город, стоящий при устье реки Хлыновицы, впадающей в Вятку... По просторечию сей город называется Вяткою по реке Вятке и Вотякам, около нея живущим; а у Татар и Черемис известен он под именем Наукрада или Науграда, и сие чаятельно потому, что жители сюда переселились из великого Новгорода, как по летописям явствует, в исходе XII века, т.е. около 1181 года, следовательно с лишком за 50 лет до нашествия Батыева.

Печатается по изданию: Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание Российской Империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при Императорском Московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева. М., 1776. С. 240.

№ 4

Вятка, река. ...Оная называется Вотяками Вятка Кам, Черемисами Наукрад Вичь, Татарами Наукрад Идель, по тому что слова Кам, Вичь и Идель значат на сих языках реку вообще. ...

Вятка, Губернский город Наместничества сего имени, прежде бывший Хлынов, а в просторечии Вятка, по тому что он лежит на реке Вятке... Тата-

ре и Черемисы называли оной Наукрад или Науград чаятельно по тому, что жители переселились из Новгорода Великого, что учинено по свидетельству Летописцов около 1181 году, так лет за 56 до разорения Батыева.

Печатается по изданию: Новый и полный географический словарь Российской империи, или лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясаиные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежняя и новая иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великой новоустроенном; с объяснением и тех мест, которые в прежняя войны и прошедшую Турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростию российскою или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которые в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены; из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный. М., 1788. Ч. 1. А–Ж. С. 201–202.

№ 5

Город Хлынов Главной учрежденной наместничества Вятского в просторечии именуется по реке Вятке: при которой сей город лежит на левом ее берегу и при устье реки Хлыновицы: почему и область принадлежащая к сему городу называется Вятским наместничеством... Онои город начало свое имеет с 1199го года: основание его положено жителями великого Новагорода: которые в 1187м году отделившись от пределов своих по приходе на реку Вятку а по взятъ городов Болванова что ныне село Никулитское: и Кокшарова: что ныне Котельнич: обитаемых тогда чудью и вотяками: построили сей город: и по реке Хлыновице называли его Хлынов.

Печатается по оригиналу: ГАКО. Ф. 583. Оп. 1-а. Д. 1231. Л. 44 (Звание города и географическое оному описание).

¹ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 583. Оп. 1-а. Д. 1231. Л. 44; Там же. Оп. 600. Д. 28. Л. 41.

² Мусихин А.Л. Происхождение точных дат славянской колонизации Вятки в «Повести о стране Вятской» // Герценка: Вятские записки: [Науч.-поп. альм.]. Киров, 2004. Вып. 6. С. 58.

- ³ Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание Российской Империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при Императорском Московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева. М., 1776. С. 240.
- ⁴ Там же. С. 228.
- ⁵ См.: Илизаров С.С. История создания и публикации первого русского географического словаря // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 96.
- ⁶ Полунин Ф.А. Географический лексикон Российскаго государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы, и прочия достопамятные места обширной Российской империи, с объявлением и тех мест, которые в прежнюю и нынешнюю Турецкую войну, а некоторые преж того и от Персии, российской храбростию обладаемы были, из достопамятных известий собранный коллежским асессором и города Вереи воеводою Федором Полуниным, а с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный, трудами и с предисловием Государственной иностранных дел коллегии при Московском архиве коллежскаго советника, императорской Академии наук настоящего, а разных иностранных Академий и ученых собраний в Англии, Швеции, Голландии, Германии почетнаго члена, и Парижской Академии наук корреспондента Герарда Фридрика Миллера. М., 1773. С. [VIII].
- ⁷ Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание... С. [XI].
- ⁸ Полунин Ф.А. Географический лексикон Российскаго государства... С. 433.
- ⁹ Там же. С. 66.
- ¹⁰ Илизаров С.С. История создания и публикации... С. 94–95.
- ¹¹ Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а имянно черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской Академии наук. СПб, 1756. (июль) С. 33–64.; (август) С. 119–145.
- ¹² Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.): Монография. Ижевск, 2006. С. 110–122.
- ¹³ Muller G.F. Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Cazan wohnhaften heidnischen Volkern, den Tscheremissen, Tshuwaschen und Wotiacken // Sammlung Russischer Geschichte. St.Petersburg, 1759. Bd. 3. St. 4. S. 336; Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных

дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом Господней молитвы “Отче Наш” на черемисском и чувашском языках, сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, императорской Академии наук профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции. СПб., 1791. С. 34.

- ¹⁴ *Никитин Н.П.* Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов XVIII в. // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 17. История географических знаний. С. 79; *Илизаров С.С.* История создания и публикации... С. 96–97.
- ¹⁵ Новый и полный географический словарь Российскаго государства, или лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясашины зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежняя и новая иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроенном; с объяснением и тех мест, которыя в прежняя войны и прошедшую Турецкую; а некоторыя прежде того и от Персии храбростию российскою или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которыя в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены; из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный. М., 1788. Ч. I. А–Ж. С. 202.
- ¹⁶ *Никитин Н.П.* Зарождение экономической географии... С. 79; *Илизаров С.С.* История создания и публикации... С. 97.
- ¹⁷ [*Щекатов А.М.*] Географический словарь Российскаго государства, сочиненный в настоящем онаго виде. М., 1801. Ч. I. А–Г. Стлб. 1290.
- ¹⁸ *Там же.* Стлб. 1290, 1292, 1298, 1299.
- ¹⁹ *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний Санктпетербургскаго педагогическаго института ординарнаго профессора Евдокима Зябловскаго. СПб., 1810. Ч. 4. С. 63–93.
- ²⁰ *Там же.* С. 74.

- ²¹ Хлынов, в просторечии называемый Вятка, административный центр Вятской провинции (пер. с фр.). (*Levesque P. Ch. Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques & des meilleurs historiens de la nation. Yverdon, 1783. Т. 6. Р. 280.*)
- ²² Вятка, столица Вятского наместничества, прежде называвшаяся Хлынов, стоит на р. Вятке (пер. с нем.) (*Heym I. Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyclopedie des Russischen Reichs nach alphabetischer ordnung. Göttingen, 1796. S. 935.*)
- ²³ Мы приехали в маленький город, называвшийся Хлынов, или более обычно Вятка, от реки этого же названия, бегущей около него (пер. с англ.) (*Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia. Glasgow, 1763. Т. 1. Р. 162.*) Существует русский перевод: *Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попова. СПб., 1776. Ч. 1. Путь в Персию и Китай.*
- ²⁴ Цит. по: *Любимов В.А. Вятка! – Если смотреть из России // Любимов В.А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало (От Засоры до Раздерихинской) / 2-е изд., доп. и перераб. Киров (Вятка), 2007. С. 403.*
- ²⁵ 14-го они прибыли в Хлынов или Вятку, столицу провинции, которую они пересекали (пер. с фр.) (*Delisle J.-N. Extrait d'un voyage fait en 1740 à Beresow en Sibérie, aux dépens de la Cour Impériale // Prévost d'Exiles A. F. (abbé). Continuation de L'Histoire générale des voyages; ou collection nouvelle, 1. Des relations des voyages par mer, découvertes, observations, descriptions, Omises dans celle de feu M. l'Abbé Prévost, ou publiées depuis cet Ouvrage. 2. Des voyages par terre faits dans toutes les parties du monde. Contenant ce qu'il y a de plus remarquable, de plus utile & de mieux avéré dans les pays où les voyageurs ont pénétré, avec les moeurs des habitants, la religion, les usages, arts, sciences, commerce, manufactures, & c. Enrichi de cartes géographiques et de figures. Paris, 1768. Т. 72. Р. 89.*) См.: *Малышева Е.А. Вятский край глазами иностранцев (По материалам Кабинета-музея западноевропейской книги XVI–XIX вв.) // Герценка: Вятские записки: [Науч.-поп. альм.] Киров, 2002. Вып. 3. С. 33; Мусихин А.Л. Петровский геодезист А.Ф. Клешин и его работы в Вятской провинции // Петряевские чтения 2001. Тез. докл. Киров, 2001. С. 154. – О материалах этой экспедиции см.: Мусихин А.Л. Астроном И.Н. Делиль и князь П.В. Долгоруков (История одной рукописи) // Петряевские чтения, 2003: Материалы науч. конф.: (Киров, 27–28 февр. 2003 г.). Киров, 2003. С. 68–74.*
- ²⁶ 25-го, в три часа дня, я приехал в Хлынов или Вятку, маленький город на реке того же самого названия, где я остановился только на то время, пока исправляли мои сани (пер. с англ.) (*Chappe d'Auteroche J. (abbé). A journey into Siberia: made by order of the king of France. London, 1770. Р. 45.*)

- ²⁷ Эти случаи в данной статье не рассматриваются.
- ²⁸ Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 194–197; *Его же*. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 214–216. О Вятке в этой связи подробнее см.: Мусихин А.Л. «Повесть о стране Вятской» в свете новых исследований и открытий. Источниковедческий аспект (открытая лекция 24.10.2006, г. Киров) // Герценка: Вятские записки: [Науч.-поп. альм.]. Киров, 2007. Вып. 12. С. 72.
- ²⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 162; Гваньини А. Описание Московии / Пер., введн.ст., комм. Г.Г. Козловой. М., 1997; Нойгебауэр С. Московия, о ее происхождении, расположении, местностях, нравах, религии, и государственном устройстве. Статистическо-географическое описание Российского государства в начале XVII столетия / Пер. Н. Руднева // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1836. № 9. С. 626.
- ³⁰ Тьеполо Ф. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо / Пер. С.А. Аннинского // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 334.
- ³¹ Петрей П. История о великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса, Петр Петрей / Сост. А.А. Либерман; Послесл. и указ. С.Ю. Шокарева. М., 1997. С. 187.
- ³² Верецагин А.С. «Повесть о стране Вятской» // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Вып. 3. Отд. II. С. 30–35.
- ³³ Там же. С. 34–35.
- ³⁴ Седов В.В. Избранные труды: Славяне: Историко-археологич. исследование. Древнерусская народность: Историко-археологич. исследование. М., 2005. С. 577–578, 846–847, 878–879; Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 98, 110; *Его же*. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. М., 1993. № 2; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // Фроянов И. Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. С. 704.
- ³⁵ Любимов В.А. Вятка! – Если смотреть из России. С. 398.
- ³⁶ Указ Екатерины II об образовании Вятского наместничества и переименовании Хлынова в Вятку от 11 сентября 1780 г. (к 230-летию) // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2010 год: информ.-стат. сб. / ред. кол.: Н.И. Зорин (пред.) и [др.]. Киров, 2010. С. 222–223.

НИЖЕГОРОДСКИЙ СЛУЖИЛЫЙ «ГОРОД» (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕСЯТНИ 1622 Г.)

М.И. Балыкина (г. Нижний Новгород)

Десятни – это документы, содержащие описания уездных служилых людей и составлявшиеся по мере надобности, в финансово-стратегических интересах государства¹. Десятня 1622 г. – разборная, т.е. составлена во время смотра дворян и детей боярских с целью определения их годности к службе. Это единственная дошедшая до нас разборная десятня по Нижнему Новгороду первой половины XVII в. до Соборного уложения 1649 года. Она неоднократно упоминается исследователями в различных работах², но не существует специального исследования, посвященного этому источнику. Данное обстоятельство объясняется и тем, что история Нижегородского служилого «города» первой половины XVII в. также является малоизученной. Так В.Н. Сторожев в своей работе подробно говорит о структуре десятни и количественном составе корпорации, но не рассматривает служилый «город» в целом.

Разбор 1621–1622 гг. был первым после Смуты и проводился в связи с подготовкой к войне с Речью Посполитой, впоследствии не состоявшейся, а также в связи с требованием «городов» о разборе³. В Нижнем Новгороде это мероприятие проводили боярин князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский и дьяк Воин Трескин. В окладчики нижегородцы выбрали 23 человека из числа самых состоятельных. Ни у кого из них не было оклада ниже 400 четей. В их число вошли 8 человек выборных, 9 человек дворовых и 6 человек городских служилых людей. Разбирая служилый «город», Лобанов-Ростовский и Трескин опирались не только на речи окладчиков и разбираемых дворян, но и на документы, например, московский список (он составлялся в Разрядном приказе на основании предыдущей десятни по данному «городу» и других материалов о прохождении дворянами службы), сыск боярина князя Бориса Михайловича Лыкова 7127 (1618/19) г., связанный с денежной раздачей. Результатом этого сыска и явилась десятня. Помимо этого, проводившие разбор использовали памяти Разрядного приказа. Именно 2 последних документа, видимо, использовались для составления московского списка. По крайней мере, известно, что при описании служилого человека Савинко Казыева сына Павлова была сделана приписка, в которой отмечалось, сколько и за какую службу он получал жалованья, и указывалось, что оклад ему назначен по верстанию окольничего Федора Головина и дьяка Постника Парфеньева в 7124 (1615/16) г.⁴

В.И. Новицкий в своем исследовании приводит данные о численности служилых «городов» по данным разбора 1621/22 гг.⁵ Есть у него данные и по

Нижнему Новгороду, но их нельзя назвать полными, поскольку там не упомянуты новики, написанные не только за 1621 г., но и за предыдущие годы. Также в десятне говорится, что 5 человек по Нижнему Новгороду не служат. Например, про Тимофея Григорьева сына Борисова «окладчики сказали, что он в сотниках на Павлове перевозе... оне его не знают и с ним нигде не служивали, поместья за ним в Нижнем не знают, от разбору побежал неведомо где...»⁶, а один новик – Андрей Мисюрев сын Соловцов, был записан в выбор⁷. Таким образом, общая численность Нижегородского служилого «города» на тот момент вместе с новиками составляла 287 человек (14 выборных, 14 дворовых, 126 городовых, 133 новика)⁸.

Для сравнения Нижегородского служилого «города» с другими корпорациями были использованы данные таблиц В.И. Новицкого по другим «городам»⁹. Отбрасывая новиков, можно сказать, что в нижегородской корпорации состояло 154 человека, а не 159 человек, как утверждает указанный исследователь, то есть, судя по количеству людей, это был не очень большой служилый «город» по общерусским меркам и средний по величине, если сравнивать с центральными уездами. Например, в Угличской корпорации состояло 87 человек, в Тверской – 126; в Каширской – 219¹⁰. В южных городах: в Мценске – 479 человек¹¹; в Ельце – 850 (включая поместных казаков)¹². По-видимому, это связано с тем, что Нижний Новгород, хотя и являлся одним из крупных городов России¹³, но находился довольно далеко от границы, и держать здесь крупный гарнизон не имело смысла.

Также в десятне написаны 134 новика. Сначала идут новики верстания 7127 (1618/19) года – 30 человек, затем 128, 129, 130 гг. – 9 человек¹⁴, причем указано, что эти последние есть в московском списке. Отдельно идут новики 7130 (1621/22) гг. – 94 человека, поверстанные при разборе, результатом которого является данная десятина¹⁵. Их расписали по статьям и назначили денежное жалование. Размеры поместного и денежного окладов были взаимосвязаны, например, первая статья – 300 четей земли и 10 рублей денег¹⁶.

Таблица 1

Количество новиков по статьям

Статья	Количество новиков
300 четей, 10 рублей	10
250 четей, 8 рублей	19
200 четей, 7 рублей	39
150 четей, 6 рублей	45
100 четей, 5 рублей	19
Не верстаны поместными окладами	1
Поместный оклад неведом	1

После новиков идут нижегородцы, отставленные от службы по старости или смерти – 24 человека, затем – те, кто по различным причинам по предыдущему разбору Б.М. Лыкова были записаны на городовую службу, а теперь вообще служить не могут – 20 человек, затем недоросли, написанные по памятям 7128(1619/20)г. из Поместного приказа по московскому списку¹⁷, недоросли, не написанные по московскому списку, а также вдовы, иноземцы (отдельно литва, отдельно немцы), хотя они к дворянской служилой корпорации не принадлежали, а также служилые люди Балахны, Вязьмы и Дорогобужа.

В десятине содержатся интересные сведения о дворянском землевладении. Пользуясь терминологией того времени, «среднее» поместье имели 26 человек; «обычное» – 49; «худое» – 69; поместье запустело или разорено от войны – у 8 человек; не имели поместья – двое. Количество крестьян и бобылей варьировалось в пределах от 29 и 17 человек соответственно, до полного их отсутствия. Вместе с братьями землей владели 2 человека дворовых и 25 городских.

Таблица 2

**Соотношение категорий служилых людей
и количества имеющих их в поместьях и вотчинах крестьян
(по возрастанию)¹⁸**

Служилые люди	Число крестьян							
	0	1–3	4–6	7–10	11–15	16–19	20–25	26–29
Выборные	–	1	2	2	2	–	4	1
Дворовые	–	2	1	2	2	3	4	–
Городовые	30	37	30	13	7	4	3	–

Таблица 3

**Соотношение категорий служилых людей и реального размера
имеющейся у них земли (по убыванию)**

Служилые люди	Количество земли, имеющееся у служилых людей (в четьях)										
	610–500	499–400	399–300	299–250	249–150	149–100	99–50	49–30	29–10	9–1	0
Выборные	2	1	4	1	3	–	1	–	–	–	–
Дворовые	1	2	3	3	5	–	–	–	–	–	–
Городовые	1	5	8	10	40	20	28	10	8	1	2

Судя по данным десятины, Нижегородский край к 1622 г. не успел полностью оправиться от последствий Смуты. Так у Матвея Степанова сына Шипилова «поместье... худо, только пятьдесят чети и то разорено от черкас»¹⁹. Алексей Филиппов сын Бартенев «был в полону»²⁰. У новика Афонки Филиппова

сына поместье «охудело» из-за притеснений со стороны Федора Алябьева, т.е. на обычную нехватку земель²¹ и крестьян накладывались опустошения Смуты, притеснения «сильных людей».

Следует отметить, что имущественное положение и состояние хозяйства нижегородских служилых людей были весьма различны. Так, Васка Никифоров сын Лучанин «Собою худ и беден. А поместья у него шестдесят чети, пусто. У него сын Олешка семи лет. Кормитца, продает дрова»²². В то же время про Бориса Григорьева сына Теряева окладчики сказали: «собою добр, а поместье за ним середнее, а на государеве службе будет на коне, в бехтерце, да шапка мисюрка, с пищалью, за ним человек на мерине, с пищалью... А поместья за ним з братом з болшим з Григорьем шестьсот семдесят шесть чети, крестьян дватцать пять человек, бобылей пятнатцать человек...»²³. У некоторых членов корпорации имелись не только доходы от земли, но и от производства каких-то изделий на продажу. Описывая состояние Иваниса Хрисанфова сына Злобина, Аталыка Матвеева сына Беликова окладчики упоминают о наличии у них «домашнего завода». Что производили эти заводы – из документа неясно²⁴. Некоторые дворяне поправляли свое материальное положение, сдавая внаем принадлежащие им пустоши и луга²⁵.

Вид службы зависел от физического состояния человека и его материального благополучия. В Нижегородской корпорации отправлялись на ближнюю службу – 34, на городовую – 13 человек, т.к. они были не в состоянии нести дальнюю службу (она в источнике не указана).

В десятне подробно описывается вооружение служилого человека, количество людей, которых он берет с собой или даточных, если не едет сам на службу. Вооружение людей было различным. Например, Богдан Приклонский на службе будет «на коне, в пансыре, саадак, сабля, с простым конем, человек на мерине, саадак, сабля»²⁶, а Бажен Дмитриев сын Трясцын «на службу ходет пеш» и назначено ему «служить городовая служба»²⁷. Нередко встречается запись о том, что если человеку выплатят жалование, то с него он приведет дополнительно людей или улучшит свое вооружение. Так в записи об Иване Петровом сыне Хохлове говорится: «а будет государь пожалует, велит дать жалованье, и за ним будет человек на коне с пищалью»²⁸. Часто экипироваться дворянину помогал его отец. Например, Григорий Денисов сын Рахманов «будет... на службе так (вооружен. – М.Б.), потому, что отец его ссужает»²⁹.

Судя по нижеприведенным данным, основная масса служилых дворян и детей боярских вооружены были весьма средне. Новикам часто было просто не с чего служить и они не могли достать себе снаряжение (36,8 % от общего числа новиков). В основном же экипировка новиков была примерно такой как у обычных городских служилых людей.

Ниже приведены данные о вооружении и снаряжении дворян и детей боярских по категориям.

Таблица 4

Вооружение и снаряжение выборных служилых людей

Виды вооружения	На коне, в пансыре (вариант: в латах), саадак, сабля, с простым конем, человек на мерине, саадак, сабля (вариант: вместо саадака и сабли-пищаль)	На коне, саадак, сабля (вариант: вместо саадака, сабли – пищаль), человек на мерине с пищалью (вариант: 2 коня простых поведут люди на меринах)	На коне (вариант: на мерине), саадак, сабля	На коне, с пи- щалью
Соотношение				
Количество человек	5	3	5	1
% от выборных	35,8	21,4	35,7	7,1
% от общего числа служилых людей (без новиков)	3,2	1,9	3,2	0,6

Таблица 5

Вооружение и снаряжение дворовых служилых людей

Виды вооружения	На коне, в бехтерце, да шапка мисюрка, с пищалью, за ним человек на мерине, с пищалью	На коне (вариант: на мерине), с пищалью, да сабля	На коне, с пищалью да сабля, человек с простым конем, на мерине, с пищалью	На коне, саадак, сабля	На коне, саадак, за ним человек с простым конем, на мерине, с пищалью	На коне, саадак
Соотношение						
Количество человек	1	5	2	2	3	1
% от дворовых	7,1	35,8	14,3	14,3	21,4	7,1
% от общего числа служилых людей (без новиков)	0,6	3,2	1,2	1,2	1,9	0,6

Таблица 6

Вооружение и снаряжение городских служилых людей

Виды вооружения Соотношение	На коне (вариант: на мерине) с пищалью (вариант- с пищалью и саблей)	На коне, саадак, сабля	На мерине (варианты: на меринке, на клячишке) с саадачишком (вариант: с саблишком)	На меринце (вариант: на клячке)	Служить не с чего
Количество человек	69	31	5	2	19
% от городских	54,8	24,6	4	1,6	15
% от общего числа служилых людей (без новиков)	44,8	20,1	3,2	1,2	12,3

Таблица 7

Вооружение и снаряжение новиков

Виды вооружения Соотношение	На коне, саадак, сабля, за ним человек на коне (на мерине) с пищалью (вариант: да человек с простым конем на мерине с пищалью)	На коне (вариант: на мерине) с пищалью (вариант: и с саблей)	На коне, саадак, сабля	На мерине (на меринке) саадак, сабля	На мерине (на коне)	На мерине (вариант: на меринке, на клячишке) с саадачишком	Служить не с чего
Количество человек	2	45	15	8	12	2	49
% от новиков	1,5	33,8	11,4	6	9	1,5	36,8

Впрочем, часто дворяне и не испытывали особого желания ехать на службу. Так, про Петра Андреева сына Глядкова сказано, что он «собою молод и добр, а служить не охоч, живет по приказом»³⁰, а про новика Ивана Степанова сына Шипилова говорится, что он «бражник и зерщик... (игрок в кости. – М.Б.) взята по нем порука, что впредь не играть»³¹. Некоторые из нижегородских дворян в Смутное время были замечены в измене. Так, Борис Одинцов сын Парфин указан как «вор, и за воровство был на пытке»³².

В десятне указано жалование служилого человека. Оно было двух категорий: «с городом» и «из чети», указан его размер. В нижегородской корпорации 52 человека (так называемые четвертчики) получали жалование из четвертных приказов, в основном, из приказа Костромской четверти, упоминаются также Галицкая, Владимирская и Устюжская.

Некоторые люди переведены в Нижний Новгород из других корпораций. Так Поздей Иванов сын Каирев «служил по Яранскому, а по государеве грамоте велено служить из Нижнего»³³. В десятне указано на какой службе, помимо военной, мог находиться дворянин. Например, Иван Петров сын Хохлов был губным старостой в Нижнем Новгороде³⁴.

Десятня содержит сведения по генеалогии служилых людей, т.к. в ней указаны их сыновья и вдовы. Особенно интересные сведения можно получить при сравнении десяти с другими источниками. В данном документе упоминается Семен Михайлов сын Немков и его, записанный в новиках брат Фетка³⁵. В отказной грамоте за 1633 г. указано, что Семен Михайлов сын Немков погиб под Смоленском. У него остались мать вдова Орина, брат Федор и жена Марфа. Детей у него не было³⁶.

Таким образом, судя по десятне 1622 г., Нижний Новгород в изучаемый период – не очень большой служилый «город» по общерусским меркам и средний по величине, если сравнивать с центральными уездами. Здесь, как и почти по всей стране, наблюдались проблемы дворянского землевладения, связанные с малоземельем, притеснениями, а также не преодоленными до конца последствиями Смуты и разорением поместий. Основная масса служилых дворян и детей боярских имели обычное для того времени вооружение. В целом можно сказать, что десятня 1622 г. – один из ценнейших источников по изучению ряда аспектов жизни Нижегородского служилого «города»: личного состава, денежного жалования, поземельных отношений, его служебной готовности, а также генеалогии нижегородского дворянства.

¹ *Сторожев В.Н.* Десятни, как источник для изучения истории провинциального дворянства в XVI–XVII вв. // Юридический вестник. 1890. Т. 4. Кн. 3. С. 487–497.

- ² Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 93; *Сторожев В.Н.* Состав нижегородского дворянства по десятиям XVII века // Действия нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 1. Вып. 5. С. 402–405.
- ³ Козляков В.Н. Указ. соч. С. 87.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 4. Кн. 12. Л. 88 об.
- ⁵ Новицкий В.И. Выборное и большое дворянство XVI–XVII вв. Киев, 1915.
- ⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 12. Л. 28 об.–29.
- ⁷ Там же. Л. 17. об. –18.
- ⁸ Подсчитано нами по: Новицкий В.И. Указ. соч. С. 143–147; Козляков В.Н. Указ. соч. С. 93–94; РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 12.
- ⁹ Новицкий В.И. Указ. соч. С. 143–147.
- ¹⁰ Цит. по: Козляков В.Н. Указ. соч. С. 93– 94.
- ¹¹ Там же. С. 93.
- ¹² Ляпин Д.А. Дети боярские юга России в XVII веке (по материалам Елецкого еезда) // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. Воронеж, 2006. Вып. 2. (часть 2). С. 273– 284.
- ¹³ Любимиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 5.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 12. Л. 92–109об.
- ¹⁵ Там же. Л. 109об.–133об.
- ¹⁶ Там же. Л. 110–112.
- ¹⁷ Там же. Л. 149 об.
- ¹⁸ Численность служилых людей в таблицах не совпадает с общей численностью служилых людей, т.к. по некоторым из них данных в десятине нет.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 12. Л. 63 об.–64.
- ²⁰ Там же. Л. 26–26об.
- ²¹ Подробнее о соотношении поместного оклада и количества земли, имевшегося у служилого человека в Нижнем Новгороде см.: Балыкина М.И. К истории нижегородского служилого сословия первой половины XVII века. // Материалы IV нижегородской архивоведческой конференции «Чтения памяти Н.И. Куприяновой». Н. Новгород, 2008.
- ²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 12. Л. 139.
- ²³ Там же. Л. 24об.–25.
- ²⁴ Там же. Л. 26, 28об.
- ²⁵ Там же. Л. 50, 51, 74об.
- ²⁶ Там же. Л. 8–8об.

²⁷ Там же. Л. 75об. – 76.

²⁸ Там же. Л. 31–32.

²⁹ Там же. Л. 15–16.

³⁰ Там же. Л. 9об.–10. Позднее принял постриг под именем Павел, основатель Оранского монастыря (в нынешнем Богородском районе Нижегородской области).

³¹ Там же. Л. 109об.

³² Там же. Л. 64об.–65.

³³ Там же. Л. 67 об.

³⁴ Там же. Л. 31–32.

³⁵ Там же. Л. 74 об.

³⁶ Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 54.

ПУБЛИКАЦИИ

БОЛОТНЫЕ БОЛЕЗНИ НА СЕВЕРЕ. МЕДИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИЖЕВСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА. С.-ПЕТЕРБУРГ. 1880

И.И. Андржеевский

Дореволюционная отечественная медицина вправе гордиться как видными учеными, так и рядовыми практикующими врачами, которые в массе своей были подвижниками, воспринимая свою деятельность как миссию служения народу, что особенно проявилось при возникновении общественной медицины в земский период (1864–1917). Они не только лечили физические недуги, но и просвещали, воспитывали, давали населению знания о гигиене, воспитании детей, бытовой культуре и т.п. Примечательно, что нередко даже обычные врачи, имея огромную профессиональную нагрузку, одновременно занимались научной работой и оставили множество исследований, которые содержат ценный материал по истории медицины, а также по другим проблемам – социально-экономическим, национальным, этнографическим, демографическим и т.д.

Информативным видом источников являются медико-топографические описания городов, заводов, уездов, отдельных селений, создававшиеся еще в XVIII в. Они составлялись врачами по специальной форме, установленной медицинским ведомством, и содержали следующие разделы: 1) топографический (климат, почва, вода, растительность и т.д.); 2) экономический (развитие земледелия, урожайность, промыслы); 3) этнографический (национальный и религиозный состав населения, быт, питание, одежда, воспитание детей, народная медицина и др.); 4) медицинский (заболеваемость, смертность, эпидемии, состояние медицинских учреждений и кадров).

Автором одного из таких описаний был Иван Иванович Андриеевский (1832–1915). Он родился в Витебской губернии в польской семье, в 1855 г. окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и, получив звание лекаря, участвовал в Крымской войне. В 1857 г. военврач Андриеевский, по распоряжению Медицинского департамента Военного ведомства, прибыл в Ижевский военный госпиталь. Здесь раскрылись его разносторонние способности – талантливого врача, бесстрашного защитника рабочих перед заводским начальством, ученого и публициста, написавшего ряд статей. Опубликованные им работы свидетельствуют о наличии несомненного литературного дара и активной жизненной позиции. Л.Ф. Змеев в книге «Былое врачебной России» назвал Андриеевского «ижевским Чеховым», описавшим свой «остров Сахалин» – Ижевский завод. Результатом его научных изысканий стала защита в Петербургской медико-хирургической академии докторской диссертации на тему: «Болотные болезни на севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода», которая была опубликована в 1880 г.

Андриеевский намеревался «познакомить читателя с наиболее существенными особенностями патологии Ижевского оружейного завода, а вместе с тем и с условиями происхождения этих особенностей...». Этой цели подчинены структура и содержание «Болотных болезней».

В первой, «эпидемиологической», части диссертации исследуется «местность Ижевского завода и влияние ее на жизнь народонаселения в прежнее время», что является своеобразным очерком истории завода, где становление и развитие оружейного производства, периоды его экономического подъема и спада органично увязываются с экологией, семейно-бытовыми отношениями, нравами и т.п. Все это и влияло на эпидемиологическую ситуацию. Андриеевский прослеживает зависимость распространения болотных горячек (малярии), периодически принимавших характер эпидемий, от многих факторов – климатических, сезонных, экономических, санитарных и т.д.

Изучив климат завода, он делает вывод, что изменчивость и неприветливость погоды вятского края отражается «не только на здоровье человека, но и на психическом его настроении. Недаром мрачный взгляд на жизнь, равнодушие к жизни и ко всему окружающему составляют отличительные черты в характере вятского жителя...». Однако не только гнилой климат предопределял «эпидемиологию» Ижевского завода. По мнению Андриеевского, условия труда и жизни оружейников также способствовали увеличению смертности, особенно мужской, физическому вырождению населения, что даже при значительной рождаемости вызывало «быструю смену одного недолговечного поколения другим, еще более недолговечным».

Вторую часть диссертации Андриеевский назвал «Патологический очерк Ижевского завода». Здесь он дал подробный анализ состояния здоровья на за-

воде, используя результаты собственной медицинской практики, что представляет несомненный интерес для специалистов по социальной гигиене и профпатологии. Однако выводы, к которым приходит Андржеевский, имеют гораздо более широкое значение, т.к. содержат научно подтвержденные обобщения относительно того «значения, какое принадлежит болотным болезням в северном климате – как в социальном, так и в патологическом отношении...».

Важность проблемы, поднятой Андржеевским – не только для одного завода, но и для других российских предприятий – подтверждается тем фактом, что вскоре после опубликования диссертации в журнале «Отечественные записки» за 1880 г. была помещена рецензия (без подписи), в которой содержалась критика некоторых выводов работы. Рецензент был не вполне согласен с тем, что население завода вымирает, утверждая, что численность его не уменьшается, а, напротив, возрастает. Однако, очевидно, что Андржеевский, говоря о «вырождении и вымирании» заводского населения, прежде всего имел в виду не его численность, а объективные медицинские показатели состояния здоровья, физического развития, продолжительности жизни, что в совокупности определяло жизнеспособность ижевского рабочего-оружейника. В то же время неизвестный рецензент верно подметил спорный характер ряда утверждений Андржеевского.

В настоящем сборнике публикуется фрагмент второй главы диссертации, где содержатся общие сведения о Ижевском заводе и повседневной жизни его обитателей, а в приложении – упомянутая рецензия из журнала «Отечественные записки». Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными требованиями. Примечания, которые в оригинале являются постраничными, вынесены в конец текста.

В.В. Иванов, Н.Н. Иванова

Внешность завода и быт ижевских оружейников

В настоящее время Ижевский завод есть самое крупное поселение в Вятской губернии. По площади он занимает около 900 квадратных десятин земли. Население его простирается до 23 000 душ, число домов до 3 870. Улицы его широки, прямые, имеют направление с севера на юг. Всех улиц 35, из которых 17 в нагорной и 18 в заречной волости. Они пересекаются под прямыми углами довольно узкими переулками. Мощеных улиц нет, но прежде большая часть улиц и почти все переулки настланы были фашинником, который теперь жестоко дает себя чувствовать только местами, при езде. По одной стороне улиц тянутся дощатые тротуары, которые дурно содержатся и нередко-таки бывают причиной несчастных случаев. Об освещении улиц нет и помина, и

в темную осеннюю ночь пешеход рискует или завязнуть по уши в грязи или провалиться в канаву под тротуаром, или, наконец, быть ограбленным.

Кроме деления на волости, завод подразделяется еще на меньшие единицы, — сельские общества, которых всего 12 и которые важны в том отношении, что дают возможность судить, какая часть народонаселения живет на местах сырых, низменных и нездоровых, и какая — на сухих и возвышенных. Последним преимуществом пользуются вполне только четыре общества, с народонаселением до 7 000 душ, которые живут в 1 100 домах. Остальные восемь обществ, с народонаселением в 16 000 душ и 2 770 домами, приходится на низменность. Подразделение это, важное в медицинском отношении, довольно близко соответствует и степени зажиточности народонаселения. Низменная местность почти вся уже находится в исключительном обладании рабочего сословия, которое постепенно вытеснялось из нагорной местности (купечеством, разночинцами и т.д.) и сосредоточивалось на болотах. Это видно уже и по числу жильцов каждого дома, которое указывает отчасти на размеры домов. В нагорных обществах на дом приходится жильцов от 6-ти до 7-ми, а в низменных от пяти до шести¹.

Вообще говоря однако, в заводе никак нельзя пожаловаться на стеснение людей в домах, так как весь почти нынешний завод построился при казенном управлении, из крупного (казенного) леса и по Высочайше утвержденному плану. Нормальный план дома оружейника был следующий: изба о трех окошках на улицу, изба во двор, и посредине сени. По этому плану построено от 70 % до 80 % всех оружейничьих домов в заводе. Остальные 20 % или 30 % распределяются между домами об одной только избе на улицу и между домами в два этажа и пяти- и шестистенными. Каменных зданий, за исключением казенных, насчитывается всего около двух десятков.

В общем вид завода, несмотря на его обширность, напоминает, во всяком случае, больше деревню, чем город, между прочим и по причине крайнего однообразия построек. Разница в наружном виде строений относится больше к степени их целости и исправности, указывающих на степень зажиточности и благосостояния хозяев, и в этом отношении нагорная и низменная части завода представляют разницу, которая невольно бросается в глаза и замечательно соответствует качествам местности. Кроме худшего вообще наружного вида и меньших размеров строений, особенность самых низменных частей завода составляют и совсем брошенные дома, с заколоченными дверями и окнами. В некоторых из них вымерли две, иногда даже три смены жильцов, и нет больше ни у кого охоты занимать их...

Такая разница в наружном виде строений стала в особенности замечаться в заводе с 1867 г., т.е. со времени увольнения оружейников от обязательного труда, а вместе с тем и со времени прекращения уравнивающих экономических

быт их пайков, пенсий и вообще казенных «пособий». Но в особенности она обнаруживается в последние четыре, пять лет, когда производительность оружейной фабрики, благодаря войне, достигла своего высшего предела и когда возвысилась до самых утешительных размеров заработная плата — для тех, конечно, кто в состоянии был работать... Пока наступило однако это время, в жизни ижевских оружейников совершилось несколько переворотов, о которых необходимо сказать несколько слов, так как они отразились довольно любопытными результатами на статистике народонаселения.

До конца 40-х гг., как мы отчасти уже видели, положение ижевских оружейников было самое печальное. Единственным почти источником их существования была заработная плата, низкая вообще, и тем более недостаточная, что, и помимо эпидемий, сильная болезненность между рабочими сокращала рабочее время и отражалась не только на количестве работы, но и на качестве ее. Брак оружия, при исключительно ручной разработке его, всегда составлял большое место завода. Почти всей своей тяжестью он падал на заработную плату или на спину рабочего. Наконец должны были убедиться, что без искусственной и сильной поддержки завод идти не может. После последней большой эпидемии горячек 1842–1844 гг., в заводе, как сказано уже, произведены были значительные преобразования в смысле улучшения разных сторон быта оружейников. К несчастью, почти ничего не сделано было для улучшения санитарных условий завода. Дарованные же оружейникам льготы, имевшие по преимуществу вид даровых «пособий», давали повод местной администрации без нужды вмешиваться в мельчайшие подробности быта народонаселения, которое привыкало возлагать все свои надежды на благодетельное начальство, а между тем вырождалось физически и нравственно, и подготовляло из себя почву для следующих эпидемий. Но как бы то ни было, а с 50-х гг., благодаря щедрым затратам правительства, зажиточность стала равномерно распространяться в массе народонаселения и особенно возвысилась в начале 60-х гг., когда изгладились понемногу следы предшествовавших эпидемий. Брак оружия замечательно уменьшился. Заработная плата возвысилась до небывалых еще размеров. В среднем выводе она простиралась до 80 руб. сер. в год на рабочего, что, при других источниках, при дешевизне жизненных припасов и при ограниченных потребностях жизни оружейника, составляло уже почти чистый капитал. К этому нужно прибавить, что нерабочие члены общества находились почти целиком на иждивении правительства, и что на весь завод было только четыре кабака, да и те содержало само общество, получавшее при этом в возврат по крайней мере часть растрчиваемых денег. Все это не могло не отразиться на движении народонаселения в заводе, но отразилось следующим образом: смертность значительно уменьшилась, хотя по прежнему продолжали вымирать в громадной пропорции наиболее

производительные члены общества. Вместе с этим вымиранием уменьшилось и число браков, так как в составе народонаселения не доставало элементов (мужских), необходимых для брака. Но зато увеличивалась рождаемость вообще, и плодovitость браков.

Другими словами: общество, не переставая терять своих полезных членов, в избытке обогащалось членами непроизводительными, содержание которых, впрочем, великодушно принимало на себя правительство. Но вот наступил и 1867 г. – год увольнения оружейников от обязательных отношений к казне. Ижевский завод, по примеру тульского и сестрорецкого, перешел в арендно-коммерческое управление. Оружейникам дарованы были права сельских обывателей и предоставлена свобода: заниматься и впредь оружейным делом, буде найдут это для себя выгодным, или переселяться на отведенные им земельные участки и начать новую карьеру хлебопашцев. В течении шести лет еще, они избавлены были от податей и от рекрутской повинности, но выдача пайков и аммуниционных денег, даровое обучение детей и даровое лечение сразу прекратились.

Передача ижевского завода в аренду как раз совпала с первой переменной в образце вооружения армии, за которой вскоре последовала вторая переменная, затем третья и, наконец, четвертая, – всего, в течение шести лет, четыре перемены, из которых каждая требовала соответствующих механических приспособлений (станков, машин и проч.), и каждая сопровождалась более или менее продолжительной остановкой в работах. Для ижевских оружейников опять наступили тяжелые времена. Многие искусные мастера, соскучившись ожидать возобновления работ, за бесценок продали свои усадьбы в заводе и отправились хлебопашествовать². Но непривычное дело не спорилось в руках, и большая часть их возвратилась назад бобылями. Другие, оставивши свои семейства на произвол судьбы в заводе, отправились искать работы в Петербург, Киев, Варшаву, Тифлис, где открыты были частные мастерские для переделки оружия старого образца на новый. Эти тоже возвращались домой не с полными руками. Ближайшее наблюдение за ходом совершавшегося в заводе переворота поручено было чиновнику, носившему титул Мирового посредника. В короткое время таких «посредников» перебивало в заводе несколько, но их почти не знали оружейники, и ни один из них не знал ни быта, ни насущных нужд оружейника. Сарапульское земство отнеслось к заводу едва ли не хуже посредников. В первое время оно совершенно игнорировало самое существование завода, отнюдь не забывая однако о земских сборах. Так, между прочим, завод, с его 23-х тысячным, ежегодно беднеющим народонаселением, оставался более 15-ти месяцев без всякой медицинской помощи со стороны земства. А между тем болотные болезни продолжали свое дело и, при известном свойстве их укореняться в организм и принимать с течением

времени формы более сложные и тяжкие, при стесненном экономическом положении народонаселения, смертность в заводе, составлявшая в 1866 г. 39 на 1 000 человек народонаселения, вдруг возвысилась в 1867 г. до 50 на 1 000 и, спустя три года только, снова упала до 40 на 1 000. К этому только времени успели поправиться дела арендно-коммерческого управления, находившиеся в критическом положении, вследствие частых перемен образца оружия, а вместе с тем поправились и дела оружейников.

Во всяком случае, в течение пяти лет первой аренды, завод терял ежегодно умершими, в среднем выводе, 46 на 1 000 человек народонаселения, тогда как, в предшествовавшие пять лет, только 43 на 1 000³.

В 1872 г. завод перешел наконец в другие, более предприимчивые руки, а вскоре затем начались и приготовления к войне, доставлявшие заводу все новые и дорогие заказы. Производительность завода возвысилась до своего крайнего, кажется, предела. Чтобы не входить в излишние подробности, я скажу только, что, вместо обусловленных контрактом 30-ти тысяч скорострельных винтовок, оружейная фабрика вырабатывала до 150 тысяч ружей ежегодно. На сталелитейном заводе, который возник при нынешнем уже коммерческом управлении, приготавливалось более 100 000 пудов в год литой стали, и отковывалось 100 000 стальных стволов для тульского оружейного завода. Кричное производство доставляло сверх того более 80 000 пудов в год разных сортов железа. Работа на фабрике не прекращалась ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в праздник (кроме воскресенья). Фабричные мастерские переполнились станками и рабочими. При исключительно почти машинном способе разработки, в них находил себе работу старый и малый, так как немногие виды работы требуют теперь предварительной подготовки. Число рабочих на заводе оружейном и сталелитейном, простиравшееся в начале 70-х гг. до 3 000 человек, достигало в 1878 г. до 5 000⁴, а заработная плата, составлявшая в 1874 г. в среднем выводе около 12 руб. 50 коп. в месяц на каждого рабочего, возвысилась, говорят, теперь почти до 17 рублей в месяц на рабочего. Более возвышенные части завода в последние три, четыре года отлично обстроились и самый вид возникающих теперь построек не поражает тем унылым, казенным однообразием, что прежде. Местная торговля в заводе достигла до никогда небывалых еще размеров и т.д.

На первый взгляд, казалось бы, что лучшего ничего нельзя и желать для завода. Но, если всмотреться поближе, то окажется и нечто другое, напоминающее опять-таки главнейшим образом о печальном состоянии санитарных условий в селении завода, об увеличивающейся физиологической слабости народонаселения; затем – о крайней неудовлетворительности гигиенических условий в самой фабрике и о некоторых других еще ненормальных явлениях в жизни ижевского рабочего.

Так, между прочим, несомненно, что заработная плата в заводе хотя и колеблется в весьма обширных пределах (от 5 руб., и даже менее, до 90 р. сер. и более в месяц), но, вообще, в последнее время весьма значительно повысилась. В то же время, однако, вследствие причин местных и общих, поразительно возвысились и цены на все жизненные потребности⁵. С другой же стороны, как бы ни был значителен заработок, надобно быть в состоянии, иметь силы и здоровье (и какие силы иногда, какое здоровье!), чтобы его заработать. И если принять во внимание громадное распространение болезненности по заводу вообще, а между рабочими в особенности, то сделается совершенно понятным то странное на первый взгляд явление, что, при видимо увеличивающемся благосостоянии народонаселения, давно уже не бывало в заводе столько голых бедняков, сколько теперь, и никогда еще не выступали наружу такие поразительные контрасты между крупной зажиточностью и самой крайней бедностью. А что для рабочего вовсе не труден теперь переход из первой имущественной категории во вторую, за это ручаются как свойства господствующей в заводе болезненности, так и сами цифры заболеваний между рабочими (мужчинами), которые я привожу здесь за последние пять лет⁶.

В своем месте показано будет, какие это болезни, но замечу теперь же, что самый уже способ возрастания болезненности, по мере переполнения фабрики рабочими, указывает на несомненную зависимость ее от дурных гигиенических условий в самой фабрике⁷. С другой стороны, он указывает и на возрастающую слабость народонаселения, которая объясняется как характером господствующей в заводе болезненности, так и усиленным напряжением живой рабочей силы, не соответствующим физиологическому запасу ее в массе народонаселения. Статистика народонаселения в ижевском заводе доказывает это самыми неоспоримыми данными, из которых в особенности обращает на себя внимание громадное преобладание смертности мужчин в рабочем возрасте (от 15 до 50 лет) над смертностью женщин. И нетрудно понять эту, увеличивающуюся из поколения в поколение физиологическую слабость ижевского рабочего, принявши во внимание одно то уже, что свою рабочую карьеру он начинает нередко с 10-ти-летнего, иногда даже с 9-ти-летнего возраста. Вследствие непропорциональной убыли взрослых мужчин в составе народонаселения, вследствие упрощения фабричных работ и некоторых других еще причин, число работающих на фабрике малолетков с каждым почти годом заметно увеличивается. Широкое участие их в работах наносит, конечно, и экономический вред народонаселению, отражаясь невыгодно на зарботке взрослых, но еще существенней проистекающий отсюда вред физиологический. Рабочий 15-ти, а нередко даже 17-ти лет в ижевском заводе смотрится по телосложению совершенным еще ребенком, а что же сказать про детей моложе этих лет, которые работают теперь по 12-ти, а не-

редко и по 15-ти часов в сутки, в душной атмосфере фабричных мастерских? Организм их, слабый уже от природы, окончательно хиреет и приостанавливается в своем развитии. К этому нужно прибавить, что для детей на фабрике не делается никаких исключений ни относительно продолжительности работы, ни относительно качества ее. Даже напротив того: один из самых вредных видов работы, именно чистка под лак металлическими щетками ружейных стволов, штыков и проч., предоставлен, по причине легкости исполнения его, почти исключительно малолеткам... Не мешает, наконец, упомянуть и о том, что весьма немногие из малолетних рабочих научатся теперь чему-нибудь на фабрике в смысле техники оружейного дела, но в то же время остаются непременно безграмотными и постоянно подвергаются влиянию дурных примеров со стороны своих старших товарищей. А между тем совершенно устранить малолетков от фабричных работ представляется, по-видимому, решительно невозможным, потому что самую частою причину поступления их на фабрику бывает то, что взрослый рабочий в семье или хворает без конца, или умер, или, наконец, попал в солдаты, и вся семья, при непроизводительности женского труда в заводе, сидит буквально без хлеба. Так что в сущности и здесь, как везде в заводе, исследователь опять-таки натывается на санитарный вопрос, который прошел широкой черной полосой по всем сторонам быта ижевского народонаселения и разрешение которого, насколько оно зависит от средств и воли человека, предоставлено теперь на полный произвол судьбы...

Между другими неблагоприятными явлениями в жизни ижевского рабочего в особенности обращает на себя внимание пьянство. После эндемических болезней это – величайшее зло в заводе, или, лучше сказать, это – видимый реактив зла, корнящегося, быть может, в целом складе жизни оружейника. Ижевский оружейник отличается по преимуществу бесхарактерностью, вытекающею уже отчасти из самых свойств его болезненной организации. Но уровень понятий его значительно выше понятий обыкновенного крестьянина. От него не ускользает, конечно, что и в его несложных житейских отношениях дважды-два не всегда бывает четыре, а бывает иногда и стеариновая свечка. При том же умственных развлечений у него нет никаких, а трактиры и кабаки, и вместе с тем возможность потолковать о злобе дня, после непрерывных шестидневных трудов и молчания, попадают на каждом шагу... О постепенном, почти ежегодном увеличении в заводе числа кабаков можно судить потому, что в 1862 г. их было всего четыре, в 1874 г. 88 или 1 кабак на 273 жителя; теперь один кабак приходится уже на 190 жителей и 17 кабаков приходится на одну школу. Увеличение числа кабаков повело между прочим к распространению пьянства в кредит, под залог вещей собственных и краденых, а вместе с тем и к увеличению в заводе числа преступлений,

особенно против собственности. И во всем этом самым невыгодным образом выделяется молодое поколение оружейников (от 20 до 30 лет), почти без исключения грамотное, обогатившееся этою неудобною для него грамотностью в последние годы казенного управления. Примеру его усердно следует впрочем и подрастающее поколение, и даже малолетки, и отличительную черту между старыми и молодыми пьяницами составляет то, что первые стараются по возможности скрыть свое состояние, при встречах извиняются даже в нем, тогда как последние выставляют его как будто напоказ, становятся грубыми и дерзкими. В числе причин прогрессирующего обогащения криминальной статистики завода нельзя не указать также и на влияние машинного способа работы, превращающей человека в какой-то автомат, подавляющей ум и соображение, которыми и прежде не богат был ижевский оружейник, как вследствие своей болезненности (*mens sana in corpore sano*), так и благодаря той долголетней ревнивой опеке, в которой держали его при казенном управлении. Влияние этого способа работы на умственную сферу рабочего начинает обозначаться уже и теперь, но полностью оно обнаружится, вероятно, на подрастающем поколении, большинство которого не будет обладать уже ни грамотностью, ни техникой оружейного дела⁸.

Несообразительность молодого поколения ижевских оружейников проглядывает между прочим и в способе его одежды, вовсе не соответствующей суровости местного климата. Старики до сих пор придерживаются прежнего покойного зипуна или азяма и длиннополого кафтана. В молодом поколении решительно преобладает уже куцое пальто, иногда из очень дорогого драпа и с quasi-бобровым воротником, а летом – «визитка», с неизбежным открытым жилетом и туго накрахмаленной манишкой. Счастливый обладатель такого «немецкого» костюма считает затем долгом в первый воскресный день показать себя в нем, прогуливаясь по улицам, причем грудь открыта у него всем ветрам, да и весь он дрожит от холода. Женщины до сих пор удержали прежний полумещанский, полукрестьянский костюм, но и здесь начинает уже проглядывать мотовство в виде бархатных кацавеек, бурнусов, щегольских ботинок и т.д.

О домашнем комфорте ижевский оружейник почти не имеет понятия и не заботится о нем. Некрашенный деревянный стол, два-три таких же стула и по стенам лавки, да еще угловой шкафчик для посуды составляют обыкновенно всю мебель в доме оружейника. Кровать находится в редком доме, да ее и поставить было бы некуда. Две стены избы оружейника непременно в окнах, в третьей дверь, у четвертой – большая русская печь. Спят обыкновенно на полатах или на печи, а если уж очень жарко, то на полу. В этом случае не составляют исключения даже очень зажиточные люди, построившие себе большие, красивые дома, в которых чистые комнаты, с европейской мебелью,

или отдаются в наймы, или просто стоят взаперти, для экстренных случаев, а между тем вся семья жмется где-нибудь в кухне, с тараканами и другими домашними насекомыми. Больных кладут обыкновенно на лавках, причем окно приходится нередко как раз под боком, или за спиной. Тем не менее чистота в домах оружейников поддерживается женщинами весьма удовлетворительно. По крайней мере раз в неделю, накануне воскресенья и вообще праздников, изба и вся мебель в ней дочиста вымываются. Тогда же обыкновенно «парится» и вся семья в бане, которая имеется почти при каждом доме, но большая часть бань построена по черному, без трубы. От неизбежных тараканов избавляются один раз в год – вымораживанием – те, у кого есть две отдельных избы. Остальные прибегают к мышьяку, которого всегда можно купить сколько угодно в лавках. Отдельных отхожих мест при доме не устраивается. Их заменяет хлев, или завешенный рогожей где-нибудь угол во дворе.

Пища. Большую часть года оружейник, даже со средствами, питается растительной или по крайней мере постною пищей, потому что соблюдает посты. Свежая рыба, по своей редкости и дороговизне, доступна для немногих⁹. Зато очень много привозится в завод соленой и сушеной рыбы, употребление которой имеет, кажется, тот единственный результат, что возбуждает неутолимую жажду и притупляет пищеварительную силу желудка относительно всякой менее грубой и раздражающей пищи. От этого оружейник не любит вообще жидкой и особенно пареной пищи, которая и в болезнях способна вызывать у него серьезные расстройства пищеварения (понос, рвоту). Мясо употребляется весьма часто в форме различных пирогов и знаменитых пельменей, без которых не обходится ни одно заговенье и разговенье. Пельмени приготавливаются также из рыбы и даже из капусты. Относительно всего количества мяса, потребляемого в заводе, предприняты были мною два раза исследования: в 1866 г., т.е. в последний год казенного управления, и в 1874 г., по поводу появления в печати описания Ижевского завода г. Романова. По недостатку точных данных результат исследования в обоих случаях мог быть только приблизительным, но замечательно, что в том и в другом случае цифры получились тождественные. По числу штук закалываемого на заводской бойне крупного рогатого скота, по приблизительному расчету мяса, привозимого из деревень, и продающейся ежедневно на базаре баранины, телятины и свинины, можно было с большою вероятностью заключить, что на каждого ижевского жителя приходится в год никак не менее 60 фунтов мяса (на 165 скоромных дней)¹⁰. Принимая затем в расчет, что большой огород при доме почти каждого оружейника дает более чем достаточный годовой запас овощей, избыток которых продается на базаре, и что в каждом почти доме имеется корова¹¹, нельзя не придти к заключению, что состав пищи ижевского оружейника может считаться вообще удовлетворительным. В количествен-

ном отношении нельзя не обратить внимания на то, сравнительно небольшое, количество пищи, которым довольствуется оружейник. Это объясняется во-1-х, отсутствием привычки набивать желудок большим количеством малопитательных веществ, которое так поражает в пище крестьянина, а во-2-х — слабостью пищеварительных сил желудка, состоящей в связи с громадным распространением болотного худосочия, которое, как анемия вообще, не остается без влияния на количественный, а, вероятно, и качественный состав желудочного сока. Кроме этого нельзя не упомянуть о явной уже недостаточности питания большого числа рабочих, лежащей в условиях работы и в распределении рабочих часов. В некоторых мастерских работа начинается с 5 часов утра и продолжается до 7 часов вечера (иногда и позже), с перерывом для обеда всего в два часа. Поэтому те оружейники, которые живут поближе к заводу, имеют возможность позавтракать (не всегда), пообедать и поужинать, но дальние должны довольствоваться одним только ужином. Они приносят с собой на работу ломоть хлеба и сушеную рыбу, которую расколачивают обухом, вымачивают немного в воде и, прихлебывая водой, съедают. Любимое питье составляет квас, иногда домашнее пиво, которое продается кружками на улицах. Чай находится почти во всеобщем употреблении, а при недостатке его пьют настой земляничного цвета, имеющий легкие наркотические свойства. Тульский самовар составляет первый признак развивающегося довольства в доме оружейника. За ним идут дешевые стенные часы самых больших размеров. Как только является нужда, часы и самовар продаются более счастливому соседу, но при первой возможности, приобретаются снова, и если уж нет этих предметов в доме, то, значит, бюджет оружейника находится в самом плохом состоянии.

Личная чистоплотность мужчин и женщин в заводе не одинакова. Женщины вообще содержатся опрятно. К сожалению, нельзя сказать того же и о детях. Но чистоплотность мужчин находится в зависимости от способа их работы. Есть такие виды фабричных работ, при которых все тело рабочего покрывается слоем жидкой и притом жирной грязи (смесь минеральной пыли с маслом), которая глубоко проникает в кожу и отмывается с величайшим трудом, после многократных намазываний маслом. Такие рабочие вымываются дочиста только один раз в неделю, в бане, и понятно, что только привычная, загрубелая кожа может переносить такую грязь, не воспаляясь. Оттого так часты между рабочими сыпи и вообще накожные болезни, отличительную черту которых составляет то, что они редко ограничиваются поверхностным слоем кожи, а распространяются вглубь и принимают разъедающий, язвенный характер. В этом случае остается не без участия и еще одна принадлежность работы, именно продолжительное, в течение многих часов, стояние на ногах, которое не остается без влияния на кровообращение вообще и послед-

ствием которого бывает расширение вен на нижних конечностях, распространяющееся затем на яичко и на прямую кишку. Большая или меньшая степень расширения вен на ногах имеет весьма большое распространение между рабочими, гораздо большее, конечно, чем о том можно судить по больничным носологическим таблицам, так как болезнь эта редко бывает и предметом лечения. Но состоящие с ней в тесной связи язвы на конечностях доставляют уже весьма большой процент заболевающих.

Коснувшись болезненности в заводе, нельзя не сказать наконец и о том, что, несмотря на привычку народонаселения к врачам и на громадный контингент больных, попадающих в больницы, все еще остается более чем достаточное число их для келейной практики разных отставных или выгнанных из службы фельдшеров, знахарей и знахарок. Вольная аптека в заводе так же выручает довольно значительную сумму ручной продажей лекарств от лихорадки, поносов, кашля, а более всего наружных средств от ломоты. Значительное количество хинина распродается наконец и в лавках (до 2 рублей за золотник), причем четверть золотника считается средним приемом для взрослого. Между средствами, которыми пользуются знахари, особенного внимания заслуживают: мышьяк (белый и желтый, опермент), употребляемый в больших приемах против лихорадок; киноварь внутрь и в виде окуриваний, и сулема, которую дают при сифилисе, в виде раствора в водке, или в виде порошка, посыпаемого прямо на хлеб!

Немало вреда приносят также разные раздражающие «вытяжные» мази для нарывов, язв и т.д. Знахарки лечат по преимуществу «весовой травой» (отвар сарсапарили) и занимаются «правленьем», т.е. растиранием живота, вытягиванием и разминанием суставов, которое наносит прямой вред при растяжениях напр. суставов (*distorsio*), при неправильных положениях матки и проч. Между знахарками есть и такие, специальность которых состоит в производстве выкидышей...

Перехожу затем к разряду более общих, но более положительных данных относительно некоторых сторон быта ижевского рабочего – к данным статистики народонаселения в Ижевском заводе.

Численность народонаселения Ижевского завода простиралась в 1878 г. до 22 700 д. об. пола¹².

В этом числе заключалось по народностям:

Русских до	21 600 д.
Татар до	400
Прочих инородцев и иностранцев до	700

По вероисповеданиям:

Православных (с включением единоверцев)	21 343 д.
Раскольников	233
Магометан	до 400
Прочих исповеданий	650

По сословиям:

Чиновников, духовенства, купцов	
и иных «разночинцев» около	1 700
Сельских обывателей	20 942
Из них: православного вероисповедания	20 341

В том числе:

мужского пола	9 436
женского	10 905

Хотя все эти цифры заимствованы мною из официальных источников, но достоверными следует считать только три последние, т. к. они взяты из исповедных росписей ижевского Александро-Невского собора и единоверческой Пророко-Ильинской церкви. На них-то будут основаны мои дальнейшие статистические выводы¹³...

¹ В нагорных обществах среднее число жильцов в действительности гораздо больше, т.к. почти все временные жители завода, избегая болотистой местности, только здесь поселяются на квартирах. Здесь же обязательно расквартировывается между прочим и небольшая местная воинская команда (до 200 человек).

² Бывали примеры продажи целой усадьбы за штоф водки и за пятьдесят копеек деньгами!

³ В течение первой аренды один год (1871) был холерный и смертность в заводе возросла в этом году до 54 чел. на 1 000, но зато в 1863 г. в заводе была эпидемия болотных горячек, во время которой смертность достигла до 61 на 1 000. Сравнение, следовательно, оказывается, еще более не в пользу последнего пятилетия.

⁴ Такое число рабочих едва ли мог бы и доставить завод, по составу своего народонаселения, но ему помогли в этом случае разразившийся в Вятской губернии голод и приостановка работ на соседнем Воткинском заводе.

⁵ Это видно из следующего сопоставления цен, существующих в заводе теперь и существовавших пять лет тому назад и 20 лет назад – при казенном управлении:

	В 1857	В 1873	В 1878
Ржаная мука пуд.	15 к.	50 к.	90 к.
Хлеб печеный пуд.	40 к.	60 к.	1 р.
Пшеничная мука простая пуд ...	35 к.	60 к.	1 р. 50 к.
Крупчатка пуд.	1 р.	2 р.	3 р.
Солод пуд.	25 к.	80 к.	1 р. 60 к.
Крупа овсяная пуд.	40 к.	85 к.	1 р. 20 к.
– ячная.	30 к.	60 к.	1 р.
– гречневая.	35 к.	85 к.	1 р. 20 к.
Мясо пуд.	90 к.	2 р. 40 к.	3 р. 20 к.
Масло скоромное пуд.	4 р.	8 р.	10 р.
Картофель, ведро.	5 к.	12 к.	20 к.
Овес овинный.	10–12 к.	35 к.	50 к.
Мыло, пуд.	3 р.	4 р.	5 р. 20 к.
Сено, пуд.	5–7 к.	15 к.	20–25 к.
Дрова, сажень.	50 к.	1 р. 25 к.	1 р. 75 к.

⁶ Для приемного покоя, который содержится на счет заводоуправления, приводятся точные цифры; для земской больницы – приблизительные и в круглых числах, по неизвестности, какой процент составляют здесь больные из прилежащих к заводу деревень, а также лица других сословий, непричастные к фабричному делу.

	В земской больнице	В приемном покое завода	Всего
В 1874.	3 800	1 944	5 744
1875.	3 900	2 289	6 189
1876.	4 000	2 472	6 472
1877.	4 000	4 183	8 183
1878.	4 500	6 990	11 490

⁷ В заводе всегда было очень трудно определить с точностью влияние различных видов работы на здоровье рабочих. Как прежде, так и теперь это зависит от частых перемен личного состава отдельных мастерских. В прежнее время оружейник становился на сдельную плату не ранее, как научившись делать от руки целое ружье, и не составляло большой разницы поставить его сегодня разрабатывать ружейный замок, завтра – прибор и т.д. Теперь состав мастерских может изменяться еще легче, так как все почти виды работы получили однообразный характер

и требуют от рабочего весьма незначительной подготовки. Влияние их на здоровье также довольно однообразно. По всем мастерствам встречаешь теперь станки и станки; везде люди теснятся, как сельди в бочонке; везде воздух испорчен до последней степени и человеческими испарениями, и от трения передаточных ремней, и от смазки движущихся беспрерывно механизмов. Летом везде, конечно, открыты настежь и двери, и окна, и сквозной ветер очищает воздух, наделая в то же время рабочих разнообразнейшими простудными болезнями. Для зимнего же времени на фабрике не существует почти никаких действительных приспособлений для искусственной вентиляции, и ничего нет удивительного, что обливающийся потом рабочий пользуется всяким случаем, чтобы выбежать на чистый воздух, не принимая, конечно, никаких предосторожностей от простуды. Но из всех видов работы на фабрике особенно невыгодно выделяются три следующие: во-1-х, мастерство ложевое, во-2-х, полировочное и точильное и, в-3-х, мастерская, где покрываются коробки, стволы и штыки ржавым лаком. В мастерских, где выделяются ружейные ложа, атмосфера наполнена тончайшей древесной пылью, которая проникает, по-видимому, до последних разветвлений дыхательных трубок. Постоянное раздражение этой пылью дыхательной слизистой оболочки переходит наконец на самую основу легких и составляет одну из причин распространения между рабочими катарально-интерстициальных легочных процессов. И в прежнее время замечалось уже было влияние этого вида работы на распространение легочной чахотки, но теперь березовые ложа заменены почему-то ореховыми, которые, при машинной разработке, дают и пыли гораздо больше, и пыль эта обладает более раздражающими свойствами, чем березовая. При работе в полировочной и в точильной мастерских рабочие вдыхают раскаленную от трения минеральную пыль (железо, точильный камень, наждак), и редкий из них, после нескольких лет работы, не страдает хроническим бронхитом или легочной эмфиземой. Кроме этого, искры, вырывающиеся струей более полуаршина в длину из-под пальцев рабочего, попадают нередко в глаза, обжигают кожу на руках и производят язвы, сведения и анкилозы пальцев. Но едва ли не самый вредный вид работы составляет знаменитый ржавый лак, пользующийся самой дурною репутацией между рабочими. И не даром! Тут есть все: и химическая порча воздуха, но не животными испарениями, а острыми парами минеральных кислот, и пыль окиси железа, которая тучами носится в воздухе и покрывает наконец все тело рабочего, и духота — оттого, между прочим, что мастерская имеет низкий потолок и помещается в верхнем этаже четырехэтажного корпуса — и, наконец, самая плохая заработная плата. Но, так как это самый простой вид работы, то мастерская всегда наполнена — по преимуществу детьми, а в последнее время и женщинами. Можно бы, пожалуй, прибавить сюда

еще и всю сталелитейную фабрику, с атмосферой, постоянно отравленной угольным чадом, но там, собственно говоря, не хворают, а – умирают скоропостижно от угара.

- ⁸ Между разными, до нелепости странными мотивами преступлений, не могу не рассказать здесь о следующем. Трое молодых рабочих (от 19 до 22 лет), с полуштофом водки и с двумя девушками отправляются днем на луга повеселиться. Подвыпивши, они начинают срывать со своих собеседниц дешевые украшения. Те сопротивляются и грозят пожаловаться. Одна из них наконец убегает. Другую, чтобы она не привела в исполнение своей угрозы насчет жалобы, убивают; преспокойно затем расходятся по домам и в тот же день все трое водворяются уже в острог.
- ⁹ Фунт свежей местной рыбы (окунь, язь, щука) стоит до 15 коп., привозной: судак до – 20-ти, стерлядь – до 35 коп. и дороже.
- ¹⁰ В протестантской Пруссии, по исследованиям Дитерици, приходится только 69 фунтов мяса в год на человека.
- ¹¹ Точных сведений и по этому предмету решительно нельзя добиться в заводе, если не основываться, конечно, на тех фантастических цифрах, которые доставляются ежегодно полицией – куда следует... Во всяком случае, судя по количеству коров, отдаваемых за пастухов, их должно быть гораздо более 3 000 на 3 870 дворов. На большое число коров в заводе указывает, между прочим, и то, что кринка молока (5 фунтов) стоит и теперь, несмотря на очень дорогой корм, от 5 до 6 копеек. Кроме коровы, в каждом почти хозяйстве можно встретить овец, иногда коз, свиней и проч.
- ¹² Из этого числа в Нагорной волости насчитывалось до 12 400 душ и в Заречной до 9 300 душ.
- ¹³ Раскольники (112 муж. и 121 д. жен. пола) не вошли в это число, по недостатку сведений о их браках, рождаемости и смертности. Что же касается сомнительной достоверности всех предыдущих цифр, то она не покажется странной тем, кто сам пробовал собирать у нас статистические сведения и должен был убедиться при этом на каждом шагу, что слова «официальный» и «точный» далеко не синонимы...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Болотные болезни на севере.

Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода.

Ивана Андржеевского. СПб. 1880 // Отечественные записки.

1880. Т. 249. № 3/4. Отд. XIV. [С. 99–102]

Несмотря на скромное название, исследование г. Андржеевского затрагивает и, по мнению автора, решает вопрос огромной важности. Перечисляя

результаты своих исследований, г. Андржеевский ставит пункт первый такого рода: «В числе тяжких недугов человечества болезни малярийные занимают одно из самых видных мест,... в особенности по тем более отдаленным, но неизбежным последствиям, которыми сказывается влияние этих болезней в смысле деморализации, ослабления физических сил и упадка экономического благосостояния стран болотных». В самом начале книжки г. Андржеевский указывает на несомненный, по его мнению, факт вырождения и даже вымирания населения Вятской губернии, вспоминает ее славную историю, энергию и смышленность первых поселенцев, «хлыновской вольницы», и спрашивает, куда девалось все это, и почему край дошел до современного жалкого состояния. Подробным исследованием Ижевского завода автор приводится к убеждению, что главная причина – влияние климата болотной страны. Вывод, несомненно, высокого интереса.

Воздавая полную справедливость интересному труду г. Андржеевского, нельзя, однако, не заметить, что это главное свое положение он обставляет доводами, далеко не вполне полновесными. Для читателя первым вопросом является: действительно ли вырождается, а тем паче вымирает население Вятской губернии? Автор вскользь отвечает, что фактов, указывающих на это, слишком много в отчетах земств и проч. Очень может быть, но если г. Андржеевскому угодно взять Ижевский завод за примерный образчик, нужно было ясно и убедительно доказать прежде всего, что факт вырождения и вымирания имеет место по отношению к этому заводу. В противном случае, выводы не будут иметь никакого отношения к тем местностям севера, где вырождение населения проявляется, несомненно. Между тем, от г. Андржеевского мы не узнаем даже движение народонаселения на заводе. Случайно говорится раз, что 30 лет назад, на заводе было 15 000 жителей (или даже «душ», без объяснения мужских или вообще, но, по смыслу, обоего пола), а теперь, как видно из таблички, около 23 000 человек. Очевидно, вымирания нет. Г.Андржеевский говорит, что в прежние времена население завода вымирало настолько, что его приходилось «беспрерывно» укомплектовывать новыми переселенцами. Но что значит «беспрерывно»? Каждый ли год или может быть два-три раза за все время существования завода, и действительно ли новые рабочие требовались вследствие вымирания старых, а не благодаря расширению производства? Все это остается покрыто мраком неизвестности. Далее, диаграмма смертности показывает скорее ослабление ее, чем увеличение. Оказывается, что по пятилетиям с 1840 до 1878 года один умерший приходится на 20, 24, 19, 23, 25, 24, 27, 23 жителей. Заметно, скорее, уменьшение и уж, во всяком случае, не повышение. Касательно эпидемий (малярийных болезней), мы узнаем, что они в сороковых годах были страшно сильны, но теперь уже давно не повторялись. Правда, г. Андржеевский предостерегает

нас не возлагать на это надежды и уверяет, что, при ухудшении санитарных условий, заметном на заводе со времени передачи его в аренду, взрывы эпидемии легко могут повториться. Опять-таки очень может быть, но этого еще нет, и пока мы скорее имеем право думать, что переселенцы, вымиравшие в первое время, теперь успели приспособиться к климату. Табличка обращавшихся за медицинским пособием, из которой видно, что число таких лиц за пять лет удвоилось, тоже неубедительна, ибо увеличение могло произойти просто от увеличившегося доверия к врачам. Остается затем глазомерное утверждение автора, что жители завода хиреют, что парни лет 18 смотрятся совершенными детьми и проч. Из этого мы видим только одно, что ижевское население слабо здоровьем, но не видим, что оно было крепче в старые времена; притом же заводские рабочие представляют такой же тип решительно всюду. Таким образом, вопрос о вырождении остается вполне открытым. Впрочем, если бы действительно ухудшение расы на заводе и давало себя чувствовать (чему, конечно, легко поверить), то оно слишком достаточно объясняется социальными причинами, на которые множество указаний дает сам г. Андржеевский. Завод, возникший при крепостном праве, сперва в виде помещичьего заведения, потом сданный в казну, испытал все удобства и неудобства такого положения. Насильственное переселение крестьян из центральных губерний в непривычную по климату и нездоровую местность, конечно, отразилось огромной смертностью в населении. Вместе с тем, однако, когда правительство стало серьезно относиться к заводу, от казны были предприняты многие улучшения в быте рабочих; они были обеспечены с материальной стороны, снабжены сносными жилищами, сироты и незаконнорожденные получали приют и воспитание, престарелые получали пенсии; медицинская часть была устроена на широкую ногу и проч. Затем, однако, условия работы все-таки оставались, конечно, очень неблагоприятными для здоровья. В 1866 году, завод был передан из казны в частные руки (в аренду). Рабочие стали «свободны». Новые хозяева не имели уже никакого резона заботиться о рабочих. Вместе с тем, необходимость приспособиться к вооружению новых образцов вынудила завод четыре раза перестраиваться, причем каждый раз масса рабочих оставалась без дела и без денег, так что многие даже выселились в Петербург и проч. Условия работы изменились к худшему еще по причине широкого применения машинного способа производства, малолетние и женщины стали употребляться на многие виды работы предпочтительно перед взрослыми. Вредная, ядовитая пыль, краска, испарения, чад сталелитейного отдела, где, по выражению г. Андржеевского, рабочие собственно не болеют, а умирают моментально, непосильный труд, подтачивающий слабый детский организм и истощающий женщину, производительницу нового поколения; все это стоит малярии и совершенно удовлетворительно объясняет

патологические явления, замеченные автором. К естественным последствиям капиталистического производства нужно еще присоединить влияние ложной цивилизации, проникающей на завод: страсть к нарядам и роскоши, заставляющая щеголять рабочих на трескучем морозе в открытых жилетах с манишками и сидеть на сквернейшей пище для того, чтобы обзавестись часами; стремление к кутежам «по-господски», размножение кабаков (при казне их было 4, с 1874 г. уже 88, теперь 116) и проч. Г. Андржеевский, увлекшись болотами, очень недостаточно исследовал вопрос о материальном положении населения. А между тем, это очень важно. Какова, например, пища рабочих? Г. Андржеевский полагает, что она хороша, основываясь на количестве мяса, продаваемого на местных рынках, и на многочисленности заводских огородов. Нечего и говорить, до чего натянуты такие соображения. Нужно было бы привести точное описание бюджетов рабочих и их стол. Ничего такого у автора нет. Движение заработной платы также неизвестно, и только мельком упоминается, что в 1874 году средний месячный заработок равнялся 12 р. 50 к., а в 1878 году 17 руб., причем колебался между 8 и 80 рублями. В то же время мы находим в книжке такие данные относительно повышения цен на припасы:

	1857 г.	1873 г.	1878 г.
Ржаная мука пуд	15 к.	50 к.	90 к.
Пшеничная мука пуд	35 к.	60 к.	1 р. 50 к.
Гречневая крупа	35 к.	85 к.	1 р. 20 к.
Картофель ведро	5 к.	12 к.	20 к.
Масло пуд	4 р.	8 р.	10 р.
Мясо	90 к.	2 р. 40 к.	3 р. 20 к.
Дрова сажень...	50 к.	1 р. 25 к.	1 р. 75 к.

Таким образом, в то время, когда заработная плата повысилась на 36 %, цены на припасы увеличились на 80 %, 100 %. В совокупности с прочими указанными условиями, получается картина вполне способная объяснить увеличивающуюся болезненность населения. Остается только пожалеть, что г. Андржеевский дает читателю фактов достаточно для того, чтобы видеть неосновательность соображений автора, но слишком мало для того, чтобы самостоятельно объяснить дело.

ОПИСАНИЕ ИЖЕВСКОГО ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО И ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА*

Е.

— 253 —

Въ нихъ встрѣчается вольность, которую новѣйшіе стихотворцы позволяють себѣ только, подражая стариннымъ, именно: переносятъ въ нѣкоторыхъ словахъ ударенія съ одного слога на другой, какъ на пр. *возгб-
ворилъ, мблodeцъ, дѣвица*.

Можно ли писать старинными пѣсенными стихами (не говорю уже о сказочныхъ) большія сочиненія? Сомнѣваюсь: они очень единообразны; къ помужь они не споль приличны какъ введенные Ломонозовымъ для описанія всякаго рода предметовъ, но болѣе способны для выраженія чувствъ горестныхъ.

Разсмапривая различные роды нашихъ стиховъ, кто не подивится ихъ разнообразію и вмѣстѣ, можеть бытъ, не пожалѣетъ, что наши стихотворцы такъ мало пользуются богатствомъ своего языка въ семъ отношеніи.

Дер. Самсоновъ,

К а з а н ь.

Описание Ижевскаго желѣзодѣлатель- наго и оружейнаго завода.

Прошедшимъ лѣтомъ (*) имѣвъ случай
бытъ на Ижевскомъ желѣзодѣлательномъ и

(*) Сіе относится къ 1816 году.

* См.: Вестник Европы. 1817. № 15—16.

оружейномъ заводѣ и доспапочно узнать оный, я кратко описалъ его, чтобы обратишь вниманіе публики на сіе заведеніе; ибо оно по испинѣ его заслуживаетъ.

1. *Описаніе внѣшняго вида.*

Ижевской заводъ находится Вятской губерніи въ Сарапульскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Ижѣ, въ приятной долигѣ, окруженной небольшими пригорками. Обширное озеро, болѣе шестидесяти верстѣ въ окружности, составляемое рѣчкою Ижемъ, придаетъ мѣстоположенію величественный видъ, а заведеніе снабжаетъ нужною водою. Заводъ, построенный въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка вытекаетъ изъ озера, окруженъ домами чиновниковъ, рабочихъ людей и прочихъ жителей, и походитъ на городъ. Число живущихъ здѣсь, включая временную и инвалидную команды, простирается до 8524 душъ; домовъ же, кромѣ фабричныхъ зданій, счисляется до 1710. Въ срединѣ оныхъ величественно возвышающіяся восемь каменныхъ, четверугольныхъ, со вкусомъ и удобно расположенныхъ зданій, въ дополненіе къ которымъ предположено въстроить со временемъ еще четыре. Главный, еще неоконченный четырехъ епашный корпусъ, составляющій центръ всей фасады, имѣетъ въ длину 53, а въ вышину, вмѣстѣ съ куполомъ и высокою на немъ башнею, простирается до 32 сажень. По бокамъ его

находятся два невысокіе, каждый въ 22 сажени длиною, флигеля, изъ коихъ къ лежащему на правой сторонѣ примыкаетъ трехэтажное, въ 33 сажени длиною, недавно окончанное строеніе. Точно такой же величины зданіе выстроится и по лѣвую сторону, чѣмъ и заключается цѣлая фасада, которая слѣдовательно будетъ имѣть въ длину 163 сажени.

Всѣ сіи зданія назначены для вмѣщенія мастерствъ оружейнаго завода. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ производится уже и нынѣ работа; ибо въ нихъ помѣщены сверильная, точильная и полировальная машины, винпорѣзные и шустровые станки, ложное, приборное и приладное мастерства.

Позади сего зданія находятся кузницы, литейная и магазины. Между первыми замѣчательна весьма хорошая, выстроенная изъ несгораемыхъ матеріаловъ, по манеру Англійскому, кузница, для опіковки всѣхъ ружейныхъ частей, о 96 горнахъ, въ коей производится уже работа (планъ LL). Не меньшаго вниманія заслуживаетъ, также изъ несгораемыхъ веществъ выстроенный, угольный сарай (планъ хх), вмѣщающій въ себя до 19000 коробовъ угля (каждый въ 20 пудъ). Уголь ввозится съ плошины въ верхнюю часть сего сарая, возвыщенную отъ полу на 5 сажень и состоящую изъ висячаго

съ перилами моста, проведеннаго кругомъ въ сараѣ. Съ сего моста сыплютъ уголь въ низъ, и наполняютъ онымъ всю внутренность сарая, нерѣдко и выше самаго моста на 3 сажени, такъ что угля можно навалить въ оный до 8 сажень въ вышину. Съ большаго удобностию вывозятся сей послѣдній, для употребленія, чрезъ сдѣланные въ нижней части сарая ворошты. Такой же сарай предположено выстроить и по другой сторонѣ.

Предъ вышеписаннымъ зданіемъ идетъ длинная прямая площадка, составляющая берегъ озера. По ней проложена улица на немалое пространство. Площина имѣетъ въ 4 мѣстахъ прорѣзы, чрезъ которые пропускается вода до фабрикъ, дѣйствующихъ водою (см. планъ, 4, 5). Такимъ образомъ, при помощи многихъ ларей (см. планъ, 3, 3, 3) всѣ части завода снабжаются водою, которая для желаемого дѣйствія машинъ выпускается по произволению въ большомъ или маломъ количествѣ.

Изъ краткаго сего описанія явствуется, что всѣ вышеупомянутыя зданія устроены на топъ конецъ, чтобъ, соединивъ всѣ работы желѣзодѣлательнаго и оружейнаго завода, составить со временемъ одно крайне удобное и прочное цѣлое. Но какъ сей планъ не совсемъ еще выполненъ, то нѣкоторыя рабо-

ны и производятся доселѣ въ прежнихъ деревянныхъ строеніяхъ. Онѣ находятся не-подалеку и заключають:

1. Большой корпусъ, въ которомъ замочно-опдѣльная и ствольно-опдѣльная мастерскія.

2. Небольшое зданіе, въ которомъ опашиваются стволы и шпыки, и помѣщена машина для полированія бѣлаго оружія.

3. Зданіе, въ которомъ находятся 24 сверильныхъ станка и 1 проволочной.

4. Зданіе, въ которомъ помѣщается шуспальная машина о 16 станкахъ и ножное мастерство.

5. Кузница съ горнами о 16 огняхъ. (Въ ней производятся различныя работы для опдѣлочныхъ фабрикъ.)

6. Столярная.

7. Мѣховая.

8. Кузница для опковки инструментовъ.

9. Литейная для латунной мѣди о 3хъ печахъ; къ ней же принадлежитъ фабрика для опдѣлки сей мѣди.

10. Литейная, въ коей производится въ двухъ печахъ опливка мѣдныхъ, къ ружьямъ и бѣлому оружію принадлежащихъ приборовъ.

11. Литейная для опливки чугуновыхъ вещей.

12. Сушильная для сушки ложъ.

13. Заводская кузница, въ которой производится всякая опковка, потребная для завода.

14. Кузница, въ которой устроены два хвостовыхъ молота для заварки стволѣвъ.

15. Кричная фабрика, въ коей производится ковка кричнаго желѣза, выдѣлка уклада и спали, желѣзныхъ тяжелыхъ вещей для заводскихъ машинъ, ствольныхъ пластинокъ и лапуной мѣди.

16. Одинъ сарай для пробы 300 ружейныхъ стволѣвъ.

17. Металлическій магазинъ, въ коемъ хранятся не только различной доброты желѣзо и спаль, но и всѣ изъ оныхъ выдѣлываемые инструменты и обракованныя вещи. Онъ довольно обширенъ, имѣетъ 3 этажа со многими отдѣленіями, въ которыхъ все расположено приличнымъ образомъ. Къ сему собственно называемому заводу принадлежатъ еще рядъ казенныхъ строеній, идущихъ по правой и лѣвонной сторонѣ озера. Они суть: Ижевская оружейная Кантора, Казначейство, табулѣхота, и Управа Благочинія. При сей послѣдней есть сарай съ весьма хорошими насосами и другими пожарными инструментами. Зимой обыкновенно сто прошапливаютъ, и лѣтъ предохраняютъ воду отъ замерзанія; тутъ содержится всѣгодный караулъ. Далѣе идутъ дома чиновниковъ и наконецъ тюремный острогъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ сихъ зданій построены арсеналъ, въ коемъ хранятся, надлежащимъ образомъ смазывающіяся и прилично укладываемыя

ся въ спелажѣ оружія. Арсеналъ сей можетъ вмѣщать до 10,000 ружей. Потомъ слѣдуетъ провіантскій, четвероугольникомъ выстроенный магазинъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій, назначенныхъ для храненія муки. Каждое изъ сихъ отдѣленій помѣщаетъ въ себѣ не болѣе 240 кулей; они кладутся по обѣимъ сторонамъ, такъ что ихъ потчасъ можно сосчитать. Въ сихъ отдѣленіяхъ можетъ помѣститься муки до 400,000 пудовъ. Подъ однимъ изъ сихъ двухъ отдѣленій находится выходъ для храненія коноплянаго масла и другихъ вещей. Въ прешьемъ отдѣленіи, кромѣ хлѣба, нѣкоторая часть оного занята другими нужными, какъ для дѣйствія заводскаго, такъ и для снабженія служащихъ чиновниковъ и иностранныхъ мастеровъ припасами, какъ по : холстомъ, сукномъ, кожами, бумагою разнаго сорта, зерновымъ хлѣбомъ и тому подобнымъ. По срединѣ двора четвероугольникомъ выстроенъ домъ для смопришеля, а неподалеку отъ оного поставлены важни съ вѣсами для развѣски оппускаемаго провіанта.

На низменной части занимаемаго заводомъ мѣста находится гофшпигаль, состоящая изъ трехъ отдѣленій. Въ срединѣ помѣщена аптека, кухня и все, что относится къ хозяйству. По всей длинѣ зданія сего идетъ теплый корридоръ, на наружной сторонѣ коего

расположено по девяти комнатамъ, могущихъ вмѣстить до 500 больныхъ.

Въ двухъ верстахъ отъ завода находится кладбище. Здѣсь, на иждивеніи жителей заводскихъ, г. Архитекторомъ Дудинымъ выстроена небольшая каменная церковь. Мысль и отдѣлка небольшого храма сего показывающъ, что зодчій образовался въ Италіи. Поелику же при самомъ заводѣ божеспівенная служба совершается въ казенномъ каменномъ жиломъ, обращенномъ на время въ церковь домъ, то симъ же Архитекторомъ сдѣланъ планъ для большой каменной церкви. Г. Дудинъ выстроилъ еще каменное строеніе для училища, въ которомъ обучаются разнымъ, цѣли завода приличнымъ предметамъ, 139 мальчиковъ, подъ руководствомъ тамошнихъ прехъ достойныхъ духовныхъ особъ.

Теперь бросимъ взглядъ на низменную часть мѣста, занимаемого заводомъ, и замѣтимъ все, что заслуживаетъ здѣсь вниманіе. Хотя мѣсто сіе на болотѣ и доселѣ было покрыто лѣсомъ и кустарниками, но необходимость и вмѣстѣ польза принудили его застроить часнію съ давнихъ временъ и часнію нынѣ; а для ошвращенія здоровью угрожавшаго вреда, весь лѣсъ около сего мѣста вырубленъ и болота высушены спусканіемъ воды въ многочисленные каналы. Къ сему заводу принадлежатъ доспапочно количество

лѣсу, большею частію сосноваго; его считается до 135,000 десятиинъ. Для домашняго употребленія и на уголья ежегодно заготовляется изъ онаго до 16,900 куб. сажень. Угольевъ на заводѣ пребуется каждый годъ до 18,000 коробовъ, каждый въ 20 пудъ. А какъ изъ одной кубической сажени дровъ выходитъ угольевъ 4 короба, то для 18,000 коробовъ сожигается дровъ до 4,500 куб. саженьей. Въ водѣ жилиши недостатка не терпятъ; поелику, кромѣ 8 казенныхъ колодезевъ съ прекраснымъ бассейномъ, находяшися оныхъ еще 228 при самыхъ домахъ. Не смотря на сіе, предположено провесити воду вдоль улицъ трубами по низменной частии завода изъ ключа, выпекающаго близъ вѣзда въ заводѣ, и имѣющаго весьма хорошую воду.

II. Описаніе внутренняго устройства.

Служащихъ при заводѣ считается Шшабъ и Оберъ - Офицеровъ 42, духовныхъ особъ 6, Уншер - Шихтмейстеровъ 68, Маркшейдерскихъ учениковъ 14, приказнослужителей 3, лѣкарскихъ учениковъ 2, магазинъ-вахтеровъ 5, присяжныхъ 2, иностранныхъ мастеровъ 18 и рабочихъ 2847; сюда не включаются однаковъ 2 роты подвижной инвалидной команды съ 6 Оберъ-Офицерами. Рабочіе опредѣлены частію къ желѣзодѣлательному, частію желѣзоружейному заводу, и раздѣляются на цехи, а

№ 15 и 16.

С

сіи на мастерства, смотря по различію работъ. Къ желѣзодѣлательному заводу принадлежатъ 412 рабочихъ людей, кои раздѣлены на три цеха, а именно:

1) на кричный	-	-	-	-	-	151
2) кузнечный	-	-	-	-	-	99
3) попоржный	-	-	-	-	-	162

Всѣ они получающъ провіантъ и умѣренное жалованье.

Въ оружейномъ заводѣ находится, кромѣ 41 подмасперья, 2396 рабочихъ людей. Они раздѣляются на семь цеховъ, а именно:

На 1й ствольный	-	-	-	341
— 2 замочный	-	-	-	734
— 3 приборный	-	-	-	407
— 4 ложевый	-	-	-	206
— 5 бѣлаго оружія	-	-	-	206
— 6 инструментальный	-	-	-	176
— 7 попоржный	-	-	-	326

Сіи рабочіе состоятъ частію изъ мастеровыхъ, получающихъ плату поштучно, ш. е. задѣльщиковъ, и шаковыхъ счисляемыхъ до 1000 человекъ, частію же изъ помощниковъ и учениковъ, получающихъ жалованье помѣсячно; сверхъ того каждое мастерство состоитъ подъ надзоромъ одного, по большей части Нѣмецкаго, главнаго мастера, называемаго Директоромъ того мастерства.

На желѣзодѣлательномъ заводѣ изъ привозимаго съ Гороблагодапскихъ заводовъ чугуна вырабатываются желѣзо и сталь. Здѣсь изъ нарочно пригошовленнаго желѣза выковываются спивольныя пластинки, для коихъ берется по $14\frac{3}{4}$ фун. мягкаго желѣза надлежащей длины и ширины. При обдѣлкѣ ихъ должно теряться желѣза немного болѣе фунта, такъ чтобы по окончаніи работы пластинка вѣсила по меньшей мѣрѣ $13\frac{1}{2}$ фунтовъ. Потомъ тупѣ сѣю послѣднюю по различному направленію въ перпендикулярно стоящемъ столбѣ для того, чтобы болѣе увѣрилась въ мягкости желѣза, и видѣть, не имѣетъ ли она трещинъ. Годныя въ дѣло отправляются тогда же для сдачи въ магазинъ, изъ котораго потомъ въ оружейныя мастерства.

Съ желѣзодѣлательнымъ заводомъ имѣетъ тѣсную связь литейная для отливки латунной мѣди, гдѣ сѣя послѣдняя обрабатывается частію подѣ молотомъ, частію же чрезъ плющеніе между двухъ каменныхъ спанковъ.

Въ оружейномъ заводѣ *первой* цехъ есть важнѣйшій. Оружейныя спиволы приготавливаются въ немъ слѣдующимъ образомъ. Спивольныя пластинки раскаливши, сгибаются въ трубки на нарочно для сего сдѣланныхъ наковальняхъ; потомъ на желѣзныхъ (*) оправкахъ моло-

(*) Такъ называются желѣзные прутья, вокругъ коихъ загибаются пластинки.

тами завариваютъ ихъ. Послѣ сего отдаются они въ сверильную, гдѣ просверливаются 16ю различной величины горизонтально утвержденными, четырёхугольными, спальными, одно послѣ другаго по величинѣ своей расположенными и коноплянымъ масломъ смазанными сверлами, коими опредѣляется калибръ ствола. Высверленная трубка поступаетъ отсюда въ точильную. Здѣсь дѣлаются, для уравниванія стѣнъ ствола, сперва на ствольной трубкѣ въ четырёхъ мѣстахъ по калибру насадки, по которымъ послѣ и опачивается лишнее. Самое точеніе стволовъ производится помощію большихъ водою движимыхъ точилъ допослѣ, пока они не получаютъ надлежащаго своего вида и мѣры въ толщинѣ. Стволы изъ точильной отдаются въ шустовальную. Тутъ утверждаются они накрѣпко въ горизонтальномъ положеніи въ станокъ, и мало по малу внутри глядяся медленно движущимися, какъ около оси, такъ равно взадъ и впередъ шустами, состоящими изъ прямыхъ желѣзныхъ прутьевъ, имѣющихъ на концѣ шустъ съ рѣзцами. Шустовальная машина съ 16 шустами, расположенными пополамъ на обѣ стороны, соотвѣтствующими стволамъ, усовершенствована умершимъ механикомъ Г. Собакинымъ; наконецъ опилкою ствола снаряжи, приѣлкою казеннаго шурупа, просверливаніемъ заправки, выглаживаніемъ по-

средствомъ крововика, обдѣлка ствола въ ствольной - опдѣльной приводится къ окончанію. Прежде нежели стволъ поступитъ въ ствольной - опдѣльную, онъ долженъ выдерживать нѣкоторыя пробы, состоящія въ поѣркѣ прямизны его. Елико дѣлается всякой развѣ, когда онъ переходитъ изъ одной масперской въ другую; на сей конецъ берутъ натянутую на лучокъ струну, продѣваютъ ее сквозь стволъ, и смотрятъ, не уклонилась ли она гдѣ отъ своего направленія. Во время повертыванія ствола около струны кривизна его усматривается обыкновенно потому, что внутренняя поверхность на покривленномъ мѣстѣ выдается. Для выравниванія ствола употребляется нарочно для сего придуманная машина, а именно: кладутъ его между прехъ крючковъ, изъ коихъ среднимъ выдававшаяся часть давится къ верху, а двумя крайними гнется въ низъ, и стволъ необходимо выправляется, будучи крѣпко сжатъ винтомъ. Главная проба надъ стволомъ производится для узнаванія его крѣпости. При семъ случаѣ берутъ отъ двухъ до прехъ сошъ ствольныхъ, не имѣющихъ еще ни казенныхъ шурповъ, ни заправокъ; заряжаютъ каждый 6 золотниками пороха и 7-золотниковою пулею, ввернувъ напередъ въ казенную часть временные винты съ желобками вмѣсто заправокъ; укрѣпляютъ стволы между двухъ брусевъ, въ два ряда расположенныхъ въ сараѣ, изъ коихъ каждой имѣетъ полу-

круглые вырѣзки (спеляжи) для вложенія спиволовъ, приспавляющѣ казенную часть стволловъ съ временными казенниками къ узенькимъ бороздкамъ, усыпаннымъ пороховъ для того, чтобъ можно было ихъ скорѣе зажечь. Когда все такимъ образомъ устроено, пробный сарай запираютъ, и зажигаютъ пороховъ снаружи. Лишь только огонь дойдетъ до временныхъ казенниковъ, то стволы съ большимъ прескомъ разряжаются, и вылетающія пули ударяются въ сдѣланную противъ дула при стѣнѣ сарая земляную насыпь, въ которой и остаются. Негодные стволы, невыдержавъ силы пороха, разрываются, уцѣлѣвшіе подвергаются въпорично паковой же пробѣ; а иногда, если замѣченъ будещъ какой-либо недостатокъ, пробуютъ симъ образомъ и въ третій разъ. По окончаніи пробы, наложивъ клейма на стволы, отдаютъ ихъ опять на заводъ для окончательной опдѣлки. Въ замѣну стволловъ не выдержавшихъ пробы спивольной мастеръ обязанъ представить другіе.

Во второмъ цехѣ дѣлаются замки. Замочныя доски приготовляются прессомъ, подъ коимъ вырѣзываются онѣ въ грубомъ еще видѣ изъ раскаленныхъ желѣзныхъ пластинокъ; а послѣ сего подъ другимъ уже щипемпелемъ доски замочныя приводятся въ надлежащій видъ и форму.

Въ замочно - опдѣльной, съ помощію сверильныхъ станковъ, проверяются на до-

скахъ нужныя дыры, а самыя доски опи-
ваются и полируются. Тупѣ же при-
дѣлываются къ нимъ винты, пружины, курки, огни-
ва и проч. Послѣднія части, такъ какъ и
доски, по устройеніи нужнаго для сего числа
штамповъ, дѣлаются равномерно подѣ штем-
пелемъ. Послѣ сего замѣкъ отдается въ ка-
лишельное и чистильное мастерство.

Въ *пятомъ* (*) цехѣ пригошворяются
шпыки и бѣлое оружіе. Ихъ принимаютъ
отъ кузнецовъ вчернѣ, и опачиваютъ и свер-
лятъ пробки, подобно свѣламъ, на почи-
лахъ и сверильныхъ станкахъ, а потомъ по-
лируютъ на дубовыхъ кругахъ, обтянутыхъ
кожею и намазанныхъ наждакомъ. Прорѣзъ на
пробкѣ шпыка дѣлается напередъ на штам-
повой машинѣ въ два полько приема.

Въ *четвертомъ* цехѣ дѣлаютъ ложки
изъ березоваго дерева. Длина и ширина ихъ
опредѣляется калиберною доскою. Они об-
дѣлываются скобелью, рѣзцомъ, пилами и
подпилками. Ровность и гладкость при-
дается имъ посредствомъ напирания пол-
ченымъ стекломъ, на бумагу приклееннымъ;
цвѣтъ крѣпкою водою, а лоскъ деревяннымъ
масломъ. Изъ сего мастерства поступаютъ

(*) Сей безпорядокъ въ описаніи цеховъ сдѣланъ
для того, чтобы произведеніе работъ пред-
ставить въ естественномъ ихъ одна за дру-
гою послѣдствіи.

ружья въ прикладную; гдѣ приготавливаются уже окончательно для сдачи въ арсеналъ, сообразно установленной на приемъ ружей инструкции.

Въ *третьей* цехѣ производится опковка и опдѣлка желѣзныхъ и мѣдныхъ приборовъ, изъ которыхъ нѣкоторые мѣдные приготавливаются изъ латуновой мѣди, а другія опливаются въ формы, и потомъ опдѣлываются, полируются и шлифуются. Вещи изъ латуновой мѣди вырѣзываются штампомъ, и опдаются, какъ онѣ, такъ и другія, въ приемную для пересмотра и употребленія по мастерствамъ.

На приготовленные такимъ образомъ для ружей штыки шьются ножны. Въ такомъ видѣ отсылаютъ ихъ въ арсеналъ. По нынѣшнему калібру сдѣланное ружье со всѣмъ приборомъ въ силъ отъ 11 фунтовъ 70 золот. до 12 фунтовъ; стволъ же особо взятый 5 фун. 48 золотниковъ. Поелику для завода требуется очень много инструментовъ, которые надлежало бы выписывать изъ другихъ мѣстъ дорогою цѣною, то и устройтъ еще *шестой* цехъ, въ коемъ дѣлаются не только сверла, винно-рѣзныя доски, шиски, шисы, но и всѣ почти нужныя для общежитія вещи, какъ по : замки, ножицы и прочее; онѣ сортируются, хранятся въ особомъ магазинѣ и отпускаются по опредѣленной цѣнѣ.

Наконецъ *седмый* цехъ состоитъ изъ рабчихъ, употребляемыхъ въ постороннія работы, какъ то : при полиціи , для наблюденія чистоты при фабрикахъ, для карауловъ, для чищенія канавъ и при поспроеніи завода.

На содержаніе цѣлаго заведенія оппущается , по Высочайше конфирмованному штату въ 20 день Февраля 1807 года, 142,460 рублей, а именно : на жалованье чиновникамъ, плату рабочимъ и содержаніе конторы 82,460 руб. На содержаніе фабрикъ, жилыхъ покоевъ и на инструмены 60,000.

И того 142,460.

Кромѣ сей штатной суммы, получаемъ изъ Государственнаго Казначейства, выдается особо за всякую сдѣланную вещь изъ Коммиссаріата умѣренная плата по Тульской разцѣнкѣ, п. е. за гошовое ружье 12 рублей, 69 копѣекъ.

Жельзодѣлательной заводъ получаетъ сверхъ того еще 97,148 руб. 50 коп. на ремонтное жельзо.

Примѣчаніе. Хотя прошлаго 1816 года Ноября 10 дня частъ описанныхъ временныхъ деревянныхъ заводскихъ фабрикъ сгорѣла , однако работы ни мало оупъ сего неразстроились ; ибо нынѣ всѣ онѣ производятся въ каменномъ зданіи.

III. Историческое о заводѣ свѣдѣніе.

Когда войдешь въ заводъ и увидишь по всѣмъ онаго частямъ дѣятельность, устройство и согласный съ цѣлю порядокъ, споспѣшествующій лучшимъ образомъ къ сохраненію всѣхъ силъ и выгодъ; то поразишься удивленіемъ и невольнымъ образомъ скажешь, что сіе спройное цѣлое есть произведение ума необыкновеннаго. Узнавши же его исторію, удивишься еще болѣе тѣмъ переменамъ, которыя съ нимъ случились. Краткое обозрѣніе оныхъ послужитъ сему доказательствомъ.

До 1807 года здѣсь находился только желѣзодѣлательный заводъ, который получалъ чугунъ по большей части изъ Кушвы. До 1763 года онъ принадлежалъ фамиліи Шуваловыхъ; потомъ купленъ былъ въ казну; разоренъ во время бывшаго смущенія въ 1774 году; а въ послѣдствіи опять возобновленъ. По прожекту Обер-Берг-Гауптмана Дерябина въ 1807 году заведенъ былъ оружейный заводъ. На первое заведеніе онаго выдано было г-ну Дерябину изъ казны до 700,000 рублей, приписано 7000 рекрутъ для работъ. На содержаніе же онаго и одной роты военной команды опредѣлено было съ вышесписанною штатною суммою 152,388 руб. 55 $\frac{1}{4}$ коп. въ годъ.

Заводъ, по построеніи нужнѣйшихъ зданій, получивши нѣкоторое образованіе, по-

ступилъ въ вѣдомство Артиллерійскаго Департамента. Тогда Генералъ - Маіоръ Булыгинъ утвержденъ былъ Инспекторомъ завода, а Маіоръ Шейдеманъ начальникомъ оного. Въ сіе время заводъ доставлялъ очень малое количество ружей; а 1810 году, отъ случившагося въ Маѣ мѣсяцѣ пожара, магазины и большая часть жилищъ рабочихъ были испорчены.

Въ такомъ видѣ принявъ въ концѣ 1810 года оный заводъ нынѣшнимъ Инспекторомъ артиллеріи Полковникомъ Греномъ. Въ 1811 году заводъ получилъ новое образованіе и лучшее распоряженіе, а въ послѣдствіи времени изъ 22хъ цеховъ осталось 7, изъ 100 офицеровъ 47, изъ 70 иностранныхъ мастеровъ только 18, нужнѣйшіе по своему искусству. Сямъ удаленіемъ излишнихъ лицъ и распределеніемъ въ лучшее соотношеніе работниковъ возбуждена дѣятельность, дополь неизвѣстная. Слѣдствіемъ сего распоряженія было то, что въ первый 1811 годъ сдѣлано 3000, а въ слѣдующій 1812й годъ 7000 весьма хорошихъ ружей, копорыя и отправлены были въ Санктпетербургъ и въ армію. Изъ оснавшихся денегъ соблюдена значительная сумма, на копорую понынѣ построены вышеописанныя каменные заводскія зданія. На построеніе же оныхъ потребно было по смѣламъ болѣе 1,300,000 рублей. Заведеніе сіе дости-

гло еще до большей степени совершенства въ 1813 году, когда присланъ былъ въ заводъ Начальникомъ г. Малаевъ. Его неусып-ною дѣятельностію, соединенною съ великимъ знаніемъ въ заводскомъ дѣлѣ, работы производятся съ сугубою ревностію, начертываются еще новые планы и заводятся новыя работы и машины. Упомянемъ токмо о нѣхъ главныхъ работахъ, которыя восприяли начало свое въ послѣдніе 4 года при непрестанно продолжающейся стройкѣ. Кузницы, почильныя, сверильныя, шустовыя и штамповая машины исправлены и приведены въ дѣйствіе. Сверхъ сего вновь сдѣлано въ 1811 году 3 прорѣза, 2 шлюза и 1 ларь; вырыто 8 колодцевъ и водяной бассейнъ. По близости находившійся лѣсъ весь вырубленъ и болошистая пошва высушена; выстроены вновь магазинъ и сгорѣвшая часть обывальскихъ домовъ. И на всѣ казенныя заведенія употреблено съ небольшимъ 600 тысячъ рублей изъ разныхъ суммъ, въ заводѣ состоящихъ, отдѣляя отъ оныхъ по возможной части. Количество оружія ежегодно доставляемаго нынѣ весьма значительно, и возросло такъ, что въ нынѣшнемъ году заводъ уже въ состояніи поставить до 15,000 ружей, а въ послѣдствіи, по окончаніи всего строенія, будетъ доставляемо ежегодно до 50 тысячъ ружей.

Такая неусыпность и ревность, такое примѣрное безкорыстіе, принесшія уже столько много пользы, подають надежду, что начатыя предпріятія скорѣе приведены будутъ къ концу, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаетъ всякой истинный патріотъ. Желательно однакожъ, чтобы сіе къ совершенству приближающееся заведеніе скорѣе могло достигнуть своей цѣли; бѣднымъ же работникамъ, при насущной дороговизнѣ въ сѣверныхъ припасахъ и частіюпягоспной экономіи, нужно бы сдѣлать жизнь спокойнѣе, и такимъ образомъ осчастливити нѣсколько тысячъ полезныхъ людей. Е.

Казань.

ИЖЕВСК ГЛАЗАМИ ГОСТЕЙ

ИЖЕВСК–АРГЕНТИНА – МОСТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ С ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИМ РЕГИОНОМ

Я помню мой первый визит в столицу Удмуртской Республики Ижевск в начале лета 2004 года. К тому времени я занимал пост заместителя главы Миссии Аргентинского Посольства в Москве. У меня был достаточно хороший опыт поездок и работы с местными правительствами и университетами по всей Российской Федерации и даже в некоторых государствах СНГ, таких как Армения, Казахстан и Белоруссия. Но это был мой первый официальный визит в Ижевск, столицу республики, которая была закрыта для визитов иностранцев в Советском Союзе в период холодной войны в связи с наличием там предприятий оборонного комплекса.

Я был тепло встречен Андреем Чулкиным, ответственным за международные отношения в Администрации Ижевска. Андрей знаком с Аргентиной и Латиноамериканским регионом. Мы трудились над тем, чтобы установить рабочие отношения между посольством Аргентины и правительством Ижевска. В течение моего первого визита я встретился с Виктором Балакиным, и мы приняли программу сотрудничества, сделавшую Аргентину первым мостом между Удмуртией и Латиноамериканским регионом.

Учитывая успешный опыт Администрации господина Балакина в области сотрудничества с другими городами, мы решили установить братские отношения между Ижевском и Кордобой, столицей одной из наиболее индустриально развитых провинций Аргентины. Намерения были реализованы после подписания соглашения городов-побратимов в июле 2006 г., когда я, к сожалению, уже покинул Россию и вернулся на родину в министерство Иностранных дел Республики Аргентина.

С 2004 по 2006 г. я совершил несколько визитов в Ижевск. В 2005 г. я был приглашен как официальный гость на празднования дня города наряду с многими представителями других государств и гостями со всей Российской

Федерации. Это был прекрасный опыт не только с точки зрения заведения новых друзей в Ижевске, мы развивали коммерческие и культурные связи. Танго и неделя аргентинской культуры позволили лучше узнать друг друга.

Мне представилась возможность посетить Удмуртский государственный университет, его опытных и высококвалифицированных сотрудников, преподавателей, ректора и студентов. Я был поражен, как много студентов имеют представление об Аргентине и говорят по-испански. Я также должен упомянуть Международный Восточно-Европейский университет, его прекрасный музей. Мы работали вместе, чтобы способствовать сотрудничеству наших студентов и профессорско-преподавательского состава. Я помню успех многих культурных мероприятий.

В это время я был удостоен чести быть назначенным иностранным преподавателем Удмуртского государственного университета.

Аргентинское танго начало распространяться среди молодых людей, создающих культурные связи между нашими двумя странами. Но также после моих первых визитов мои коллеги из Венесуэлы и другие латиноамериканские дипломаты посетили Ижевск и открыли новые пути сотрудничества.

В 2006 г., перед моим отъездом из Москвы, 25 мая, в День Майской Революции, когда мы обрели независимость от Испании в 1810 г., я принял делегацию из Ижевска, включая мэра Виктора Балакина и его коллег. В сентябре 2006 г. у меня появилась возможность вернуться в Ижевск и прочитать лекцию в университете об Аргентине и Латинской Америке, и я был тепло принят ректором и профессорами.

Я никогда не забуду мой последний визит и отъезд из Ижевска, жизнь в городе и близкие друзья, обретенные здесь, под падающим снегом. Это мое последнее впечатление о вашем прекрасном городе и людях, открытых теперь всему миру, предлагающих дружбу и способных развивать новые направления сотрудничества по всему миру.

*Алехандро Арамбуру,
атташе по торговле Посольства Аргентины в Каракасе, Венесуэла*

ОТ АПЕННИН К (ПОЧТИ) УРАЛУ И ОБРАТНО. КАК Я ОТКРЫЛ ИЖЕВСК

Если бы я спросил моих студентов в университете Сиены (Италия), где находится Ижевск, немногие смогли бы ответить. Внутренняя география

огромного русского континента недостаточно хорошо известна большинству западноевропейцев. В действительности, даже я не знал о существовании этого города еще несколько лет назад. Как же случилось так, что я открыл этот город и познакомился с его университетом? Что ж, на самом деле, это именно Ижевск открыл Сиену, а не наоборот! В 1997 г. несколько отважных студентов Удмуртского государственного университета смогли организовать визит в наш университет. Все члены этой группы были такими славными и деятельными, что я решил нанести ответный визит и посмотреть, откуда же они прибыли. Я так же должен добавить, что мой интерес подогревался тем фактом, что во мне есть и русская кровь, так как моя прабабушка, Мария Зубова, родилась в Екатеринбурге до революции, а затем эмигрировала во Флоренцию. Наконец, благодаря приглашению моих русских друзей, в 1998 г. мне представился случай нанести ответный визит. В прошлом я уже посещал два крупных города – Санкт-Петербург (в то время Ленинград) и Москву, но это было мое первое настоящее путешествие в сердце России. После долгого путешествия на поезде, километров и километров лесов и полей, наконец, я достиг Ижевска. Первое впечатление было положительным: несмотря на ограниченные материальные ресурсы, университет выглядел хорошо ориентированным на активное развитие. На всех факультетах, куда я был приглашен, атмосфера была исключительно дружелюбной. Этот визит был достаточно коротким, но он оставил во мне сильное желание вернуться. Переписка с коллегами, в особенности с Владимиром Золотых, активно продолжилась, и вскоре пришло новое приглашение вновь провести время в Ижевске и провести несколько лекций. Я незамедлительно принял его, ведь мне очень хотелось узнать, как прогрессировал УдГУ в течение этого периода. У меня так же была идея продвинуться дальше на восток и достигнуть Екатеринбурга в поисках следов моих предков. Итак, зимой 2009 г. я отправился в новое путешествие. После короткой остановки в Москве я вновь взял билет на, так хорошо мне теперь знакомом, Казанском вокзале и отправился в Ижевск через заснеженную Россию. Первое же впечатление показало мне как много изменений и обновлений произошло с момента моего первого визита. Весь город выглядел значительно лучше. Положительное впечатление было подкреплено визитом в университет. Большинство зданий было перекрашено и отреставрировано. Исторический факультет встретил меня тепло, и я сразу был введен в положение дел. Особенно интересным было прочитать несколько лекций о политике Европейского Союза российским студентам и обсуждать то, как взгляды на Европу с Востока и Запада могут отличаться по некоторым позициям, но так же сходиться по другим. Я так же был удостоен чести встретиться с ректором университета и обсудить с людьми, ответственными за международные связи, важность возрастания обменов

между российскими и западноевропейскими университетами. С помощью прекрасной местной водки все вечерние встречи были особенно теплыми. У меня была возможность посетить так же другие факультеты и институты, но исторический факультет всегда будет среди самых дорогих воспоминаний. Под умелым руководством декана Н.Ю. Старковой команда молодых и инициативных преподавателей факультета создают живую и энергичную академическую среду, которая нацеливает на достижение высоких целей. И я уверен, что отношения между нашими университетами будут развиваться и в будущем. Знак тому – студент из Ижевска, получающий степень доктора политических наук в Сиене.

*Маурицио Котта,
директор Центра изучения политических перемен,
Университет Сиены*

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ УдГУ И ИЖЕВСКЕ

О посещении Ижевска и о сотрудничестве с коллегами и друзьями из Удмуртского государственного университета (Исторический факультет) у меня остались самые приятные воспоминания.

Мой первый визит в Ижевск совпал по времени с террористическими атаками 11 сентября 2001 года. Это был очень загруженный день преподавания в университете и замечательного торжественного приема в спортивном комплексе за городом, заверщенного посещением бани. Мои коллеги с Исторического факультета УдГУ всегда были самыми радушными и внимательными с гостями... Просто превосходными, должен я добавить!

Новость о терактах пришла, и это, без сомнения, было ужасно. Этот обжигающий опыт связал меня с Ижевском так, как вряд ли смогло бы сделать любое другое событие.

На следующий день я давал интервью местной прессе, и мои друзья были очень внимательны ко мне.

Мой второй визит произошел на следующий год, в то же время и мои внимательные коллеги предложили почтить память жертв минутой молчания. С того момента я посетил Ижевск в общей сложности пять раз для конференций, лекций и дружеских визитов, а я считаю моих коллег из УдГУ своими лучшими и преданными друзьями – особенно д-ра Владимира Золотых и его прекрасную семью.

Русское гостеприимство необыкновенное, теплое и притягательное. Я наслаждался русским расположением. Не думаю, что американец способен понять Россию и русских, но я верю, что на этом пути я продвинулся дальше, чем кто бы то ни было. И я верю, что потрясающий Исторический факультет делает для российско-американского взаимопонимания больше чем 100 дипломатов! Большую часть моего познавательного пути я проделал вместе с моими дорогими друзьями в Ижевске, в особенности в университете. Я с нетерпением жду возвращения и новой встречи с вами!

*Профессор Др. Стэнли К. Риджли,
Темплский Университет, Филадельфия, США*

ВПЕЧАТЛЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ИСТОРИЧЕСКИМ ФАКУЛЬТЕТОМ

Впервые я ступил на русскую землю в декабре 1995 г., когда я прибыл в Москву по пути к востоку в направлении Урала, в Ижевск и Удмуртский государственный университет. Всего за три недели до этого Др. Дэвид Робертс, мой коллега по Манчестерскому Метрополитэн Университету (ММУ), пригласил меня работать в качестве заместителя координатора в Совместном Европейском Проекте (Joint European Project, JEP) с местным Историческим факультетом. Это был предварительный визит для установления связей между двумя университетами, и для меня это было начало отношений с сотрудниками факультета, которые длятся и процветают по сей день. Мой поезд прибыл в Ижевск, и я был готов к легендарному холоду русской зимы, но не теплоте и гостеприимности и личной дружбе, которая началась в тот день.

Целью моего визита являлся отбор группы научных сотрудников для участия в проекте, в рамках которого они должны были периодически посещать мой университет для изучения британского опыта преподавания истории. Нам так же предстояло составить с профессором Владимиром Кананиным, программу мероприятий для тех, кто отправится в Соединенное Королевство. Я думаю, это было пугающей перспективой для всех вовлеченных сторон. Мой коллега Дэвид Робертс побывал здесь ранее и спланировал совместный проект с Факультетом профессионального иностранного языка. В отличие от меня, он был в курсе JEP, но он не был историком, я был историком, но ничего не знал о JEP – добавим к этому то, что никто из нас не говорил по-русски! Думаю, русские историки тоже были встревожены: за редким исключением

никто из них не говорил по-английски. В начале, каждый из нас наверняка посчитал ситуацию весьма нервной, но за нас взялись Мария Малетова (ФПИЯ) и всесторонне одаренный Андрей Прокопьев, которые эффективно навели мосты над лингвистической пропастью. Все начиналось напряженно и официально, но скоро все изменилось.

Между совещаниями мы наслаждались исключительным русским гостеприимством. Наши дни начинались с невероятного русского завтрака – к концу трапезы надо бы спать, а не проводить совещания. Большинство вечеров включали праздничные ужины в чьей-нибудь квартире, прекрасная возможность многократно «поднимать бокалы» (очень русская привычка, к которой я быстро пристрастился) в прекрасной компании. Мы обменивались семейными фотографиями и стали друзьями. Снаружи лед и снег, мороз, пробирающий до костей, но внутри ижевские вечера были теплыми и веселыми. Запланированная работа для визитов в Великобританию была сделана между банкетами и осмотром достопримечательностей. Это было превосходное приключение, и я почувствовал новую эру в англо-российских отношениях.

В течение визита в Национальный музей Удмуртской Республики выяснилось, что я был их первым посетителем из Англии – книги были подписаны и подарки вручены. Мы также провели много часов в Лудорвае (местная деревня) – традиционная музыка, танцы и телевизионная команда! Казалось, каждая семья в деревне делает собственную водку и нас предупредили, что отказ от напитков, которые предлагала каждая семья, мог быть воспринят как оскорбление – так что вновь и вновь я не отказывал. Вскоре начались танцы – удмуртские и английские народные песни – все записывалось на телевизионные камеры. В конце концов, торжественным завершением стала просьба телевизионного продюсера записать новогоднее послание россиянам – и я знаю, что я сказал, лишь потому, что несколько месяцев спустя получил видеозапись всего события.

Мы столько всего успели сделать за время моего первого визита, и спустя несколько месяцев настала моя очередь ответить гостеприимством, когда «Великолепная Семерка» проводила большую часть времени в кампусе, где я работал. Было много работы, но так же было и много веселья, мы посетили много мест, включая несколько пабов, где некоторые очень полюбили хорошо известный напиток под названием Guinness. И хотя мы не попали на британское телевидение, два члена группы дали интервью на радио ВВС. Позже приезжали группы поменьше и индивидуально. Я вышел на пенсию в 2001 г., но другие проекты университета привели некоторых из «Великолепной семерки» в Великобританию и они посетили мой новый дом в Энглси, Уэльс – теплота нашей дружбы продолжает жить.

С 1995 г мне посчастливилось совершить еще два визита в Ижевск. В первом случае, апрель 2000 г., я дал серию лекций, посетил несколько школ и

встретился с друзьями. Было здорово вернуться и удивительно обнаружить так мало снега в городе. К моменту моего последнего визита я уже вышел на пенсию и начал устраивать свою карьеру художника в Северном Уэльсе. Одной из причин этого визита было желание установить связи между ижевскими художниками и уэльскими; у меня была приятная и дружеская встреча на Факультете искусств и дизайна и в городской Галерее. Прежде всего, было прекрасно встретить старых друзей и завести новых. Их великодушные и гостеприимство было прекрасно, как и всегда.

Во многом, казалось, что в период между 1995 и 2005 гг. мало что изменилось. Веселость, расположение и великодушные моих друзей осталось прежним. Я познакомился с их семьями, а они с моей. С первого взгляда казалось, что Исторический факультет остался прежним: теплый и дружелюбный, внутреннее убранство и мебель немного неряшливы (но дамы так же привлекательны, как и всегда). Однако, компьютеры уже не были редкостью. Многие говорят на английском. Однажды кондуктор трамвая начала со мной оживленную беседу на превосходном американском английском, сказав: «Эй, что ты думаешь о нашем безумном городе?».

И хотя я поддерживаю связь с Владимиром Золотых, прошло вот уже пять лет с моего последнего визита. Я надеюсь вернуться. Мой младший сын подхватил мою «инфекцию» и говорит мне, что хочет посетить Ижевск больше, чем любое другое место в мире. Он поймал нечто магическое от своего отца. Что-то, начатое в 1995 г., еще незавершенно и я чувствую, мы должны вернуться.

С наилучшими пожеланиями.

*Аллан Редферн,
Манчестер, Великобритания*

ВОСПОМИНАНИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ПАРТНЕРСТВЕ С УДМУРТСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ

В 2002 г. Манчестерский Метрополитен Университет совместно с Хельсинкским Университетом предложил мне координировать проект Европейского Союза Темпус для создания Центра социальной политики в Удмуртском Государственном Университете в Российской Федерации. Я был взволнован возможностью восстановить контакты с Россией, страной, так долго интриговавшей меня.

Впервые я посетил Россию в 1980 г., в период коммунистической эры, посредством культурных и профессиональных обменов Манчестерского Городского Совета с Ленинградом (Санкт-Петербург). Это была возможность оказаться по ту сторону знаменитого «Железного Занавеса» и создать свое собственное впечатление о социально-экономической сфере жизни в коммунистическом обществе.

Проект Темпус предоставил возможность познакомиться с другой Россией. Россией, меняющей очертания под натиском посткоммунистических реформ и неопределенности. Еще более привлекательной была возможность работать с профессорско-преподавательским составом, политиками, высшими должностными лицами правительственных и неправительственных организаций в области возникающих социальных профессий в той части России, о которой я почти ничего не знал. Для меня в начале нового тысячелетия Республика Удмуртия, город Ижевск, его жители, культура и интеллектуальные традиции были совершенно неизвестны.

Я надеялся, что мой профессиональный опыт работы в органах местного самоуправления по осуществлению социальной политики в Великобритании, так же как и мой академический интерес в сфере социологических и политических теорий, международного распространения идей социальной политики позволит создать условия для взаимного обмена опытом и учредить эффективный Центр Социальной политики в УдГУ.

Сомнения осложняли эту и без того непростую задачу. Насколько уместным будет опыт социальной работы и создания социального государства в условиях процветающей западной экономики для общества, борющегося с экономическими и социальными трудностями посткоммунистического периода? Не будет ли искреннее желание поделиться и использовать опыт и традиции воспринято, как бесчувственное почти неокOLONиальное начинание в сфере строительства социальных институтов и инфраструктуры, не взявшее в расчет социальные и экономические условия.

Годы реализации обменных программ, развивших официальные отношения, также установили дружбу и совместные академические интересы, и я понял, что мои страхи беспочвенны. Мой личный опыт и опыт множества людей из Манчестера, Хельсинки и Ижевска, уделивших столь щедро свое время и знания, были необходимы возникающему образовательному центру, желающему проверить идеи и практику.

Только время сможет показать, принесут ли различные инициативы по развитию курсов, технические знания и профессиональная практика в области социальной политики и социальной работы, плоды жителям Удмуртии. Некоторые данные академических анализов уже опубликованы и в скором времени социальная работа преподавателей, региональных и городских долж-

ностных лиц и неправительственных организаций, покажет, было ли время и усилия в Удмуртии потрачены с пользой.

Для меня и для многих жителей Манчестера и Сэлфорда, принявших участие в проекте, впечатления носят неформальных и личный характер.

Наши русские друзья готовы были заниматься неизбежной бумажной работой международной программы в условиях, далеких от идеальных. Трудности, связанные с особенностями системы оценивания в английских и российских университетах, решались с юмором. Обязательное заполнение личных дневников и отчетов о визите проходило в прекрасной дружественной атмосфере.

Возможности культурного обмена. Русские тосты – настоящее искусство, одновременно сложное и увлекательное!

Невозможно забыть баню в удмуртской деревне, как нельзя забыть и приготовление традиционных удмуртских блюд под строгим руководством хранительниц традиций деревни.

Круглые столы со студентами Исторического Факультета, Института педагогики, психологии и социальных технологий способствовали процессу обучения и были потрясающими, несмотря на сложности, которые возникали у переводчиков с тонкостями английской лексики социальной сферы. Мы всегда будем благодарны сотрудникам и студентам Факультета Профессионального Иностранного Языка за их мужественную работу в поддержании коммуникации на протяжении презентаций, зачастую длительных и сложных. Вот у кого не было возможности заснуть на них!

Не могу не упомянуть вклад членов общественных организаций Удмуртии. Вклад общества в сферу социального обеспечения становится все более важным, так как ресурсы и компетенция государства по удовлетворению всех потребностей социальной сферы все чаще ставится под сомнение как в странах Западной, так и Восточной Европы. Члены общественных организаций посвятили много времени и средств для решения проблем, которые часто не замечаются или непопулярны среди остальной части общества. Я надеюсь, что те, кто участвовал в обменах, найдут идеи и подходы, которые оказались полезными для Ижевска, полезными для региона в целом.

От имени всех, кто принимал участие в проекте от Манчестера и Сэлфорда, я желаю всем, кто присоединился к совместному образовательному проекту, всего самого лучшего. Спасибо вам за сотрудничество с теми из нас, кто работал и способствовал проекту в Хельсинки и Манчестере.

*Тони Сарджант,
Манчестер, Великобритания*

СОДЕРЖАНИЕ

Доклад Главы муниципального образования г. Ижевск Виктора Васильевича Балакина	3
Приветствие заместителя Главы администрации г. Ижевска Александра Семеновича Прозорова	7
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИЖЕВСКА	9
<i>Тойкина Н.В.</i> «...На реке Ижу... завод построить дозволить...»: история Ижевска в документах Архивного фонда Удмуртской Республики	9
<i>Пислегин Н.В., Зайцева Е.Н.</i> Аграрное сопровождение российского горного города в первой половине XIX в. (на примере Ижевского и Воткинского заводов)	17
<i>Ренев Е.Г.</i> Ижевские заводы в 1816–1817 гг. и основные тенденции развития производства стрелкового оружия в первой половине XIX в.	25
<i>Лигенко Н.П.</i> Развитие частновладельческой промышленности в селе Ижевском в первые пореформенные десятилетия XIX в.	35
<i>Шумкин Г.Н.</i> К вопросу о специфике индустриального развития Ижевского сталелитейного завода в конце XIX – начале XX в.	41
<i>Липина С.А.</i> Модернизационные процессы на Ижевских оружейном и сталелитейном заводах накануне Первой мировой войны	54
<i>Маратканов В.</i> К вопросу о социально-экономических условиях жизни ижевских оружейников	66
<i>Ветошкина О.В.</i> Резервационный процесс рабочих оборонных предприятий Удмуртии	74
<i>Шраменко С.Ю.</i> К истории развития электротранспорта в Ижевске	79
<i>Дмитриев П.Н.</i> Кадровые организации в Ижевско-Воткинском районе в 1917–1918 гг.	82
<i>Коробец А.С.</i> Влияние гражданской войны на систему власти Вятской губернии: организация чрезвычайных органов и их роль в январе-июле 1919 г.	92
<i>Вычугжанина А.С.</i> Сарапульский уездный революционный трибунал в 1918–1920 гг.	98

<i>Бакулин В.И.</i> Кадровые проблемы Вотской автономии в период ее становления (конец 1920-го–1921-й гг.).....	102
<i>Викулов В.А.</i> К вопросу о борьбе ВКП(б) с меньшевиками Ижевско-Воткинского района в годы НЭПа	112
<i>Бехтерев С.Л.</i> Эволюция политико-административного статуса Ижевска.....	115
<i>Ложкина И.А.</i> Роль исполнительной власти в организации работы детских домов и интернатов в годы Великой отечественной войны на территории Удмуртской АССР	123
<i>Тенсин М.В.</i> Развитие структуры местного самоуправления в городе Ижевске: политико-правовые аспекты	129
<i>Баутина С.Л.</i> Из политической истории Ижевска: становление партийной системы в начале 90-х гг. XX в.	139
<i>Александрова Л.А.</i> Ижевск как центр профсоюзной жизни Удмуртии 1990-х гг.	145
<i>Бобков А.А.</i> Стратегия и практика вовлечения студенческой молодежи в политическую жизнь страны (на примере г. Ижевска)	150
<i>Родионов Н.А.</i> Участие предприятий Ижевска в военно-техническом сотрудничестве России с зарубежными государствами (XIX – начало XXI в.).....	159
ИЖЕВСК В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА	166
<i>Шумилов Е.Ф.</i> Основание Ижевска: предпосылки и прообразы, владельцы и первопоселенцы.....	166
<i>Кобзев И.И.</i> Петербургская регулярность: ижевский вариант.....	171
<i>Санникова Т.О.</i> Пространственно-временные координаты Ижевска	179
<i>Бехтерева Л.Н.</i> Ижевск на рубеже XIX–XX вв.: население и пространство провинциального города	182
<i>Копинова Н.С.</i> Общественные организации на Ижевском заводе в конце XIX – начале XX в.: общество взаимопомощи на случай смерти (Похоронная касса)	193
<i>Туркевич Л.Б.</i> Ижевские оружейники Боде из немецкого города Херцберга	200
<i>Машковцев А.А.</i> Евангельские христиане Ижевска в начале XX в.	207
<i>Зайнуллина Ю.С.</i> Опыт развития системы профессионально-технического образования в Ижевске в середине 1950-х – середине 1960-х гг.	213
<i>Степанова Н.Ю.</i> Программная политика Ижевской студии телевидения: начало становления телепередач (1956–1960-е гг.)	222
<i>Поздеев И.Л.</i> Особенности адаптации городских удмуртов	230
<i>Халявин Н.В.</i> Интернет-история Ижевска (обзор ресурсов)	238
<i>Старкова Н.Ю.</i> Античные образы на улицах Ижевска: призрак бродит из Европы.....	243
<i>Пахомов С.В.</i> Ижевский алфавит.....	247

<i>Зеленина Т.И., Полянцева Д.Г.</i> Интернационализация русской лексики: эргонимия (на материале названий коммерческих объектов сферы обслуживания г. Ижевска).....	257
<i>Макаров Л.Д.</i> Археологическое исследование в исторической части города Ижевска: итоги, утраты, перспективы.....	266
<i>Соловьева Э.Д.</i> Погребальный обряд Троицкого (Нагорного) кладбища г. Ижевска (XIX–XX вв.).....	284
<i>Зайцев Н.И.</i> Нумизматический материал Троицкого кладбища г. Ижевска.....	291
<i>Кобзев И.И.</i> Ижевск: В поисках своего «лица».....	295
<i>Юрпалов А.Ю.</i> Свято-Михайловский собор г. Ижевска: попытка спасения	307
ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОРОДА	313
<i>Александров Ю.В.</i> Современная урбанизация и будущее российских городов	313
<i>Жих М.И.</i> К проблеме возникновения Новгорода в контексте централизаторской политики киевских князей середины X – начала XI в.	320
<i>Скобелев А.В.</i> Социальный состав городской общины средневековой Руси: к вопросу о содержании понятия люди	327
<i>Мусихин А.Л.</i> «Просторечии именуется Вяткою» (К вопросу о первоначальном названии города Кирова).....	333
<i>Балыкина М.И.</i> Нижегородский служилый «город» (по материалам десятины 1622 г.).....	344
ПУБЛИКАЦИИ.....	353
<i>Андржеевский И.И.</i> Болотные болезни на севере. Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. С.-Петербург. 1880.....	353
<i>Е.</i> Описание Ижевского железоделательного и оружейного завода	373
ИЖЕВСК ГЛАЗАМИ ГОСТЕЙ.....	394
Ижевск–Аргентина – мост к сотрудничеству с латиноамериканским регионом	394
От Апеннин к (почти) Уралу и обратно. Как я открыл Ижевск.....	395
Мои впечатления об УдГУ и Ижевске.....	397
Впечатления о сотрудничестве с Историческим факультетом	398
Воспоминания и впечатления о сотрудничестве и партнерстве с Удмуртским государственным университетом	400

Для заметок

РОССИЙСКИЙ ГОРОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

*материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 250-летию г. Ижевска
(Ижевск, 25–26 сентября 2010 г.)*

Сборник статей

Оригинал-макет, компьютерная верстка – *И.В. Широбокова*
Дизайн обложки – *В.Е. Романов*

Подписано в печать 18.11.2010. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура типа Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 27,8.
Тираж экз. Заказ №

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук.
426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Отпечатано в ОАО «Ижевская республиканская типография».
426057 Ижевск, ул. Пастухова, 13.